

Г.В.Самойленко

Николай Гоголь и Нежин

Нежин - 2008

УДК 821.161.1+94(477.51)
ББК 83.3(4Рос)5+63.3(4Укр-4Чр)
С 17

Книга печатается по решению Ученого совета Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя
Протокол №4 от 29.11.2007 г.

Рецензенты:

доктор филолог. наук, профессор **Кирилюк З.В.**,
доктор филолог. наук, профессор **Арват Н.Н.**,
канд. филолог. наук, доцент **Жаркевич Н.М.**

Ответственный за выпуск:

заслуженный работник просвещения Украины,
канд. филол. наук, доцент **Никоненко П.М.**

Самойленко Г.В.

С 17 Николай Гоголь и Нежин. – Нежин: Издательство НГУ им. Н.Гоголя,
2008. – 312 с.

В книге использованы фото
И.Я.Довгоброта, И.И.Лапина, Т.Д.Пинчук, а также архивные материалы

ISBN ___ - ___ - ___ -

В книге на широком документальном материале раскрывается место и роль города Нежина в жизни и творчестве Н.Гоголя, а также освещается учеба, театральные, художественные увлечения будущего писателя и его товарищей, их первые литературные опыты периода пребывания в Гимназии высших наук кн.Безбородко (1821–1828 гг.), а также связь Н.Гоголя со своими товарищами в Петербурге. Особое внимание обращается на увековечивание памяти Гоголя в Нежине и изучение его наследия.

ISBN ___ - ___ - ___ -

ББК 83.3(4Рос)5+63.3(4Укр-4Чр)

© Издательство НДУ им. Н.Гоголя, 2008
© Самойленко Г.В.
© Фото Довгоброта И.Я., Лапина И.И., Пинчук Т.Д.

И сияй, и светлей
Незабвенный Лицей,
Знаменитый Лицей Безбородки!
Где окреп, возмужал
Тот, кто выше похвал,
Дивный Гоголь, из гениев гений...

Н.Гербель

Был Гоголь с нами много лет.
И ныне Гоголь перед нами.
Ему почёт, ему привет
Достойным делом и речами...

Л.Глебов

НЕЖИН ГОГОЛЕВСКОГО ВРЕМЕНИ

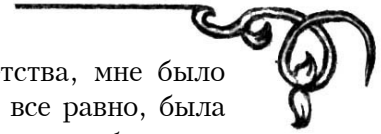
Весна 1821 года была холодной и затяжной. Никак не мог прогреться воздух. Утренние часы были холодными. Мария Ивановна с Василием Афанасьевичем, снаряжая Николку в Нежин на учебу, одели его потеплее.

Желтая колымага проследовала Киевские ворота в Нежине, направилась на центральную, мощеную брёвнами улицу и приблизилась к красивому белокаменному величественному строению Гимназии высших наук кн.Безбородко, которая открылась 4 сентября 1820 г. С колымаги вывалился закутанный в платки мальчик, поддерживаемый слугой из крепостных.

Так Николай Гоголь оказался в Нежине, в котором он будет учиться с 1 мая 1821 по 27 июня 1828 года. Приедет он двенадцатилетним мальчиком, а уедет повзрослевшим девятнадцатилетним юношей с романтическими мечтами о служении Отечеству [1].

Н.Гоголь прожил в Нежине семь лет. За это время он смог не только познакомиться с городом, но и познать его историю. Правда, все это делалось не сразу. Он был любопытен ко всему незнакомому, необычному, притягивающему внимание. Все до мелочей интересовало его, становилось предметом познания. Позже в одном из авторских размышлений Н.Гоголь признавался: “Прежде, давно, в лета моей

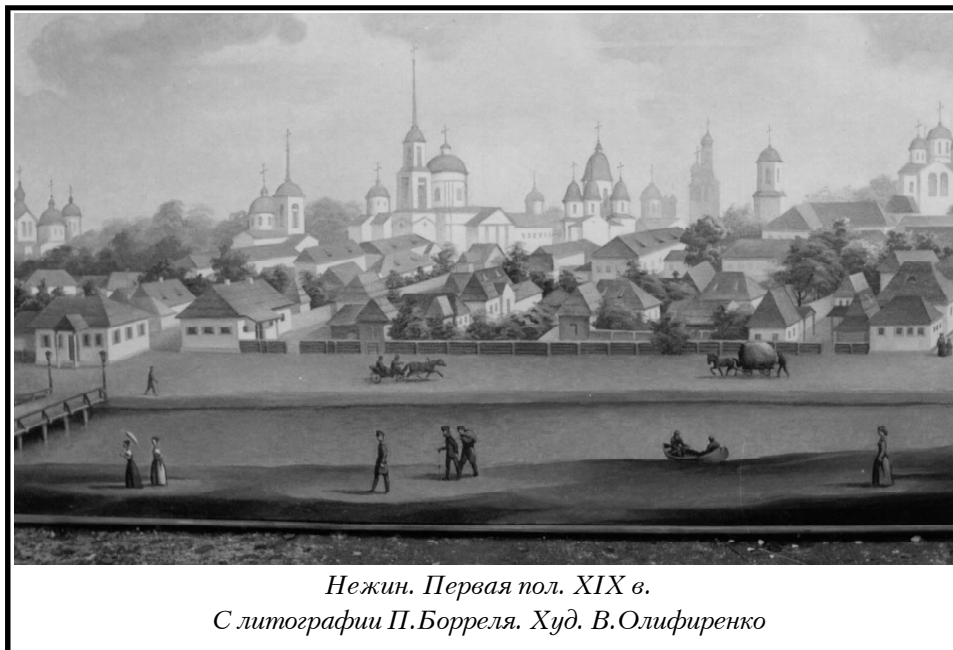

юности, в лета невозвратно мелькнувшего моего детства, мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту: все равно, была ли то деревушка, бедный уездный городишка, село ли, слободка, – любопытного много открывал в ней детский любопытный взгляд. Всякое строение, все, что носило только на себе напечатленье какой-нибудь заметной особенности, – все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный дом, известной архитектуры с половиною фальшивых окон, один-одиошенок торчавший среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажных мещанских обывательских домиков, круглый ли правильный купол, весь обитый листовым белым железом, вознесенный над выбеленной, как снег, новою церковью, рынок ли, фронт ли уездный, попавшийся среди города, – ничто не ускользало от свежего тонкого внимания...” [2].

“Небольшой рост, худой искривленный нос, кривые ноги, хохолок волос на голове, не отличавшийся вообще изяществом прически, отрывистая речь, беспрестанно прерываемая легким носовым звуком, подергивающим лицо, – все это прежде всего бросалось в глаза. Прибавьте к этому костюм, составленный из резких противоположностей щегольства и неряшества – вот каков был Гоголь в молодости” [3]. Таково первое впечатление от Гоголя его однокашника.

Весна 1821 г. была тревожной, ибо в стране был голод. Малороссийский генерал-губернатор князь Н.Г.Репнин 27 марта 1821 г. дал указание уездному предводителю дворянства г.Нежина Г.Г.Божичу “собрать немедленно с живущих в городе гг.дворян и купечества, как греческое, так и русское”, и обсудить вопрос, как оказать помощь “претерпевающим голод”; нежинской городской полиции строго следить, чтобы каждый “здоровый средних лет казак не тунеядствовал, а для собственной пользы шел бы на заработки и трудами своими доставал бы себе пропитание... В городе, изобилующем промышленностью и лежащем на большой дороге, каков есть Нежин... не должно быть затруднений в пропитании казаков” [4].

1 мая 1821 г., в день приезда Н.Гоголя в Нежин, уездный предводитель дворянства Г.Г.Божич послал генерал-губернатору князю Н.Г.Репнину рапорт, в котором сообщал, что городские власти отказались организовывать помощь голодающим. В рапорте излагались основные причины отказа: дворяне не могут дать “никакого пособия”, потому что обязаны кормить своих крестьян; русское купечество ссылается на “унизирующуюся торговлю”; греческое общество согласилось выделить некоторые деньги девятнадцати неимущим семействам (общим количеством 78 душ) [5].

Нежин. Первая пол. XIX в.

С литографии П.Борреля. Худ. В.Олифиренко

Многие биографы говорят о том, что Гоголь приехал “в маленький провинциальный городок” [6]. Но так ли это? Нежин в период учебы Гоголя хранил еще былую славу, хотя в 1782 году и был переведен в статус уездного города Черниговского наместничества, а потом, в начале XIX века, Черниговской губернии [7]. До этого Нежин был центром одного из самых больших на Украине казачьих полков. Согласно указа Богдана Хмельницкого вся Украина в административном отношении делилась на полки. Нежин в те времена был одним из самых больших городов на Левобережной Украине. Здесь проживало в 1783 году 11104 человека, а в Чернигове в 1780-х – 3924 человека [8].

Топографическое описание города за 1783 год дает представление как о самом Нежине, так и о его жителях.

В городе в то время проживало “дворян мужского пола 185, женского 161, священно- и церковнослужителей с их детьми мужска 88, женска 99, греков 538, женска 439, купцов – 1-й гильдии мужска 3, женска 8, второй гильдии мужска 21, женска 12, третьей гильдии христиан мужска 368, женска 221, евреев мужска 3, женска 5, мещан христиан мужска 2406, женска 2568, евреев мужска 5, женска 6, козаков и отставных от службы мужска 1518, женска 1770, крестьян казенных мужска 36, женска 33, крестьян владельческих мужска 194, женска 255, почтальонов мужска 69, женска 72, всего с монашествующими мужска пола 5430, женска 5674 души”. Всего – 11104 чел. [9].

В этом же документе имеются сведения и о постройках города. В то время было зданий “дворянских каменных 7, деревянных 45,

священно- и церковно-служительских 21, купеческих каменных 4, деревянных 46, мещанских 931, греческих каменных 23, деревянных 216, разночинских 8, казачьих и отставных от службы 484, крестьян казенных 15, владельческих 73, почтальонских 20, всего 1885”.

*Начало утраченной Гоголевской улицы возле базара.
С открытки XIX в.*

В 1811 году в Нежине проживало 12,5 тыс. человек, в Чернигове – в пределах 4 тысяч. В 1859 г. – 17 тис. жителей. Следует заметить, что в 49 губернских городах Европейской России и Сибири к большим городам, то есть тем, что имели больше 25 тыс. человек [9], можно было отнести всего 6, средних – 38 (от 5 до 25 тыс. чел.), малых – 5 (до 5 тыс. чел.) [10]. Таким образом, среди уездных городов России только один Нежин на Черниговщине насчитывал такое количество жителей, что его можно причислить к средним городам [11]. Конечно, по численности населения он мог претендовать и на губернский город. Но так сложилась судьба, что это место занял один из древнейших городов Киевской Руси – Чернигов. Подобных Нежину на всю Россию можно было найти тогда не больше десяти городов.

И.М.Долгорукий в своем дорожном описании Нежина называет его лучшим из уездных городов Черниговской губернии [12], правда, в невыгодном положении он оказывался весной и осенью. Вязкая черная грязь была характерной приметой улиц города в это время года. Только в его центре были дощатые мостовые. Особенно тяжелым был переезд 4 верст от вокзала до центра города.

Нежин находится на берегу реки Остер, притока Десны. Раньше это была полноводная река, но при Гоголе уже обмелевшая, и лишь весной напоминавшая о былой своей красоте.

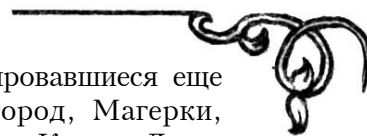

*Река Остер возле Московского моста.
Литография XVIII в.*

В 1803 г. городская Дума приняла решение спасти Остер. Начали собирать деньги. В 1812–1815 гг. провели восстановительные работы: вырыли канал в пределах городской черты от Калинового до Магерского моста, углубили русло реки, ее берега обложили дубовыми бревнами. Вместо городской плотины черниговская дорога в 1815 году соединила Магерки со старым городом Лицейским мостом, недалеко от которого летом организовывали место для купания, катания на лодках, а зимой устраивали каток для молодежи.

В весенний разлив воды Остра доходили почти до самой Гимназии высших наук. Территория между рекой и зданием гимназии заросла густым камышом и кустарником. Здесь водились дикие утки.

Ко времени приезда Н.Гоголя в Нежин город почти не изменился. И приведенные выше данные можно соотнести с Нежином гоголевского времени. Сохранились те же постройки, планирование центра и его окоелиц. Нежин был продолжительное время известен как город-замок и торговый центр, который сформировался еще в середине XVII века. Но городской характер в начале XIX века имели только центральная часть нынешнего Старого города, обнесенного тогда земляным валом и деревянным частоколом. Правда, при Гоголе этот вал уже разрушался, так как он был не нужен, ибо Нежин перестал быть городом-крепостью.

За пределами этой части расположились, сформировавшиеся еще при казачестве ремесленные околицы: Новый город, Магерки, Мигалевка, Ковалевка, Бабичевка, Воробьевка, Ветхое, Круча, Лихокутовка, Сидоровка и др., получившие свои наименования в основном или от первых поселенцев, или от рода занятий жителей. В этих районах одноэтажные здания мало чем отличались от сельской хаты, расположенной в глубине участка, используемого под огороды и сады. А сады в Нежине – особенные. Их насчитывалось 230. Они были небольшими, но в них было все: и фруктовые деревья, “потопленные багрянцем вишен и яхонтовым морем слив, покрытых свинцовым матом”, и яблони, груши разных сортов, кусты смородины и малины. Практичные нежинцы использовали все это для изготовления варенья и наливок, которые затем становились выгодным товаром на рынке.

В самом центре города находились как бездворные жилые дома, так и усадьбы с постройками, садом, огородом. Торговые и казенные здания, которые принадлежали магистрату, а также здания греческой общины строились фасадами на улицу. Уже в XVIII веке богатые горожане воздвигали свои дома по профессиональным проектам. Они были разных типов и от народного жилища отличались в основном решением фасадов, размерами и этажностью зданий, количеством помещений в них, их функциональным назначением. Эти сооружения строились в основном в стиле русского классицизма в его провинциальном варианте.

Функция Нежина как главного города военно-административной единицы в значительной мере повлияла и на характер его планирования, организацию территории, определяла состав административных и общественных строений. В центре города был магистрат, суд, почта, цеховые дворы, торговые ряды, магазины, школы и т.п., а также 25 храмов: один соборный – Николаевский, 9 приходских (Успенский, Пантелеймоно-Васильевский, Покровский, Спасо-Преображенский, Иоанно-Богословский, Христо-Воздвиженский, Вознесенский, Ионна Предтечи, Николаевская церковь, а также церковь Покрови Пресвятой Богородицы с приделом Святого Николая Чудотворца), 4 монастырских (Благовещенский и Введенский соборы, церкви Петра и Павла, Ильинская), одна при гимназии (Свято-Александровская), одна при богоугодном заведении, замковая (Богоявленская), 3 кладбищенских и 3 греческих (Всехсвятская, Михайловская, Троицкая), сверх того католический костел. В Нежине было 3 монастыря: мужской Благовещенский и Ветхорождественский Георгиевский и женский Введенский.

Основной улицей левобережной части старого Нежина была улица Мостовая, Московская (с 1881 г. – Гоголевская), по которой шла дорога, связывающая Киев и Москву, а также другие города Севера и Юга, Востока и Запада.

*Торгова площадь в Нежине. Вид на ансамбль храмов
XVII–XVIII вв. с открытки XIX в.*

По этой улице любили гулять гимназисты. Юноша Гоголь, отправляясь после церковной службы в гимназии в воскресный день в город, шел туда, куда тянула его чуткая душа. Он не ходил в кабаки, не играл в бильярд, как Н.Кукольник, не ухаживал за панянками, не участвовал в драках и скандальных затеях, как это делали некоторые из его знакомых гимназистов.

Привлекали его больше личности. И, гуляя по центральной Мостовой улице, он любовался многогранностью типажей, которые перейдут позже на страницы его произведений. Он смотрел “пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности, за которой следовал мальчик в военной ливрее, с узелком в руке” [Т. 7, с. 11], на промелькнувшего быстро франта, на открывавшего ставни своего магазина купца, на важно прошествовавшего священника и на юркую, веселую группу молодёжи, которая двигалась по направлению к рынку. Но особенно привлекали его удивительные по своей красоте церковные монументальные строения.

Вдоль Мостовой располагались: Николаевский и Благовещенский соборы, церковь Иоанна Богослова. Здесь были здания Благовещенского монастыря, банка, магазинов Дворянского собрания, а немного далее от центра – городской и греческий магистраты.

Недалеко от них разместились греческие Всехсвятская, Михайловская и Троицкая церкви, которые хорошо были видны с Мостовой. Эти сооружения являлись выразительными архитектурными доминантами и вместе с другими сооружениями, которые находились вокруг, формировали неповторимый ансамбль главной улицы города.

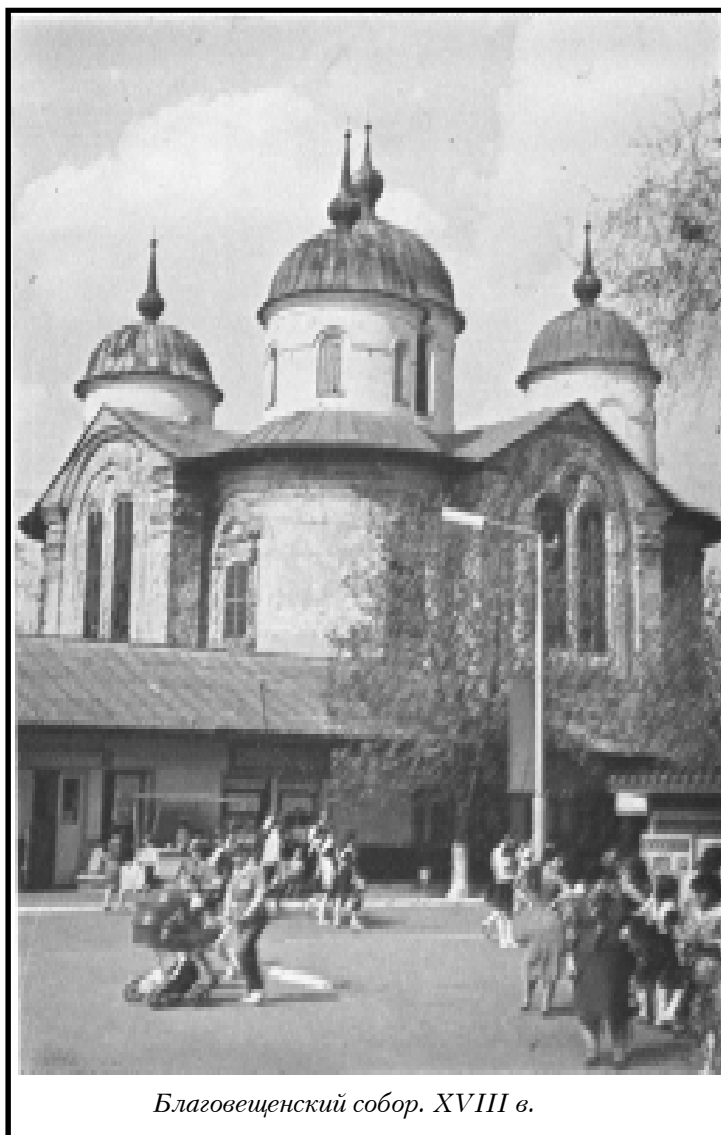

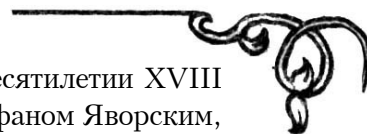
*Мостовая (ныне Н.Гоголя) улица.
Открытка XIX в.*

Самойленко Г.В.

Целый квартал занимали строения Благовещенского монастыря, который расположился между улицами Стефана Яворского и Лицейской (ныне – Ленина). В центре его красовался Благовещенский собор (1702–1716). Николай Гоголь бывал здесь, любовался прекрасными росписями, которые занимали весь объем храма (2500 кв.м), семиярусным иконостасом, ярчайшим творением нежинских умельцев. Ко времени пребывания Гоголя в Нежине Благовещенский собор старанием его настоятеля В.Чернова был восстановлен после пожара.

Благовещенский собор. XVIII в.

Строительство монастыря, начатое еще в первом десятилетии XVIII века известным церковным деятелем митрополитом Стефаном Яворским, продолжалось до начала XIX века. В 1804–1814 годах в юго-восточной его части на втором этаже здания монастыря, которое выходило на улицу Мостовую, была размещена теплая церковь Петра и Павла с колокольной и часами с боем (сейчас ул. Гоголя, 12). К колокольной примыкал двухэтажный корпус игумена с трапезной. А во дворе находились келии монахов. Вся территория монастыря была обнесена каменным забором. В 1808 г. были построены вдоль улицы Мостовой цепочки торговых лавок, создавая их одноэтажный каскад, другие заняли место под двухэтажными зданиями. Эти удобные торговые точки сдавали монахи в аренду или торговали в них сами.

Отдельные уголки Мостовой улицы очень точно воспроизвел Н. Гоголь в “Мертвых душах”: “Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности: она была очень длинна, в два этажа; нижний не был выщекатурен и оставался в темно-красных кирпичиках, еще более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых уже самих по себе; верхний был выкрашен вечною желтою краскою; внизу были лавочки с хомутами, веревками и баранками. В угольной из этих лавочек, или, лучше в окне, помещался сбитенщик с самоваром из красной меди и лицом так же красным, как самовар, так что издали можно бы подумать, что на окне стояло два самовара, если б один самовар не был с черною как смоль бородою” [Т. 5, с.8].

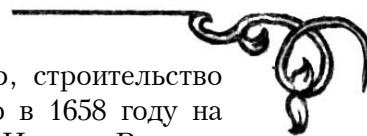
Путешествие героя поэмы по губернскому городу дает возможность воспроизвести некоторые места центральной части Нежина. “Сильно била в глаза желтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных. Дома были в один, два и полтора этажа, с вечным мезонином, очень красивым, по мнению губернских архитекторов. Местами эти дома казались затерянными среди широкой, как поле, улицы... Попадались почти смытые дождем вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью: “Иностранец Василий Федоров”; где нарисован был бильярд с двумя игроками во фраках, в какие одеваются у нас на театрах гости, входящие в последнем акте на сцену... Кое-где просто на улице стояли столы с орехами, мылом и пряниками, похожими на мыло; где харчевня с нарисованною толстою рыбою и воткнутою в нее вилкою. Чаще же всего заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконичною надписью: “Питейный дом” [Т. 5, с.10].

Самойленко Г.В.

Николаеский собор. XVII в.

Величественный пятиглавый Николаевский собор, строительство которого в стиле украинского барокко было завершено в 1658 году на деньги козаков, мещан и нежинских полковников братьев Ивана и Василия Золотаренко, привлекал своей красотой и богатством украшений. Он находился на соединении больших Соборной и Торговой площадей, где проходили известные Троицкая, Покровская и Всеедная ярмарки.

Все эти площади занимали довольно большое пространство. Ярмарковая площадь была окружена деревянными городскими и каменными церковными лавками Николаевского собора. К этой площади примыкали и табачные лавки. Именно здесь кипела торговля в обозначенные календарем дни года. Оканчивалась площадь пятиглавой Успенской церковью с красивой и стройной колокольней, недалеко от которой расположилась почтовая станция и церковь Иоанна Предтечи с престолами св. Варвары и Митрофана.

Возле Николаевского собора, напротив Благовещенского монастыря, где ныне Гоголевский сквер, возникший в 80-е годы XIX века, расположилась Соборная или Парадная площадь, такая же летом пыльная, как и Ярмарковая, по которой ходили свиньи и козы, а в высокаторжественные дни совершали военные парады. В замке и при Гоголе стояла воинская часть с генералом во главе.

На Мостовой расположились колокольня и трапезная Николаевского собора. А совсем недалеко от них – Нежинский магистрат, который выходил на Торговую площадь. Это было творение известного архитектора Андрея Квасова. О его общем виде можно судить по плану, который сохранился. К сожалению, до сего дня оно не уцелело. Гоголь видел это своеобразное строение прославленного зодчего.

Нежинский магистрат был сооружен не позднее 1771 года и представлял собой двухэтажное строение. Первый этаж состоял из ряда помещений и аркады, которая охватывала все здание. На втором этаже размещались административные учреждения (городская дума, суд, зал для заседаний и т.п.). Возможно, что служебные помещения занимали также верхнюю часть надстройки и башню, которая находилась в центре общей композиции строения. Эта башня увенчивала декоративную верхушку и придавала магистрату своеобразную выразительность [13].

Магистрат играл важную роль в застройке административного центра города. Он объединял комплекс торговых рядов, которые создавались при участии известного украинского архитектора Антона Карташевского, который много лет работал на Черниговщине. Разного рода торговые строения были неотъемлемой частью застройки нежинских площадей. Они располагались чаще всего по периметру или в два ряда посередине площадей. Это были узкие и длинные одноэтажные сооружения, которые состояли из одинаковых частей магазинов. С двух сторон к строениям примыкали галереи в виде колоннад или аркад.

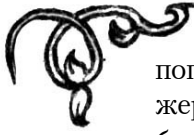

Рассказ о главной улице Нежина – Мостовой будет неполным, если не вспомнить о том, почему эта улица имела такое наименование. Она начиналась от Киевских ворот и на протяжении четырех вёрст была покрыта деревянными плахами. Поэтому экипаж, который ехал по этой мощёной улице, то опускался, то поднимался. Это было не очень-то приятное путешествие. И Гоголь описывает подобную поездку в XI главе “Мертвых душ”, когда рассказывает о посещении Чичиковым Плюшкина. Чичиков “не заметил, как въехал в середину обширного села, со множеством изб и улиц. Скоро, однакоже, дал заметить ему это препорядочный толчок, произведенный бревенчатою мостовою, пред которою городская каменная была ничто. Эти брёвна, как фортепианные клавиши, подымались то вверх, то вниз, и неберегшийся ездок приобретал или шишку на затылок, или синее пятно на лоб, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостик собственного языка”.

Но эта нежинская “достопримечательность”, на которую обращали внимание все приезжие, не могла помешать тем, кто отправлялся путешествовать по ней пешим путем, так как на этой улице было немало и интересного, о чем мы сказали выше.

Другие улицы обличались иной характерной особенностью – вязкой грязью, весной и осенью. так как не были мощёными. Знаток нежинской жизни известный литератор Н.Гербель отмечал: “Нежинская грязь ненасытна. Она, как мальстром, втягивает в себя все, что только ей

попадаетя, и не иначе, как после долгой и упорной борьбы, выпускает жертву из своих грязных объятий”. Зато летом и зимой ровные улицы были приемлемы для пешеходов, даже притягивали чем-то особым, и прежде всего зелеными насаждениями и цветами. Нежинцы любили сады и цветы.

Площадь в Нежине. 1912 г. Худ. М.Добужинский

Сеть улиц нынешнего центра Нежина соответствует их планированию еще в XVIII веке, хотя некоторые ценные сооружения уже утрачены, особенно деревянные постройки. И все же многое и многое из тех гоголевских времен осталось. Среди них греческие здания. Кроме Всехсвятской, Михайловской и Троицкой церкви сохранились также

і а́у а́ноа́а́ і́ у́ а́ ца́а́і́ е́у́ а́оа́е́і́ а́ а́о́і́ о́і́ е́ і́ і́ е́і́ а́е́і́ у́ О́VІІІ – і́ а́-а́е́а́ XІX а́а́е́а́.
І́ о́а́а́а́, і́ а́ н́і́ о́о́а́і́ е́е́і́ н́у́ ца́а́і́ е́а́ а́о́а́-а́н́е́і́ а́і́ і́ а́а́е́н́о́óáó, éі́ óі́ óі́ а́ і́ áóі́ áééі́ ńú і́ áááéáéі́ і́ ó áі́ óі́ áńéі́ áі́ . А́ 1785 а́. А́éáóáóéі́ а́ ІІ і́ і́ áóááóáééá ááóńóááі́ і́ ú á áóáі́ і́ óú, áú ááá і́ ú á І́ áóóі́ і́ ² і́ ááééі́ ńéééі́ áóáéáі́ 11 і́ áy 1710 а́. , і́ і́ і́ áóáéі́ áí і́ ááéá і́ áçááí éá ńóáá áóáóńóáá á І́ ááééí ńéééé áóá-а́ńééé і́ ááéńóóáó, á ńóááé ńі́ і́ óááóńóááí і́ і́ і́ áçááéá áóóáí і́ éńóóáí é. А́ ńáyçé ń yóéí é áú éí і́ і́ ńóóí áí і́ і́ і́ áí á ца́ááí éá ń ńі́ і́ óááóńóáóp ú éí і́ áéí áí і́ ááí éáí . І́ ááéńóóáóí і́ éí і́ ááá і́ áçú ááp ó ááóóyóóáéí і́ á ца́ááí éá ÓVІІІ а́. і́ а́ Áóá-а́ńéі́ é

улице (ныне Гребинки, №21), которое сохранилось в первоначальном виде. Прямоугольное в плане оно имеет пристройку для лестницы со стороны двора. В строении имеются некоторые черты барокко. Однако оно имело другое назначение.

На этой улице расположилось еще одно историческое строение, связанное с греками, – это здание греческого училища. Поселившись в Нежине, греки не только имели свои храмы, в которых служба шла на греческом языке, здания магистрата, суда, магазинов, но и школы, которые сначала были при церквях, а затем в специальном помещении. В 1817 году в начале нынешней улицы Гребенки, недалеко от Торговой площади, появилось здание Александровского греческого училища. Почти рядом построили и колокольню Всехсвятской церкви. Н.Гоголь бывал в гостях у греков, ибо среди его товарищей по гимназии было немало и ребят греческого происхождения. Один из них, учитель греческого училища Н.Ю.Артынов, а также К.Базили оставили интересные воспоминания о Гоголе периода учебы в Нежине.

Греческое здание. XVIII в.

Нижний Новгород. Греческая колокольня

Греческая колокольня. Нач. XIX в. Открытка XIX в.

Из зданий, где мог бывать Н.Гоголь, следует назвать также комплекс строений почтовой конторы (70-е гг. XVIII в.), которые выходили на Почтовую улицу. Этот комплекс сохранился почти полностью и является единственным в своем роде памятником архитектуры в Украине. Сюда Н.Гоголь бегал за письмами от родных и близких, за книгами, которые он выписывал.

Здания почтовой конторы. XVIII в.

Комплекс состоял из двух одноэтажных кирпичных зданий почтовой конторы, а также полутораэтажного здания в центре, где жил почтмейстер, размещалась контора и две комнаты для приезжих, зал для отдыха путешественников. В полуподвальном помещении находилась ямщицкая и кухня. В углу двора расположились конюшни для лошадей. Весь комплекс был обнесен высоким забором. На этой почтовой станции отдыхали многие проезжие, в том числе и знаменитые люди, ибо все дороги с запада на восток и с юга на север вели через Нежин. Здесь останавливался Д.И.Фонвизин (1786), А.С.Пушкин (1820 и 1824), С.Г.Волконский (1821), А.С.Грибоедов (1825), а позже и сам Н.Гоголь, когда проезжал через Нежин.

Недалеко от почтовой станции находилось здание Нежинской городской думы, сооруженной в конце XVIII в. Следует отметить, что в центральной старой части города находилось 34 улицы из 123 (1818 г.).

Ни одна из них не была протяженной. Общая их длина была всего 14 км. Наиболее важными были улицы Мостовая, Московская, Киевская, Греческая, Миллионная, Мучной ряд и др. Они объединяли основные исторические ансамбли в целостную пространственную систему. Каждая из главных улиц была лучом, который шел от центра к одному из предместий и там завершался доминантом ансамбля, в основном культового сооружения. Небольшие улицы, которые шли от Соборной площади, где располагался Николаевский собор, находились одна от другой на расстоянии 100–120 м, создавая тем самым своеобразные кварталы. Эти улочки придавали городу свою неповторимость и оригинальность [14].

В системе улиц выделялось семь главных направлений, которые расходились в виде веера от своей сердцевины. Как свидетельствуют архитекторы, в основе системы ансамблей города лежала семилучевая звезда.

В старом городе преобладали здания купцов в 1,5 этажа со служебными помещениями в полуподвалах. Особую категорию представляли двухэтажные здания с магазинами на первом этаже или без них. В 1859 г. в Нежине было 2115 домов.

Миллионная (Авдеевская) улица

За пределами центральной части Нежина находились ремесленные районы и предместья. К ним относились на правом берегу Остра Новый город и Магерки. Они объединялись с центральной частью мостом, который носил разное наименование: “старый”, “настоящий мост”, “базарный мост”, “Спасский” (так как рядом находилась Спасская церковь). Ныне он выходит на Московскую улицу. Этот мост был сооружен против Московских ворот Нежинского замка.

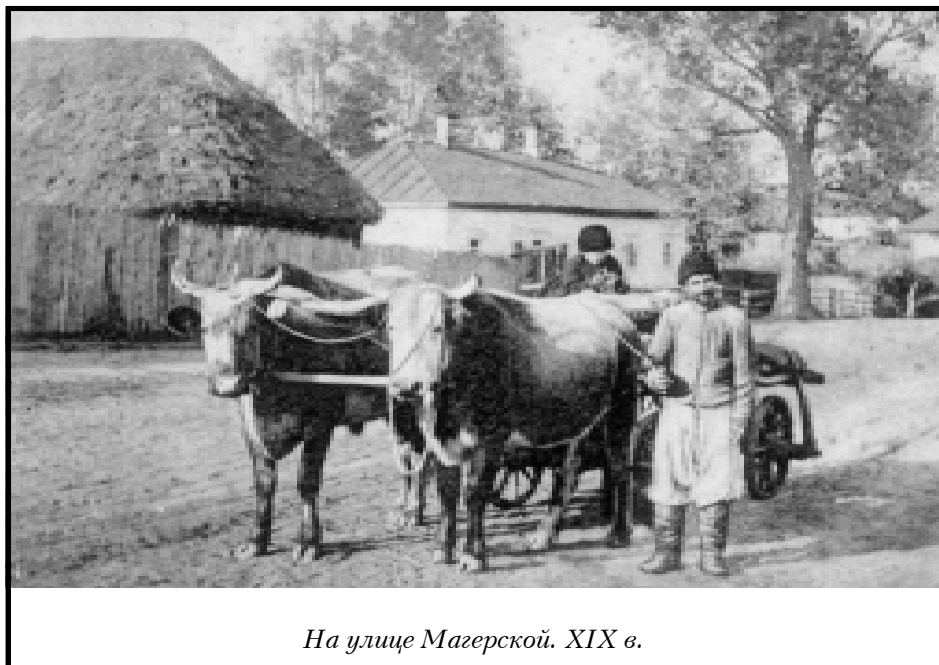
Новый город сформировался в начале XVIII века в результате расширения границ города. Он был обнесен оборонным валом и рвом, дуга которых охватывала все предместье от Городской плотины (теперь здесь мост, что выходит на улицу Ленина и объединяет Старый город и территорию в прошлом Гимназии высших наук кн. Безбородко) вдоль нынешней Черниговской улицы на севере, потом на востоке вдоль Редкинской и в конце ее поворачивала на юг, а дальше выходила к реке Остер возле моста на современную улицу Подвойского. В Новом городе была Торговая площадь, Спасо-Преображенская церковь, приходская школа при ней, 486 жилых домов, 6 кирпичных заводов, 4 кузни, 2 пивоварни, 5 постоянных дворов, 2 магазина, парикмахерская, шпиталь, Греческая триумфальная арка, которая была сооружена греческой общиной в 1786 году в честь проезда Екатерины II через Нежин.

Самойленко Г.В.

Предместье Магерки (от названия войлочных шляп с заокругленными полями, которые изготовлялись здесь) начиналось от Черниговской дороги и городской плотины и тянулось на Запад по течению Остра к Овдеевской плотине. В этом районе размещалась Кресто-Воздвиженская церковь, школа при ней, кирпичный цех и 9 ветряных мельниц. Магерки любил Гоголь, неоднократно бывал здесь у своих знакомых.

На запад от Киевских ворот, на левом берегу Остра, находилось Овдеевское предместье, в официальных документах XVIII в. – форштадт. Оно располагалось на одноименной улице, которая тянулась параллельно речке на запад к Ветхорождественскому Георгиевскому монастырю, находившегося в урочище Ветхое. Район начал заселяться в XVIII в. и получил наименование от первого поселенца. В конце века здесь располагалось 346 жилых домов, 10 заезжих дворов, 10 магазинов, парикмахерская, 8 кузниц, водяная мельница на Овдеевской плотине, Введенский женский монастырь, Вознесенская церковь с народной школой. В самом начале улицы стоял Петропавловский костел, который подорвали фашисты в 1943 г.

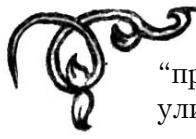
На улице Магерской. XIX в.

Вдоль южной стороны центра на левом берегу Остра находились предместья Ковалевка, Лихокутовка, Мигалевка и другие районы.

Важно отметить, что ни в одном другом городе, кроме Киева и Чернигова, не было возведено столько зданий такой разнообразной формы, как это было в Нежине. Если большинство городов в XVIII – начале XIX в. оставались деревянными, то в Нежине активно строились из кирпича не только культовые, но и жилые помещения, хотя в городе оставалось еще много деревянных и глинобитных домов. Несмотря на то, что в конце XVIII ст. росло имущественное состояние, тип строений изменялся мало, хата на две половины преобладала, особенно за пределами центральной части Нежина.

В XVIII–XIX вв. пространство, которое объединяло обе части города и с которого открывалась широкая и красивая панорама застройки обоих берегов Остра, была его долина. С правого его берега и особенно со стороны Гимназии высших наук хорошо воспринимался многодоминантный силуэт основной левобережной части города. Таким Нежин и запомнился жителям и приезжим этого времени и таким его навечно изобразил художник П. Боррель на своей литографии. Этот район города почти не изменился.

Перечитывая произведения Н. Гоголя, все время наталкиваешься на описания, которые близки к некоторым объектам Нежина. Это и

“присутственное место”, “богоугодное заведение”, да и сам город, его улицы с уютными домиками и садовыми деревьями.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну особенность Нежина, которая нашла свое отражение в его творчестве. Это наличие ярмарок, которые были неотъемлемой составной частью города и которые так любил Гоголь.

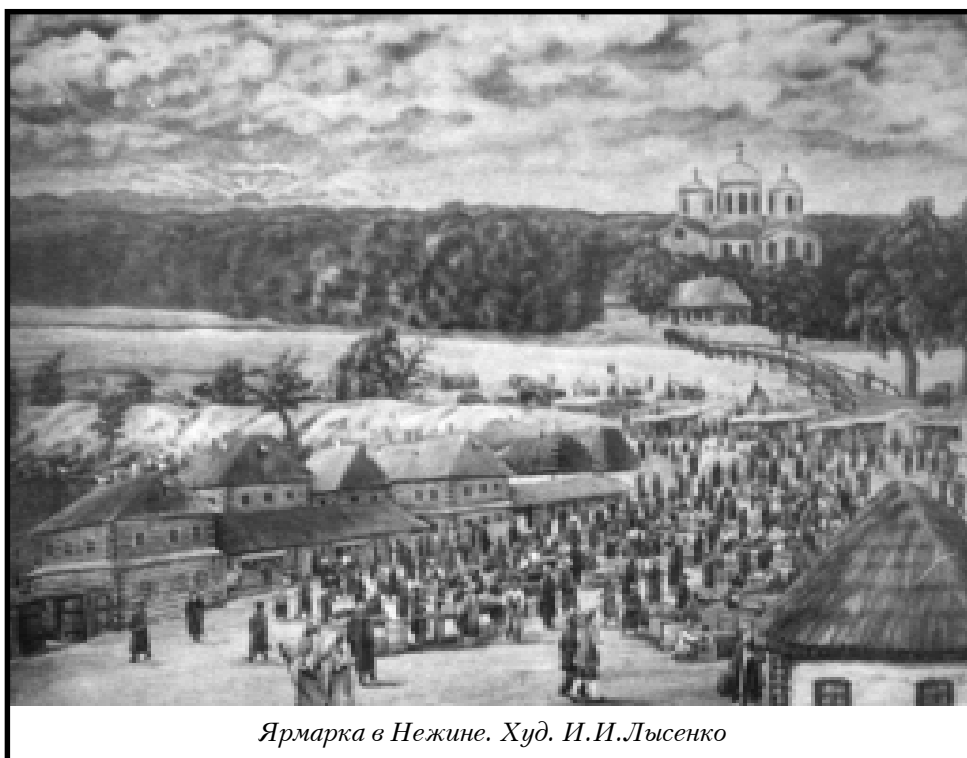
Нежинские ярмарки – это своеобразное явление на Украине. Они возникли в городе еще в XVI веке, но получили свой расцвет уже в XVII–XVIII вв. Именно в это время Нежин складывался как торговый центр. Три ярмарки – Троицкая, Покровская и Всеедная, которые ежегодно проходили в городе, создавали в нем особую атмосферу. Сюда приезжали купцы из многих стран мира, привозили разные товары, которые поражали не только своим многообразием, но и экзотичностью.

Эти ярмарки проходили в Нежине и в I пол. XIX в., хотя они уже не были такими значительными, как раньше, ибо торговля переместилась на юг, и город потерял свое значение важнейшего торгового центра. Но ярмарки остаются ярмарками. Не знаем, сколько раз Н.Гоголь бывал на Сорочинской ярмарке, но в Нежине он трижды в год посещал их, наслаждаясь их шумом и богатством предметов, которые выставлялись для продажи. Поэтому ее описание, данное в повести “Сорочинская ярмарка”, напоминает нам нежинскую: “Вам, верно, случилось слышать

где-то валящийся отдаленный водопад, когда встревоженная окрестность полна гула и хаос чудных неясных звуков вихрем носится перед нами. Не правда ли, не те ли самые чувства мгновенно обхватят вас в вихре сельской ярмарки, когда весь народ срастается в одно огромное чудовище и шевелится всем своим туловищем на площади и по тесным улицам, кричит, гогочет, гремит? Шум, брань, мычание, бляение, рев – все сливается в один нестройный говор. Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки – все ярко, пестро, нестройно; мечется кучами и снуется перед глазами. Разноголосые речи потопляют друг друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется от этого потопа; ни один крик не выговорится ясно. Только хлопанье по рукам торгашей слышится со всех сторон ярмарки. Ломается воз, звенит железо, гремят сбрасываемые на землю доски, и закружившаяся голова недоумевает, куда обратиться... Ее смешило до крайности, как цыган и мужик били один другого по рукам, вскрикивая сами от боли; как пьяный жид давал бабе киселя, как поссорившиеся перекупки перекидывались бранью и раками; как москаль, поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою...” [15].

Ярмарка в Нежине. Худ. И.И.Лысенко

Подобное описание находим в письме из Нежина к родителям современника Николая Гоголя, его товарища по Гимназии высших наук Евгения Гребенки. Вот такой представилась ему нежинская ярмарка 1828 г.:

“Покровская ярмарка уже начинается, а с нею и движение народа: тяжелые гарбы татарские, наполненные изобилием юга – виноградом, с пронзительным криком тянутся по улицам; повсюду застучал молоток, движимый рукою прибыли, и новые балаганы длинными рядами появились на площади; там увертливый суздаец раскладывал целые коллекции своих картин: возле портретов Ильи Муромца и Соловья Разбойника видно изображение незабвенного мужа Рымникского; а против него для симметрии великий объедало, который в день изволил кушать около сорока пудов говядины. Толпы народа глаза тянутся около хитрого продавца, и медные гроши звуча переходят в карманы; и вскоре великий объедало украшает угол хаты крестьянина” [16].

Не менее богатой и многолюдной была и Всеядная ярмарка. Через полгода тот же Евгений Гребенка сообщал родителям 3 февраля 1829 года: “Уже наступает всеядная неделя, а с нею буйство и веселье; трудолюбивый молоток мастерового стучит на балагане, тяжелые сани извозчиков с товарами тянутся длинными рядами по мостовой, а лакированные козырьки носят на хребтах своих молодых дам и кавалеров. Все веселится...” [17].

Ярмарка на Украине. 1898 г. Худ. М.К.Пимоненко

“Ярмарка была обширная, и много было приезжих купцов, из Москвы и даже из Казани татары с шелковыми материями, у коих я купил себе прекрасный шейный платок” [18]. Это уже впечатления от той же ярмарки, но следующего года (17 февраля 1830 г.). Можно только сожалеть, что не дошла до нас гоголевская юношеская повесть “Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан”, в которой была и глава о Всеедной ярмарке.

*Гоголь на Нежинском базаре беседует с лирником
Худ. Ю.Игнатъев*

Нежинцы также готовились к этим ярмаркам. И к Покровской, и к Всеедной проквашивались знаменитые нежинские соленья – маленькие пузырчатые огурчики, которые вывозились купцами в разные страны мира. Славился Нежин и своими особыми наливками и вареньями, табаком. Именно эти растения заполняли многие огороды нежинцев. Возле каждого дома осенью висели связки листьев табака, ожидая своего часа обработки и продажи. Торговцы скупали его в большом количестве. Один из путешественников замечал: “Огромные кипы тютюну, не помещаясь в лавках, лежат на галерее возле лавок и даже на площади. Беспреданно подъезжают и уезжают воловь фуры с этим продуктом нежинской почвы... Отсюда отпускается табак в попушах по рублю, а много по два рубля за пуд, а фабриканты из нашего же тютюну приготавливают, иногда и дороже” [19]. На прилавках ярмарок можно было встретить и товары ремесленников. Каждый приезжий мог заказать себе украшения из золота или серебра – кольца, сережки. Славилась и

нежинские дукачи – женские нагрудные украшения в виде медальона, которые оформлялись металлическим бантом с вкраплениями граненных разноцветных стекол. Широко было развито в Нежине и изготовление печного кафеля. В начале XIX века город был центром изготовления художественных тканей, платков, поясов, которые пользовались большой популярностью и спросом. Были развиты и другие ремесла, в частности, изготовление “скрын” (деревянных сундуков) и деревянной посуды, которая расходилась не только в Нежине, но и в окружающей его местности.

У Гоголя никогда не было лишней копейки, но он делал вид, что есть ко всему дело. Он прислушивался на ярмарках и базарах к разговору, иногда вступал в беседу, интересовался хозяйственными вопросами.

Любопытно одно замечание, которое Гоголь высказал в письме к матери от 21 апреля 1826 года: “Напишите мне что-нибудь об хозяйственных делах. Я теперь сделался большим хозяином, умею различать хлеба и на каникулах покажу вам, где сено, овес, жито и прочее, и могу даже целый час спорить с житными панами о посеве озимой гречихи” [20].

Иногда он выполнял заказы, которые шли из дома. В одном из писем сожалеет, что не смог купить для дядюшки особой рыбы.

Нежин жил своей специфической жизнью, ибо его населяли представители разных народов, принадлежавших к различным слоям населения: помещики и фабриканты, военные и чиновники, купцы и ремесленники, мещане и крестьяне, интеллигенты и духовенство. Эта жизнь определялась как центральной, так и местной властью. Кто-то наживал свои капиталы, а кто-то разорялся, кто-то уходил в солдаты, а кто-то в ссылку. Жизнь города была типичной для подобных населенных пунктов, хотя в ней было немало и специфического, что определялось прежде всего наличием Гимназии высших наук кн. Безбородко.

Таким был город юности Гоголя, таковы были его обитатели. Нежин остался навечно в памяти Гоголя и нашел отражение в его творчестве.

ГИМНАЗИЯ ВЫСШИХ НАУК: ИСТОРИЯ ЕЁ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА

В I половине XIX в. Нежин приобрел значение духовного центра. В городе появилось здание, с которым была связана вся нежинская жизнь Н.Гоголя. Это была Гимназия высших наук кн. Безбородко, которая была открыта 4 сентября 1820 года. С момента появления здания Гимназии, известного в литературе больше как здание Нежинского лицея, и до 50-х годов XX века это было самое большое строение в городе.

История открытия Гимназии высших наук в Нежине связана с именами князя Александра Андреевича Безбородко, канцлера России, одного из самых богатых вельмож, и его брата графа Ильи Андреевича Безбородко, которые выделили деньги на строительство учебного заведения. Князь А.А. Безбородко в 1799 г. в “Записке для моего духовного завещания” писал: “Из доходов моих отлагать в первые пять лет по десяти тысяч для того, что тут надобно разные долги платить, а потом по двадцати тысяч в течении осьми лет, внося их в ломбард, а из

А.А.Безбородко. Худ. Лампи

суммы сей и составить доходы на содержание богоделен для престарелых и увечных, где угодно будет правительству приказать” [1].

После смерти князя 6 апреля 1799г. все его имущество перешло к графу И.А.Безбородко. Обнаружив “Записку”, граф приступил к исполнению воли старшего брата, но при этом решил посоветоваться со своим племянником В.П.Кочубеем, который был близок ко двору Александра I и принимал участие в работе негласного комитета при царе, как лучше использовать деньги. Тот в свою очередь решил узнать мнение влиятельного вельможи князя А.Б.Куракина, который, будучи малороссийским генерал-губернатором, одобрил проект директора

И.А.Безбородко. Худ. Лампи

Новгород-Северского главного народного училища И.И.Халанского об открытии в городе университета. Это было в конце XVIII в. Но проект не был внедрен в жизнь. Вместо университета была открыта гимназия.

В.П.Кочубей в письме к И.А.Безбородко сообщал: “Усердствуя с ним (А.Б.Куракиным – Г.С.) вместе, чтоб предложение ваше наилучшим образом устроено быть могло, мы много рассуждали, какое бы именно общепольное заведение имени покойного брата посвящено быть могло. Призрения бедных, богодельни, больницы, малые училища везде или есть, или к основанию назначены; и так что было избрать для употре-

блениа капитала вашего, мы обратились на пример г.Демидова, который в Ярославле учредил Гимназию высших наук, то есть училище некоторым образом университету соответственное, и рассуждали, что как Малороссия университета не имеет, да и дворянские училища, на кои в обеих губерниях (Черниговской и Полтавской) до миллиона дать хотели, состоятся не могут, быв несообразными общей системе для училищ принятой, то существенная польза для края сего быть может, если вы соорудите подобное заведение...” [2]. Здесь же был приложен проект послания, которое необходимо было направить на имя государя. В.П.Кочубей просил также выслать ему “план дому вашего и саду в Нежине”.

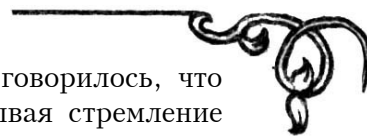

Уголок Графского парка в Нежине. Открытка XIX в.

Вспоминая свой проезд в город, он писал: “Место сие так хорошо, что в здешнем холодном климате покажется оно раем небесным. Я признаюсь, что и сам я был прельщен, как в Малой России такой сад аглицкий есть. Мне кажется, что надобно бы составить и план для дому, где помещаться должна гимназия” [3]. Однако в приписке В.П.Кочубей сообщал, что он сам прикажет “план и фасад для гимназии составить”.

19 июля 1805 года граф И.А.Безбородко направил царю Александру I “верноподданическое прошение”, в котором просил открыть в Нежине

Гимназию высших наук. В прошении, в частности, говорилось, что именно в Нежине удобнее всего это сделать. Учитывая стремление “вашего Императорского Величества к распространению просвещения сообразнее быть может устроить в Малороссии на счет сего пожертвования училище высших наук, которое здесь еще не существует, и от которого можно ожидать великой пользы как для всех, так особливо для тех неимущих дворян и другого состояния молодых людей, кои по скудности своей не могут иметь достаточных способов к приготовлению себя на службу Вашего Императорского Величества” [4].

В этом же прошении граф И.А.Безбородко добавлял, что он выделяет в Нежине место с садом для строения гимназии, а также будет обеспечивать расходы на ее содержание “по вечные времена”, ежегодно внося как сумму 15000 р., так и недвижимым имуществом Веркиевской и Носовской экономий и 3000 крепостных душ.

Царь 29 июля 1805 г. наложил резолюцию: “Быть по сему, а Училищу именоваться Гимназией высших наук князя Безбородко” [5]. Был издан высочайший Указ Правительствующего сената, в котором подвиг графа И.А.Безбородко “был принят с отменным благоволением”. Граф был награжден орденом Владимира первой степени. Решено было также поставить бюсты основателей и благотворителей в зале собрания Училища, “чтоб они были залогом общей признательности к столь похвальному подвигу, предпринятому ко благу отечества” [6].

После этого начались хлопоты по внедрению в жизнь замысла. В письме министру народного просвещения от 20 августа 1805 года И.А.Безбородко задавал много вопросов, связанных как с самим строительством дома, так и его величиной, количеством учеников, учителей, штатом и т.п. В 9 пункте граф И.А.Безбородко просил уточнить некоторые моменты, связанные с его вкладом в основание гимназии: “В конфирмованном Императором моем прошении упомянуто, чтоб называлась гимназия князя Безбородко. Но так как кроме завещательных сумм покойным братом моим, назначаются другие от меня усердия к общему благу жертвуемые, при том и место, и предложение училища идет от меня: то дабы сие не изглажено было протекающим временем из памяти потомственной, справедливость требует, да было прибавлено к словам Гимназия князя Безбородко сие: основанная по смерти братом его графом Безбородко. Каковую надпись и настоятельно прошу, чтоб сделать или в том месте, где назначены будут поставить бюсты на стене на медной доске; поелику для меня всего лестнее, чтоб память сего моего подвига осталась в потомстве” [7].

Важно обратить внимание и на десятый пункт, который сыграт важную роль в демократизации состава учащихся гимназии: “В принятии

в училище по положенному числу учеников, что зависит от рассмотрения министерства, убеждаюсь также просить, чтобы дозволено было преподавать классы и сторонним ученикам сверх положенного количества, кои называться будут пансионерами и, приезжая в город Нежин, будут жить на иждивении их на квартирах, за науки же преподаваемые учителя получать будут по примеру университета. Так равно в принятии в гимназию, чтоб предпочтительнее поступали бедные дворяне перед имущественными” [8]. Это дало возможность директору Гимназии И.С.Орлаю решить вопрос о вольноприходящих учениках.

23 марта 1806 года министр народного просвещения предоставил на усмотрение Главного правления училищ “план строения” Гимназии высших наук князя Безбородко, который был принят и вручен графу И.А.Безбородко. К сожалению, в материалах Главного правления училищ не было указано, кто был автором проекта. Долгие годы им считался выдающийся архитектор Д.Кваренги, к услугам которого неоднократно обращался А.А.Безбородко (загородная дача под Петербургом, имение в селе Стольном и др.). На Д.Кваренги указывал и один из первых профессоров гимназии К.А.Мойсеев. Однако стараниями ученых было установлено, что автором проекта был архитектор Луиджи Руска [9], который составил “план и фасад колледжа князя Безбородко” [10]. К этому приложил руку и министр внутренних дел граф В.П.Кочубей, племянник И.А.Безбородко, который и пригласил Л.Руска, с которым был знаком.

Луиджи (Алоизий) Иванович Руска (1758–1822), академик архитектуры, родился в Швейцарии в семье мастера. В 1767 г. его отца пригласили в Россию для сооружения памятника Петру I в Петербурге и Исаакиевского собора.

Луиджи Руска учился в Туринской академии, а в 1782 г. по приглашению Екатерины II приехал в Россию и проектировал здания для столицы и провинциальных городов. Среди его известных проектов Обуховская больница, дом Мягковых, Дворец графов Бобринских в Петербурге. Архитектор занимался не только строением новых, но и реконструкцией старых зданий. Известно, что он реставрировал Гостинный ряд в Киеве (1809), Таврический дворец в Петербурге. Он был автором проектов торговых рядов в Белой Церкви (1809–1814), Триумфальной арки в Диканьке (1818) и др. Л.Руска – один из авторов альбома “Образцы фасадов жилых зданий России” (1809–1812), по которым велось строительство городов в России и Украине.

В связи с отсутствием заказов Л.Руска в 1818 г., завершив строительство Гимназии высших наук в Нежине, выехал за границу и в 1822 г. умер в Венеции.

Проект Гимназии в Нежине, разработанный Л.Руской, соответствовал духу начала XIX века, когда в жизнь входили строгие классические формы, хотя здесь ощутимы были и некоторые черты мастеров переходной эпохи, которые еще не могли избавиться от форм прежнего времени. На это указывал известный теоретик искусства и художник И.Грабарь [11].

Но прежде, чем построить помещение Гимназии высших наук кн.Безбородко, необходимо было провести огромную предварительную работу: подготовить очень сложный для строительства участок, который находился на вязкой почве, завезти камень, заготовить в окружающих лесах дубовые сваи, которыми укрепляли фундамент, изготовить кирпич-железняк и т.п.

Для строительства помещения следовало разыскать и опытного зодчего. Таким оказался архитектор 12-го класса *Иван де Лукини*. Сам он был родом из Швейцарии. С 1803 г. работал в России. В Москве построил “Воспитательный дом больницы для бедных”, а затем его назначили в малороссийскую Черниговскую строительную экспедицию, где он занимал должность “каменных дел мастера и губернского архитектора” (с 1806 г.). В 1808–1817 гг. И.де Лукини находился на строительстве Нежинской гимназии высших наук.

*А.Г.Кушелев-Безбородко.
Худ. Крюгер*

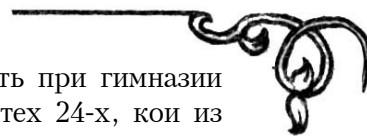
Граф А.Г.Кушелев-Безбородко, который заменил умершего 3 июня 1815г. своего деда И.А.Безбородко и заканчивал строительство гимназии, писал министру народного просвещения, что Иван де Лукини “находился при строении Гимназии высших наук князя Безбородко со времени начатия по самое окончание и во все время производил оное с неусыпным тщанием... Труды его и старания заслуживают особенное внимание начальства. Верх его желаний был бы удостоиться через представление Вашего Сиятельства хотя малейшего знака Монаршей милости. С моей стороны, отдавая всю справедливость его знаниям и трудам, почитаю долгом просить Ваше Сиятельство, если сие только возможно, о исходатайствовании ему ордена Святой Анны 3-й степени” [12].

7 октября 1821 года министр народного просвещения князь А.Н.Голицын сообщил А.Г.Кушелеву-Безбородко: “Государь Император, по представлению моему, учиненному в следствие засвидетельствования Вашего Сиятельства о трудах де Лукини, понесенных им при построении здания Гимназии высших наук князя Безбородко, в изъявление Высочайшего благоволения, всемилостивейше пожаловать соизволил ему бриллиантовый перстень” [13]. Вместе с письмом препровожден был и бриллиантовый перстень ценою в тысячу рублей для доставки архитектору Ивану де Лукини.

Строительство здания Гимназии высших наук князя Безбородко могло начаться не ранее 1808г., так как еще в апреле 1807 г. поднимался вопрос о доставке из Монастырской слободки, расположенной у Новгорода-Северского, “дикого камня” для фундаментов постройки, “предложенной графом Ильей Андреевичем гимназии” [14]. 29 декабря 1809 г. в письме на имя министра народного просвещения П.В.Завадовского И.А.Безбородко сообщал, что здание для училища сего производится с полным успехом [15].

Гимназия высших наук. 1820. Литография XIX в.

Тогда же графом было принято решение “учредить при гимназии сей помещение для 60-ти пансионеров, независимо от тех 24-х, кои из доходов, им определенных, должны быть содержимы” [16]. 15 января 1810 г. последовал высочайший рескрипт на имя графа И.А.Безбородко: “Министр народного просвещения представил Мне о предложении Вашем устроить при Нежинской Гимназии помещение для 60-ти пансионеров. С особенным удовольствием внимал Я сему новому на пользу общественную пожертвованию Вашему, за которое приятно мне изъявить Вам МОЕ благословение, с коим пребываю Вам благо-склонным” [17].

Завершение строительства здания Гимназии высших наук князя Безбородко намечалось к началу 1810-х годов, однако события, связанные с Отечественной войной 1812 года, замедлили ход строительства. 3 июня 1815 года скончался граф И.А.Безбородко. К тому времени унаследовавший дело своих дедов граф А.Г.Кушелев-Безбородко еще только заканчивал Царскосельский лицей. В 1816 г. он сдал экзамены в Московском университете и удостоился степени доктора этико-политических наук. Как справедливо отметил его биограф, “пример почти единственный для таких молодых лет” [18]. В это время 16-летний граф А.Г.Кушелев-Безбородко принял самое активное участие в завершении строительства как основного корпуса Гимназии высших наук, так и дополнительного двухэтажного флигеля для квартир преподавателей.

В письме на имя министра народного просвещения князя А.Н.Голицына от 6 июня 1818 г. граф А.Г.Кушелев-Безбородко сообщал о завершении всех строительных работ, “так что можно уже открыть в оном преподавание наук и завести предназначенные пансионы” [19].

В этом письме обозначена общая сумма, истраченная на строительство Гимназии высших наук, – 1250681 руб. 27 коп. [20] (во всех справочных изданиях отмечается лишь 604000 руб., т.е. сумма, затраченная графом И.А.Безбородко). Кроме этого здесь граф А.Г.Кушелев-Безбородко сообщал, что передает в Нежин библиотеку покойного князя Ильи Андреевича, состоящую из 2500 томов, и на первое обзаведение 20000 руб., из которых половина должна быть употреблена на физический кабинет.

В это же время А.Г.Кушелев-Безбородко препроводил и всеподданнейшее прошение от 14 июня 1818 г. с подробным описанием всего сделанного по учреждению в Нежине Гимназии высших наук князя Безбородко [21].

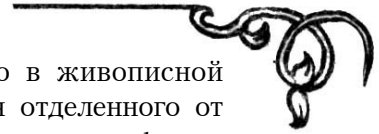
25 июля 1818 г. последовало заключение Главного правления училищ “о наименовании предполагаемого в Нежине училища,

Самойленко Г.В.

соответственно Высочайшему повелению, Гимназиею высших наук князя Безбородко и об учреждении сего заведения на основании, подобном Ярославскому Демидовскому высших наук училищу”, которое и было объявлено графу А.Г.Кушелеву-Безбородко. Однако Гимназия высших наук князя Безбородко была открыта только в 1820 г. Это было связано как с разработкой Устава и программы учебного заведения, так и пребыванием А.Г.Кушелева-Безбородко за границей по делам коллегии иностранных дел, где он служил.

Колонида здания Гимназии высших наук

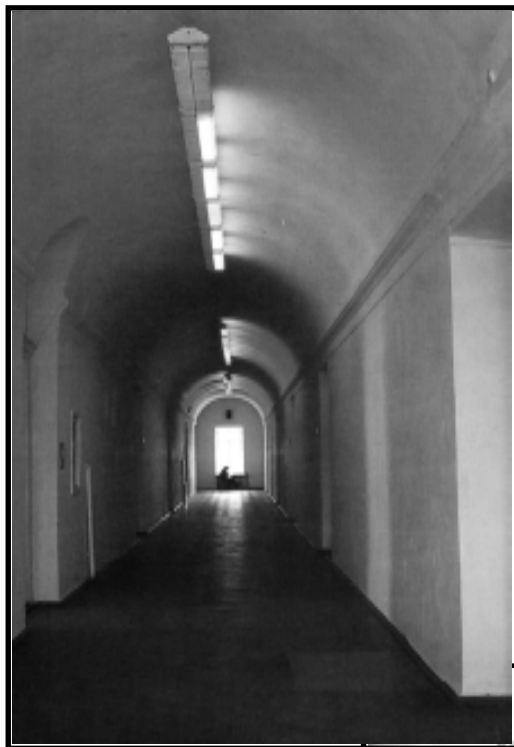
Здание Гимназии высших наук было сооружено в живописной заречной низине недалеко от центра и в то же время отделенного от него водной преградой реки Остер, окруженное большим графским парком с прудами и беседками. Изолированность от города и замкнутый характер жизни в этом окружении обусловили поместный, несколько интимный характер композиции строения. Однако трехэтажный корпус производит большое впечатление своей монументальностью. Он состоит из двух трехэтажных крыльев, которые соединяются двухэтажным центральным объемом с колонадой высотой в два этажа. Сверху колонады находился сплошной балкон. Фланкирующие торцы выступают незаметно, а поэтому строение воспринимается как единый массив. Как по своей общей композиции, так и по характерам деталей – это классическая архитектура. Преобладает гладкая поверхность, прямые линии, резные формы. “На главном фасаде окна украшены треугольными и прямыми сандриками на консолях, карниз оживляют модульоны” [22]. Больше никаких дополнительных деталей и малых форм нет. Хотя, как мы указывали выше, в строительстве гимназии еще нашло проявление переходных эпох. Это подтверждает и ветчастый декоративный мотив, который заполняет тимпаны фронтонов.

Позже, в 70-х годах XIX ст., был надстроен над колонадой аттиковый этаж, объединив таким образом трехэтажные крылья. Однако это почти не изменило общего вида здания.

Основным композиционным элементом являются 12 колонн, которые вместе с лестницей придают строению парадный вид, создают особое праздничное настроение. Поднимаясь по лестнице и проходя мимо колонн, человек чувствует, что попадает в настоящий храм науки.

На первом этаже были размещены апартаменты попечителя учебного заведения графа А.Г.Кущелева-Безбородко. Хорошо меблированные комнаты, с дверью в стиле ампир и паркетом красного дерева, с кафельными белыми печами, решенными в ордерной системе, с чугунными дверцами и рельефными украшениями, с высокохудожественными скульптурными произведениями из бронзы – канделябрами, копии известного мастера Гийома Кусту, башенные часы работы нежинского мастера Городецкого, огромные белые настенные ковры с ампирными вазами – все это свидетельствовало о вкусе и увлечениях Безбородко.

Ныне в музее Н.Гоголя, который находится в здании бывшей Гимназии высших наук, сохранились отдельные предметы: зеркало в деревянной раме с двумя упорами в виде небольших столбиков с декоративными пятнами, резной стул с романтическими чертами, которые проявлялись в 20–40-е годы XIX в., небольшой шкафчик

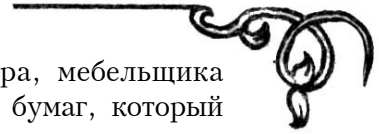

Коридор второго этажа

Интерьер комнаты

(“кабинет”) работы известного французского мастера, мебельщика Шарля Артре Буля для хранения ценных и деловых бумаг, который напоминал маленький комодик, на мраморной столешнице которого могла стоять статуя, небольшой столик с накладными металлическими деталями и др.

Кроме апартаментов почетного попечителя на первом этаже находилась квартира директора гимназии, в северном крыле – столовая для гимназистов, спортивный зал и другие подсобные помещения, в южном – церковь. На втором этаже – библиотека, актовый зал для торжественных собраний и анфиладно размещенные учебные помещения. Все комнаты внутри были объединены дверью, что давало возможность заходить в помещение, не выходя в коридор. На третьем этаже с северной стороны разместились спальни лицеистов, с южной – квартиры преподавателей.

Каждая комната в помещении имеет свои особенности и может служить объектом изучения. Стены белились известью с мелом на клею или красились в жемчужный цвет, двери всех комнат – “в дикий цвет на масле со скипидаром, а пол – охрой на масле.

Актовый зал Гимназии высших наук, ныне читальный зал библиотеки

От учебных комнат отличался актовый зал, в котором проходили праздничные и торжественные мероприятия. Это было большое прямоугольное помещение без особых украшений. Гладкая поверхность

стен и потолка завершалась “обильно декорированным карнизом с консолями, украшенными тонко проработанной лепкой, между которыми поместились розетки, декоративный пояс с мотивами иоников и сухариков. Все свидетельствует о введении ордера как основного принципа интерьера” [23].

Возле двух углов разместились белые кафельные печки, которые сохранились с тех далеких времен до наших дней. Зал украшали бронзовые бюсты основателей гимназии.

Так и стоит до этого времени это прекрасное здание. Оно, словно белый лебедь, выплывает из зелени старинного парка и пленяет своей красотой и величием.

Несколько слов необходимо сказать о парке, который находится рядом со зданием гимназии. Он возник в XVIII веке в период расцвета садово-паркового искусства. Его чаще называли Графским садом.

Интересна его история. Территория, где располагался сад и его окрестности, принадлежала нежинскому полковнику И.Обидовскому, племяннику гетьмана И.Мазепы. Очевидно, здесь был и его дом с усадьбой. Но в XVIII веке он перешел к графам Витгенштейнам [24]. В их доме в 1787 г. останавливалась Екатерина II и другие именитые гости [25].

Эту усадьбу с садом во второй половине XVIII века приобрел генеральный судья Андрей Александрович Безбородко. К сожалению, этот дом не сохранился. Сад в I пол. XIX века делился на две части:

*Бывшее здание Гимназии высших наук,
ныне государственный университет*

Лицейский и Графский. Первый находился с тыльной стороны Гимназии высших наук и был в едином комплексе со зданием. Именно в нем под присмотром воспитателей гуляли гимназисты. Иногда они готовились к занятиям, читали свои произведения. Гимназистам этот парк напоминал обстановку в своих поместьях. Здесь росли вяз, дуб, липа и другие деревья, которые подстригались, набирая соответственно форм геометрических фигур: шара, пирамиды, куба и др. На дорожках и аллеях стояли скамейки, а в глубине – альтанки.

Н.Гоголь, вспоминая этот сад, писал А.Прокоповичу из Рима: “Ни роскошь этих стран, где я живу сейчас, ни юг, ни чудные небеса, ничего не в силах помешать мне думать о тебе, с кем начался союз под аллеями лип нежинского сада” [26].

Николай Гербель, который немного позже заканчивал Юридический лицей, писал о саде в стихотворении “В дорогу”:

Один я бродил по аллеям пустым
Родного лицейского сада –

Графский парк. Открытка XIX в.

И снова мелькают пред взором моим
Деревья, дорожки, ограда;
Те самые липы, та ива, тот вяз,
Под лиственной тенью которых
Так сладко мечталось – дремалось не раз
Под их нескончаемый шорох.

Самойленко Г.В.

По-прежнему сад был тенист и угрюм,
По-прежнему веял прохладой
И, полный каких-то таинственных дум,
Навис над высокой оградой.

И даже тропинка, любимая мной,
По-прежнему в чаще терялась.
По-прежнему в ней извивалась змеей,
И ива над нею склонялась.

Глядел я – в душе все ясней и ясней
Прошедшие дни оживали
И милые образы старых друзей
Опять предо мной возникали... [27].

Графский сад. Открытка XIX в.

Графский сад находился на северо-запад от Лицейского сада. Если последний был закрыт для посторонних посетителей и предназначался только для гимназистов, то Графский сад был открытым. Его границей было озеро, за которым находилась большая поляна, на которой всегда весной было много фиалок. Слева от нее находилась Воздвиженская церковь, а на севере располагался известный район Нежина – Магерки. В Графском саду росли дуб, вяз, плакучая ива и другие деревья. Здесь гимназисты гуляли без воспитателей. Нестор Кукольник вспоминал: “В Графском саду, вне гувернерского надзора, мы устроили осенью огромную дерновую скамью, куда собирались читать, и, что греха таить (ведь вы никому не скажете?), курить; а уж если пошло на

откровенность, так и полюбезничать с двумя толстейшими нимфами с пустынного предместия Магерок, служившими огородницами – у кого бы вы думали? – у одного почтенного пустытника” [28].

Те, кто бывал в Нежине, обязательно посещали Графский сад, ибо он был красив в любое время года. Хороший отклик оставил о саде и писатель, князь И.М.Долгорукий, который дважды посетил Нежин – в 1810 и 1817 годах. Он писал, что самое лучшее место в Нежине для прогулок – Безбородков сад, ибо здесь в праздничные и выходные дни гуляли нежинцы, а также офицеры артиллерийской бригады, которая стояла в городе, играла полковая музыка [29]. Графский сад привлекал внимание гимназистов не только музыкой, но и возможностью сосредоточиться [30]. Где-то здесь Гоголь в укромном уголке, любуясь природой, сочинял стихи. Позже Лицейский сад называли Институтским, а Графский – Графским парком [31]. До революции эти сады были закрыты. Они были доступны только студентам.

Ныне, как и раньше, сад разделен на две половины. В бывшем лицейском находится ботанический сад университета, в Графском – парк отдыха. Здесь так же красиво, как и раньше. В середине десятых годов XXI века городской мэр М.В.Приходько выделил деньги для благоустройства парка. Облагорожена его западная часть, где когда-то была усадьба И.А.Безбородко. Поэтому ныне кроме студентов здесь отдыхают и другие граждане города.

ГИМНАЗИЯ ВЫСШИХ НАУК: ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Нежинская гимназия высших наук была своеобразным культурным гнездом в I пол. XIX века. Но не только в области просвещения, где она занимала одно из ведущих мест, но и в искусстве. В ее стенах за сравнительно короткое время сформировались крупные русские и украинские писатели. Рядом с Н.Гоголем, Н.Кукольниковом, Е.Гребенкой в гимназии прошли первую школу творческих поисков поэт и переводчик В.Любич-Романович, поэт, редактор произведений Н.Гоголя Н.Прокопович, публицист, прозаик К.Базили, прозаик Н.Билевич, фольклорист П.Лукашевич, академики живописи А.Мокрицкий и А.Горонович, художник и прозаик Я. де Бальмен и другие.

Определяющее место в формировании эстетических взглядов и художественных вкусов гимназистов занимал учебный процесс. И здесь личность преподавателя выходила на первый план. В гимназии трудились многие талантливые, знающие профессора, получившие образование в известных университетах Европы. Именно через преподавателей осуществлялась связь Нежинской гимназии со многими

культурными и образовательными центрами как России, так и других стран.

Первым директором Гимназии высших наук кн. Безбородко был известный ученый, профессор С.-Петербургского университета, представитель старинной дворянской семьи Карпато-Россов **Василий Григорьевич Кукольник** (1765–1821), для которого “все науки, все языки были ему равно любезны; он предавался изучению каждого предмета с любовью специалиста” [1]. Прибыв в Нежин, он должен был за короткое время провести большую подготовительную работу по подбору преподавательских кадров, обеспечению материальной базы. Он приложил много усилий, чтобы разработать Устав Нежинской гимназии высших наук, наладить учебный процесс.

В.Г.Кукольник

Сохранилась составленная В.Г.Кукольником программа подготовки гимназистов в течение 9 лет, поделенных на три периода, каждый из которых был трехгодичным и включал 3 класса. Чтобы представить организацию учебного процесса, его содержание, объем материала и последовательность его изучения, и учитывая значимость этого документа, приводим его более полно.

“В **первом классе** преподавались: русская грамматика до глаголов, чистописание, чтение славянской печати и церковных чисел, катехизис, священная история, четыре первые правила арифметики и римское

счисление, чтение по латыни и латинская грамматика (склонения); сверх того чтение по-французски, по-немецки и по-гречески; из этих языков требовались непременно два, по назначению родителей.

Во **втором классе**: русская грамматика, чистописание, священная история, арифметика до пропорций, латинская этимология до конца, а французской, немецкой и греческой – столько, сколько в первом классе пройдено латинской. По субботам и воскресеньям чтение Евангелия.

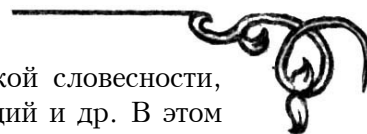
В **третьем классе**: русский синтаксис, чистописание и правописание по-русски и по-латыни, арифметика до конца, общие понятия о географии и географических картах, всемирная история сокращенно с географией, хронологические таблицы, латинский синтаксис, басни Федра и Карнелий Непот, переводы с латинского на русский; французский, немецкий и греческий языки – столько, сколько в предшествовавшем году преподано латинского. По субботам и воскресеньям чтение Евангелия.

Второй период, первый класс, четвертый год: логика и риторика, чтение авторов, упражнение в соответственных родах сочинения, алгебра до уравнения 4-й степени, всеобщая политическая география, с указанием на места о коих упоминается в древней истории и в разных классических сочинениях, заимствуя о том сведения из Страбона и других древних географов. Древняя история – обширно, с изложением греческой и римской мифологии, латинский *syntaxis ornata* и просодия (преподавание должно происходить на латинском языке); элегии и превращения Овидия, письма Цицерона, Тит Ливий, со всегдашним указанием на правила современно-преподаваемой на русском языке риторике; переводы с латинского на русский и обратно; прочие языки, как латинский в 3-м классе. Вообще весьма полезно для упражнения в древних языках, употреблять между прочим тех авторов, из которых заимствована древняя история, преподаваемая в этом же году, дабы, вместе с изучением тех языков, познакомить учеников и с подлинными источниками истории. Затем чтение Евангелия от Луки, и искусство по произволу: рисование, черчение и танцы.

В **пятом году**: окончание риторики, сочинение речей и пр., пространный катехизис во всей подробности, с указаниями на священную историю; изъяснение нагорной проповеди Христа Спасителя. – особо; геометрия, география, всемирная история от Рождества Христова, со всегдашним указанием на историю Христианской Церкви; латинская словесность, с упражнениями и краткою ее историей; Цицерон; прочие языки и искусства прежним порядком.

В **шестом году**: шитика, сочинения русских поэтов; прямолинейная тригонометрия и конические сечения; российская география; физическая

география; российская история; продолжение латинской словесности, Цицерон, Вергилий, Гораций, Тацит, Плиний, Лактанций и др. В этом же году оканчивается и преподавание словесностей и других языков; толкование воскресных Евангелий по книге Архиепископа Астраханского Никифора; обряды Богослужения; причина, время, цель их учреждения; чтение творений Св.Иоанна Дамаскина и других сочинений церковных песен; искусства тем же порядком.

Третий период, первый год, седьмой класс: логика, нравственная философия, естественное право, естественная история, чтение Св.Иоанна Златоустого и Амвросия Медиоланского; искусства тем же порядком; сверх того геометрическая съемка местностей. Языки в третьем периоде уже не преподавались обязательно, но классные уроки располагались так, чтобы желающие могли слушать чтение иностранных словесностей, не пропуская и лекций своего курса.

В восьмом классе: народное государственное хозяйство; общая часть опытной физики; история римского права; римское право, артиллерия (для желающих); искусства прежним порядком.

В девятом и последнем году: окончание физики; российское гражданское и уголовное право; фортификация (для желающих), и искусства” [2].

Один из первых выпускников Гимназии П.Г.Редкин, который учился с 1820 г., вспоминал о В.Г.Кукольнике: “В короткое время своего правления он успел показать всею своею деятельностью, что желал и умел дать основательное направление образованию юношества”.

Дни	Учебные часы	Предметы	
Понедельник	от 8-го до 10-го от 10-го до 12-го от 2-х до 4-х	Латинский язык Российская грамматика Французский язык	Каждый день в 6-ом часу по полудни занимаются воспитаники и чтением книги, составленной из четырех Евангелистов и деяний Апостольских. Прочее время употребляется для повторения уроков и для отдохновения.
Вторник	от 8-го до 10-го от 10-го до 12-го от 2-х до 4-х	Арифметика Немецкий язык Закон Божий	
Среда	от 8-го до 10-го от 10-го до 12-го от 2-х до 4-х	Рисование География История	
Четверг	от 8-го до 10-го от 10-го до 12-го от 2-х до 4-х	Чистописание Французский язык Закон Божий	
Пятница	от 8-го до 10-го от 10-го до 12-го от 2-х до 4-х	Российская грамматика и чистописание Немецкий язык Французский язык	
Суббота	от 8-го до 10-го от 10-го до 12-го от 2-х до 4-х	Немецкий язык Рисование Российская грамматика и чистописание	
Воскресенье		Чтение Священных книг	

Расписание учебных занятий, составленное В.Г.Кукольником

В.Г.Кукольник провел также большую подготовительную работу по набору учеников, подготовке их к учебе, проживанию всех, кто был связан с Гимназией высших наук [3]. Сохранилось первое расписание занятий, составленное директором гимназии. Занятия шли шесть дней с 8 часов утра до 19 часов. Каждый день в 18 часов гимназисты читали Библию. Прочее время употреблялось для повторения уроков и для отдыха. В связи с тем, что не все педагоги приехали в Нежин, В.Г.Кукольник вынужден был сам читать многие предметы. Ему помогал сын Платон. Другой его сын Нестор позже вспоминал: “Помаленьку стали являться и профессора, но на беду не все те, которых просил отец, и как обещали. Это был первый и слишком чувствительный удар добросовестному педагогу. Надежды – разом были уничтожены; средства – отняты; к тому присоединилась тяжкая скука ученого, совершенно изолированного, потому что не только общество, но и те, которые должны были служить ему помощниками, не могли вполне понимать видов его, разделять его мысли и чувства, и тоска слишком скоро потрясла чувствительный его организм. Он впал в гипохондрию, быстро и неотразимо увлекшую его в преждевременную могилу” [4]. К сожалению, 6 февраля 1821 г. В.Г.Кукольник скоропостижно ушел из жизни.

Организацией учебного процесса с 3 сентября 1821 г. продолжал заниматься пришедший после смерти первого директора его преемник **Иван Семенович Орлай** (1770–1829), также крупный ученый, как и его предшественник, украинец из Закарпатья. Он получил хорошее образование в нескольких западных университетах. По образованию он был медиком, хорошо знал историю, культуру. Его перу принадлежат труды “Краткая история о Карпато-Русах” (1804), “О юго-западной Руси: Письмо из Нежина к секретарю Общества” (1826) и др. Он был членом Общества истории и древностей российских при имп. Московском университете. Ученый-энциклопедист И.С.Орлай защитил диссертацию на звание доктора медицины и хирургии, доктора философии, магистра словесных наук. Интересовался языками, историей, был опытным организатором педагогического дела, направленного на демократизацию воспитательного процесса. Ученый-педагог придерживался передовых просветительских взглядов Песталоцци [5]. Приступив к исполнению своих обязанностей директора, он усовершенствовал программу, разработанную В.Г.Кукольником, наметил ряд новых мер по улучшению работы Гимназии.

Нежинская гимназия высших наук была основана для привилегированных сословий – дворян, духовенства и выходцев из офицерских семей “с целью подготовки юношества к служению государству” (Устав, § 3).

Однако И.С.Орлай ставил вопрос о предоставлении права вступления в Гимназию всем желающим юношам. И добился этого. Так, в 1825г. обучалось выходцев из дворян – 207, купцов и мещан – 17, разночинцев – 7, выходцев из греческих семей – 22, козаков – 2. В 1828 г. среди гимназистов появились и “вольноотпущенные”, то есть крестьянские дети.

В своей работе “Мнение о преобразовании училищ в России” И.С.Орлай отстаивал мысль о том, что необходимо дать детям образование любых сословий, ибо “доброе воспитание юношества есть первая основа благосостояния государства, отсюда добрые отцы семейства, добрые граждане, добрые чиновники. Всякий благомыслящий уверен в той непреклонной истине, что если бы в государстве все сословия были образованы... то чистая нравственность и добродетель, сами собою постыждая возникающий порок, служили бы всегдашнею преградой столь пагубному для человеческого рода разврату, а следовательно, все сословия государства наслаждались бы мирной жизнью и счастьем в спокойствии в незазорной совести” [6]. И свое размышление, несколько идеализированное, И.С.Орлай подтверждал примерами, в частности, из жизни М.Ломоносова.

И.С.Орлай, продолжая размышлять над этим далее, ставил вопрос: “И почему бы дети неимущих родителей должны быть исключены от

чувствований добродетели и чести?” И отвечал, что, кроме убытка, ничего хорошего из этого не выходит. Жизнь М.Ломоносова, вышедшего из простой рыбацкой семьи, подтверждает, что “в бедности скрываются нередко величайшие дарования и отличные таланты” [7].

Эти демократические взгляды директора гимназии оказывали влияние на формирование контингента учащихся.

Сначала Гимназия высших наук была учебным заведением закрытого типа – студенты не только обучались в ее аудиториях, но и обязаны были здесь проживать в пансионе. Это ограничивало возможности относительно расширения ученического контингента. Кроме того, не каждый желающий дать своим детям высшее образование был в состоянии внести высокую плату за обучение и содержание в пансионе – 1000 руб. в год.

И.С.Орлай добился того, что с 1821 года в гимназию начали принимать “вольноприходящих”, то есть юношей, которые в ней только учились, а квартиры нанимали в городе. Тенденция к приему “вольноприходящих” гимназистов быстро росла, тем более, что в городе не было среднего учебного заведения для мальчиков. Если в 1821 г. было принято 44 пансионера и 13 “вольноприходящих”, то в 1828 г. – 52 пансионера и 228 “вольноприходящих”.

Года	Пансионеров	Вольноприходящих	Вместе
1820	17	-	17
1821	44	13	57
1822	62	60	122
1823	77	79	156
1824	77	125	202
1825	77	178	255
1826	67	187	254
1827	53	181	234
1828	52	228	280

Таблица контингента учащихся Гимназии

Устав гимназии, который разрабатывался в продолжении долгого времени, был окончательно утвержден только 19 февраля 1825 г. Он определял, как и программа В.Кукольника, девятилетний срок обучения на три периода. Первые три года – низший курс, последующие три – средний курс, последние три – высший курс. На первых двух курсах ученики изучали предметы по программе классической гимназии, а на последнем осваивали цикл юридических и филологических дисциплин.

Устав гимназии (§ 10) определял и содержание образования, круг тех вопросов, которые изучали гимназисты: “1) Закон Божий; 2) языки и словесности – российскую, латинскую, греческую, французскую; 3) географию и историю; 4) науки физико-математические; 5) политические; 6) военные. Кроме того, танцы, рисование и черчение”.

В среднем трехлетнем курсе обучали, кроме Закона Божьего, русскую словесность, которая включала в себя также общие правила логики, риторики и поэтики, общую и российскую географию, древнюю и новую всемирную и российскую историю, а также алгебру, теоретическую и практическую геометрию, тригонометрию, рисование и черчение.

Высший курс предусматривал изучение теории канонических пересечений, историю последних трех столетий с указанием на дипломатию, общую естественную историю всех трех царств природы, физику с включением общих законов статики и механики.

В программе этого отделения значительное место занимали общественные и особенно юридические науки – логика, начальные основы моральной философии и естественного права, основы общего народного права и государственного хозяйства, краткая история римского законовещения и основ римского права, российское гражданское и криминальное право. Таким образом, Гимназия высших наук кн. Безбородко давала, по существу, энциклопедические знания и готовила будущего образованного чиновника.

Девиз Безбородьков на здании университета

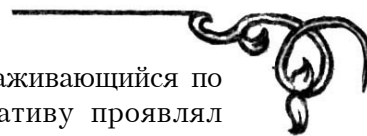

Особенно большое внимание придавалось изучению русского, латинского, немецкого и французского языков. И.С.Орлай поделил весь срок обучения на четыре периода освоения языков, в которых могли быть учебники разных классов, и не разрешал переводить гимназистов в высший класс без знания языков. Для дальнейшего усовершенствования их гимназисты читали, переводили и анализировали на занятиях, например, по латинскому языку произведения Горация, Вергилия, Лукреция, по немецкому языку – Виланда, Гербера, Гете, Шиллера, по французскому – Лагарпа, Корнеля, Расина и др. Более того, И.С.Орлай считал, что все служащие гимназии должны были говорить на одном из этих языков и общаться с гимназистами на нем в свободное от занятий время.

Занятия были организованы в форме двухчасовых лекций с 8 до 12 часов, а потом – с 14 до 16 часов. Экзамены проводились в конце года и были двух видов “частные” (личные) и публичные. Основным критерием знаний предметов был результат частного экзамена. Он проходил в присутствии всех профессоров под руководством директора гимназии. На этих экзаменах определялись гимназисты, которые имели право выступать на публичных экзаменах, которые проходили в присутствии не только всех преподавателей, но и гостей, высшего городского начальства, знати, родителей. Это был своеобразный праздник в учебном заведении.

Оценивали в гимназии знания по четырехбальной системе. Отметка 2 означала познания “удовлетворительные”, 3 – “довольно хорошие”, $3\frac{1}{2}$ – “хорошие” и 4 – “превосходные”, или “отлично хорошие”. Именно из этого необходимо исходить, когда оцениваем успехи Н.Гоголя и других гимназистов.

Гимназист Н.Кукольник в своих воспоминаниях представил директора как “всегда на вид строгого, всегда важного, почти сурового, но под этой наружной холодностью носившего безграничную любовь к человечеству, во всех его возрастах. Иван Семенович был роста более чем среднего. Несмотря на важное выражение, лицо его внушало чувство глубокого уважения без примеси боязни. Всегда в белом галстуке, повязанным по-тогдашнему веревочкой, всегда одетый, так что я и не помню, был ли у Ивана Семеновича шлафрок. Семейные предания утверждали, что он в свое время был даже щеголем” [8]. Н.Кукольник обратил внимание и на некоторые его недостатки: “Иван Семенович легко раздражался, постепенно разгораясь, он иногда прибегал к приемам петровским не только в отношении к ученикам, но и к преподавателям. Как не любил он ученических прогулок по коридорам, так и не жаловал, чтобы и преподаватели при смене лекций теряли время в неуместных беседах в тех же коридорах...” [9].

Иногда на глаза ему попадался и Н.Гоголь, прохаживающийся по коридору во время занятий. В этом случае инициативу проявлял Н.Гоголь. Он шел навстречу директору и передавал привет от батюшки с заверением, что на хуторе И.С.Орлая, который находился рядом с Васильевкой, всё нормально. Директор в свою очередь передавал Василию Афанасьевичу привет и благодарность и уходил, не наказав гимназиста.

Иван Семенович был очень внимателен к своим воспитанникам, часто некоторых из них, в том числе Н.Гоголя, приглашал к себе на обед, для беседы. Об этом, кроме Н.Кукольника, рассказывал и И.Кулжинский. На это указывают также архивные документы.

В гимназии И.С.Орлай работал пять лет. Его влияние как историка на гимназистов было огромным. По инициативе директора гимназии в Нежине велись археологические раскопки, собирались исторические документы и материалы, грамоты, переписные книги, уложения, статуты, летописи, поучения и т. д. В рукописных фондах находились и книги в деревянных переплетах, обтянутые холстом или кожей, с металлическими застежками. Все это не могло не заинтересовать гимназистов. Как свидетельствуют многие исследователи, именно И.С.Орлай привил любовь к истории, прошлому России и Украины многим своим воспитанникам.

Огромную роль в жизни гимназистов имели беседы И.С.Орлая со своими учениками по истории. Они побуждали слушателей во внеурочное время углублять свои знания. Как свидетельствует гимназист И.Хальчинский, в это время было создано историческое общество под председательством старших воспитанников гимназии П.Г.Редкина и В.И.Любича-Романовича [10], на которых особое внимание обращал И.С.Орлай. Сохранилось сочинение Н.Гоголя “В какое время делаются славяне известными в истории, где, когда и какими деяниями они себя прославили до расселения своего и какое их было расселение”. И.С.Орлай поощрял творческий порыв гимназистов, стремился привить им любовь к отечественной и всемирной истории, развить у них самостоятельность. Есть немало свидетельств, которые говорят о том, что гимназисты во многом “обязаны духу заведения, тому высокому, поэтическому и веселому направлению, которое в воспитанников умел вдохнуть достойный начальник” [11].

И.С.Орлай знал хорошо не только историю, но и литературу. Он был магистром словесных наук, блестяще знал многие иностранные языки. На переломе XVIII–XIX вв. ученый стал в один ряд с энциклопедически образованными людьми, был членом многих научных обществ, переписывался с немецким поэтом и мыслителем И.В.Гете,

тогда председателем Йеменского общества естественных наук. У Гете и Орлая были общие интересы в области медицины, физиологии. Их дружба продолжалась с 1795 по 1817 г. И.С.Орлай был также знаком с одним из основоположников украинской литературы И.П.Котляревским [12].

Научно-педагогическая деятельность И.С.Орлая, ученого-энциклопедиста, который придерживался передовых просветительских воззрений Песталоцци, а также его выдающиеся организаторские способности были направлены на демократизацию учебно-воспитательного процесса. При нем работали такие преподаватели, как К.Б.Шапалинский (1820–1830), Н.Г.Белоусов (1825–1830), Ф.И.Зингер (1824–1830), М.Ф.Соловьев (1825–1937), И.Я.Ландражин (1822–1830), С.М.Андрущенко (1822–1832), художник К.С.Павлов (1820–1839) и другие. Многим из них гимназисты были обязаны своими знаниями. Самое главное, что большинство преподавателей развивали творческие способности своих учеников, заставляли думать, размышлять, самостоятельно выражать свои мысли.

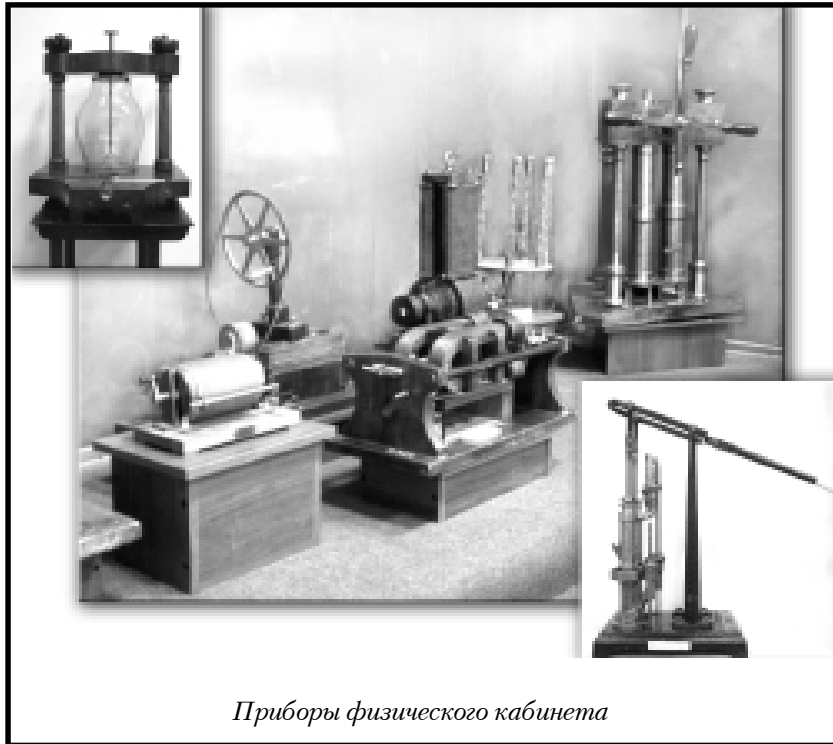
И.С.Орлай предъявлял свои требования преподавателям гимназии: иметь соответствующие свидетельства об окончании учебного заведения, документы об университетском образовании, присуждении степени кандидата, магистра, доктора, владеть разнообразными знаниями, которые дали бы возможность при необходимости заменять друг друга. Кроме этого, директор дал возможность профессорам дискутировать между собой, ибо рассчитывал, что этим самым он сможет из них “образовать самостоятельное и разумное общество и видеть в них не игрушечных человечков с ниточкой, за которую дергает невежественная рука по утвержденной программе, а рассуждающих помощников”. Эти слова принадлежат одному из студентов И.С.Орлая Нестору Кукольникову. И в них он смог отметить то характерное, что было присущим директору гимназии как педагогу и организатору педагогического дела.

Директору И.С.Орлаю помогал в решении многих вопросов **почетный попечитель гимназии граф Александр Григорьевич Кушелев-Безбородко** (1800–1855). Он занимался вместе с директором подбором преподавательских кадров, пополнением библиотеки новой литературой, наглядными пособиями и т.п.

В конце 1822 г. А.Г.Кушелев-Безбородко пожертвовал минералогический кабинет, который состоял из 642 образцов пород, а также физический и “минц-кабинет” с нумизматической коллекцией. Благодаря ему был решен вопрос об открытии в Гимназии церкви.

17 августа 1822 г. граф А.Г.Кушелев-Безбородко сообщал директору И.С.Орлаю, что домовая церковь при гимназии будет заложена в честь священномученика Александра в память о князе А.А.Безбородко. Она была освящена 22 июня 1824 г.

Приборы физического кабинета

Граф не только помогал, но и проверял гимназию. В сентябре 1823 года А.Г.Кушелев-Безбородко советовал директору улучшить учебную, воспитательную, хозяйственную деятельность заведения. Хотя попечитель Харьковского учебного округа Е.Я.Карнеев сообщал 20 сентября 1823 г. И.С.Орляю: “Осмотрев с должным вниманием и во всей подробности Нежинскую гимназию, я нахожу устройство оной заслуживающим всякого уважения”.

В июле 1824 г. А.Г.Кушелев-Безбородко направил письмо в Конференцию гимназии, в котором выразил свое удовлетворение результатами годовых экзаменов по математике, истории, российской и латинской словесности. В то же время он обратил внимание на необходимость улучшения преподавания иностранных языков и предложил читать лекции в пятом и шестом отделениях только на иностранном языке, а на изучение юридических наук в седьмом и восьмом классах увеличить количество часов [13].

Хотелось бы обратить внимание еще на один интересный факт, который связан с деятельностью почетного попечителя. 28 декабря 1821 г. он подал прошение на имя министра народного просвещения, в котором предлагал создать при гимназии “ученое общество, которое в

особенности занималось бы историческими исследованиями, до того края относящимися” [14].

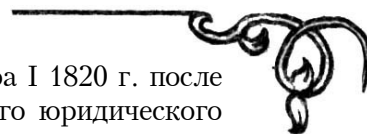
А.Г.Кушелев-Безбородко понимал, что история города Нежина и его округа может дать интересный материал для исследователей. В свою очередь министр направил распоряжение попечителю Харьковского учебного округа З.Я.Карнееву, а тот в январе 1822 г. директору гимназии И.С.Орлаю об организации научного общества.

К сожалению, 10 февраля 1822 г. Конференция гимназии отклонила это предложение, ссылаясь на малочисленность профессорско-преподавательского состава, отсутствие необходимых источников, а также проблемами, связанными с учебным процессом. В свою очередь И.С.Орлай выразил особое мнение о необходимости изучать южную Россию, которая находится за пределами империи, имея, очевидно, ввиду Карпато-Руссию. Заметим, что он самостоятельно занимался этими проблемами и в 1826 г. опубликовал свой труд “О юго-западной Руси”.

Если говорить о составе преподавателей, то, действительно, он был малочисленным. К этому времени были приняты на работу мл. профессор российской словесности П.И.Никольский, мл. профессор латинского языка и словесности И.Н.Пилянкевич, мл. профессор математических и естественных наук К.В.Шапалинский, учитель младших классов Ф.И.Чекиев, учитель рисования К.С.Павлов, надзиратели Е.И.Зельднер и А.И.Аман, мл.профессор истории, географии и статистики К.А.Моисеев, законоучитель П.И.Волынский, мл. профессор французской словесности И.Я.Ландражин, учитель немецкой словесности М.В.Билевич. Вот и весь состав преподавателей и служащих. Поэтому в этих условиях никак нельзя было заниматься исследовательской деятельностью. И об этом можно было только сожалеть. Однако сами гимназисты П.Редкин, В.Любич-Романович и другие во второй половине 1824 – первой половине 1825 гг. создают свое историческое общество и уделяют внимание вопросам изучения всемирной истории.

Граф А.Г.Кушелев-Безбородко ежегодно бывал в Нежине, иногда проживал в городе до месяца, интенсивно вел переписку, стремился воздействовать на дисциплину и порядок в гимназии. Хотя, как заметил Н.Гоголь в письме к матери от 23 ноября 1826 г., граф пробыл в гимназии “немалое время, много говорил, ничего не сделал и уехал восвояси” [15]. В этом же письме юный Гоголь выразил и свое скептическое отношение к И.С.Орлаю, который, получив назначение в Ришельевский лицей в Одессе на должность директора, уехал 28 октября 1826 г. из Нежина: “Орлай наш успел везде охулить нашу гимназию, что, думаю, и он от того так мало о ней печется; ...получили на сих днях письмо от Орлая, он и тем заведением не доволен”.

К сожалению, личная жизнь А.Г.Кушелева-Безбородко осложнялась ранней смертью любимой жены, переживаниями за судьбу детей.

В 1855 г. он скончался. Согласно указа царя Александра I 1820 г. после смерти А.Г.Кушелева-Безбородко попечение Нежинского юридического лица, который открылся к этому времени, перешло к старшему его сыну Григорию Александровичу.

С каждым годом число преподавателей увеличивалось. Если в 1821 – 1822 годах их было 9, то в 1823 г. – 12, в 1824 – 16, а в 1825 г. – 19 человек. Среди них было немало талантливых педагогов, прекрасных знатоков своего предмета.

Преподаватели и служащие Гимназии

Аман Август Иванович	1820–1831	библиотекарь
Аман Адольф Иванович	1823–1829	надзиратель
Андрущенко Семен Матвеевич	1822–1832	младший профессор латинской словесности
Билевич Михаил Васильевич	1821–1833	старший профессор политических наук
Блохан Платон	1825–1826	надзиратель
Белоусов Николай Григорьевич	1825–1830	младший профессор римского права
Ванновский Семен Иванович	1825–1831	надзиратель
Волынский Павел Иванович	1821–1829	законоучитель
Вуаргард Янов Клавдиевич	1824–1832	учитель французского языка
Зингер Федор Осипович	1824–1830	профессор немецкой словесности
Зельднер Егор Иванович	1820–1829	надзиратель
Ильяшевич Родион	1828–1829	канцелярский чиновник
Иеропес Христиан Николаевич	1822–1833	младший профессор греческого языка
Кукольник Василий Григорьевич	1820–1821	директор
Кукольник Платон Васильевич	1820–1821	учитель низших классов
Кулжинский Иван Григорьевич	1825–1829	учитель латинского языка
Ландражин Иван Яковлевич	1822–1830	младший профессор французской словесности
Лопушевский Антон Васильевич	1823–1834	учитель арифметики
Масленников Николай Никитич	1826–1829	надзиратель
Моисеев Кирилл Абрамович	1820–1837	профессор русской словесности, истории и статистики
Мишковский Иван Григорьевич	1825–1826	надзиратель
Никольский Парфений Иванович	1820–1833	старший профессор русской словесности
Орлай Иван Семенович	1821–1827	директор
Павлов Капитон Семенович	1820–1839	учитель
Персидский Константин Андреевич	1823	учитель грамматики и чистописания
Пиланкевич Иван Николаевич	1820–1822	младший профессор словесности
Самойленко Алексей Ильич	1823–1838	кассир и учитель географии
Севрюгин Федор Емельянович	1822–1838	учитель музыки
Соловьев Никита Федорович	1825–1837	профессор естественных наук
Тарновский Афанасий Иванович	1820–1835	экономист и экзекутор
Урсо Осип Демьянович	1824–1835	учитель фехтования
Фибинг Карл Карлович	1823–1833	лекарь
Филиберт Иван	1823	надзиратель
Шапалинский Казимир Варфоломеевич	1820–1830	старший профессор математических наук
Шишкин Сила Иванович	1826–1834	экзекутор
Штейн Франц Иванович	1829–1831	надзиратель
Ясновский Данило Емельянович	1827–1835	директор

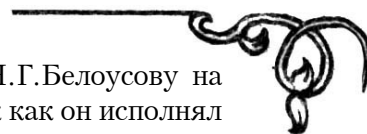

Одним из первых преподавателей гимназии был профессор математических и естественных наук **Казимир Варфоломеевич Шапалинский** (1786–?), который начал работать с 6 ноября 1820 г. Это был честный, справедливый, влюбленный в свой предмет педагог, который умел увлечь им и своих учеников.

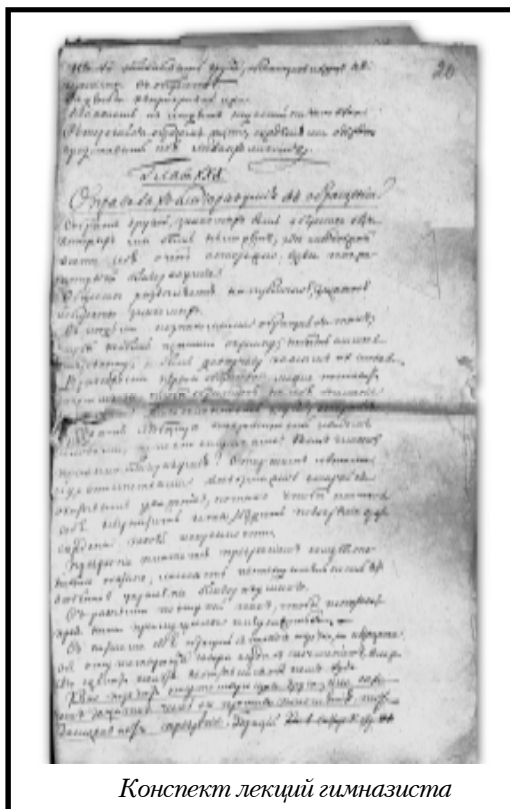
Выпускник 1826 года П.Г.Редкин, позже известный ученый, вспоминая своих воспитателей в Нежине, говорил о К.В.Шапалинском: “Безукоризненная честность, неумытная справедливость, правдолюбивое прямотушие, скромная молчаливость, тихая серьезность, строгая умеренность и воздержание в жизни, отсутствие всякого эгоизма, всегдашняя готовность ко всякого рода самопожертвованиям для пользы ближнего... вот основные черты нравственного характера этого чистого человека, достойного во всех отношениях гораздо лучшей участи... Как профессор, он горячо любил и очень хорошо знал преподаваемые им предметы и излагал их с краткою, но ясною сжатостью, без всякого фразерства, но с увлечением, умея заохочивать к их изучению тех из учеников, в которых таилась искра бескорыстной преданности истине, науке” [16]. Н.Гоголю трудно давались математические предметы, но он любил фортификацию, которую читал К.В.Шапалинский. Об этом Н.Гоголь писал своим родителям.

К.В.Шапалинский был человеком прогрессивных взглядов, и это отразилось не только на системе обучения и воспитания гимназистов, но и в той атмосфере, которая установилась в гимназии, когда он временно исполнял обязанности ее директора. В связи с “делом о вольнодумстве” он был сослан во Вятскую губернию, где долгое время находился под надзором полиции.

Глубиной и доступностью толкования многих социальных явлений с прогрессивных позиций отличались лекции выпускника Харьковского университета профессора римского, а затем и естественного права **Николая Григорьевича Белоусова** (1799–1854), который хорошо знал не только философию, право, но и литературу [17]. Уже в студенческие годы он выступал с собственными сочинениями, которые читал на общих собраниях первого и второго курсов – “Последние минуты Демосфена”, перевод с греческого, и “Рассуждение о Солических записках и сравнение оных с Русскою Правдою”. До Нежина он работал учителем русской словесности в Киевской губернской гимназии. “Он разумел критический характер, достоинства, недостатки, склад слога каждого писателя, цитируя наизусть иногда отрывки из малоизвестных сочинений целыми страницами. И при всем том литература для него была – значением посторонним, вспомогательным, так как главным предметом его занятий были науки юридические” [18]. Читал он свой курс естественного права по учебнику Ф.Шмальца “Право естественное” (СПб., 1820) и “Руководству по философии права” в переводе с

немецкого П.Сергеева. Знание литературы помогало Н.Г.Белоусову на занятиях по праву, а также во внелекционной работе, так как он исполнял и обязанности инспектора.

Латинскую словесность в четырех высших отделениях в гимназии – (с 1822 по 1832 гг.) преподавал профессор **Семен Матвеевич Андрущенко** (1782–1850). Имея хорошее базовое образование, владея методикой работы с учениками, С.М.Андрущенко быстро добивался значительных успехов. В течение двух лет гимназисты свободно переводили с русского языка на латинский, и наоборот, писали сочинения по-латыни. Среди переводимых авторов были произведения Горация, Вергилия, Лукреция.

Профессор немецкой словесности **Фридрих Иосифович Зингер** (1793–?) получил отличное образование, много путешествовал по Италии, Германии, Дании [19]. Он умел увлечь своим предметом, открыл студентам “живописный родник истинной поэзии”. Ф.И.Зингер знакомил их с лучшими произведениями немецких писателей в оригинале, привлекал учащихся к переводам. Как вспоминал Н.Кукольник, не прошло и года, как у Ф.И.Зингера появились ученики,

которые переводили “Дон Карлоса” и другие поэмы Шиллера, а затем Гете, Коцебу, Г.Лихтенберга, Кернера, Виланда, Клопштока и многих других немецких писателей, не исключая даже своеобразного Жан Поль Рихтера. В течение четырех лет произведения этих авторов были любимым предметом изучения многих учеников Ф.И.Зингера [20]. Некоторые гимназисты так увлеклись переводами, что это затем стало их профессиональным делом. Получая из Германии литературные альманахи, профессор знакомил гимназистов с новинками немецкой литературы.

Французскую словесность преподавал **Иван Яковлевич Ландражин** (1794–?). Он получил хорошее образование, знал свой предмет, старался привить любовь к нему и гимназистам. Он имел опыт педагогической работы. До этого он был учителем в Киевской гимназии [21]. На его занятиях переводили Лагарпа, Корнеля, Расина и других представителей французской литературы. Во время нежинского “дела о вольнодумстве” выяснилось, что И.Я.Ландражин давал гимназистам читать книги Вольтера, Гельвеция, Монтескье, Руссо, за что и пострадал. В 1830 г. он был уволен.

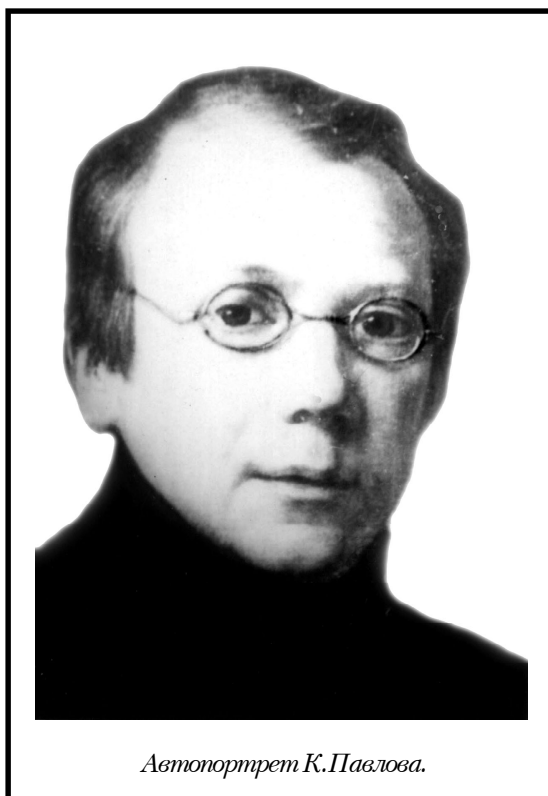
В гимназии И.Я.Ландражин заведовал также библиотекой, и к нему часто наведывались ученики и студенты, пользовались его советами. По свидетельству гимназистов, он оказывал на них сильное влияние.

Знание языков, в частности французского, дало возможность осуществить замысел гимназиста П.Г.Редкина, к которому присоединились однокурсники В.И.Любич-Романович, В.В.Тарновский, а затем К.М.Базили, Н.В.Кукольник, Н.Я.Прокопович, – составить из переведенных произведений зарубежных писателей полный курс всеобщей истории по самой подробной программе, о чем мы говорили выше.

В гимназии большое внимание уделялось изучению русского, латинского, немецкого, французского, а для желающих – и греческого языков. И.С.Орлай, беспокоясь об углублении знаний по языкам, выдвинул идею, согласно которой предполагалось, что “в последнем трехлетии, или академическом курсе, будут студенты упражняться практически в сочинениях на всех преподающихся в гимназии языках”. Это способствовало развитию творческих способностей учащейся молодежи. Для некоторых гимназистов знание языков определило их дальнейшую служебную и творческую деятельность. Становится известным переводчиком В.Любич-Романович. Остались в литературе переводы А.Бородина, в искусстве – А. Мокрицкого.

С 17 сентября 1820 г. учителем рисования в гимназии работал **Капитон Степанович Павлов** (1792–1852). Он закончил Петербургскую Академию искусств, был учеником К.Брюллова. За

успехи в портретной живописи ему было присвоено звание “свободного художника с правом пользоваться ему с потомством его в вечные родителям преимуществами, которые высочайше данной Академии привелегии выше присвоены...”

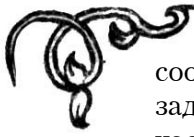

Автопортрет К.Павлова.

В Нежине К.С.Павлов продолжал создавать свои оригинальные произведения. Среди них следует назвать “Автопортрет”, портреты Б.Лизогуб, Д.С.Горленко, картины “Чабан”, “Плотник”, “Мальчик с голубком”, “Дети читают азбуку”, “Портрет дочери художника” и др. По творческой манере эти произведения, особенно портреты, близки к работам А.Г.Венецианова, В.А.Тропинина. Но, как утверждают некоторые исследователи, К.Павлов в создании образов тружеников пошел немного далее их.

Некоторые произведения К.Павлов посылал из Нежина в Петербург в Академию искусств, которые выставлялись там и продавались.

К.Павлов много работал, чтобы развить у гимназистов способности к рисованию. Сохранились архивные документы, конспект художника, которые дают представление о работе с гимназистами. Каждый вторник они занимались на уроках рисования исключительно рисунком. В

соответствии с подготовкой гимназистов изменялось и усложнялось задание. В документе читаем: “Ученики начинающие будут учиться: части головы человеческой и началу ландшафтов. Ученики средние будут учиться: части головы тела человеческого, как то: лица, руки, ноги, ландшафты, цветки и разного рода зверей.

Ученики лучшие будут учиться головы человеческой с эстампов, ландшафтов карандашом, тушью и красками” [22].

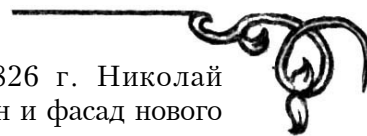
К.Павлов учил гимназистов владеть техникой рисунка, создавать зарисовки красками, тушью. Благодаря художнику формируется и развивается талант будущих академиков живописи Апполона Мокрицкого и Андрея Гороневича, первого иллюстратора рукописного “Кобзаря” Т.Шевченко Якова де Бальмена и других.

К.Павлов оказал сильное влияние и на Н.Гоголя. “Я всегда чувствовал маленькую страсть к живописи”, – подчеркивал писатель. В письме к родителям от 22 января 1824 г. он сообщал: “Извините, что я вам не посылаю картин. Вы, видно, не поняли, что я вам говорил, потому что эти картины, которые я вам хочу послать, были рисованы пастельными карандашами и не могут никак дня пробыть, чтоб не потереться, ежели сейчас не вставить в рамки. И для того прошу у вас и повторяю прислать мне рамки такой величины, как я вам писал, то есть две таких, которые бы имели $\frac{3}{4}$ аршина в длину и $\frac{1}{2}$ в ширину, а одна такая, которая бы имела $1\frac{1}{4}$ длины и $\frac{3}{4}$ ширины, да еще маленьких две – $\frac{1}{4}$ и 2 вершка длины и $\frac{1}{4}$ ширины” [23]. И в конце письма строчка: “Ежели бы вы увидели, как я теперь рисую (я говорю о себе без всякого самолюбия)”.

К.Павлов умел укрепить у детей любовь к рисованию, втянуть их в творческий процесс. Десять писем Н.Гоголя к своим родным свидетельствуют, что интерес у будущего писателя к рисованию был постоянным благодаря К.Павлову. В конце 1823 г. Н.Гоголь писал родным: “Я трудился долго и наконец нарисовать успел 3 картины, а 4-ю еще только начал и можно сказать, что стоит чего-нибудь. Ежели бы вы видели, то верно бы не могли поверить, что я рисовал. Только жаль, что они пропадут, ежели не будет рамок, ибо они все рисованы на грунту и долго лежать никак не могут и для того прошу вас покорнейше прислать как можно поскорее рамки со стеклами”. В письме от 18 марта 1825 года Н.Гоголь расширил сведения о своих занятиях живописью: “Хотел бы вам (прислать) несколько картинок, рисованных на картонах и сухими колерами, но некоторые из них еще не dokonчены, а другие боюсь чтоб не потерялись дорогою, потому что рисовка их весьма нежна”.

К сожалению, рисунков Н.Гоголя сохранилось мало. Это, прежде всего, ситуационное черчение, архитектурные эскизы тушью собора и церковной башни, две акварели переднего и заднего фасадов дома Гоголя

в Васильевке в готическом стиле. 10 сентября 1826 г. Николай Васильевич писал матери о последнем: “Я отыскал план и фасад нового дома, который я еще рисовал при папине. Посылаю вам их, они сниманы без масштаба, без исправности, но ими можно пользоваться, когда нет другого, и особенно касательно наружных украшений. Один фасад представляет передний вид дома, другой задний”.

Вспоминая свое детство, Н.Гоголь в статье о Пушкине свидетельствовал: “Мне пришло на память одно происшествие из моего детства. Я всегда чувствовал в себе маленькую страсть к живописи. Меня много занимал писанный мною пейзаж, на первом плане которого раскидывалось сухое дерево. Я жил тогда в деревне; знатоки и судьи мои были окружные соседи. Один из них, взглянув на картину, покачал головой и сказал: “Хороший живописец выбирает дерево рослое, хорошее, на котором бы и листья были свежие, хорошо растущее, а не сухое”. В детстве мне казалось досадно слышать такой суд, но после я из него извлек мудрость: знать, “что нравится и что не нравится толпе” [24].

Этот рисунок, сделанный карандашом, сохранился и известен под названием “Сельский пейзаж”. В гимназии Н.Гоголь рисовал также декорации к спектаклям, которые ставились на сцене театра. И здесь не обошлось без советов учителя рисования К.Павлова. Как свидетельствует искусствовед Сергей Раевский, опираясь на воспоминания внучки К.Павлова Н.Агарковой, художник часто приглашал Н.Гоголя к себе домой или в “малинник”, где заставлял его рисовать с натуры” [25].

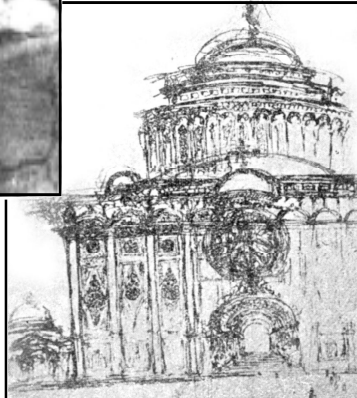
Об этом вспоминают дочери К.Павлова, которые проживали в Нежине [26].

Интерес Н.Гоголя к живописи нашел свое отражение и в созданных им образах художников в повестях “Невский проспект”, “Портрет”, а также в публицистических статьях об искусстве. Позже автор “Вечеров...” бывал на выставках-продажах картин в “Товариществе поощрения художников”. На одной из них он увидел картину К.Павлова “Растиратель красок” и потом о ней вспомнил, когда писал вторую редакцию повести “Портрет”. Это единственное описание картины К.Павлова, которую не удалось до сих пор разыскать.

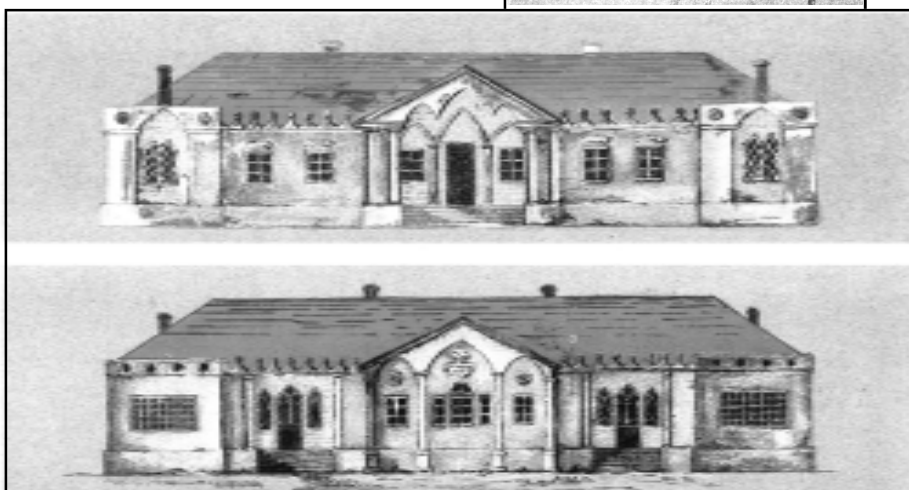
Страсть к живописи у Н.Гоголя осталась надолго. Проживая в 1830 г. в С.-Петербурге, он сообщал матери: “После обеда в пять часов отправляюсь я в класс, в академию художеств, где занимаюсь живописью, которую я никак не в состоянии оставить, — тем более, что здесь есть все средства совершенствоваться в ней, и все они кроме труда и старания ничего не требуют. По знакомству своему с художниками, и со многими даже знаменитыми, я имею возможность пользоваться средствами и выгодами, для многих недоступными. Не говоря уже об их таланте, я не могу не восхищаться их характером и обращением: что это за люди!” [27].

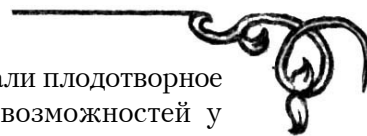

Самойленко Г.В.

Рисунки Н.Гоголя

Педагоги гимназии, о которых шла речь выше, оказали плодотворное влияние на формирование и раскрытие творческих возможностей у гимназистов. Знание истории, права, всемирной литературы, которая читалась вместе с иностранными языками, искусства, помогали им выработать свою позицию в отношении к событиям общественной жизни, к художественным явлениям, т. е. шел процесс формирования их взглядов.

Неоднозначным было отношение у гимназистов к преподавателям К.А.Моисееву, М.В.Белевичу, П.И.Никольскому, И.Г.Кулжинскому и некоторым другим. Два последних были причастны к литературе, сами занимались сочинением художественных произведений.

Кирилл Абрамович Моисеев (1790–1853), выпускник Харьковского университета, читал курс истории, географии и статистики. Как отмечают гимназисты, отличался словесным красноречием, однако глубины в чтении предметов не было.

Проф. Н.А.Лавровский, анализируя учебную деятельность К.А.Моисеева, писал: “Моисеев больше всех оставался в Нежинской гимназии – со времен ее открытия до конца 1837 года. Ни буря 1827–1828 годов, рассеявшая многих преподавателей, ни преобразование гимназии в физико-математическую школу, последовавшее в 1832 году, не поколебали его укрепленной позиции. Внимательный пересмотр его ежегодных конспектов и отчетов, составленных неумело и даже не совсем грамотно, не приводит к благородным заключениям о достоинстве его преподавания” [28].

Исполняющий обязанности директора К.В.Шапалинский, проверяя конспекты К.А.Моисеева, сделал следующий вывод: “Замечено мною, что история отечественная, главный во всех просвещеннейших государствах предмет занятий при воспитании юношества, для выпускных учеников отдельно читана не была, да и вся история вообще приходится не в надлежащем порядке и без указания ученикам на карте мест, где достопамятнейшия происшествия происходили” [29].

Проф. К.А.Моисеев при чтении своих предметов пользовался утвержденными учебниками. Если и отходил от них, то это не всегда у него получалось, ибо предмет изложения часто не поддавался его осмыслению, о чем свидетельствовали его студенты. Нет ни одного высказывания гимназистов, которое указывало бы на плодотворное влияние К.А.Моисеева как историка на своих учеников. Н.Кукольник вспоминал: “Помню, как теперь, знаменитую лекцию об исконийцах. Два часа употребил он на то, чтобы доказать, что аборигены – были не что иное, как исконийцы, то есть народ, обитавший в России *ab origine*, то есть искони – и не кончил, так как колокольчик зазвенел и прервал

ряд остроумных лингвистических соображений. “В следующий раз поговорим об этом предмете подробнее”, – прервал он, запинаясь, и тем закончил прерванную лекцию” [30].

Лекции К.А.Моисеева, очевидно, не удовлетворяли думающих студентов, и они самостоятельно постигали знания. Гимназисты П.Редкин, Н.Кукольник, В.Любич-Романович, Н.Билевич, В.Домбровский, В.Тарновский, К.Базили и др. занимались переводами исторических книг, художественных произведений на исторические темы. “Я помню, например, что П.Г.Редкин и я, – писал Н. Кукольник в своей “Памятной книжке”, – между делом и бездельем, в часы досуга, перевели почти целый том продолжения истории Роллана Кретье. У нас многие гнушались проходить историю по Кайданову. Проходят крестовые походы – все читают Мишо и отвечают иногда даже к видимому смущению учености профессора; проходят историю тридцатилетней войны – все читают собственный перевод Шиллера. Каков был перевод – это дело другое, но точность его была исправлена профессором Зингером – и факты от того не могли измениться. Во время преподавания истории Римского права были ученики, которые могли рассказать внутреннюю домашнюю жизнь римлян, как будто сами там в то время жили, а самое право учили по римскому своду законов, т. е. по Юстиниановым институциям, на языке подлинника”.

Вот еще одно свидетельство: “На долю Базили достались египтяне, ассирияне, персы и греки – и он года в полтора написал тысячу или 1500 страниц сверх уроков по классам и всех литературных изданий, которые шли своим чередом” [31].

Все эти воспоминания гимназистов свидетельствуют, что К.А.Моисеев не был влюбленным в свой предмет, не мог заинтересовать им своих студентов. Глубокие знания по истории они получали самостоятельно как бы в противовес профессору.

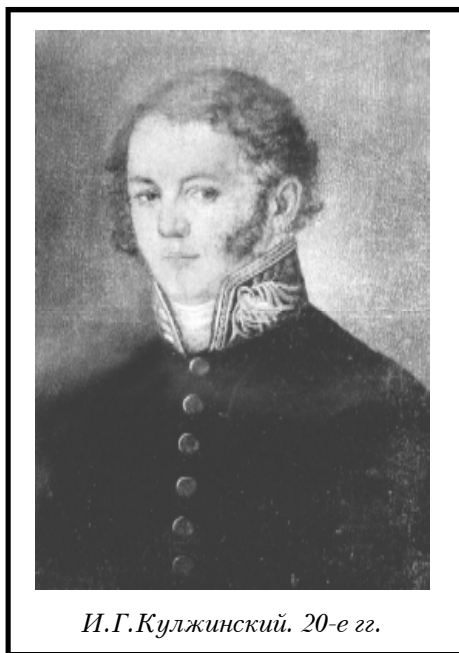
С таким же успехом преподавал К.А.Моисеев и географию, чтение которой было передано учителю А.И.Самойленко.

“О характере Кирилла Абрамовича, – вспоминал Н.Кукольник, – я не могу сказать ничего положительного. Как про инспектора скажу, что не могу его назвать ни злым, ни добрым. Как теперь раздумываю, то мне кажется, что он об нас вовсе не думал” [32].

Критически относились гимназисты и к занятиям проф. **Михаила Васильевича Билевича** (1779–?), который читал теорию права, а также российское гражданское право, историю римского права и другие предметы. Читал по утвержденным учебникам. Ничем особым себя не проявил, кроме написания кляуз и создания нервозности и напряжения в коллективе. По вине М.В.Билевича началось преследование

профессора Н.Г.Белоусова и других его коллег, которое переросло в “дело о вольнодумстве”. Он же резко выступил против занятия гимназистов театром. Поэтому его не уважали ни студенты, ни большинство преподавателей.

Иван Григорьевич Кулжинский (1803–1881) начал работать в гимназии с мая 1825 года, занял должность преподавателя латинского языка. До этого он трудился в Черниговском духовном уездном училище [33]. В своей автобиографии И.Г.Кулжинский рассказывал, как его своеобразно экзаменовал И.С.Орлай при поступлении на работу в гимназию: попросил к себе обедать и во время обеда заставил говорить на латинском языке. За столом был пансионер В.Любич-Романович, который также превосходно знал латынь. И.Г.Кулжинский выдержал этот директорский экзамен.

Он начал читать латинский язык в первых числах нового учебного года. В связи с тем, что все гимназисты по изучению языков делились не на 9, как по другим предметам, а на 6 отделений, поэтому их переводили в то или другое отделение только руководствуясь знанием языка. Три первых отделения относились к низшему разряду, а три последующих – к высшему.

И.Г.Кулжинский работал с гимназистами низших отделений, в которых находились и студенты, которые обучались по другим предметам в старших классах.

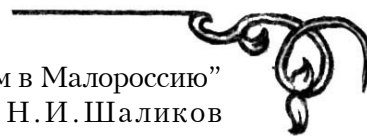
Н.Гоголю не давались языки, поэтому его иногда оставляли в предыдущем отделении повторно. Так, он два года находился в третьем отделении. Именно этим объясняется то, что И.Г.Кулжинский оказался у него учителем латинского языка в 1825/26 и 1826/27 учебных годах. В августе 1827 года Гоголь сдал экзамен и был переведен из 3 отделения в 4-е, в котором латинский язык уже читал проф. С.М.Андрущенко.

В период работы в гимназии И.Г.Кулжинский продолжал заниматься литературной деятельностью. В 1825 г. появилось в петербургском “Дамском журнале” его стихотворение “Эпитафия”. А в “Украинском журнале”, который издавался в Харькове в 1824–1825 годах под редакцией А.Склабовского, И.Г.Кулжинский опубликовал несколько статей (“Некоторые черты о воспитании” (1825, №4), “Песня” (№5) и др.). Статья “Некоторые замечания касательно истории и характера малороссийской поэзии” (1825, ч. V, №1, 2, 3) была одной из первых попыток изучения украинской литературы [34].

Наиболее плодотворным для И.Г.Кулжинского был 1826 г. В “Дамском журнале” опубликованы стихотворения “Мой гений”, “Блаженство”, “В.И.Бажанову”, “Казацкая песня”. В 1827 г. вышла в Москве отдельным изданием его “Малороссийская деревня”. Это сочинение имеет этнографический характер. В нем описаны народные обычаи на Украине [35].

Гимназисты по-разному отнеслись к этому произведению своего учителя. Н.Гоголь в письме к Г.И.Высоцкому 19 марта 1827 г. сообщал: “Теперь у нас происходят забавные истории и анекдоты с Иваном Григорьевичем Кулжинским. Он теперь напечатал свое сочинение под названием “Малороссийская деревня”. Этот литературный урод стал причиной всех его бедствий: когда он только проходит через класс, тотчас ему читают отрывки из “Малороссийской деревни”, и почтенный князь бесится, сколько есть духу; когда он бывает в театре, то кто-нибудь из наших объявляет громогласно о представлении новой пьесы; ее заглавие: “Малороссийская деревня, или Закон дуракам не писан”, комедия-водевиль. Несколько раз прибегая к покровительству и защите конференции и, наконец, видя, что его жалобы худо чествуют, решился униженно и смиренно просить нашей милости не рушить стихотворное его спокойствие и не срамить печатный бред его” [36].

Эта оценка Гоголя-гимназиста не совпадает, например, с отзывом проф. М.Н.Сперанского. Последний считал, что Гоголь “произнес сгоряча свой суд не только над книгой, но и ее автором” [37]. Действительно, книга И.Г.Кулжинского, написанная в высоком стиле, давала только некоторое представление о нравах, обычаях малороссийской деревни. Слишком идилично изобразил он жизнь крестьян. И.Г.Кулжинский

шел здесь вслед за П.И.Шаликовым и его “Путешествием в Малороссию” (1803). Кстати, по словам И.Г.Кулжинского, Н.И.Шаликов положительно отнесся к его “Малороссийской деревне”.

Работая в гимназии, И.Г.Кулжинский продолжал создавать литературные произведения. В 1829 г. были опубликованы в том же “Дамском журнале” повести “Терешко”, “Казацкие шапки”, “Три сестры” и другие произведения [38]. Эстетические взгляды И.Г.Кулжинского нежинского периода наиболее полно раскрыты в его “Речи о различии между классической и романтической поэзией”. По теме и концепции “Речь...” близка к известной магистерской диссертации Н.И.Надеждина. В “Речи...” И.Г.Кулжинский пытался определить синтез между классицизмом и романтизмом. Хотя в творчестве И.Г.Кулжинского, как свидетельствует М.Н.Сперанский, заметны черты эклектизма, ощущается сильное воздействие нормативной эстетики. Нежинский литератор ориентировался и на другие современные ему литературные течения.

Во время пребывания в Нежинской гимназии И.Г.Кулжинский имел значительное воздействие на учеников, привлекая их к литературной деятельности и поощряя их творческие начинания. Любимыми его учениками были В.Любич-Романович и Е.Гребенка. С Н.Гоголем у И.Г.Кулжинского были натянутые отношения. При помощи И.Г.Кулжинского произведения некоторых его учеников были опубликованы в “Дамском журнале” П.Шаликова.

В 1829 г. И.Г.Кулжинский оставил Нежинскую гимназию, работал в различных учебных заведениях, но в 1841 году он вновь возвратился в Нежин на должность инспектора Юридического лицея и пытался обосноваться в городе. “Купил около лицея место, построил на нем домик и развел сад”, – писал он в автобиографии. К этому времени был опубликован его роман “Федюша Мотовильский” (1833). Во второй нежинский период он публиковал в “Русской беседе” драму в трех действиях “Кочубей” (1841), в “Маяке” – драму в четырех действиях “Юродивый” (1841), а также статьи и очерки, в частности, “Нежинский Благовещенский монастырь”. В “Маяке” тогда печатались и другие украинские писатели: П.П.Гулак-Артемовский, Г.Ф.Квитка-Основьяненко, Т.Г.Шевченко и др.

К этому времени И.Г.Кулжинский был известен в литературных кругах, сотрудничал в столичных журналах, был членом Общества российской словесности [39], поддерживал связь с П.И.Шаликовым, П.А.Ширинским-Шихматовым. Последний способствовал переходу И.Г.Кулжинского в августе 1843 г. на должность директора Закавказских училищ в Тифлис, где он и пробыл до 1847 г., после чего И.Г.Кулжинский снова возвратился в Нежин. В 40-е годы эстетические позиции его

поменялись, да изменились и его политические взгляды. Они стали более реакционными.

В последний период пребывания в Нежине, когда И.Г.Кулжинский был уже на пенсии, он плодотворно работал над художественными, публицистическими и научными произведениями. В 1851 г. в “Москвитяине” появилась его повесть “Семен Середя, куренной атаман Запорожского войска”, а в 1854 г. он опубликовал “Воспоминания учителя” (№21), посвященные Гоголю. В 60-е годы он трудился над изучением истории Польши и Европы.

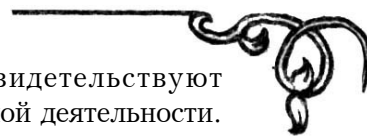

И.Г.Кулжинский. 70-е гг.

Даже краткая справка о творчестве И.Г.Кулжинского свидетельствует о его плодотворной литературной работе, хотя в автобиографии он скептически относился к своему художественному наследию: “Писал и печатал я очень много в разных журналах; но как черновых я у себя не оставлял, то теперь не помню не только содержания, но даже и названия большей части моих сочинений, из чего видно, что они не стоят памяти. Я говорю это не по чувству смирения и уничижения, но просто потому, что так оно есть” [40].

Беллетристические произведения И.Г.Кулжинского, действительно, были слабыми, а историко-литературные работы, посвященные изобличению “ереси и вольнодумства” в русской литературе, носили реакционный характер. Они были замечены Аполлоном Григорьевым (см. его статью “Оппозиция застоя”). Критическое отношение

И.Г.Кулжинского к своему творчеству, о чем свидетельствуют высказывания 1859 г., не приостановило его литературной деятельности. Он продолжал печатать стихотворения, послания, басни, статьи на историко-литературные, религиозно-богословские и педагогические темы.

В 20-е годы, в период его активной деятельности в Нежинской гимназии высших наук, сама личность И.Г.Кулжинского, его творческая устремленность, хорошее знание латинского языка и приобщение гимназистов к переводам классических произведений – все это не могло не воздействовать на развитие литературных способностей его учеников, о чем свидетельствуют их признания. Сегодня нельзя однозначно заявить, как это сделал С.Машинский в своей работе “Гоголь и “дело о вольнодумстве”, что “мрачная фигура” И.Г.Кулжинского представлена “в галерее преподавателей-рутинеров”. В его деятельности нежинского периода было немало и положительного. Хотя И.Г.Кулжинский и критически относился к Н.Гоголю, но все же гордился самим фактом сопричастности к жизни великого писателя.

Я Гоголя давно когда-то
Латинской азбуке учил
И память о поре той свято
Досель в смиреннии хранил, –

писал он в послании М.П.Погодину в 1872 г. [41].

Особая роль в литературном образовании гимназистов принадлежала **Парфению Ивановичу Никольскому** (1782–1851?), который преподавал в Гимназии высших наук русскую словесность (1820–1833), включавшую в себя науку красноречия, риторику, основы стихотворства и пр. В те годы предмет можно было преподавать только по строго утвержденным Министерством народного образования учебникам. По словесности существовали различные учебники, в частности, первого ректора Харьковского университета, профессора поэтики и риторики И.Рижского “Опыт риторики” (1805), “Введение в курс словесности” (Харьков, 1806), “Наука стихотворства” (1811). По его пособиям читал эти курсы в Харьковском университете проф. И.Срезневский, М.Пакиде-Савиньи, Е.Филомафитский и др. В учебной практике использовались также учебники И.Борна “Краткое руководство к российской словесности” (СПб., 1808), “Наука стихотворства” (1811), в которых отставалась мысль о самобытности и национальном характере русской литературы, А.Востокова “Опыт о русском стихосложении” (3-е изд., СПб., 1817), Н.Кошанского “Общая риторика” (СПб., 1818), по которой учился А.Пушкин в Царскосельском лицее, а также нежинские студенты, А.Мерзлякова “Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических” (3 изд., 1821),

одно из основных пособий первой трети XIX ст. По этому ученику занимались и нежинцы. В библиотеке Гимназии были также учебники “Риторика” Могилянского, “Руководство к красноречию” А.Мерзлякова, “Основания российской словесности” Никольского, “Правила словесности” Толмачева.

Кроме этих предметов проф. П.И.Никольский преподавал и славянскую грамматику. Он отстаивал мысль, которая позже будет высказана Ф.И.Буслаевым, о необходимости параллельного преподавания грамматик русского и старославянского языков для более успешного их усвоения. Содержание курса русской словесности менялось. Если первоначально профессор давал общее понятие об “изящной словесности”, истории ее происхождения и развития, то с 1828–1829 учебного года курс претерпел некоторые изменения.

Основное внимание теперь П.И.Никольский уделял анализу произведений различных жанров, практическим занятиям. В научной литературе неоднократно отмечалось, что П.И.Никольский плохо знал свой предмет. Исследователи при этом ссылаются на послужной список. Однако следует учитывать и тот факт, что В.Г.Кукольник, первый директор гимназии, стремился подбирать хороших преподавателей. Очевидно, и у П.И.Никольского было что-то такое, что удовлетворяло директора. Известно, что он хорошо знал русскую литературу древнего периода и XVIII века, к современной же относился отрицательно, особенно к романтикам. Сохранившиеся сочинения гимназистов (“Краткое обозрение словесности” А.Мокрицкого, “О ходе учения словесности” В.Домбровского, “Почему поэзия у древних народов являлась на поприще словесности прежде красноречия” Андрея Бородина, “Что нужно знать для изучения словесности и в каком порядке” В.Юркевича, “О происхождении стихов и прозы и различии оных” Н.Билевича) с пометками и исправлениями П.И.Никольского свидетельствуют в какой-то степени и об эстетических взглядах профессора, которые были связаны с утверждением в литературе поэтики и традиций классицизма. Он считал, что развитие отечественной литературы остановилось на Сумарокове и Хераскове. В воспоминаниях гимназистов встречаем утверждения о том, что учащиеся часто подсовывали профессору произведения А.Пушкина, И.Козлова, Н.Языкова и др., выдавая их за свои, и он усердно редактировал их, получая от этого удовольствие.

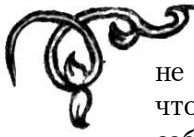
Гимназист Коялович вспоминал о П.И.Никольском: “В русской литературе он восхищался Херасковым и Сумароковым; Озерова, Батюшкова и Жуковского находил недовольно классическими, а язык и мысли Пушкина тривиальными, сознавая, впрочем, некоторую

гармонию в его стихах. Шалуны товарищи в 5-м и 6-м классах, обязанные еженедельно данью стихотворения, переписывали, бывало, из журналов и альманахов мелкие стихотворения Пушкина, Языкова, кн.Вяземского и представляли профессору за свои, хорошо зная, что он современную литературу вовсе не занимался. Профессор торжественно подвергал строгой критике стихотворения эти, изъявлял сожаление, что стих был гладок, а толку мало; “ода не ода”, говорил он, “элегия не элегия, а черт знает что”, затем начинал поправлять. Помнится, и “Демон” Пушкина был переправлен и переделан на лад профессора нашего к неопisanному веселию всего класса” [42].

О П.И.Никольском ходили самые различные анекдотические рассказы. Бывший гимназист А.П.Рославский-Петровский вспоминал, как профессор, порядком намылив голову одному воспитаннику за написанный им разбор только что вышедшей поэмы Пушкина “Цыгане”, советовал критику-панегиристу вперед не заниматься подобными пустяками”. Но когда другой ученик выдал за свое описание весны из “Евгения Онегина”, стихи эти заслужили полное одобрение “неумолимого противника романтизма” [43].

Подобные свидетельства находим и в воспоминаниях В.И.Любича-Романовича, Н.В.Кукольника, И.Г.Кулжинского и др. И все же нельзя

не согласиться с Н.Кукольниковым, который отмечал: “Несмотря на то, что в литературе и философии он был решительный старовер, нам собственно оказал он много пользы своею доступностью, добросердечностью, наконец, самую оппозицией современным эстетическим направлениям. Он спорил с нами, что называется, до слез; заставлял нас насильно восхищаться Ломоносовым, Херасковым, даже Сумароковым; проповедовал ех cathedra важность и значение эпопеи древних форм, а байроновские поэмы тех времен называл велегласно побасенками” [44].

П.И.Никольский оказывал некоторое влияние на творческую деятельность гимназистов. Так, А.П.Рославский-Петровский, в будущем известный историк, профессор и ректор Харьковского университета, с детства мечтал о славе писателя. В гимназии, находясь под влиянием поэзии Державина и Крылова, также прислушиваясь к советам Никольского, занимался сочинением торжественных од и басен. Некоторые из этих произведений профессор стремился напечатать в столичных журналах.

Стремление П.И.Никольского заставить студентов писать произведения различных жанров дали свои результаты. Каждый из них попробовал свои силы в написании басен, од, элегий, баллад, посланий и т.п. А это развивало общие литературные интересы гимназистов, способствовало выявлению их таланта. В процессе этой работы накопилось немало произведений разных жанров. Некоторые из них они отсылали домой, о чем свидетельствуют их письма. Часть же использовалась для издания рукописных журналов и альманахов, которые начали выпускать студенты. С 1826 года помещались здесь и переводы, сделанные ими на занятиях по латинскому, французскому и немецкому языкам у профессоров С.М.Андрущенко, И.Я.Ландражина, Ф.И.Зингера. Сюда, конечно, попадали и произведения, написанные гимназистами самостоятельно в свободное от занятий время. В этих публикациях определялся и литературный вкус авторов, и их устремления, и характер самовыражения.

Литературные опыты самого П.И.Никольского в жанре дидактической поэмы вызывали лишь насмешки. Н.Кукольник вспоминал, как на одном из занятий профессор знакомил гимназистов с “творением собственных словесных сил” поэмой “Ум и рок”. За скудное содержание, непомерные длинноты и тяжеловесный слог слушатели переименовали поэму в “Ум за разум” [45].

Таким образом, в Гимназии высших наук кн.Безбородко работали разные преподаватели, и в судьбе Н.Гоголя каждый из них занял своё место. Прогрессивно настроенные профессора пробуждали у своих учеников тягу к знаниям, новому, развивали их творческие возможности, закладывали хорошую основу для раскрытия дарований воспитанников.

УЧАЩИЕСЯ ГИМНАЗИИ

Первый ученик в Нежинской гимназии высших наук появился 26 августа 1820 года. Это был казеннокоштный 16-летний Семен Кохановский, сын подкомория. В сентябре 1820 года были зачислены в гимназию 9-летние Владимир Марков, сын статского советника, бывшего директора Черниговской гимназии, и Иван Халчинский, сын надворного советника, помещика Елисаветградского уезда Херсонской губернии, 12-летний Александр Миницкий, сын поручика.

До конца первого учебного года шел набор гимназистов. Зачислены в 1820 г. были еще 12-летний Михаил Щербак, сын коллежского советника (5 октября), 12-летний Петр Редкин, сын надворного советника (13 октября), 11-летний Василий Тарновский, сын поручика (17 октября), 11-летний Николай Григоров, сын коллежского советника (28 октября), 16-летний Сергей Милорадович, сын тайного советника (12 ноября), 13-летний Иван Кобеляцкий, сын поручика (18 ноября), 12-летний Прокофий Бордовский, сын губернского секретаря.

28 декабря 1820 г. директор Гимназии высших наук В.Г.Кукольник подал рапорт попечителю Харьковского учебного округа З.Я.Карнееву, к которому была приписана Нежинская гимназия, о предметах, которые будут изучаться в гимназии, а также список 17 зачисленных учеников.

Прием учащихся продолжался и в 1821 году. Были приняты 13-летний Николай Герард, сын полковника, 12-летний Федор, 11-летний Николай и 9-летний Яков, сыновья подполковника Бороздина, а также братья Прокоповичи, дети коллежского советника 10-летний Николай и 8-летний Василий (22–23 января). Своекостными учениками зачислены 12-летний сын коллежского асессора Николай Думитрашко и 13-летний сын подпоручика Герасим Высоцкий (29 января). Все эти дети были приняты В.Г.Кукольником. 6 февраля 1821 г. директор Гимназии высших наук кн.Безбородко в Нежине, как мы указывали выше, внезапно ушел из жизни. Для руководства учебным заведением было создано Временное правление, в состав которого вошли преподаватели П.И.Никольский, К.А.Моисеев, К.В.Шапалинский, П.И.Пилянкевич. Оно и осуществляло некоторое время руководство учебным заведением и продолжило набор учащихся.

18 февраля 1821 года был зачислен казеннокоштным учеником 16-летний сын ротмистра Василий Любич-Романович, а 1 мая 1821 г. в Нежинскую гимназию высших наук был принят своекоштным Николай Гоголь, которого предварительно зачислили во второе отделение.

Первый состав учеников в Гимназии был разношёрстным как по возрасту, так и предварительной подготовке. Так, Герасим Высоцкий до поступления в Нежинскую гимназию закончил Полтавское уездное училище (1817–1819), Петр Редкин получил хорошее домашнее образование у специально нанятых русского и иностранного учителей, а также закончил в 1820 г. с отличием Роменское трехклассное уездное училище, обеспеченное хорошими преподавателями. Кроме этого, он много читал, так как в доме была хорошая многотомная библиотека.

Василий Любич-Романович первоначальное образование получил в Полоцком иезуитском коллегиуме, блестяще освоил латинский язык, а также владел другими иностранными языками. Николай Гоголь учился в Полтавском уездном училище, а Виктор Забила – два года в Московской губернской гимназии. Там же учился и Николай Шкляревский. Александр Высочин обучался в Киевской гимназии, Василий Кодинец закончил Гадяцкое поветовое училище. С хорошей домашней подготовкой пришли Василий Тарновский, Александр Гинтовт, Нестор Кукольник. Один из бывших гимназистов так характеризовал Н.Кукольника: “Он, когда еще приехал из Петербурга с отцом своим, то уже знал отлично языки: французский, немецкий и итальянский; он был, можно сказать, ученый студент и стоял выше всех нас целою головою” [46].

Каждый, кто приходил в Гимназию, имел уже какие-то основы знаний. Хотя в Гимназии предполагалось 9-летний срок обучения, который делился на 3 периода: три года дети получали начальное образование, в следующее трехлетие – среднее, а в последнее трехлетие – высшее. На этом первоначальном этапе все поступившие ученики были зачислены в один класс, в котором большинство предметов читал сам директор В.Г.Кукольник, а также некоторые учителя. И только в 1821 году был проведен экзамен, который дал возможность определить детей по классам. В феврале 1822 года 61 ученик обучались в таких классах:

1 класс

1. Апполон Лукашевич
2. Николай Данченко
3. Прокопий Бардовский
4. Василий Прокопович
5. Филипп Миронов
6. Андрей Дмитренко
7. Даниил Дмитренко
8. Петр Матушинский

2 класс

1. Александр Карлицкий
2. Александр Иваненко
3. Михаил Щербак
4. Иван Халчинский
5. Петр Бугаевский
6. Андрей Пузыревский
7. Николай Прокопович
8. Иван Байков

9. Мойсей Нестелей
10. Петр Бельченко
11. Александр Вихман
12. Иван Бенземан

3 класс

1. Григорий Иваненко
2. Николай Новицкий
3. Платон Лукашевич
4. Николай Думитрашко
5. Николай Григоров
6. Николай Яновский
7. Андрей Макаров
8. Александр Мينيцкий
9. Яков Бороздин
10. Иван Вишневский
11. Николай Миллер
12. Владимир Марков

5 класс

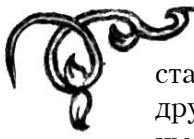
1. Николай Романович
2. Василий Любич-Романович
3. Иван Кобелецкий
4. Илиодор Мينيцкий
5. Василий Тарновский
6. Петр Редкин
7. Сергей Милорадович
8. Лев Милорадович
9. Герасим Высоцкий
10. Андрей Бороздин
11. Николай Герард
12. Александр Орлай
13. Иван Почека
14. Александр Высочин [47].

9. Василий Коденец
10. Семен Нестелей

4 класс

1. Семен Коханович
2. Петр Скоропадский
3. Михаил Скоропадский
4. Николай Бороздин
5. Александр Лисаневич
6. Василий Почека
7. Николай Шкляревич
8. Дианисий Байков
9. Иван Кодинец
10. Аркадий Танский
11. Иван Шапочников
12. Григорий Шапочников
13. Апполон Власенко

Отличались дети не только по возрасту и подготовке, но и по материальной обеспеченности. Последнее объясняется тем, что граф И.А.Безбородко в письме на имя царя Александра I об основании в Нежине Гимназии высших наук писал, что это учебное заведение должно

стать местом для получения образования “тех неимущих дворян и другого состояния молодых людей, кой по скудности своей не могут иметь достаточных способов к приготовлению себя на службу Вашего Императорского Величества” [48]. Именно этим объясняется то, что значительная часть детей была зачислена в Гимназию казеннокоштными.

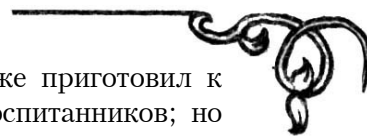
В отличие от других подобного рода учебных заведений, в частности, Царскосельского лицея, который был основан в 1816 году и учащихся которого даже не отпускали на каникулы, Нежинская гимназия кроме детей, проживавших в пансионе, который находился в самом помещении гимназии, имела также вольноприходящих, то есть тех учеников, которые жили на квартирах в Нежине и приходили в учебный корпус только на занятия. Кроме этого, нежинских гимназистов отпускали на праздники и в выходные дни в город, а также домой.

БЫТОВАЯ И УЧЕБНАЯ ЖИЗНЬ ГИМНАЗИИ В НЕЖИНСКИХ ПИСЬМАХ Н.ГОГОЛЯ

Николай Гоголь-Яновский принадлежал к старинному козачьему роду, который в силу исторических перемен в XVIII в. перешел в разряд дворянских. Его отец Василий Афанасьевич в начале XIX века был небогатым помещным дворянином. Имея двух сыновей Николая и Ивана, он старался дать им образование, а поэтому в 1819 г. отправил их учиться в Полтавскую гимназию. Но в 1820 г. умер младший сын Иван. Николай очень переживал смерть брата. Василий Афанасьевич понимал, что сыну необходимо получить образование. В это время в Нежине открывалась Гимназия высших наук кн. Безбородко. Он старался более подробно узнать об этом учебном заведении. С этой целью он дважды обращался непосредственно к директору В.Г. Кукольнику. Не получив ответа на первое из писем, он отправил с нарочным второе письмо от 12 февраля 1821 г. В нем он сообщал: “...Вторично осмеливаюсь писать к вам уже с нарочным, через коего всенижайше прошу Вас, Милостивый Государь, удостоить меня вашим извещением, могу ли я быть столько счастливым, чтобы воспитать моего сына под вашим покровительством – не лишите, Почтеннейший муж! – меня сего благополучия – и верьте, что никто в свете не будет вам более меня благодарным.

Признаюсь вам, что я сына моего совершенно уже приготовил к отдаче в Нежинский пансион в число своекоштных воспитанников; но по слабости моего здоровья не решаюсь его представить к вам, покуда не буду уверен, что он будет вами принят. В сей то крайности я осмеливаюсь столько вас беспокоить...” [1]. За разъяснениями Василий Афанасьевич обращался и к своим соседям Григорию Кидтяцу и Михаилу Щербаку, которые также хотели отправить своих детей учиться в Нежин. Наконец, из Нежина пришло письмо из Управления гимназией от 18 февраля 1821 г., в котором сообщалось, что “по желанию Вашему сын Ваш может быть принят в число воспитанников Гимназии на известных Вам касательно того условиях” [2].

Итак, 1 мая 1821 г., Николай Гоголь был зачислен в гимназию, в которой он учился до 27 июля 1828 г. Современники Н.Гоголя по-разному рассказывают о его появлении в Нежине. П.Кулиш романтизирует этот приезд: “Гоголь представляется нам красивым белокурым мальчиком, в густой зелени сада Нежинской гимназии у вод поросшей камышом речки, над которой взлетают чайки, возбуждавшие в нем грезы о родине. Он – любимец своих товарищей, которых привлекала к нему его неистощимая шутливость...” [3].

Совершенно в противоположных тонах рассказывает о появлении Н.Гоголя гимназист В.Любич-Романович: “Хохота у нас было не мало, когда мы увидели, что из хохлацкой простой брички, заложенной двумя волами и сопровождаемой только одним усачем-запорожцем, выкатили какой-то странный сверток, не то тюк, не то узел какого-то домашнего скарба, завернутый в платки и одеяла и увязанный поперек кушаками и шальями, и при помощи сопровождавшего его усача вкатили к нам в лицей. Распакованный перед нами узел этот, оказалось, содержал в себе небольшого роста худенького молодого человека, похожего на пигалицу, с тонким длинным носом, из которого что-то сочилось. Все лицо нашего нового товарища было покрыто какими-то прыщами и представляло собою сплошную болячку, не то оспенного больного, не то худосочного субъекта. Из ушей у него также текла какая-то жидкость, хотя уши и были заткнуты большими комками просмоленной пакли...” [4].

В этих словах, сказанных через 50 лет после увиденного уже престарелым наблюдателем, ощущается пренебрежительное к своему товарищу отношение, которое у автора воспоминаний, представителя аристократической прослойки гимназии, останется на долгие годы. Но это единственная отрицательная характеристика юного Гоголя, которая встречается в воспоминаниях о нем и которая, к сожалению, тиражировалась некоторыми исследователями как достоверный источник.

Гоголь-ребенок после смерти брата Ивана был травмирован, болен. И родители, действительно, беспокоились о его состоянии здоровья. Оказавшись вдали от родных, от обычной обстановки, Гоголь трудно привыкал к новым условиям жизни. Не имея достаточных средств платить за обучение сына, отец Гоголя добился у попечителя гимназии А.Г.Кушелева-Безбородко перевода Николая на казенный счет.

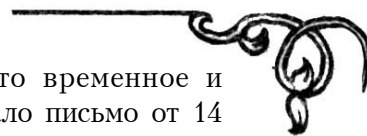
Первые письма Гоголя 1821 года наполнены скорбными, печальными тонами, и это понятно, потому что Никоша, так называли Гоголя в семье, был оторван от близких.

Первое письмо от 10 июня 1821 года поразительное. Гоголь благодарит дражайших родителей Папину и Мамину за их родительское к нему “попечение”. Сообщает, что благодаря богу он здоров и этого желает родным. В этом коротком письме есть несколько любопытных деталей.

“Платие нам будут шить после каникул, – сообщает Гоголь, – но как во мне недостаток в платье, то Егор Иванович заказал мне сделать летнее платие” [5]. Василий Афанасьевич, оставляя сына в гимназии, просил Егора Ивановича Зельднера, надзирателя и преподавателя немецкого языка, чтобы тот наблюдал за Никошей и помогал ему. Письма Зельднера к отцу Гоголя свидетельствуют, что он добросовестно исполнял эти поручения.

“За мною присылайте на каникулы 20 июня”, – сообщает Гоголь. Он здесь допускает ошибку, потому что переводные экзамены за второй класс проходили с 20 по 28 июня. Гоголь учился только 1 месяц, так как был зачислен 1 мая. 24 ученика второго класса сдавали экзамен по 10 предметам. С ними сдавал эти предметы и Гоголь. По Закону Божьему и Священному писанию он получил отличные оценки, по остальным предметам (русскому языку, арифметике, географии, истории, латинскому и немецкому языкам) – удовлетворительные, а по французскому языку и рисованию – неудовлетворительные. Экзаменационная комиссия решила оставить Гоголя во втором классе. И это правильно, ибо Гоголь смог ознакомиться с обстановкой, лучше усвоить материал по предметам. Об этом свидетельствует результат полугодовых экзаменов за второй класс, которые проходили в январе 1822 года. Из 10 предметов 7 были оценены отличными оценками (арифметика, география, история, логика, латинская и немецкая грамматика), а по Закону Божьему и российской грамматике получил “хорошо”. Лишь по французской грамматике у него была удовлетворительная оценка. Общий балл при четырехбалльной системе отметок комиссия выставила 4 (протокол от 24 января 1822 года).

“Мне было очень грустно в разлуке с вами”. Эта мысль пронизывает несколько писем, написанных Гоголем после окончания первых его

каникул и возвращения на учебу в Нежин. Но это временное и объяснимое состояние. Особенно большой испуг вызвало письмо от 14 августа 1821 г., в котором Гоголь жаловался о своем здоровье. Мария Ивановна сообщала своей родственнице О.Д.Трощинской: “Возвратившийся из Нежина посланный несколько успокоил меня насчет моего Николеньки; он затосковал было, а теперь начал привыкать и сделался веселее” [Т. X, с. 389]. В последующих письмах он уже извинялся за подобные жалобы. Он сообщал новости, в частности, о приезде нового директора доктора Орлая, просил выслать необходимые учебники, по которым занимались в гимназии. Правда, он не подумал, а где могли приобрести родители эти книги?

В письме от 10 декабря 1821 года имеется любопытная приписка: “Ежели угодно вам будет что я учился танцевать и играть на скрипке и фортепиано так извольте заплатить 10 рублей в месяц я уже подписался хотевшим учиться на сих инструментах также и танцеванию но не знаю как вам будет угодно” [Т. X, с. 37]. Он некоторое время брал уроки игры на скрипке у учителя музыки, пения и танцев Федора Емельяновича Севрюгина. Хотя в ведомостях по этим предметам Гоголь-Яновский нигде не числится.

Гоголю идет тринадцатый год, расширяются его интересы, но детские поступки остаются. В письмах встречаются довольно частые разнообразные просьбы: “Прошу вас, дражайшие родители, прислать мне сколько-нибудь денег, потому что у меня они вовсе сошли, так что я найдусь принужденным занять да и займы достать негде, а мне надо ужасно, а особливо в теперешных моих обстоятельствах. Также ежели б еще прислали чего-нибудь из съесных припасов, как маминька еще тогда обещались прислать сушеных вишен без косточек. Но мне хоть чего-нибудь и похуже, а много ежели это” [Т. X, с. 41].

Просьбы выслать деньги, съестные продукты, книги встречаются во многих письмах. Они свидетельствуют, что он рвался домой, к семье, в родные места. “Я уже почти собрался, уклал все свое имущество и ожидаю со дня на день сего времени: уже вижу все милое сердцу – вижу вас, вижу милую Родину, вижу тихий Псел, мерцающий сквозь легкое покрывало, которое я сброшу, насладясь истинным счастьем, забыв протекшие быстро горести. Одна счастливая минута может вознаградить за годы скорбей” [Т. X, с. 47–48].

Приступивший к исполнению своих обязанностей директор Гимназии И.С.Орлай на первом заседании Конференции 8 ноября 1821 года огласил план устройства учебного заведения, согласно которого все воспитанники соответственного уровня их подготовки были поделены на 6 разделов (принципаты, грамматисты, синтаксисты, риторы, пииты, эстетики).

Получ. 1822 IV/22.

Министерство Духовныхъ дѣлъ и Народнаго про-
свѣщенія.

Отъ Почетнаго Попечителя Гимназіи высшихъ наукъ князя
Безбородко.

С.-Петербургъ

Марта 3 дня 1822 года.

Въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко.

Состоящаго нынѣ въ Гимназіи высшихъ наукъ Князя
Безбородко пенсионеромъ *василья голыановскаго* сына Г-на
Коллежскаго ассесора *Голыановскаго* предлагаю Гимнавіи
включить въ число воспитанниковъ содержимыхъ на гим-
назіальномъ иждивеніи.

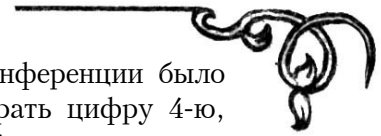
Графъ Александръ Кушелевъ-Безбородко.

*Распоряжение А.Г.Кушелева-Безбородько
об освобожденіи Н.Гоголя от оплаты*

Надзиратели были обязаны общаться с воспитанниками во время дежурства только на немецком или французском языке.

1 ноября 1824 года И.С.Орлай предложил разделить гимназистов каждого музея (комната для подготовки домашних занятий) на три разряда в соответствии с уровнем овладения иностранным языком (“хорошо объясняющихся, посредственно, плохо и ничего не знающих”) [6]. Надзиратели должны были докладывать инспектору, а инспектор – директору об успехах учащихся в изучении языков. В нежинском архиве сохранились ведомости успеваемости за каждый месяц по соответствующим предметам. В конце полугодия устраивались испытания по новым языкам в присутствии директора и всех чиновников Гимназии. При этом следует заметить, что И.С.Орлай ввел систему изучения языков по 4 отделениям. В каждое отделение зачислялись дети разных классов в зависимости от их знания языка.

2 января 1822 г. Конференция гимназии приняла решение вместо существующих учебных отделений учредить классы, а также ввести 4-х

бальную систему оценивания знаний. В протоколе конференции было сказано: "... для отмечения превосходных успехов брать цифру 4-ю, хорошо – 3-ю, посредственно – 2-ю, слабейших – 1-ю".

РАСПОЛОЖЕНИЕ			
учебных предметов по Гимназии высшей наукы князя Волгодорожца 1840го года.			
Дни	Учебное время	Предметы	Каждый день по 6-ти часу пополудни назначается по-английский учебный язык, составленный из материка Уингелстоуна на-иболь Английский Проме-жуток употреблен для повторе-ния уроков и для отдох-новения.
Понедельник	Отъ 8-го до 10-го	Латинский язык	
	Отъ 10-го до 12-го	Русская грамматика	
	Отъ 12-го до 4-го	Французский язык	
Вторник	Отъ 8-го до 10-го	Арифметика	
	Отъ 10-го до 12-го	Немецкий язык	
	Отъ 12-го до 4-го	Законы Божий	
Среда	Отъ 8-го до 10-го	Рисование	
	Отъ 10-го до 12-го	География	
	Отъ 12-го до 4-го	История	
Четверток	Отъ 8-го до 10-го	Числоисание	
	Отъ 10-го до 12-го	Французский язык	
	Отъ 12-го до 4-го	Законы Божий	
Пятница	Отъ 8-го до 10-го	Российская грамма-тика и числоисание	
	Отъ 10-го до 12-го	Немецкий язык	
	Отъ 12-го до 4-го	Французский язык	
Суббота	Отъ 8-го до 10-го	Немецкий язык	
	Отъ 10-го до 12-го	Рисование	
	Отъ 12-го до 4-го	Российская грамма-тика и числоисание	
Воскресенье	« « « «	Чтение	
	« « « «	Служба	
	« « « «	Книга	

Расписание учебных предметов

В июне 1822 г. почетный попечитель граф А.Г.Кушелев-Безбородко сообщил директору Гимназии о его намерении направить “несколько детей греческих семейств, ныне по смутным обстоятельствам находящихся в Одессе” и “содержать их на свой счет”. Так в Гимназии появились Константин Базили, Стефан Гютен, Иван Сканави, Егор Ксенис, Иван Агало, Филипп Котопули, хотя только С.Гютен и Е.Ксенис закончили нежинскую гимназию. Остальные продолжили учебу в Одессе и других городах.

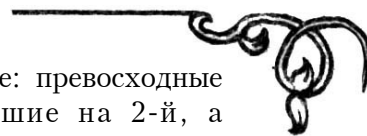
Константин Базили стал одним из близких друзей Н.Гоголя.

Руководство Гимназии обращало внимание на организацию жизни учащихся внутри учебного заведения, на подготовку домашних заданий, на их быт и досуг. Всех пансионеров разделили на 4 спальни по 15 человек во главе с надзирателем и прислугой, которая убирала помещения, застилала кровати, наводила порядок. Спальни были переведены со второго на третий этаж северной стороны здания. Николай Гоголь был определен в третью спальню вместе с С.Кохановичем, И.Кобеляцким, Н.Миллером, В.Любичем-Романовичем, Н.Думитрашко, Н.Данченко, Н.Григоровым, П.Матушинским, А.Миницким, И.Халчинским, Г.Бордовским, А.Пузыревским, П.Богаевским. Надзирателем в спальне был Е.И.Зельднер, а служкой Н.Строганов. В одной спальне размещались ученики разных классов.

Рядом со спальнями в небольших комнатах жили слуги некоторых недорослей, среди них и Симон Стекоза, представленный для присмотра Николая Гоголя его отцом в 1821–1826 гг. С согласия Василия Афанасьевича крепостного слугу в Гимназии использовали в качестве повара без оплаты труда. Сначала цирюльником, а потом фельдшером работал также крепостной человек пансионера Николая Григорова – Евлампий Поляков. Николай Гоголь в письме к родителям от 14 августа 1821 года писал: “Не забудьте также доброго моего Симона, который так старается обо мне, что не прошло ни одной ночи, чтобы он не увещевал меня не плакать об вас, Дражайшие родители, и часто просиживал по целой ночи над мною, уже его просил, чтоб он пошел спать, но никак не мог принудить” [Т. X, с. 35].

Директора Гимназии интересовала не только судьба пансионеров, но и вольноприходящих. Он дал распоряжение надзирателям Е.И.Зельднеру и А.И.Аману обходить несколько раз в неделю их квартиры с целью изучения условий жизни учащихся.

Для того, чтобы стимулировать детей к учебе, И.С.Орлай предложил организовать между ними “благородное соревнование”, сущность которого сводилась к тому, чтобы: 1) размещать учеников каждый месяц в соответствующих классах за результатами успеваемости,

выставленными профессорами, на определенном месте: превосходные сидели по старшинству на 1-й скамейке, хорошие на 2-й, а посредственные на 3-й и так далее; такое старшинство наблюдать и при столе; 2) из числа превосходных и благонаравнейших учеников назначать аудиторов, которых преимущество должно стоять в том, что им подчиняется несколько соучеников, от которых они спрашивают отчету в уроках и замечаниях классических и о исправности или неисправности их подают каждый класс записки гг. профессорам; 3) превосходнейших и благонаравнейших учеников делать старшими и вне класса, как то в музеях и прогулках, поручая им смотрение над известным числом их сотоварищей, которым они во всякое свободное время должны задавать изустные вопросы на выученное в классе и таким образом делать с ними повторение, а в случае их упорства и непослушания доводить до сведения дежурного надзирателя или инспектора; 4) но чтобы старшие и аудиторы не могли ослабевать по беспечности в своем учении, и посредственные имели надежду быть старшими, позволить всем ученикам беспрепятственно просить посредством испытания или состязания о высшем месте; и если гг. профессоры такое прошение признают совершенно справедливым, они перемещают просителя на просимое место, а бывшего на оном перемещают на место просителя” [7].

Это предложение директора было внедрено в жизнь профессорами. Показательным в этом отношении есть судьба гимназиста Александра Рославского-Петровского. Он блестяще знал латинский язык и директор назначил его аудитором-аудиторов всего отделения с предоставлением ему первого места на передней скамье. По словам самого А. Рославского-Петровского, “этот суровый преподаватель имел обыкновение для возбуждения соревнования в своих слушателях, от времени до времени рассаживать их по местам, соответственно степени оказанных ими успехов, причем масштабом главным образом служило число ошибок, сделанных в письменных переводах с русского языка на латинский, происходивших ежемесячно в присутствии профессора” [8].

Кроме соревнования и аудиторов, И.С. Орлай предложил также завести две книги: одну для награды отличных (*librum honoris*), а другую черную для наказания неисправляющихся (*librum dedecoris*), в которые по истечении каждого месяца должны были вписывать имена учеников в каждую из книг и читаны в общем зале перед всеми учениками. Как свидетельствуют архивные материалы, 28 августа 1826 г. Конференция приняла решение об учреждении в Гимназии “Книги чести” (*Liber Honores*).

Согласно этого решения Конференции 7 ноября 1826 года впервые на общем собрании Гимназии воспитанники А. Власенко (9 класс),

А.Божко (8 класс), К.Базили (7 класс) собственноручно вписали свои имена в “Книгу чести”.

Директор И.С.Орлай интересовался преподаванием всех предметов. После знакомства с программой он давал советы и делал распоряжения как исправить недостатки. Эти деловые предложения всегда были конкретны. Об этом свидетельствуют указания, касающиеся изучения российской словесности, которую читал проф. П.И.Никольский.

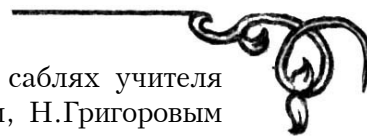
Для поощрения учащихся использовалась также форма публичного экзамена. Конференция гимназии определяла, кто из учащихся допускался к этому испытанию и по какому предмету. Так, 29 июня 1826 г. гимназисты на таком экзамене по словесности читали оду Горация на латинском языке, отрывки из трагедии Расина на французском, а баллады Ф.Шиллера – на немецком, лучшие места из Гомеровою “Илиады” по-гречески.

Классная мебель гимназистов

Иногда такие экзамены носили характер праздничного мероприятия. Так, 25 июня 1828 г. ко дню рождения царя Николая I был проведен публичный экзамен по “свободным искусствам”, на котором Н.Кукольник прочел свой гимн на честь Его Императорского Величества, а гимназисты-выпускники А.Пузыревский и А.Данилевский исполнили танец

“Матлот”. Состоялся также поединок на рапирах и саблях учителя фехтования О.Д.Урсо с выпускниками А.Данилевским, Н.Григоровым и Н.Миллером [9]. В это же время проходил и экзамен по российской словесности. На нем звучали ответы гимназистов на вопрос “Об основных правилах словесноизящных произведений и о критике” с чтением своих сочинений. Проф. П.И.Никольский прочитал свою оду на честь “ожидаемого шествия через Нежин Его Императорского Величества”.

На публичном выпускном экзамене зачитывался список гимназистов, “кто из окончивших полный курс учения и в какой степени удостоен от Конференции Гимназии”.

Успеваемость гимназистов была всегда в центре внимания администрации. Ею интересовался и почетный попечитель граф А.Г.Кушелев-Безбородко, когда бывал в Нежине. В письме директору И.С.Орлаю от 18 сентября 1823 года он сообщал: “Приятным долгом почитаю объявить вашему высокоородию, что во время пребывания моего в Нежине и обревизовании хода Гимназии высших наук князя Безбородко, замечены мною большие успехи воспитанников со времени моей ревидации как в науках, так и языках – в экзаменах, проводимых мною, я нашел, что воспитанники в классах: математики, истории, словесности и языках, большею частью ясно понимают и объясняют предметы, что доказывают старание гг.профессоров и ваше попечение”.

Ведомости текущей успеваемости зафиксировали ход ежемесячных итогов, которые свидетельствуют о разном отношении гимназистов к занятиям. Часто текущие оценки были значительно ниже, чем экзаменационные.

Иногда Конференция прибегала к строгим мерам к тем, кто плохо учился. Так, 5 июля 1824 г. был поставлен на ней вопрос об отчислении нерадивых гимназистов. А.Миницкого, П.Божевского, А.Шрамченка и других, которые находились в одном классе по 2 года и “по годичном испытании, а равно и по класификации оставлены на второй год, что доказывает их нерадение”. Только положительные оценки на экзаменах спасли их от исключения.

Для исправления некоторых учащихся руководство Гимназии поселяло их в семьи преподавателей. Так, гимназист А.Шрамченко, который нуждался в постоянном надзоре как в учебное, так и в свободное от учебы время, был поселен на квартиру м.л. профессора латинской словесности С.М.Андрущенко.

Что касается учебы Гоголя, то в критических статьях о писателе нередко встречаются утверждения, что Николай Васильевич учился плохо. Это не верно. Здесь надо учитывать, что в гимназии действовала четырехбалльная система оценивания знаний.

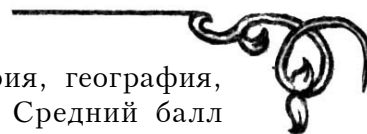

В августе 1822 г. Гоголь сообщал своим родителям из Нежина: “Я теперь переведен в четвертый класс и, слава Богу, учусь со всем старанием. К нам приехал новый профессор французского языка Ландражень. Не советуете ли мне учиться греческому языку, которого профессор уже приехал?” [Т. X, с. 39–40]. Как показывают ведомости, Гоголь не занимался греческим языком.

В нежинском архиве сохранились все ведомости учебных занятий и экзаменов, которые подтверждают мысль, что Гоголь учился не ровно, имея разные оценки в течение года. Сосредоточившись, он всегда сдавал большинство предметов на экзаменах на “отлично” и “хорошо”. В письме от 28 марта 1824 г. И.С.Орлай писал Василию Афанасьевичу, с которым тот был знаком как сосед по имению (хутор Михайлодар находился недалеко от Васильевки, и отец Гоголя присматривал за ним) об успехах гимназистов: “К великому моему удовольствию могу Вас уведомить, что питомцы из Полтавской губернии верх берут над другими. В 7-м классе Редькин из Ромен занимает первое место как по успехам в науках и языках, так и по поведению; Баранов из Сорочинцы в том же классе после полугодичного испытания занял второе место и состязается с Редькиным о первенстве; Бороздин в шестом классе в числе превосходных; Пащенко в третьем классе первенствует; Данилевский в пятом классе превосходный, Полторацкий во втором классе превосходный и Забелла в том же классе взял верх над всеми. Жаль, что Ваш сын иногда ленится, но когда принимается за дело, то и с другими может поравняться, что и доказывает его отличные способности” [12].

Нельзя согласиться с утверждением исследователя П.Е.Щеголева, который на основании воспоминаний И.Г.Кульжинского, утверждал, что будто бы “учебные занятия были самой незначительной стороной гимназической жизни Гоголя. Подходящим определением его отношения к школьному знанию и учению будет сказать, что он не обращал внимания на учение. Нам известны его отметки, но, право, о них не стоит и говорить: до того жалок этот материал для биографии Гоголя. Обязательные занятия стояли у мальчика на втором плане. По обычной школьной терминологии, он плохо учился и плохо вел себя” [13]. Этот вывод все же не подтверждается документально, если учитывать четырехбалльную систему оценивания знаний студентов. Это доказывает и составленная нами таблица ежемесячных ведомостей об успеваемости Н.Гоголя. И читатель вправе сделать самостоятельные выводы.

Февраль 1822 г. – арифметика – “3”, французский язык – “2”, немецкий язык – “4”, закон Божий, российская грамматика и другие предметы – “4”. Средний балл успеваемости по наукам – “4”, по языкам – “3”.

Март 1822 г. – латинский язык – “2”, история, география, рисование – “3”, остальные дисциплины – “4”. Средний балл успеваемости – $3 \frac{4}{8}$. Поведение вне класса всеми надзирателями оценивается баллом “3”.

Апрель 1822 г. – все предметы оцениваются отметкой – “3”, французский язык – “2”, немецкий язык – “4”. Средний балл успеваемости – “3”. Поведение вне класса оценивается инспекторами – “3”, русский – “4”.

Май 1822 г. – латинский язык – “3”, Закон Божий, немецкий язык – “3”, французский язык – “2”, остальные предметы – без изменений – “4”. Средний балл успеваемости по языкам и наукам – “3”.

Июнь 1822 г. – история и география – “3”, французский язык – “2”, латинский и немецкий языки – “3”, остальные предметы – без изменений. Средний балл успеваемости по наукам и языкам – “3”.

Июль 1822 г. – по истории и географии – “3”, арифметике и французскому языку – “2”, рисование – “3”. Остальные оценки без изменений. Средний балл успеваемости по наукам – “4”, по языкам – “3”. Поведение – “4”.

Конференция утвердила годовые оценки за январь-июль: успехи по наукам – “3”, языкам – “3”, рисованию – “3”. Поведение – “4”. Средний балл – “3”.

По результатам этих оценок Николай Гоголь переведен в четвертый класс.

А вот текущие оценки Гоголя в 5 классе:

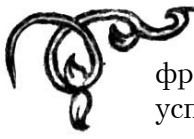
Август 1823 г. – Закон Божий, алгебра, геометрия, латинский, немецкий языки – “2”, география, французский язык и рисование – “3”, русская словесность, история – “4”. Средний балл успеваемости – $2 \frac{6}{9}$. Общее поведение – “3”.

Сентябрь 1823 г. – алгебра, геометрия, латинский и немецкий языки – “2”, Закон Божий, география, французский язык – “3”, российская словесность, история – “4”. По рисованию – не аттестован. Средний балл успеваемости $2 \frac{7}{9}$. Общее поведение – “3”.

Октябрь 1823 г. – Закон Божий, алгебра, геометрия, латинский и французский языки – “2”, рисование – “1”, остальные предметы – “4”. Средний балл успеваемости $2 \frac{8}{9}$. Общее поведение – “3”.

Ноябрь 1823 г. – алгебра – “1”, Закон Божий, латинский и французский языки – “2”, российская словесность, история, геометрия, немецкий язык, рисование – “3”, география – “4”. Средний балл успеваемости – $2 \frac{5}{9}$. Общая оценка по поведению – “4”.

Декабрь 1823 г. – Закон Божий, латинский, немецкий языки и рисование – “2”, российская словесность, алгебра, геометрия,

Самойленко Г.В.

французский язык – “3”, история и география – “4”. Средний балл успеваемости – $2 \frac{8}{9}$. Общее поведение – “4”.

Январь 1824 г. – немецкий язык – “1”. Латинский и французский языки – “2”, Закон Божий, российская словесность, всеобщая история, география, алгебра, геометрия и физика – “3”, русская история – “4”. Средний балл – $2 \frac{7}{10}$. Общая оценка по поведению – “2”.

Февраль 1824 г. – немецкий язык – “2”, российская словесность – “4”, остальные предметы – “3”. Средний балл успеваемости – “3”. Общая оценка по поведению – “1” (по представлению инспектора К.А.Моисеева за “неопрятность, шутовство, упрямство, неповиновение”).

Март 1824 г. – французский язык – “2”, русская история – “4”, остальные предметы – “3”. Средний балл успеваемости – “3”. Общая оценка по поведению – “4”.

Апрель 1824 г. – российская словесность, всеобщая и русская история, география – “4”, остальные предметы – “3”. Средний балл успеваемости – $3 \frac{4}{10}$. Общая оценка по поведению – “4”.

Май 1824 г. – Закон Божий, российская словесность, география, всеобщая и русская словесность – “4”. Остальные предметы – “3”. Средний балл успеваемости – $3 \frac{5}{10}$. Общая оценка по поведению – “4”.

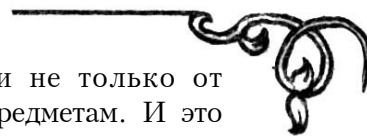
Июнь 1824 г. – Закон Божий, русская история, алгебра, геометрия, физика – “4”, российская словесность, всеобщая история, география, иностранные языки – “3”. Средний балл успеваемости – $3 \frac{4}{10}$. Общая оценка по поведению – “4” [14].

Конечно же, современному читателю сразу же бросается в глаза “2”, “3”, но ведь все это по тогдашней системе оценивания знаний положительные оценки и “тройки”, “четверки” преобладают. Поэтому и итоговые оценки в целом высокие.

За второе полугодие Гоголь получает средний балл успеваемости по основным предметам – “4”, по иностранным языкам – “3”, по поведению – “4”.

Ведомости за шестой класс свидетельствуют, что в первом полугодии 1824/1825 уч. года Гоголю был выведен средний балл по девяти предметам – “3”, т.е. хорошо, а во втором – три с половиной, что обозначало “довольно хорошо”. Если посмотреть на отметки 1828 г., то с каждым месяцем они улучшались. Хотя результаты за год были выражены отметкой $2 \frac{1}{2}$, удовлетворительно. На экзаменах он получил общую оценку “4” не только по наукам, но и по языкам.

Анализ успеваемости Н.Гоголя свидетельствует, что он учился сначала недостаточно усердно, что отмечено неудовлетворительными и посредственными оценками по отдельным предметам в начальных классах, но с осознанием своего предназначения в жизни меняется и

его отношение к учебе, хотя его успехи зависели не только от прилежности, но и способностей к тем или другим предметам. И это объяснимо. И все же, как видим, Н.Гоголь учился не так плохо, как об этом утверждает сложившаяся легенда.

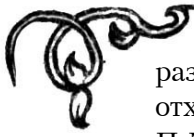
Послушным, идеальным Гоголь не был, об этом свидетельствуют его оценки по поведению. В классном журнале читаем: “13 декабря Яновский за дурные слова стоял в углу, того же числа за неопрятность стоял в углу, 19 декабря Яновский за леность был без обеда и в углу, 20 декабря Яновский за то, что занимался во время класса священника с игрушками был, без чая” [15]. Подобные замечания встречаются и позже. Записи в журналах – это более надежные свидетельства, чем воспоминания современников, сообщенные через десятки лет и пересказанные другими лицами.

Гоголь не терпел унижений и не прощал их тем, кто прибегал к ним, и отвечал на это непокорностью или остроумием и острыми словесными характеристиками.

Характер у Гоголя был своеобразным, и он часто провоцировал его поступки. Отношения гимназистов к Гоголю не были ровными, и это объясняется не только его характером, но и составом детей из разных по материальной обеспеченности дворянских семей. Не случайно, что его ближайшими друзьями были соседи по имению, земляки А.Данилевский и П.Баранов, Г.Высоцкий, Н.Прокопович, сын отставного офицера нежинского предводителя дворянства, и другие.

Гоголь шалил в гимназии, и эти проказы носили разнообразный характер. Так, он высмеивал своего товарища Бороздина за неудачную прическу и сочинил по этому поводу юмористическое стихотворение “Спиридон”. Другого гимназиста уверял, что у него не человеческие, а бычачие глаза, и доказывал так, что довел его до легкой степени психического возбуждения [16]. Но эти и другие шалости случались больше в детские, школьные годы и не характерны для юношеских студенческих лет. У Гоголя были уже иные интересы, которые захватывали его в свободное от учебы время.

Гимназия высших наук не была монастырем. Здесь учились дети, отличающиеся разным характером, темпераментом, домашним воспитанием. Гимназисты в своих воспоминаниях, а преподаватели, инспектора и надзиратели в своих рапортах отмечали самые различные случаи непослушания и действия учащихся, выходящие за рамки установленных норм. В список нарушителей попадают, кроме Н.Гоголя, В.Любич-Романович, который проявил “развратное вольнодумство” к инспектору Моисееву, написав на стене в классе: “При выпуске береги зубы, Моисеев!”, Кобеляцкий, который оставлял пансион без

разрешения, опаздывал к молитве, ко сну, обзывал, а затем попытался отхлестать надзирателя Е.И.Зельднера, Н.Прокопович, А.Данилевский, П.Мартос, которые “читают неприличные возрасту книги и пишут стихи, не показывающие чистой нравственности” и т.д. В списке провинившихся встречаем Н.Кукольника, М.Риттера, И.Пашенко, А.Миницкого, М.Щербака, А.Шрамченка и многих других. Нарушителей наказывали карцером, “черным столом”, оставлением “без ужина”, чая, угрожали отчислить из Гимназии и т.п.

Его Высокоблагородию, Г. Исправляющему должность Директора Гимназии высшихъ наукъ Князя Вяземскаго, Старшему Профессору и Консилеру Казимру Варсолюмовичу Шамалинскому, Инспектору Николаю Белоусову рапортъ. — Въ вѣдѣнную недѣлю воспитанники вели себя очень хорошо, исключая Буца, Данилевскаго и Мартоса. Буца замѣченъ въ неблагопристойныхъ словахъ, произносимыхъ имъ предъ товарищами въ спальнѣ, за что по предирительному наказанію велѣно было ему спать подлѣ надзирателя, но какъ онъ 6-го числа ночью опять ушелъ на прежнее свое мѣсто, то я хотѣлъ было весьма строго наказать, однако самъ обещалъ исправиться. Данилевскій же и Мартосъ гдѣли шибельскую, давно сочиненную противъ надзирателя Зельднера пѣсню, за что оба и были наказаны 6-го декабря. Г. В. ¹⁾ былъ на дежурствѣ въ довольно нетрезвомъ видѣ, но такъ какъ мною это замѣчено не съ самаго утра, то, дабы дѣлать не дать никакого повода къ неоправданію ему до перемены надзирателей, оставленъ на дежурствѣ. Впрочемъ вечеромъ я, прѣиди къ 2-й музыкѣ, оставался въ ономъ долгое время, дабы все было исправно. 7-го декабря вступилъ на дежурство М. и, будучи пьянъ, дѣлалъ за обѣдомъ неблагопристойности, почему я тотчасъ повелѣлъ на другаго надзирателя и сѣдѣлъ его, велѣвъ объявить ученикамъ, что г. М. будетъ сдавать буфетъ.

Инспекторъ Николай Белоусовъ. —
12 декабря 1826 года № 110-й.

Рапорт инспектора Н.Г.Белоусова

Все это естественные возрастные проявления, а также защитная реакция на те выпады, оскорбления, которые шли и со стороны некоторых преподавателей и чиновников.

Иногда протест набирал коллективный характер. Об этом, в частности, указывает надзиратель Август Аман в своем рапорте в октябре 1824 г. на имя директора о грубом поведении пансионера, ученика 6 класса Михаила Риттера: “После ужина я пришел во 2 музей, чтобы наказать Риттера за его грубость и неповиновение, велел ему стать на колена, но он в том мне не послушался. Я принужден был употребить угрозы, которые немало не действовали, ибо он был подстрекаем нижеиследующими заговорщиками: обоими Лукашевичами, обоими Сушковыми, Щербаком, Горленком, Данилевским, Закревским, Николаем Прокоповичем и Миницким; видя, они все упорствуют, я позвал двух служителей, сказывая ему, что возьмут его и поставят на колена, если сам не повинуется; но коль скоро люди вошли в зал, вышенаименованные бунтовщики бросились и вытолкали их, говоря: не позволим мы его брать! несмотря что я и дежурный присутствовал. О чем сим имею честь донести Вашему Высокоородию, прося приказать, какие меры должны взять для отвращения худих следствий от сих мятежников” [17].

Нельзя идеализировать жизнь гимназии, это был сложный механизм с яркими положительными проявлениями и в то же время сложными взаимоотношениями, которые существовали между группой преподавателей и студентов, например, по отношению, к гимназическому театру и т.д., а также среди преподавательского состава, приведшего к возникновению так называемого “дела о вольнодумстве”.

Иногда личностные неприязненные отношения складывались между отдельными преподавателями и студентами, в частности, проф. М.Билевичем и Гоголем, которые проявлялись, как заметил проф. И.А.Сребницкий, в словах, либо в тоне, либо в мимике. М.Билевич делал об этом отметки в ежемесячных ведомостях, подавал специальные рапорты и т.д., хотя в них не было названо конкретных фактов гоголевских “дерзостей”. Постоянные придирки профессора к Гоголю вызывали у юноши лишь раздражения и своеобразные проявления при помощи каких-нибудь комических приемов или тонких насмешек.

“Как теперь вижу этого белокурого мальчика в сером суконном сюртучке, с длинными волосами, редко расчесанными, молчаливого, как будто затаившего что-то в своей душе, с ленивым взглядом, с довольно неуклюжею походкою...”, – пишет о Гоголе этих лет преподаватель И.Г.Кулжинский [18].

Формирование личности Гоголя шло под знаком того, что он уже в последних классах сам определил свою будущую жизнь, ее цель и

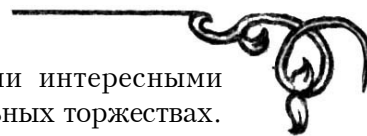
предназначение. Скрытность его объясняется не столько его характером, сколько неуверенностью в том, что его мысли, чувства, настроения не будут скептически оценены его преподавателями и товарищами. В письме к матери от 26 февраля 1827 г. Гоголь, рассказывая о подготовке театральных спектаклей, в которых он будет принимать активное участие, замечает: “Посмотрите же, как я повеселился! Вы знаете, какой я охотник всего радостного? Вы одни только видели, что под видом иногда для других холодным, угрюмым таилось кипучее желание веселости (разумеется, не буйной) и часто в часы задумчивости, когда другим я казался печальным, когда они видели или хотели видеть во мне признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывал науку веселой, счастливой жизни, удивлялся, как люди, жадные счастья, немедленно убегают его, встретясь с ним” [Т. X, с. 83].

Магерки

Гоголь преображался, когда попадал в близкую для него среду. Он был внимателен к своим собеседникам, снисходителен. Он чувствовал, что в этом случае он творит добро, и это было как бы его предназначением. Его постоянно тянуло к простому народу, особенно нравился ему район Нежина Магерки. Там у него было много знакомых. В выходные дни гимназистов отпускали в город. Магерки напоминали собой село, в котором были хаты богатых козаков и бедных крестьян, покрытые соломенными крышами. Домики отделялись один от другого плетеными заборами, огородами, где “подсолнечник выказывает свою солнцеобразную голову, краснеет мак, мелькают толстые тыквы...” В

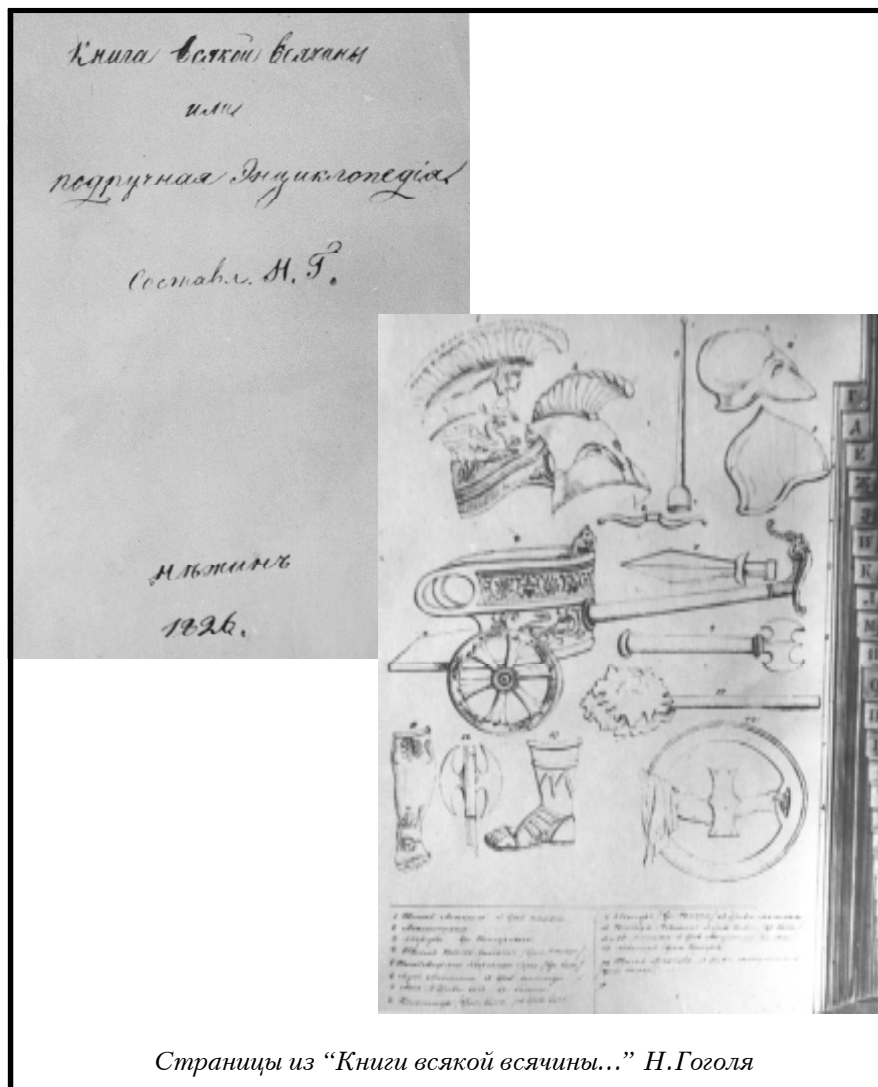

этом районе Нежина Гоголь встречался со многими интересными людьми, бывал на свадьбах, а также других увеселительных торжествах. “Гоголь имел там много знакомых между крестьянами, – вспоминал нежинец А.Артынов. – Когда у кого из них бывала свадьба или другое что или когда просто выдавался погодный, праздничный день, то Гоголь уж непременно был там” [19]. О характере взаимоотношений Гоголя с крестьянами и козаками интересно рассказывает в своих воспоминаниях А.Стороженко: “Придя в себя, я обернулся, чтобы отыскать место, где бы сесть, и увидел юношу лет восемнадцати, в мундире нежинского лица, с которым я еще не целовался. Мы дружески обнялись... Кроме того, студент с первого взгляда пришелся мне по сердцу. Его лицо, хотя неправильное, но довольно красивое, имело ту могущественную прелесть, какую придает физиономии блестящий взор, одаренный лучом гения. Улыбка его была приветлива, но вместе выражала иронию и насмешку” [20].

Нежинские базары и ярмарки, встречи здесь с их разнообразными участниками, а также взаимоотношения с жителями Магерок – все это обогащало будущего писателя, помогало ему глубже познать народные характеры.

Магерки, как район Нежина, известен и сегодня. Ранее длинная широкая земляная дорога, ныне асфальтированная Широкомагерская улица, вдоль которой расположились дома с фруктовыми садами и огородами. Кое-где сохранились специфические для этого района постройки. “Среди домов обращает на себя внимание покосившаяся от времени хата, которую ни за что не спутаешь с другой, – под соломенной кровлей с “призьбой”, обитой досками, с деревянными ставнями; покосившиеся фасады выдают традиционную для этих мест конструкцию стен. Эта хата запечатлела вид Магерок гоголевского времени. Построенная на рубеже века, она вобрала господствующие здесь в то время традиции” [21]. Встретишь в некоторых домах и традиционную нежинскую вышивку “белым по белому”.

Интересующийся народным творчеством Гоголь как бы впитывал в себя песни и припевки, присказки и яркие выражения. Да это был и его первый опыт собирания того, что создано народом. В “Книге всякой всячины, или Подручной энциклопедии”, которую Н.Гоголь начал вести в Нежине в 1826 г. и которая представляет собой тетрадь из 490 страниц голубой бумаги в кожаном переплете, даны всевозможные сведения, интересовавшие будущего писателя, заметки, выписки, рисунки. Здесь же записаны отрывки из “Энеиды” Н.Котляревского (ее кратное описание дал П.Кулиш в своей книге “Записки о жизни Николая Гоголя”) [Т.1, с. 54–58].

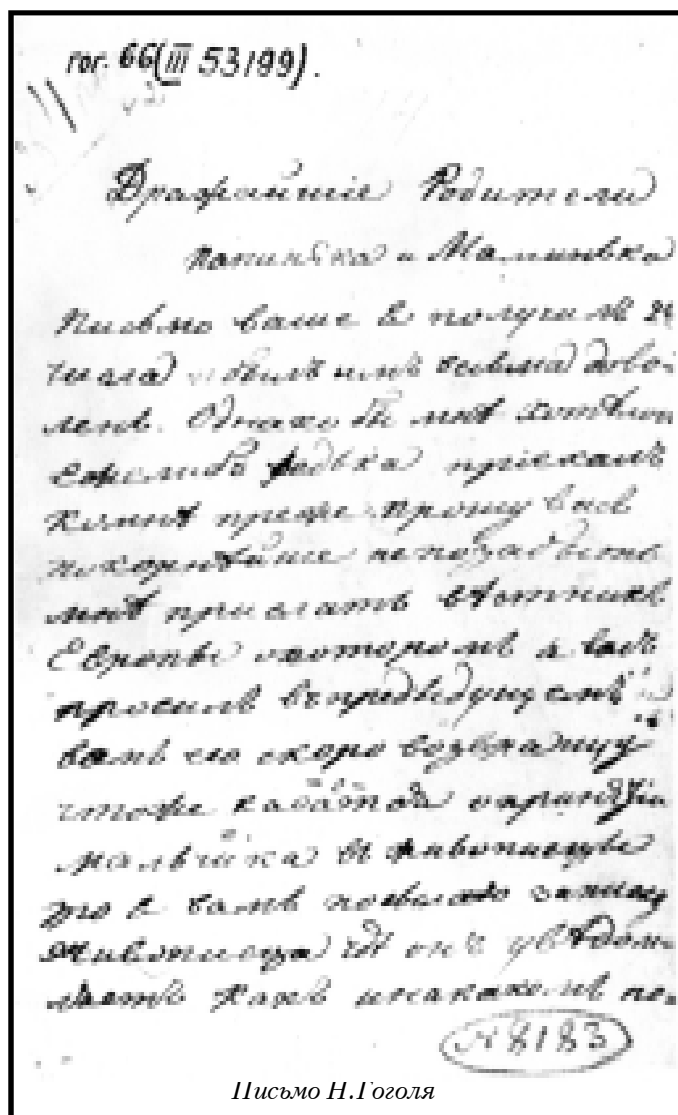

Страницы из “Книги всякой всячины...” Н. Гоголя

На многих страницах “Книги...” описываются обычаи украинского народа. Здесь же помещен украинско-русский словарь. Исследователи указывают, что составлением украинско-русского словаря занимался отец Гоголя, очевидно, он увлек этим и сына. Юный Гоголь подбирал украинские слова с их русским переводом ко всем буквам алфавита. Работа Гоголя свидетельствовала о хорошем знании им двух языков – украинского и русского. В некоторых разделах “Книги...” описаны “игры и увеселения малороссиян”, “разные малороссийские имена, даваемые при крещении”, “малороссийские песни”, “малороссийские загадки”, “малороссийские предания, обычаи, обряды”, “малороссийские блюда

и кушанья”. В “Книге всякой всячины...” помещены и тексты народных песен с этнографическими комментариями. Интересные объяснения дает Гоголь русалочным песням, записывает свадебный обряд. В “Книге...” немало материалов, почерпнутых в Нежине. Многие эти записи Гоголь использовал потом во время работы над книгой “Вечера на хуторе близ Диканьки”.

Интерес к народной жизни, к фольклору проявлял не только Н.Гоголь, но и его одноклассник Платон Лукашевич, в будущем известный фольклорист, составитель сборника “Малороссийские и червонорусские народные думы и песни” (1836) [22].

Письма Гоголя из Нежина, а их сохранилось 75, от первого написанного 10 июня 1821 года и до последнего 30 мая 1828 года в большинстве своем адресованы родителям. И только 8 из них – другим корреспондентам: ближайшим друзьям Гоголя – А.С.Данилевскому [1] и Г.И. Высоцкому [3], а также его двоюродным дядям по матери Павлу и Петру Косяровским, да тетке Варваре Петровне Косяровской.

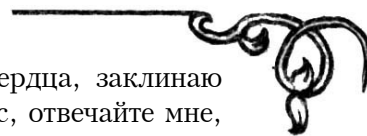
Письма Гоголя – это живые свидетели его душевного состояния, тех чувств и переживаний, которые были вызваны какими-то неурядицами его жизни в гимназии, настроениями или же увлечениями, заботами об отце, матери, сестрах, хлопотами о покупке книг, ликвидации долга, шитье мундира и шинели и о многих других мелочах жизни. В зависимости от адресата и цели письма встречаются то короткие, информационные, то длинные, с объемной информацией или размышлениями.

Гоголь рассказывает в письмах и о своих увлечениях, в частности, игрой на скрипке, танцами, рисованием (“ежели бы вы увидели, как я теперь рисую”), подготовкой к театральным постановкам. А в связи с этим возникают и новые просьбы (“пришлите полотна и других пособий для театра”, “прошу вас покорнейше прислать мне для рисования тонкого полотна несколько аршин” и т.д.).

Смерть отца, “лучшего отца, вернейшего друга”, Гоголь перенес “с твердостью истинного христианина”. В письме от 23 апреля 1825 г. он поддерживает мать, вселяет веру, что судьба не оставит ее. “Вам посвящаю всю жизнь свою. Буду услаждать ваши каждые минуты. Сделаю все то, что может сделать чувствительный, благодарный сын” [Т. X, с. 53].

Гоголь уверен в помощи всевышнего: “Благословляю тебя, священная вера! В тебе только я нахожу источник утешения и утомления своей горести!” [Т. X, с. 53]. Он беспокоился о здоровье мамочки и сестер, и когда долго не было писем, очень волновался, переживал, не находил себе места, непрерывно бегал на почту. “Каждая минута просрочки меня будет мучить” [Т. X, с. 54], – заявляет Гоголь в одном из писем. В другом письме: “Мое нетерпение увеличивается, мне хочется вас видеть, слышать, хочется говорить с вами, но пространство разлучает нас. Говорите хоть со мною письменно! Сделайте милость, скорее только пишите, прошу вас, умоляю. Ах, вы не знаете, в каком беспокойстве теперь я нахожусь. И днем и ночью мысли об вас наполняют мою душу” [Т. X, с. 55].

Отсутствие или задержка ответа порождают у юноши Гоголя тревожные предчувствия, печальные мысли, беспокойство, сможет ли мать выдержать сама такое горе. И он, как любящий сын, обращается к матери: “Сделайте милость, я вас прошу, молю, заклинаю всем, что

есть свято, что осталось еще любезным для вашего сердца, заклинаю вас именем ваших детей, которые не могут жить без вас, отвечайте мне, не мучьте меня мрачной неизвестностью” [Т. X, с. 59].

Все большое письмо от 26 мая 1825 г. пронизано глубокой печалью об утрате отца, о горе матери, о его, сына, горе. Гоголь просит, умоляет мать “утешьтесь хоть немного, живите для нас, верьте, что вы никогда не будете иметь огорчения. Мы постараемся уславить, сколько можно, вашу драгоценную для нас жизнь” [Т. X, с. 56]. Он надеется на скорую встречу во время каникул, которые, как целительный бальзам, прольют отраду в изнывшее сердце”, которое “всегда останется привязанным к священным местам Родины” [Т. X, с. 57].

Эмоциональная насыщенность этих писем объяснима, хотя Гоголь, которому уже исполнилось 16 лет, должен был бы яснее понимать, что после смерти отца мать одна осталась с маленькими детьми (Машенька, Анинька, Лиза, Таня, Оленька, которая родилась за несколько недель до смерти отца) и ей было страшно тяжело, ибо все заботы о доме, хозяйстве легли на ее еще не до конца окрепшие плечи. Более того, в Васильевке и в дворне свирепствовала какая-то заразная болезнь. В скором времени после смерти мужа умерла трехлетняя дочь Таня и не нужно было Николаю так нервно обострять ситуацию. Мария Ивановна была озабочена душевным состоянием сына. Поэтому просила товарища Гоголя по гимназии Петра Баранова, сына соседа по имению, присмотреть за Никошей. И Гоголь, очевидно, осознал всю свою ответственность перед матерью, ибо все его письма к ней в последующие месяцы проникнуты теплотой и глубоким уважением. Они свидетельствуют об искренности сыновних чувств, проникновенности любви, благодарности. Гоголь пытается сделать матери что-нибудь приятное: “постараюсь к вам привезть несколько своих произведений, также хорошеньких картинок своей работы: дары скудные, но они от чистого сердца, и их приносит нежный, чувствительный сын” [Т. X, с. 59].

Пребывание Гоголя в семье вместе с родными несколько успокоило его и в последующих письмах не ощущается той ностальгии, которая заметна была раньше. Он сообщает матери о некоторых новостях, которые происходят в гимназии, о выполнении заказов, в частности, для Андрея Андреевича Косяровского покупке каракатиц и т.д. “Не знаю дражайшая маминька, что бы вам сказать о наших происшествиях: нового у нас так мало, причательного и того менее; притом мы живем теперь совершенно в глуши, никто не посещает наш бедный Нежин. Скажу вам только, что наш Иван Семенович едет (хотя не так скоро) в Одессу, в тамошний лицей” [Т. X, с. 62]. В другом письме: “Совершенно ничего нет, все пусто, и Нежин наш заснул в бездействии” [Т. X, с. 71].

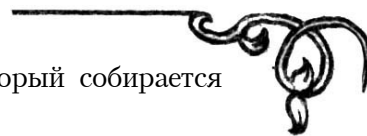

Гоголь в это время проявляет интерес к домашним хозяйственным делам, строительству, предлагает свои услуги. “Ежели нужно будет фасад или план, то сделайте милость, известите меня немедленно и уже фасад будет немедленно хорош... и фасад, и план будет тщательно нарисован и по первой же почте без замедления прислан”, – пишет он 20 августа 1826 г. Среди рисунков писателя сохранились и рисунки построек дома. Он дает советы: “Когда окончится полевая работа, то не худо бы приняться отыскивать глины, годной для черепиц. Я не знаю, что может быть полезнее, как завести этакой завод. Крыша, им укрытая, издержками не превышает соломенной, зато какая выгода в прочности. Черепичная крыша лет пятьдесят и более не требует подчинки, притом как красивы под нею будут строения, не надо никогда деревянной. Да притом и деревянная далеко ей уступает в прочности и крепости. Под эту крышею конюшни, амбары, все приняло бы другой вид и вековую несломаемость” [Т. X, с. 71].

Не часто в письмах Гоголя найдешь теплые слова о гимназии и ее преподавателях. С появлением в Нежине профессора естественного права Н.Г.Белоусова, который занял также должность инспектора, все изменилось. Он полюбил этого преподавателя, и это ощущается в тех характеристиках, которые встречаются в письмах. В письме от 16 ноября 1826 года Гоголь пишет: “Вы просите известить, кто теперь директор у нас; директора у нас нет, и желательно, чтобы совсем не было. Пансион наш теперь на самой лучшей степени образования, на степени такой, до какой Орлай никогда не мог достигнуть и этому всему причина – наш нынешний инспектор; ему обязаны мы своим счастьем; стол, одеяние, внутреннее убранство комнат, заведенный порядок, этого всего вы теперь нигде не сыщете, как только в нашем заведении. Советуйте всем везть сюда детей своих: во всей России они не найдут лучшего. – Должность директора исправляет профессор физики и химии Шапалинский” [Т. X, с. 77].

В некоторых письмах проскальзывают сведения о той или другой книге, приобретенной им для углубления своего самообразования. В письме от 13 сентября 1827 г. к Петру Косяровскому Гоголь расхваливает 5-ю часть “Математической энциклопедии” Перевошикова, удивляясь тому, как можно увлекательно, просто и ясно разьяснять самые сложные математические исчисления, что дитя в состоянии понимать его, и сожалеет, что это не сделано в учебных книгах.

С восхищением говорит о предмете “Полевая фортификация”, которую читал профессор К.Шапалинский, рассказывает о военных походах полководцев, об ошибках и успехах в разработке сражений, планов войны. И эта информация подается естественно, потому что

сам условный собеседник – дядя Петр Петрович, который собирается связать свою судьбу с армией, располагает к этому.

Более всего информации о жизни в гимназии находим в письмах к Герасиму Высоцкому, выпускнику 1826 года, с которым дружил Гоголь. Он был на два курса старше Гоголя. Сблизились они в гимназии. Как заявляет Гоголь, сердце его ни к кому так не привязалось, как к нему. “С первоначального нашего здесь пребывания, уже мы поняли друг друга, а глупости людские уже рано сроднили нас; вместе мы осмеивали их и вместе обдумывали план будущей нашей жизни” [Т. X, с. 80]. Письма эти отличаются откровенностью, желанием поделиться сведениями о знакомых, о том, чем живет гимназия.

Три письма – от 17 января, 19 марта и 26 июня 1827 года. Все они не только источник информации о гимназии, но и плод размышлений 18-летнего юноши о жизни, о своем положении в обществе гимназистов. В первом письме он упоминает об их общих знакомых – Лукашевиче, который перевелся в Одесский Ришельевский лицей вслед за И.С.Орлаем, А.Данилевском, “не знаю, куда понесет его, здесь он весьма худо вел себя” [Т. X, с. 81]. А.Данилевского вместе с П.Мартосом исключили из гимназии за распространение вольнолюбивых стихов, и он устроился в Московском университетском пансионе, о чем не знал еще Гоголь.

Рассказывал Гоголь и о пансионе, который находится в “самом благородном состоянии”, благодаря инспектору Н.Г.Белоусову, что к масленице затевают театр, названо несколько проходных фамилий и прозвищ, в частности Михаил Риттер, который бытовал в гимназической среде как “Барончик, Доримончик, фон-Фонтик, Купидончик, Мишель Дюсенька, Хопчики” (некоторые из этих прозвищ принадлежат самому Г.Высоцкому), учитель закона божьего П.И.Вольнский – “батюшечка”, с которым были у Гоголя неоднократные конфликты, а также упоминает учителя фехтования О.Д.Урсо, сторожей гимназии Мыгалыча и Бадьяна, однокурсников Андрея Божко и Николая Миллера.

В следующем письме он снова благоговееет перед Н.Г.Белоусовым, благодаря которому “в пансионе у нас теперь весело. Все возможные удовольствия, забавы, занятия доставлены нам”. “Я не знаю, можно ли достойно выхвалить этого редкого человека. Он обходится со всеми нами совершенно как с друзьями своими, заступает за нас против притязаний конференции нашей и профессоров-школяров. И, признаюсь, ежели бы не он, то у меня не достало бы терпения здесь окончить курс – теперь по крайней мере могу твердо выдержать эту жестокую пытку, эти 14 месяцев” [Т. X, с. 85].

Очень интересны сообщения Гоголя о театральных спектаклях, которые были устроены в гимназии на масленице. Снова идут с

сатирическими характеристиками имена некоторых общих знакомых гимназистов, преподавателей, а также сведения о беспрестанном движении между греками. Гоголь шутит, каждая фраза обрастает какими-то намеками, сатирико-юмористическим подтекстом.

В некоторых письмах Гоголь погружается в описание мелочей жизни обитателей Нежина со всеми подробностями о товарных сделках, о пьяных выходках, о свадьбах преподавателей (“всем чиновникам пришла блажь жениться”), о большом урожае фруктов, о невероятной жаре и о пошиве себе фрака. Здесь все, как в любом остроумном, юмористическом произведении. И удивительно чудное перечисление имен тех, кто приветствует любезного друга из Нежина: “Лопушевский, буфетчик Марко (прежний фаворит твой, с своею красною женкою), барон фон-Фонтик, Давинье, Гусь Евлампий, Григоров, Божко, Миллер и проч. и проч.”.

У Гоголя укрепляются дружеские отношения с Н.Прокоповичем и А.Данилевским. Именно они поддерживают его в жизненных и творческих поисках.

БИБЛИОТЕКА ГИМНАЗИИ И КРУГ ЧТЕНИЯ Н.ГОГОЛЯ

Немалую роль в познании Гоголем окружающего мира, приобщения его к художественному слову сыграла библиотека гимназии, которая была открыта в 1820 году. В основу ее фондов была положена подборка 2160 книг из библиотеки покойного князя Ильи Безбородко, подаренная его внуком, почетным попечителем А.Г.Кушелевым-Безбородко. Сохранились архивные документы, которые дают возможность восстановить ныне перечень книг и представить основные источники, по которым обучались гимназисты. Кроме подаренных книг, были закуплены дирекцией также все основные учебники и пособия [1].

Библиотека ежегодно пополнялась новыми книгами. В 1820–1829 годах от частных лиц поступило 677 томов, от правительства – 158 [2]. 506 томов отборных книг в библиотеку передал сын первого директора Гимназии В.Г.Кукольника Платон, который преподавал в ней латинский язык: “Ревнуя усердию благодетелей рода человеческого, основавших и старающихся усовершенствовать в Малорусском крае Гимназию высших наук, ... осмеливаюсь предложить в дар принадлежащее мне собрание

отборных классических сочинений, состоящих из 506 томов”, – писал он в октябре 1821 г. [3].

И.С.Орлай, приступив к исполнению обязанностей директора гимназии, обратил внимание на необходимость обеспечения учащихся учебными пособиями. С этой целью конференция гимназии 19 ноября 1821 г. приняла решение закупить учебники по математике, географии, общей истории, риторике, красноречии, басни Федра и другие книги.

Директор гимназии И.Орлай иногда непосредственно обращался к лицам, которые были причастны к изданию книг. Так, в библиотеку гимназии по просьбе директора было направлено описание кругосветного путешествия капитана-лейтенанта флота Коцебу, изданное на средства графа Н.П.Румянцева. В письме к И.Орлаю от 6 марта 1825 года граф сообщал: “Я точно с большим удовольствием исполняю волю Вашу и по тяжелой почте отправляю к Вам для библиотеки Нежинской знаменитой гимназии полный экземпляр Рюрикова Путешествия, при коем и атлас найдете” [4]. За этот подарок И.Орлай поблагодарил графа Н.П.Румянцева письмом от 13 апреля 1825 года. Конференция Гимназии 30 мая 1825 г. выразила благодарность Петру Редкину за подаренные библиотеке книги.

Штатным библиотекарем работал один из преподавателей гимназии. С 1820 по 1831 год библиотекарем был Август Иванович Аман. Хотя

известно, что некоторое время в библиотеке работали профессор математических и естественных наук К.В.Шапалинский, профессор французской словесности И.Я.Ландражин. Исполняющий обязанности библиотекаря К.В.Шапалинский докладывал 1 декабря 1821 г. правлению Гимназии, что после смерти первого директора В.Г.Кукольника выявлено, что никакого её описания не было. И конференция принимает решение “составить общий каталог с разделением книг на церковные, нравственные, физические и др.”.

Руководство гимназией внимательно следило за библиотечным фондом. 6 октября 1827 года решением Конференции была утверждена специальная комиссия, в состав которой вошли профессора Н.В.Билевич, Ф.И.Зингер и П.И.Никольский [5]. Она и произвела реестр книг [6]. 18 сентября 1828 года секретарь Конференции Гимназии С.М.Андрущенко подал рапорт и перечень книг, поступивших в библиотеку с начала её существования по 15 сентября 1828 г. на 1670 листах с примечанием.

Как свидетельствует “Реестр книг библиотеки гимназии на 1830 год”, в ней уже было 12 374 экземпляра книг. Это была одна из самых крупных библиотек Левобережной Украины.

“Библиотека гимназии... не походила на многие другие училищные библиотеки, – вспоминал Н.Кукольник, – не составляла запретной сокровищницы, доступной только для библиотекаря и для наглядного любопытства посетителей при торжественных актах. Нет, мы там учились” [7]. В библиотеке гимназии были, кроме учебников и учебных пособий, произведения художественной литературы. Директор И.Орлай в своем Предложении профессору российской словесности П.Никольскому предлагал в 6 классе заниматься “эстетикой или разбором изящных риторов, каковы Демосфен, Цицерон, Мурет, Боссюет, Флешье, Массильйон, Бурдалу, Феофан Прокопович, Яворский преосвященный, Гедеон, Платон, Анастасий и другие; разбором писателей, каковы Иерузалем, Фенелон, Тамась, Каранчиоли, Бем, Татищев, Эмин, Карамзин и другие; и, наконец, разбором изящных стихотворцев, каковы: Гомер, Гораций, Вергилий, Овидий, Петрарк, Камюэнс, Тасс, Мильтон, Буало, Рассин, Попе, Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин, Жуковский и другие; но без дальнейших умствований, умозрений и умоположений, и, как словесность есть предуготовительная наука для высших трех академических классов, то предполагается г.Никольскому кончить оную в 6-ти классах, а в 7-м преподавать токмо одну логику” [8].

Трудно сегодня сказать, были ли произведения этих авторов в библиотеке, или с их произведениями необходимо было знакомиться

по учебным пособиям. И все же точно известно, что в библиотеке были произведения М.Ломоносова, А.Радищева, М.Карамзина, М.Хераскова, Г.Державина, Я.Княжнина, Д.Хвостова, а также книги, так называемой, массовой литературы (Поэма “Потерянный и приобретенный рай” (1776) И.Владыкина, “Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки” (1794) и “Храм славы российских героев” (1803) П.Львова, стихи Р.Чернявского, “Подлинные анекдоты о Петре Великом” (1793) Я.Штелина и др.). Находились здесь и переводные авторы типа “Греческие классики” в 26 т. (1823–1828 гг.) в переводе И.Мартынова, “Басни Феда” (1814) издания Кошанского, “История Генриха Великого. Сочинения М.-Ф.Жанлис” в 3-х ч. (1816–1817 гг.) в переводе П.Шаликова, “Луиза. Сельское стихотворение И.Г.Фосса” (1820) в переводе с немецкого П.Теряева, подаренная гимназии переводчиком, и др.

Книги и журналы, которые находились в библиотеке

В феврале–марте 1828 г. в библиотеку гимназии поступили книги по словесности: “Словарь древней и новой поэзии” (3 части), “Ручная книга древней и новой классической словесности” (2 части), “Опыт краткой истории русской литературы” (1 часть), “Учебная книга российской словесности” (4 части) [9].

Среди периодических изданий в библиотеке были “Вестник Европы” (за 1803–1814, 1815, 1825–1828 гг.), “Русский инвалид” (за 1815, 1816, 1821, 1823, 1825 гг.), “Отечественные записки” (с 1821 по 1827 гг.), “Сибирский вестник” (с 1818 по 1824 гг.) “Журнал изящных искусств” (за 1823, 1825 гг.), “Украинский журнал” (за 1824 г., 24 номера), “Журнал Министерства народного просвещения” (за 1821–1824 гг.), “Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете” (за 1822–1826 гг.) и другие. С разрешения Конференции были заказаны также журналы “Северный архив”, “Новый магазин естественной истории, физики и химии”, “Указатель открытий по физике, химии, естественной истории, технологии”, “Московский вестник”, “Московский телеграф” и т.п. [10].

Библиотека играла большую роль в учебном процессе и формировании взглядов гимназистов. Нестор Кукольник утверждал: “Я знаю, примером о себе, что моим профессором эстетики, политической экономии и некоторых других наук – была библиотека Гимназии высших наук кн.Безбордко” [11]. И это действительно так, ибо во время следствия по “делу о вольнодумстве” у Н.Кукольника было обнаружено 8 тетрадей по “естественному праву”. Это были преимущественно выписки из книг: “Философский словарь” Ф.Вольтера, “Общественный договор” Ж.-Ж.Руссо, “Дух законов” Ш.Монтескье, “Гармония мира” И.Кеплера (все на франц. яз.), “К вечному миру” И.Канта (на нем. яз.), журнала “Московский телеграф”, выписки из произведений Руссо и Д.Юма, которые делал гимназист Г.Высоцкий, заметок на философские темы Василия Кукольника, отца Нестора [12].

Различные источники свидетельствуют, что гимназисты знакомились с произведениями Ф.Вольтера. К.-А.Гельвеция, Ш.-Л.Монтескье, Д.Локка, Г.Филанжери, Ж.-Б.Грекура, О.Пирона, Б.Спинозы и др. Эти книги они могли получить от профессоров Ф.Зингера и И.Ландражина, на что указывали во время допроса по “делу о вольнодумстве” студенты.

Среди учебной и художественной литературы в библиотеке были старинные книги, рукописи XVI–XVIII вв., в частности грамоты Константина Острожского 1602 г., переписные книги (в том числе и Ипатьевского монастыря), кодексы, уставы, летописи Г.Устюга, Г.Грабянки, поучения и др. Все это способствовало развитию у гимназистов исторических знаний, их стремлению к исследовательской работе.

К сожалению, сравнительно богатая библиотека не удовлетворяла читательских запросов гимназистов, особенно старших классов, по современной литературе. И тогда они начали формировать свою

библиотеку путем приобретения книг, журналов за собственные деньги. Как свидетельствуют Н.Прокопович, А.Данилевский и другие гимназисты, они подписывали журналы “Московский телеграф”, “Северные цветы”, произведения А.Пушкина, В.Жуковского и др. Проявлял интерес к этому и Н.Гоголь. Он беспокоился о своевременной высылке денег. А.Данилевский вспоминал: “Складчина была невелика, но тогдашние журналы и книги нетрудно было и при малых средствах приобрести все, сколько их ни выходило. Важнейшую роль играли “Северные цветы”, издававшиеся бароном Дельвигом; потом следовали отдельно выходившие сочинения Пушкина и Жуковского, далее – некоторые журналы. Книги выдавались библиотекарем для чтения по очереди... Гоголь берег книги, как драгоценность, и особенно любил миниатюрные издания” [13].

Заведовал этой общественной библиотекой Н.Гоголь. Он требовал от своих товарищей бережного отношения к книгам, проверял руки перед тем, как выдать книгу. Пользовались гимназисты книгами, которые они привозили из дому, а также из библиотек преподавателей. Во время следствия “по делу о вольнолюбстве” в Нежинской гимназии высших наук кн. Безбородко были изъяты произведения Вольтера, Пушкина, Рыльева, Ж.Фр.Мармонтеля, М.Сервантеса, А.-Р.Лесажа, графа де Сен-Мерана, К.Делавиня, Дж.Байрона, Э.Парни, М.Ж.Шинье, А.Ламартина, А.Шенье и другие, а также произведения Оссиана (“Сулма”, “Эвиралла”, “Ларнуль, или Отчаяние”, “Смерть Азалы”, “Песнь Рио на смерть Оскара”). Некоторые из этих стихов мог переписать Н.Гоголь из книги “Оссиан, сын Финганов, бард III века. Стихотворения, изданные Гарольдом” (М., 1803 г.) в переводе с немецкого языка, которая находилась в библиотеке вельможи Д.Трощинского, в усадьбе которого будущий писатель бывал со своими родителями [14]. В письме от 13 июня 1824 г. Н.Гоголь, собираясь вместе со своими товарищами по гимназии А.Данилевским и П.Барановым на каникулы, просит родителей: “Сделайте милость, пришлите нам на дорогу... несколько книг из Кибинец; будьте уверены, что мы их привезем такими, какими они будут нам вручены. Но вместо повестей пришлите вы нам книгу под заглавием “Собрание образцовых сочинений в стихах, с портретами авторов в шести томах”, за что мы будем очень благодарны” [15].

В “Реестре книгам и рукописям...”, который был составлен инспектором гимназии проф. М.Г.Белюсовым в 1830 г. для чиновника Адеркаса, расследовавшего “дело о вольнодумстве” в разделе “Рукописные сочинения разных авторов, бывшие и не бывшие напечатанными”, значились “Тетрадь разных сочинений, включающая произведения Андрея Шенье”, “Мессенские элегии” К.Делавиня на французском языке, “Стихотворения К.Делавиня”, в том числе “Смерть

Самойленко Г.В.

Жанны Д'Арк", Э.Парни, трагедия "Генрих VIII" М.-Ж.Шенье на французском языке.

Среди гимназистов распространялись переписанные от руки "Горе от ума" А.Грибоедова, поэмы А.Пушкина "Братья-разбойники", "Цыганы", "Кавказский пленник", "Бахчисарайский фонтан", главы "Евгения Онегина", стихотворения, баллады, поэмы "Войнаровский" и "Исповедь Наливайко" К.Рылеева и другие.

Первые главы романа А.Пушкина "Евгений Онегин" печатались в журнале "Север

Главы романа А.Пушкина "Евгений Онегин"

У гимназиста Е.Гребенки во время следствия обнаружили оду А.Пушкина "Вольность". Из показаний гимназистов А.Змиева и А.Кольшкевича от 20 мая 1828 г. по "делу о вольнодумстве" известно, что в гимназии распространялись запрещенные стихи К.Рылеева. "О сих стихах объясняет Змиев нижеследующее. Он получил их от Мартоса, бывшего ученика 6 класса и уволившегося из оногo, а теперь, как слышно, служащего во 2-м Уланском украинском полку, сии стихи касаются до призывания к свободе, под ними подписано было "Кондратий Рылеев".

Когда профессор Ландражин велел в генваре сего года 1828 перевести ученикам на французский язык, что они сами выберут, то Змиев, переведший оные стихи на французский язык, послал их с

своим служителем профессору Ландражину, который их у себя поныне оставил...

Когда сии стихи, написанные Кольшкевичем, бывшим при снятии показания с Змиева, прочтены были Змиевым, то он сказал, что они слово в слово те же, что он перевел на французский язык и доставил Ландражину.

1828 года мая 20 дня ученик 8 класса Андрей Кольшкевич, бывший при допросе ученика Змиева, когда шла речь о переведенных на французский язык и профессору Ландражину представленных стихах Змиевым под именем Рылеева, и когда Змиев объявил, что он тех стихов от слова до слова не помнит, то Кольшкевич, зная их наизусть, написал оные при директоре, объявляя при том, что слышал весьма часто бывшего ученика 6 класса Мартоса, читающего оные стихи, он, Кольшкевич, мог сохранить оные в памяти и, сверх того, ссылается на учеников 9 класса Котляревских, которые также нередко слышали Мартоса и других учеников, читающих помянутые стихи” [16].

Данный документ свидетельствует о хождении в гимназии запрещенных в стране стихов. Знакомясь с этими произведениями, учащиеся впитывали вольнолюбивый дух, характерный для передового русского общества начала 20-х годов XIX века.

Это только отдельные источники, свидетельствующие о стремлении гимназистов к познанию современного им литературного процесса в России. Однако в период рассмотрения “дела о вольнодумстве” чиновники гимназии стремились оградить молодежь от новинок литературы, которая, как считали они, пагубно влияет на их “незрелый ум”.

Инспектор Н.Белоусов докладывал в октябре 1829 г. попечителю Харьковского учебного округа А.Перовскому о частной библиотеке гимназистов: “...уничтожил я в самом пансионате библиотеку свободного чтения, собранную воспитанниками из самых разнообразных книг без разбора, само наименование коих доказывает уже, что пансионеры не имели наименьшего присмотра, предоставленные сами себе, и приостановил уложение и издание самими же учениками литературных журналов и альманахов, где размещались нелепые и не отвечающие благородному воспитанию статьи. Их было на время вступления моего на должность инспектора более десяти” [17].

Было принято Конференцией решение о строгом присмотре за распространением книг среди гимназистов, чтобы ни одна книга или рукопись не попали к ним без предварительного просмотра профессором, учителем, а также гувернером. Не разрешалось читать без разрешения никаких книг, кроме учебников. Приказано было составить список всех существующих у гимназистов книг как собственных, так и одолженных.

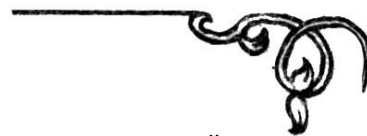
В гимназии проявляется интерес к чтению и у Н.Гоголя, о чем свидетельствуют его письма к родителям.

Эти интересы, в основном, связаны с учебными занятиями, личными увлечениями и времяпрепровождением, литературным сочинительством, театральными постановками.

В нескольких письмах Н.Гоголь убедительно просит родителей прислать ему книги. “Еще прошу вас прислать мне Нравоучительные Сказки г-на Мармонтеля, потому что мы их переводим на французский язык” [Т. X, с. 37]. В этом же письме от 10 декабря 1821 г., когда Н.Гоголь был еще во втором классе, он просит прислать учебники по латинскому языку, а также разговорники по французскому и немецкому языкам. В другом письме заявляет: “Нельзя ли каким-нибудь образом достать “Собрание образцовых сочинений в стихах и прозе”? ибо мы теперь, проходя поэзию и части эстетики, весьма нуждаемся в примерах...” Эта книга, а полностью она называлась “Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе, изданное Обществом любителей отечественной словесности, в 12 частях, составлено А.И.Тургеневым, В.А.Жуковским и А.Ф.Воейковым” была также в библиотеке гимназии. Она состояла из 12 частей (6 прозы и 6 поэзии). Во введении к каждому тому были даны обширные сведения по шпитеке и риторике, со... издание вышло в С.-Петербурге гт.

Книги, которые читал Н.Гоголь

Этим сборником пользовались гимназисты на занятиях русской словесности у проф. П.Никольского.

Гоголь просит также прислать “Нравственные примеры” [Т. X, с. 38], т.е. книгу “Примеры мудрости и добродетели, с наставлениями для детей. Соч. Я.Феддерсена, 2 ч., перевод с немецкого” (М., 1787).

Письмо от 15 августа 1825 г. дает нам возможность узнать, что Гоголь брал на летние каникулы некоторые книги: “Сделайте милость, пришлите мне ту книгу, которую я забыл и которую мне весьма надо, а особенно потому, что она казенная. Вы, я думаю, ее помните. Она не так толста, в голубой бумажке, под заглавием: “Опыт о русском стихосложении А.Востокова” [Т. X, с. 61]. В это время на занятиях проф. П.Никольского гимназисты занимались сочинительством стихов и эта книга использовалась как практическое пособие.

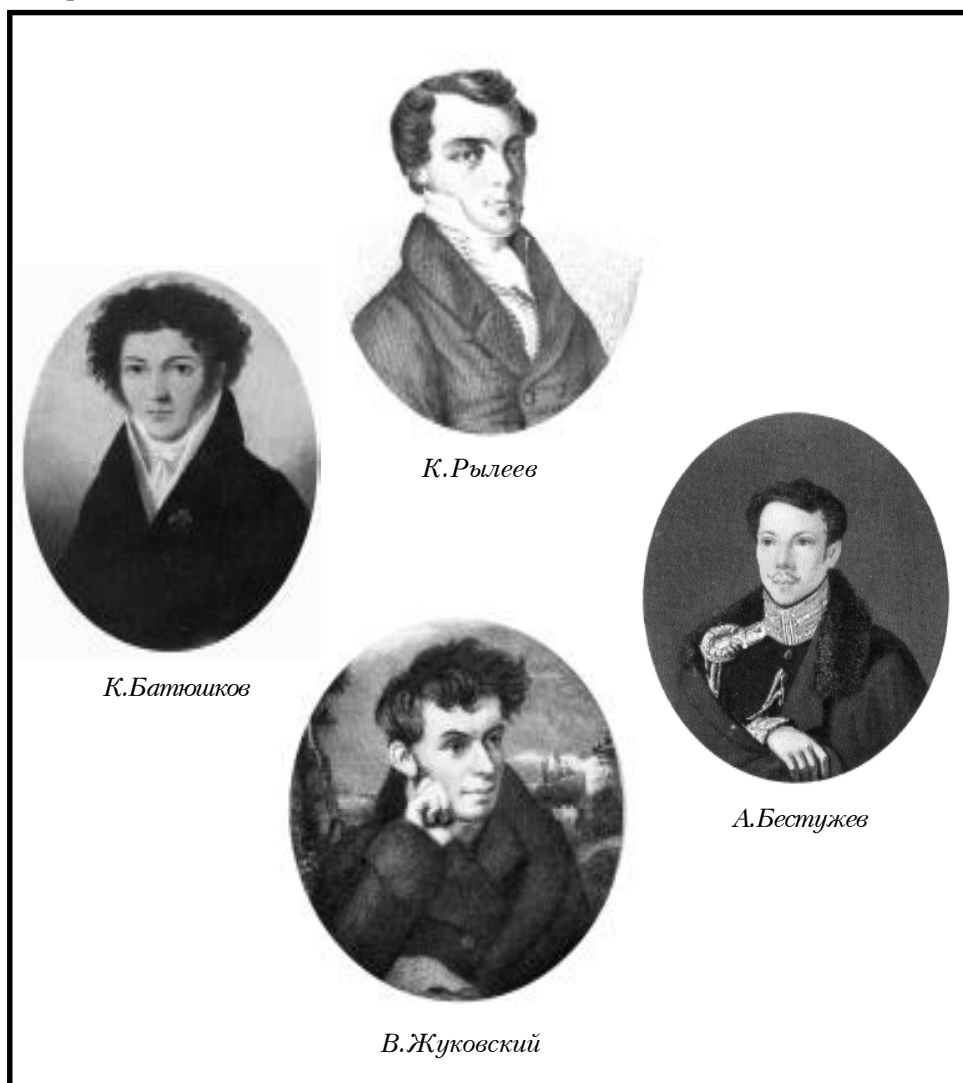
Кроме книг, связанных с учебным процессом, Н.Гоголь интересовался как некоторыми периодическими изданиями, так и отдельными авторами. Выше мы говорили об увлечении гимназистов А.Пушкиным. Это подтверждают и письма Н.Гоголя к родителям. 1 октября 1824 г. он просит прислать “2 тетради со стихами, которые он забыл дома, а также новую балладу и “Пушкина поэму Онегина”. “Еще нет ли у вас каких-нибудь стихов, то и те пришлите... между прочим, прошу вас еще: нельзя ли каким-нибудь образом достать “Собрание образцовых сочинений в стихах и прозе” [Т. X, с. 48]). Трудно ныне утверждать, что это были за две тетради: записанные Н.Гоголем, – любимые стихи или же стихотворения, которые он сочинил сам, его товарищи по гимназии и которые необходимо было оформить в рукописный альманах, который он издавал вместе со своими друзьями.

Такие же догадки вызывает и упоминаемая Гоголем баллада. Исследователь творчества Н.Гоголя С.Дурылин считал, что это может быть один из отрывков поэмы К.Рылеева “Войнаровский”, который печатался в журналах за 1824 г.

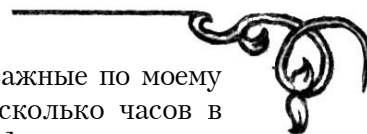
В мартовском письме 1825 г. Гоголь просит отца прислать ему “к праздникам хоть несколько книжек на прочет, ибо здесь на праздниках такая скука, что ужас” [Т. X, с. 51]. С такой же просьбой обращается Н.Гоголь и к матери 10 июня 1825 г.: “Еще просил бы у вас, дражайшая маминька, прислать на дорогу несколько книг и хороших” [Т. X, с. 60].

Эти просьбы указывали как на необходимость занять свободное время чтением книг, так и на тяготение Н.Гоголя к художественной литературе, знакомству именно с представителями современной для него словесности. Это было время А.Пушкина, произведения которого молодежь заучивала наизусть, В.Жуковского, который был для молодого Гоголя символом романтической культуры, великим поэтом, наиболее

полно передавшим идеи своего времени” [18], К.Батюшкова, К.Рылеева, А.Бестужева-Марлинского, А.Кюхельбекера и других поэтов, которые занимали умы молодежи. А.Данилевский вспоминал: “Мы собирались втроем и читали “Онегина” Пушкина, который тогда выходил по главам. Гоголь уже тогда восхищался Пушкиным. Это была тогда еще контрабанда” [19].

Н.Гоголь стремился познакомиться с новинками литературы путем ее приобретения за собственные деньги. Это характерно для 1827–1828 гг. Он просит деньги на разные хозяйственные дела, а тратит их на книги. 6 апреля 1827 г. он сообщает матери: “За Шиллера, которого я выписал

из Лемберга, дал я 40 рублей – деньги весьма немаловажные по моему состоянию; но я награжден с излишком и теперь несколько часов в день провожу с величайшей приятностью” [Т. X, с. 91].

П.Кулиш к этому факту делает такое примечание: “Прокопович говорил мне, что у Гоголя скоро не стало терпения добиваться смысла в языке Шиллера, и что это было только минутное увлечение” [20]. Н.Гоголь недостаточно хорошо знал немецкий язык, чтобы осилить Шиллера в оригинале.

В выше названном письме Н.Гоголь также замечает: “Не забываю также и русских и выписываю что только выходит самого отличного. Разумеется, что я ограничивался одним только чем-либо, в целые полгода я не приобретаю более одной книги и это меня крушит чрезвычайно” [Т. X, с. 91–92].

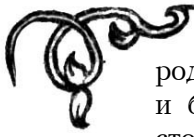
Об увлечениях сына Мария Ивановна Гоголь писала А.А.Трощинскому 23 ноября 1830 г.: “Когда выйдет новая книга, по названию многообещающая, то он готов выписать ее из чужих краев, что он и делал, будучи в Нежине, из выпрошенных у меня для платья денег; после признался мне, что когда он начитает о новой книге, то дрожит как бы ее выписать скорее – и за это получил от меня реприманд. Я называю сию охоту страстью; хотя она и не постыдная, как карточная, но тоже может разорять” [21]. Новинками литературы Гоголь делится со своей сестрой Машей, посылает ей из Нежина новинки 1827 года, в частности В.Скотта “Владелец островов. Поэма” (М., 1827), “Невский альманах на 1827 год” изд. Е.Аладына (СПб., 1826), “Литературный Музеум на 1827 год Владимира Измайлова” (М., 1827).

Круг читательских интересов Н.Гоголя нежинского периода довольно широк. В письме к П.Косяровскому от 3 октября 1827 года он сообщал: “Теперь от занятий остается времени довольно: в это время читаю *Bibliothegue des dames*. Очень хорошее издание; их всех 200 томов. Здесь найдете все. Я читаю путешествие во все страны. На днях читал я Письма о Восточной Сибири Алексея Мартоса. Мне они очень понравились; желал бы я видеть выходящими побольше этих книг в свет” [Т. X, с. 115].

“*Bibliothegue des dames*” – это было своеобразное собрание книг по географии, путешествиям, предназначенных для дамского чтения. Они представляли интерес и для тех, кто увлекался описанием различных путешествий. Книги издавались на французском языке. Интерес к ним Н.Гоголя дает право утверждать, что он мог уже читать книги в оригинале.

В связи с тем, что читательские формуляры с того далекого времени не сохранились, трудно сказать, какие книги из гимназической библиотеки брал Н.Гоголь, хотя общий интерес гимназистов к некоторым произведениям как русской, так и зарубежной литературы мог втянуть и его.

Увлечение Н.Гоголя театром подталкивало его к знакомству с пьесами, которые нужно было отобрать для постановки. В письме к

родным от 22 января 1824 года он просит прислать комедии “Бедность и благородство души” Августа Коцебу, которая становилась как в столичных, так и в усадебных крепостных театрах после ее издания в 1784 году, “Господин Багатонов, или Провинциал в столице” М.Н.Загоскина, которая впервые была поставлена в Петербурге 27 июня 1817 г., “Ненависть к людям и раскаяние” не установленного автора.

В этом же письме названа и трагедия в стихах В.А.Озерова. Н.Гоголь поставил в гимназическом театре русские и переводные пьесы: “Недоросль” Д.Фонвизина, “Урок дочкам” И.Крылова, “Неудачный примиритель, или Без обеда домой поеду”, “Чудак” Я.Княжнина, “Хлопотун”, “Лукавин” А.Писарева, (последняя была переделкой комедии Ричарда Шеридана), “Школа злословия”, “Береговое право” Августа Коцебу, в переводе с немецкого Каченовского. Знаком был Н.Гоголь и с непереводаемыми оригинальными пьесами Мольера и Флориана. В библиотеке гимназии была также драма “Должник” (1803) А.Толмачева (в рукописном виде) и другие.

Все эти произведения перечитывал Н.Гоголь, и это служило первоосновой для его последующей практики в области драматургии.

“Книга всякой всячины, или Подручная энциклопедия”, которую вел Н.Гоголь в Нежине, дает также возможность узнать о том, какие книги его интересовали в это время.

Прежде всего здесь нашли свое место сведения о поэме И.Котляревского “Энеида”. На стр. 80–81 “Книги всякой всячины” размещены 23 выписки из текста поэмы в последовательности страниц. Трудно сказать, каким из трех изданий (1798, 1808, 1809) пользовался Н.Гоголь. Но именно эти стихи он использовал в качестве эпитафии в последующих своих произведениях, в частности, в “Сорочинской ярмарке”: в 3-й главе – “Чи бачиш вин який парньще? На свити трохи есть таких. Сывуху так, мов брагу, хльще!”; в 4-й главе – “Хоть чоловіком не онее, да коли жинци бачишь, тее так треба угодыты...; в 8-й главе – “Пиджав хвист, мов собака, мов Каин затрусывсь увесь; из носа потекла кабака”.

Еще один эпитафия взят Н.Гоголем из басни известного ученого, баснописца П.Гулака-Артемевского “Пан та собака”: “Чым, люди добри, так оце я провинився? За що глузуете?” – сказав наш неборак, “За що знущаетесь вы надо мною так? За що, за що?” – сказав, та й попустив патіоки, Патіоки гирких слез, узявшись за боки”. Эта басня была опубликована в журнале “Украинский вестник” (1819, №12). В этом журнале (№12) была напечатана и басня “Солопий та Хивря, або Горох пры дорозе”, с которой также мог познакомиться Н.Гоголь и позаимствовать имена для своей повести “Сорочинская ярмарка”. Знаком был Н.Гоголь и со статьей П.Гулака-Артемевского “О поэзии и красноречии”.

Попадают в “Подручную энциклопедию” и отдельные отрывки из песен, взятые из сборников Н.Цертелева “Опыт собрания старинных

малороссийских песен” (СПб., 1819) и М.Максимовича “Малороссийские песни” (М., 1827).

В литературоведении неоднократно рассматривался вопрос о влиянии отдельных произведений на раннее творчество Н.Гоголя, в частности, на “Ганца Кюхельгартена”. Некоторые исследователи говорят о влиянии на поэму Н.Гоголя “Луизы” И.-Г.Фосса, “Германа и Доротеи” Гете, а также произведений Шиллера и И.Тика. Поэма Т.Мура “Свет гарема” (1817), опубликованная в журнале “Сын Отечества”, послужила, как утверждает О.Супронюк, основой для создания IV картины “Ганца Кюхельгартена”. Проф. Ю.Манн находит в поэме Н.Гоголя отголоски некоторых произведений русской литературы, в частности, “Цыган” (1827) А.Пушкина, а также его элегии “Погасло дневное светило” (1820), “Торжество Вакха” (1826), а также “Вакханке” (1817) К.Батюшкова. В гоголевской поэме просматриваются реминисценции, связанные с балладой В.Жуковского “Людмила”, а также другими произведениями поэта.

Как свидетельствует А.Данилевский, свои первые прозаические произведения нежинского периода Н.Гоголь писал в духе А.Бестужева-Марлинского, за что юного писателя осуждали его товарищи.

Таким образом, круг чтения Н.Гоголя нежинского периода довольно многообразен и охватывает различные стороны его гимназической жизни. Знакомство с художественной литературой, как отечественной, так и переводной, падает, в основном, на старшие студенческие годы, так как расширяются интересы Гоголя, углубляются его литературные искания. Для начального периода самостоятельного художественного творчества нужен был какой-то толчок, пример, образец, и Гоголь находил их не только в книгах библиотеки гимназии, периодических изданиях, книгах из домашних библиотек преподавателей и студентов, а также из большой библиотеки Д.П.Троцкого [22], услугами которой пользовались родители Н.Гоголя и он сам.

Читательские интересы Гоголя формируются в 4-х основных направлениях: 1) для удовлетворения собственных потребностей; 2) для учебных целей; 3) как возможный образец, используемый им в своём творчестве; 4) как материал для постановки в студенческом аматорском театре.

Перечисленные выше факты дают право утверждать, что Гоголь любил книги, получал удовлетворение от общения с ними, ценил их, хотя и не проявлял особого целеустремленного, систематического увлечения какой-то одной проблемой или творчеством одного писателя (может быть, кроме А.Пушкина). Читательский интерес Гоголя не был ограничен. Это могли быть книги по математике или о географических путешествиях, на историческую тематику или о сельскохозяйственных культурах, романы, стихи, драмы. И всё это читалось с увлечением, и обо всём этом он желал поделиться с друзьями, родным.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ УВЛЕЧЕНИЯ ГИМНАЗИСТОВ

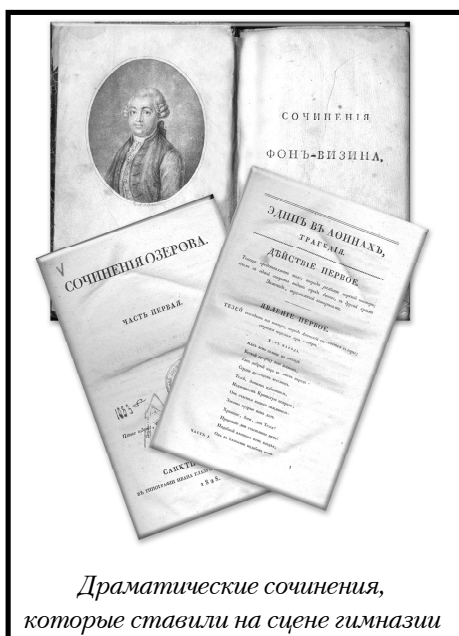

Первые представления в Гимназии начали готовить в конце 1823–начале 1824 года. Это была пьеса В.Озерова “Эдип в Афинах”. В музее университета сохранилась книга “Сочинения В.А.Озерова” (ч. I, СПб, 1816), по которой Гоголь и другие гимназисты готовили роли в трагедиях “Эдип в Афинах”, а затем “Фингал”. Письма Н.Гоголя к родителям, а также к соученику Г.И.Высоцкому свидетельствуют о том, какую большую работу проводили гимназисты в связи с постановкой спектаклей [1]. Их успех способствовал поискам новых пьес для репертуара.

В письме к родителям от 22 января 1824 г. Гоголь просит прислать комедии “Бедность и благородство души” и “Ненависть к людям и раскаяние” немецкого драматурга Августа Фридриха Коцебу (1761–1819), пьесы которого были популярны в России, а также “Богатонов, или Провинциал в столице” (1817) М.И.Загоскина. “И еще ежели

каких можно прислать других, за что я вам очень буду благодарен и возвращу в целости” (Т. X, с. 45).

Тяготение Н.Гоголя к театру, постановкам не было случайным. Он уже прошел своеобразную школу подготовки. Отец Н.Гоголя, Василий Афанасьевич, и его мать, Мария Ивановна, принимали активное участие в постановке спектаклей у вельможи В.Трощинского, у которого был свой домашний театр в Кибинцах. На этих представлениях неоднократно бывал и Н.Гоголь, в некоторых постановках сам принимал участие. В письме к родителям 1 октября 1824 г. он обращается с просьбой: “Сделайте милость, объявите мне, поеду ли я домой на Рождество; то, по вашему обещанию, прошу мне прислать роль. Будьте уверены, что я ее хорошо сыграю, чем я вам буду много благодарен” (Т. X, с. 48).

В.А.Гоголь сам писал пьесы (“Простак, або Хитроці жінки, перехитреної солдатом”, “Собака – вівця” и др.), которые разыгрывались на сцене помещичьих домашних театров. Одну из них, по преданию, и поставил Н.Гоголь на сцене гимназического театра.

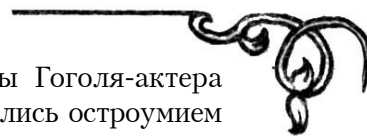
Об этом свидетельствует исследователь театра на Черниговщине Кость Копержинский. Он считал, что гимназисты, кроме русских и зарубежных, ставили и украинские пьесы, в том числе и Василия Гоголя и Ивана Котляревского. Правда, свой вывод относительно “Наталки Полтавки” он делает на основании описанной в воспоминаниях Т.Пашенко декорации. Но это всего лишь догадки исследователя. Сценки, сочиненные Н.Гоголем и Н.Прокоповичем на малороссийские сюжеты, действительно шли.

В тех же воспоминаниях Т.Пашенко читаем: “Однажды сочинили они пьесу из малороссийского быта, в котором немалую роль дряхлого старика Малоросса взялся сыграть Гоголь. Разучили роли и сделали несколько репетиций. Настал вечер спектакля, на который съехались многие родные лицеистов и посторонние. Пьеса состояла из двух действий; первое действие прошло удачно, но Гоголь на нем не являлся, а должен был явиться во втором. Публика тогда еще не знала Гоголя, но мы хорошо знали и с нетерпением ожидали выхода его на сцену. Во втором действии представлена на сцене простая малороссийская хата и несколько обнаженных деревьев, вдали река и пожелтевший камыш. Возле хаты стоит скамейка; на сцене никого нет. Вот является дряхлый старик в простом кожухе, в бараньей шапке и смазных сапогах. Опираясь на палку, он едва передвигается, доходит, кряхтя, до скамейки и садится. Сидит, трясется, кряхтит, хихикает и кашляет; да, наконец, захихикал и закашлял таким удушным и сильным старческим кашлем с неожиданным прибавлением, что вся публика грохнула и разразилась неудержимым смехом... А старик преспокойно поднялся со скамейки и поплелся со сцены, уморивши всех со смеху. Бежит за ширмы инспектор Белоусов – Как же это ты, Гоголь? Что же это ты сделал?!! – А как же вы думаете сыграть натуральнее роль восьмидесятилетнего старика? Ведь у него, бедняги, все пружины разслабли и винты уже не действуют, как следует”. На такой веский аргумент инспектор и все мы расхохотались и более не спрашивали Гоголя. С этого вечера публика узнала и заинтересовалась Гоголем, как замечательным комиком” [2].

*Н.Гоголь-гимназист перед выходом на сцену.
Худ. Е.Рябов*

Некоторые исследователи к первым опытам игры Гоголя-актера относят различные его проказы, шутки, которые отличались остроумием и изобретательностью. А.Коялович все эти шутки и шалости называет простейшей формой подражания, которую "можно назвать зародышем высших форм драматического искусства" [3]. Но возникает вопрос, кому и чему подражал Гоголь? Ответа здесь нет, ибо Гоголь не подражал, а сам творил жизненную мизансцену в зависимости от обстоятельств, участников события, которые могли спровоцировать или подготовить к самовыражению Гоголя-актера.

Известно, что официальное разрешение на устройство в гимназии театра было получено 28 декабря 1826 года. Можно считать, что именно оно и послужило основанием театра в Нежине, ибо до этого времени спектакли в городе были эпизодичными. А приезд в Нежин попечителя гимназии Г.А.Кушелева-Безбородко окончательно утвердил театральное дело в учебном заведении.

В памяти студентов надолго остался 1827 год. Любители театра создали несколько интересных спектаклей. Во многих из них Н.Гоголь был режиссером-постановщиком, актером, оформителем, декоратором, бутафором. Поэтому в письмах к родным он часто просил что-нибудь для театра: "Ежели можно прислать и сделать несколько костюмов, сколько можно, даже хоть и один, но лучше бы побольше, также хоть немного денег... Каждый из нас уже пожертвовал, что мог, а я еще только. Как же я сыграю свою роль, о том я вас извещу" (Т. X, с. 45).

В письме от 26 февраля 1827 года Н.Гоголь сообщал матери, что на масленице четыре дня подряд ставили пьесы, "и к чести нашей, признали единогласно, что из провинциальных театров ни один не годится против нашего. Правда, играли все прекрасно. Две французские пьесы соч. Мольера и Флориана, одну немецкую соч. Коцебу. Русские: "Недоросль", соч. Фонвизина, "Неудачный примиритель" Княжнина, "Лукавин" Писарева и "Береговое право" соч. Коцебу. Декорации были отличные, освещение великолепное, посетителей много, и все приезжие, и все с отличным вкусом... Музыка тоже состояла из наших: восемнадцать увертюры Россини, Вебера и других были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой я провел теперь" (Т. X, с. 83).

Гоголь отдавал театру немало сил, времени и своего таланта. Он был его душой. Всегда с увлечением играл в пьесах русских драматургов. Но администрация гимназии ставила условие: непременно играть одну французскую или немецкую пьесу на соответствующем языке. "Гоголь должен был также участвовать в одной из иностранных пьес, – вспоминал Н.Кукольник. – Он выбрал немецкую. Я предложил ему

роль в двадцать стихов, которые начинались словами: “O mein Vater!”, затем шло изложение какого-то происшествия. Весь рассказ оканчивался словами: “nach Prag!”. Гоголь мучился, учил роль усердно, одолел, выучил, знал на трех репетициях, во время самого представления вышел бодро, сказал: “O mein Vater!”, запнулся... покраснел... но тут же собрался с силами, возвысил голос, с особенным пафосом произнес: “nach Prag!” – махнул рукой и ушел... И слушатели, большей частью не знавшие ни пьесы, ни немецкого языка, остались исполнением роли совершенно довольны. Зато в русских пьесах Гоголь был истинно неподражаем, особенно в комедии Фонвизина “Недоросль”, в роли г-жи Простаковой; я играл Митрофанушку... Скотинина – А.А.Божко, Кутейкина – Н.П.Григоров, Цифиркин-Миллер, Вральмана – Марков и т. д. Из русских пьес – я помню еще представление “Чудаков”, комедии Княжнина, “Хлопотуна” – Писарева (главная роль – Гоголь); из французских – “Medecin malgre lui” и “Avare” Мольера. Мы собрались играть “Фингала”; роли были розданы; даже репетиции по частям начались. Роль Старна назначалась Гоголю, Фингала – мне, Моины – Гинтовту, но уже теперь не помню, что расстроило этот спектакль и весь наш домашний театр” [4].

Н.В.Кукольник

О формировавшемся таланте Гоголя, актера-комика, говорил и близкий его товарищ Т.Пашенко: “На небольшой сцене второго лицейского музея лицеисты любили иногда играть по праздникам

комические и драматические пьесы. Гоголь и Прокопович, задушевные между собой приятели, особенно заботились об этом и устраивали спектакли. Играли пьесы и готовые, сочиняли и сами лицеисты. Гоголь и Прокопович были главными авторами и исполнителями пьес. Гоголь любил преимущественно комические пьесы и брал роли стариков, а Прокопович – трагические... Гоголь взялся сыграть роль дяди-старика, страшного скряги. В этой роли Гоголь практиковался более месяца, и главная задача для него состояла в том, чтобы нос сходил к подбородку. По целым часам просиживал он перед зеркалом и пригибал нос к подбородку, пока наконец не достиг желаемого. Сатирическую роль дяди-скряги сыграл он превосходно, морил публику смехом и доставил ей большое удовольствие. Все мы думали тогда, что Гоголь поступит на сцену, потому что у него был громадный сценический талант и все данные для игры на сцене: мимика, гримировка, переменный голос и полнейшее перерождение в роли, какие он играл. Думается, что Гоголь затмил бы и знаменитых комиков-артистов, если бы вступил на сцену” [5]. На это указывал и А.С.Данилевский, замечая: “Вообще Гоголь удивительно воспроизводил те черты, которых мы не замечали, но которые были чрезвычайно характерны. Он был превосходный актер. Если бы он поступил на сцену, он был бы Щепкиным” [6].

Гоголь в роли Простаковой

Особенно поразил Гоголь своих товарищей по гимназии в роли Простаковой в пьесе Д.Фонвизина “Недоросль”. Участник этого спектакля К.Базили позже вспоминал: “Удачнее всего давалась у нас комедия Фонвизина “Недоросль”. Видал я эту пьесу в Москве и в Петербурге, но сохранил всегда то убеждение, что ни одной актрисе не удавалась роль Простаковой так хорошо, как играл эту роль шестнадцатилетний Гоголь” [7]. Ему особо удавались роли в комедиях. Он с успехом играл Василису в пьесе И.Крылова “Урок дочкам”. Актерский талант Гоголя был большой.

Преподаватель латинского языка И.Кулжинский вспоминал: “Живо я помню представление Митрофанушки-Недоросля на гимназическом театре. Гоголь играл Еремеевну [Простакову – Г.С.]; хохотали до слез, и не подозревали, что эта Еремеевна [Простакова – Г.С.] уже, может быть, обдумывала своего “Ревизора” [8].

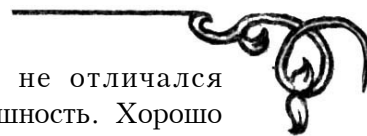
Мастерство Гоголя, начинающего актера, состояло и в том, что он мог даже самую маленькую роль сделать заметной. В этом нас убеждают воспоминания современников о сыгранных Гоголем ролях.

Именно в Нежине, как нам кажется, шлифовалось то великое мастерство, на которое обратил внимание В.Любич-Романович, никогда не симпатизировавший Гоголю, особенно в юные годы, когда позже наблюдал за превосходным авторским чтением “Ревизора”. “На сцене “Ревизор” шел менее характерно в своих тонах и репликах и слушался не так интересно, как в чтении самого Гоголя... У Гоголя все это было слышно в чтении “Ревизора”, все герои его пьесы ходили живыми перед нами, а не говорящими манекенами, как то было видно на сцене... Замечательное чтение своих драматических произведений Гоголем на голоса давало слушателю его полное представление о том, что он слушает целую гармонию жизни в лице многих, различных между собою классов, ведущих общественную беседу... Словом, Гоголь был артистом в прямом значении этого слова...” [9].

Да, действительно, это был театр одного актера. И это иногда проявлялось и в Нежине, когда Гоголь рассказывал какие-нибудь истории, а также в его письмах к Г.И.Высоцкому и другим адресатам.

Гоголь на сцене гимназического театра сыграл немало ролей: Репейкина в “Хлопотунье”, Досажаева в “Лукавине”. Обе роли были характерно комического плана. Хвалили Гоголя и за роль Креона в трагедии Озерова “Эдип в Афинах”.

Кроме Гоголя в подготовке спектаклей принимали участие и другие гимназисты. А.Данилевский, имевший привлекательную внешность, играл обычно женские роли. В пьесе “Эдип в Афинах” Базили играл Эдипа, а Данилевский – Антигону, а в “Фингале” – Моину. Как

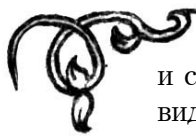
свидетельствуют современники, А.Данилевский не отличался актерскими способностями, его больше выручала внешность. Хорошо играл Н.Кукольник Митрофанушку в пьесе Д.Фонвизина “Недоросль”. “В “Недоросле” Гоголь и Кукольник, – вспоминал А.Данилевский, – приводили в восторг публику действительно блестящим исполнением: первый отличался в роли Простаковой, тогда как последний превосходно играл Митрофана. В этих ролях оба, по единодушному признанию всех, кто их видел на сцене, были неподражаемы”, а также в других пьесах. “Когда он [Кукольник – Г.С.] исполнял последнюю сцену трагедии Сумарокова “Дмитрий Самозванец”, он, после эффектно произнесенных заключительных слов, падал на пол, как труп, чем производил сильное впечатление; он изумлял также публику патетическим исполнением заглавной роли в “Фингале” Озерова” [10].

В числе актеров, исполнявших женские роли, был и А.Бородин. В комедии Д.Фонвизина “Недоросль” он играл Софью, а К.Базили – Стародума. В пьесе И.Крылова “Урок дочкам” А.Бородин играл роль одной из дочерей Лукерьи Ивановны.

Активное участие в подготовке спектаклей принимал и Н.Прокопович. Эта страсть к театру чуть-чуть не стала для него, как и для Н.Гоголя, делом всей жизни. “Прокопович, подобно своему знаменитому другу, задумал поступить на сцену. С этой целью он стал посещать театральное училище – “дело уже доходило до того, что он являлся на сцене в незначительных ролях вестников или, так называемых, предводителей свиты Фортимбраса” [11]. Некоторые обстоятельства помешали Н.Прокоповичу остаться на сцене.

Следует сказать несколько слов о музыкальном оформлении спектаклей. Напомним строки из письма, где Гоголь рассказывает об успешных театральных представлениях: “Музыка тоже состояла из наших: восемнадцать увертюры Россини, Вебера и других были разыграны превосходно” (Т.Х, с. 83).

Н.Кукольник также обращал на это внимание, когда вспоминал о театральных постановках: “Не могу не сказать и о нашем оркестре. Под руководством учителя музыки и пения г.Севрюгина, при Иване Семеновиче, образовался не только певческий, как уже сказано, хор, но и небольшой струнный оркестр, очень опрятно разыгрывавший увертюры: “Les Deux Avengles”, “Dame Blanche”, “Дон Жуан”, “Волшебная флейта”, и сопровождавший весьма исправно пение действующих на сцене лиц... Мы достигли до того, что однажды решились дать концерт, и дали, и невзыскательная публика осталась довольна... И музыка наша впоследствии, непригретая, неприголубленная, расплзлась, а наконец

и совершенно умерла, как догадываемся из официальных актов, из коих видно, что в последствии даже место учителя музыки было упразднено, и восстановлено уже в 1842 году” [12].

Подготовка спектаклей, особенно в последний год учебы, сближала гимназистов, способствовала укреплению их дружбы.

Как свидетельствует Гоголь в письмах домой, а также К.М.Базили в своих воспоминаниях, на спектакли приезжали и приходили как из города, так и из соседних помещичьих усадеб. “Зрителями были, кроме наших наставников, – пишет К.М.Базили, – соседние помещики и военные расположенной в Нежине дивизии. В их числе помню генералов: Дибича (брата фельдмаршала), Стольпина, Эммануэля. Все были в восторге от наших представлений, которые одушевляли мертвенный уездный городок” [13].

В отношении театра в учебных заведениях и о посещении студентами театральных представлений царь Александр I дал строгие указания. Так, в ответ на письмо попечителю Дерптского университета о том, что театр имеет пагубное влияние на студентов, царь в указе от 6 июля 1804 года запретил представления не только в университете, но и в городе Дерпте. [14].

Осенью 1824 года в Харьковском театре произошли беспорядки с участием студентов университета, и царь своим указом от 4 ноября 1824 г. запретил студентам посещать театр [15].

Реакционно настроенные преподаватели Нежинской гимназии профессор политических наук М.В.Билевич, профессор русской словесности П.И.Никольский, законоучитель П.И.Волынский также выступили против театральных постановок, обвинив профессора римского права и инспектора пансиона Н.Г.Белоусова в том, что он разрешил в гимназии театр.

Билевич в рапорте конференции от 29 января 1827 года доносил, что столяры готовят для театра кулисы и другое оборудование, а членам конференции не известно, имеется ли разрешение на это высшего начальства. Он заявил, что не будет нести никакой ответственности за театральные постановки. Исполняющий обязанности директора гимназии проф. К.В.Шапалинский ему ответил, что имеется разрешение от 28 декабря 1826 года. Но в это же время не унимался профессор П.И.Никольский. 16 апреля 1827 года он направил конференции рапорт, заявив, что “публичный театр гимназии без строгого рассмотрения и отбора пьес вместо пользы может принести только вред” [16]. П.И.Никольский констатировал, что пьесы ставились уже шесть раз, спектакли посещали многие зрители. Особенно взволновало профессора

то обстоятельство, что пьесы идут с чьими-то, неизвестно кому принадлежащими изменениями и дополнениями. Однако большинство членов конференции положительно отозвалось о театре и не считало возможным его запрещать.

Отношение М.В.Билевича к театру стало известно гимназистам, и это приводило к стычкам с ним. Особенно острой она была 26 сентября 1827 года. Поводом к этому было то, что гимназисты, которые находились в помещении театра, не пустили туда Билевича. Он начал ругать их грубыми словами. К.В.Шаполинский созвал экстренное заседание конференции, на котором заслушали М.В.Билевича, а также учителя греческого языка Х.Н.Иеропеса и экзекутора С.И.Шишкина, которые были свидетелями конфликта. Дали свои объяснения пансионеры Гоголь, Марков, Андрей и Тимофей Пашенко, Гютен, некоторых из них обвинили в нетрезвом состоянии. Врач обследовал и дал заключение в несоответствии обвинений. Гимназисты были оправданы, а Билевич предупрежден за грубость и клевету [17]. Однако, исполняющий обязанности директора гимназии К.В.Шаполинский 16 апреля 1827 г. принял решение временно приостановить студенческие спектакли.

Эпизоды театральной деятельности гимназистов воспроизведены нами не случайно. И не только потому, что театр Нежинской гимназии высших наук должен занять определенное место в истории театрального искусства, а и потому, что гимназические представления развивали вкус и любовь к драматургии, литературе. Это был еще один толчок к литературной деятельности, развитию драматических наклонностей гимназистов. По свидетельству Т.Г.Пашенко, Н.Гоголь вместе с Н.Прокоповичем сочинили пьесу из малороссийского быта. В ней Гоголь удачно сыграл роль старика. Здесь следует вспомнить и стихотворную трагедию Н.Гоголя “Разбойники”. В области драматургии пробует свои силы Н.Кукольник. К этому времени относится его трагедия “Мария”, которая в “деле о вольнодумстве” значителен как “возмутительная” (т. е. призывающая к возмущению), и драма “Торквато Тассо”, о чем мы скажем ниже. Школьный театр сыграл свою положительную роль и в жизни Е.Гребенки, который в 1827 г. сочинил дошедшую до нас пьесу “Не в свои сани не садись”.

Может быть, эти первые драматические пробы и остались бы только свидетельством времени, определенным фактом жизни гимназии, если бы не последующая активная работа, особенно Н.Гоголя и Н.Кукольника, в области драматургии. Нежинская школа сыграла здесь свою значительную роль.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГИМНАЗИСТОВ

Начиная с 1826 года гимназисты ежемесячно готовили рукописные журналы и альманахи, в которых печатали накопившиеся литературные произведения, сочиненные как по заданию проф. П.И.Никольского, так и самостоятельно.

П.Кулиш в биографическом очерке о Н.Гоголе писал: “Гоголь был комиком во время своего ученичества только на деле: в литературе он считал комический элемент слишком низким. Но журнал его имеет происхождение комическое. Был в гимназии один ученик с необыкновенною страстью к стихотворству и с отсутствием всякого таланта – словом, маленький Тредьяковский. Гоголь собрал его стихи, придал им название “Альманаха” и издал под заглавием “Парнасский навоз” [1].

В воспоминаниях о Н.Гоголе находим в связи с этим и другие сведения. С.Глебов, передавая воспоминания В.Любича-Романовича, обращал внимание на то, что в рукописном журнале Н.Гоголь помещал и свои сатирические, юмористические произведения, а также произведения товарищей.

“Впоследствии в нем помещались произведения пера всех желавших в стихотворной форме отличиться своим юмором, остротой или сатирой воспитанников училища. Но Гоголь всегда побивал рекорды своим неподдельным юмором... Его сатира была неистощима потому, что она бралась им прямо из жизни, из той именно среды, из которой он вышел сам... Но у других учеников лицея, по преимуществу аристократов, не знавших жизни вообще, выходило все бледно, не сочно, мало юмористично, и это роняло их во мнении Гоголя, и он смеялся над ними в своей сатире еще ядовитее, острее и образнее.

В юмористическом смысле “Навоз Парнасский” имел большой успех среди читателей, и каждый выход его ожидался учениками лицея с большим любопытством” [2].

Н. Гоголь читает свои стихи в Графском парке.

Рис. И.К. Саушина

“Особенно много смеялись мы над юмором Гоголя, – дотоле нам совсем неизвестным, – добавляет В. Любич-Романович, – так как никому из нас, жителей столиц и городов вообще, не было понятным то, в чем именно заключалась главным образом жизнь русского народа, пребывавшего на русской Украине, какою была Малороссия. Но Гоголь ввел нас в нее своими описаниями быта полтавских однодворцев и украинских казаков.

Красота его языка обнаруживалась перед нами не в изящной форме литературного творчества, которого не было у него в то время, но в образности речи, перемешанной русскими словами с малорусскими. Над этой-то смесью двух наречий, нам не известных дотоле в отечественной литературе, мы и смеялись до упаду...” [3].

Однако большинство рукописных изданий создавалось с самими серьезными намерениями. В воспоминаниях выпускников встречаем

различные их наименования. К.Базили вместе с Н.Гоголем издавали “Северную зарю”, может быть, по образцу “Полярной звезды” К.Рылеева и А.Бестужева.

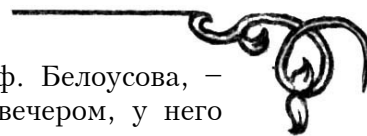
“В 1825, 26, 27 годах, – вспоминал К.М.Базили, – наш литературный кружок стал издавать свои журналы и альманахи, разумеется, рукописные. Вдвоем с Гоголем, лучшим моим приятелем, хотя и не обходилось дело без ссор и без драки, потому что оба были запальчивы, издавали мы ежемесячный журнал страниц в пятьдесят и шестьдесят в желтой обертке с виньетками нашего издания, со всеми притязаниями дельного литературного обозрения. В нем были отделы беллетристики, разбора современных лучших произведений русской литературы, была и местная критика, в которой преимущественно Гоголь поднимал на смех наших преподавателей под вымышленными именами” [4].

П.Г.Редкин

В некоторых устных свидетельствах альманах фигурирует под названием “Звезда”. Разные ли это издания, или одно и то же, сейчас трудно сказать. Однокурсник Н.Гоголя и К.Базили И.Халчинский дает также внешнее описание “Северной зари”. Тетрадь была “в желтой обертке с виньетками, которые сами они рисовали, и по воскресеньям это читалось в заседании всего литературного общества воспитанников” [5].

Известно, что вышло три номера “Северной зари” (1826, №1, январь – состоит из 26 листков, №2, февраль – из 49 листков; №3, март – из 61 листка), тринадцать номеров журнала “Литературное эхо” (1826, №1–7, 9–13) и другие. Это неполные сведения, взятые из “Реестра книгам и рукописям” Н.Г.Белоусова из раздела “А. Журналы и альманахи, как составлены были воспитанниками гимназии до вступления моего в должность инспектора”. А сколько журналов и альманахов было скрыто от Н.Г.Белоусова или просто не было известно ему? Сегодня трудно ответить на этот вопрос.

“Наш товарищ П.Г.Редкин имел комнату у проф. Белоусова, – вспоминал В.И.Любич-Романович. – По субботам, вечером, у него собирались некоторые из приятелей, пописывавшие стишки. Постоянными посетителями этих литературных вечеров были – Гоголь, Кукольник, Константин Базили, Прокопович, Гребенка, я и другие. Происходило чтение наших произведений, критический разбор их и решение, годятся ли они для помещения в издававшемся нами рукописном журнале “Навоз Парнасский”, или для блага автора должны быть преданы торжественному уничтожению. Некоторые из стихотворений Гоголя, в приятельской переделке Прокоповича, были помещены в этом журнале, чему всегда радовался безгранично Николай Васильевич” [6].

Самое активное участие в подготовке рукописных журналов принимал Н.Гоголь. Это приносило ему большое удовольствие. “Гоголь хлопотал изо всех сил, чтоб придать своему изданию наружность печатной книги, и просиживал ночи, разрисовывая заглавный листок, на котором красовалось название журнала: “Звезда”. Все это делалось, разумеется, украдкой от товарищей, которые не прежде должны были узнать содержание книжки, как по ее выходе из редакции. Наконец первого числа месяца книжка журнала выходила в свет. Издатель брал иногда на себя труд читать вслух свои и чужие статьи. Все внимало и восхищалось” [7].

Выходили также журналы и альманахи “Метеор литературы”, “Литературное эхо”, “Литературный промежуток, составленный в один день 1/2 Николаем Прокоповичем”. Часто шло предварительное чтение и обсуждение материалов для подобных изданий.

В “Реестре книгам и рукописям” Н.Белоусова, представленном Адеркасу в разделе “Д. Собственные ученические сочинения и переводы”, перечислено более сорока стихотворений, поэм, статей.

Дошло до нас содержание первого номера “Метеора литературы” за январь 1826 г., который издавали Н.Гоголь, К.Базили, П.Мартос. В материалах Адеркаса он назван “богомерзким и богопротивным”. На сорока двух его страницах помещены стихотворения, отрывки из прозаических произведений, переводы, Начинался сборник эпитафией из басни И.Крылова “Орел и Пчела”:

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
Ему и то уж силы придает,
Что подвигов его свидетель целый свет.
Но сколь и тот почтен, кто, в низости сокрытый,
За все труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится
И мыслью оживлен одной:
Что к пользе общей он трудится.

Отрывок из басни утверждал нравственные и эстетические принципы издателей.

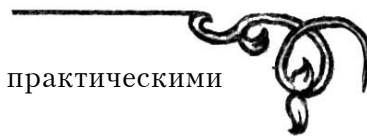
Самым большим был раздел поэзии. Здесь помещены 5 стихотворений: “Песнь Никатомы” (отрывок из поэмы Оссмана), “Берратон”, “Битва при Калке”, “Альпы” (стихотворение, посвященное вождю угров, проходивших через Днепр), “Подражание Горацию”, лирическое обращение “К***” (стихотворение о прекрасном утре), две эпиграммы. Одна из них называлась “Насмешнику некстати”. Среди прозаических произведений – романтическая повесть “Ожесточенный” и рассказ “Завещание”, перевод с немецкого и другие тексты [8]. В связи с тем, что материалы в альманахе не были подписаны, авторство установить трудно.

В 1885 г. в журнале “Киевская старина” за май месяц была опубликована заметка С.Пономарева “Нежинский журнал Н.В.Гоголя”, в которой сообщалось: “Метеор литературы, январь 1826”. Под таким заглавием доставлены А.А.Савичем в редакцию “Киевской старины” рукописные тетрадки, в зеленой обложке, из сероватой бумаги, в 42 перенумерованные страницы, в малую осмушку. На внутреннем заглавном листке повторено название журнала – “Метеор литературы. Часть 1”. Затем эпитафия – первые восемь стихов из басни Крылова “Осел и Пчела” и, наконец, “Нежин, 1826”.

“Очевидно, – заявляет С.Пономарев, – что это один из тех рукописных журнальцев, которые издавались в Гимназии высших наук князя Безбородко, во время пребывания в ней Гоголя. Тетрадка писана вся одной рукой и несомненно рукою Гоголя, как видно из сличения письма тетрадки с другими его автографами”. И здесь же автор публикации добавляет: “Гоголь был его редактором и вел свое дело с любовью; сам переписал все статьи его, сделал на нем красивенький бордюр, название журнала писал всякий раз различным манером, бока каждой страницы обвел карандашом”.

В гимназии Е.Гребенка издавал вместе с В.Ф.Домбровским рукописные журналы “Аматузия”, а затем “Пифия”, первый номер последнего и был переслан знакомому, о чем сообщает он в одном из писем к отцу: “Если ему понравился №1 “Пифии”, то мы от общества издателей пришлем ему другой – №2”. В рукописных изданиях Е.Гребенка помещал свои стихотворные и прозаические произведения. Стихотворения были посвящены или жизни студенчества, которую юный поэт часто изображал с юмором, или событиям далекого исторического прошлого.

В рукописных журналах часто публиковались те произведения, которые были результатом упражнений по пиитике и русской словесности. В те годы не было еще курса истории русской литературы в сложившемся позже виде, поэтому сведения о творчестве писателей

совмещались с теоретическим разбором, а также практическими упражнениями [9].

П.И.Никольский заставлял гимназистов писать оды по случаю торжественных актов. Известно похвальное слово Петру Великому. В 1828 г. Николай I должен был проезжать через Нежин. Гимназисты откликнулись на это событие стихотворениями. Произведения юных поэтов были переписаны в специальную тетрадь, которая сохранилась до нашего времени.

Выполнение учебных упражнений помогало гимназистам определить, какой из жанров им был ближе всего. Среди произведений начинающих поэтов немало и таких, которые носят подражательный характер. Но апробация творческих сил, возможность выявить свои способности в какой-то степени подталкивали гимназистов к сочинительству. Константин Базили позже вспоминал: “В ту пору литература процветала в нашей гимназии, и уже проявлялись таланты многих товарищей моих: Гоголя, Кукольника, Николая Прокоповича, Данилевского, Родзянко и других, оставшихся неизвестными по обстоятельствам их жизни или рано сошедших в могилу” [10]. Написание оригинальных произведений, создание рукописных журналов и альманахов способствовали приобщению гимназистов к литературному творчеству.

В дореволюционном литературоведении, да и в некоторых работах советского периода, утверждается, что среди гимназистов “преобладающее большинство составляли те “существователи”, которые, по словам Гоголя, при встрече с первыми затруднениями готовы были отказаться от своих идеалов и “наострить лыжи обратно в скромность своих небольших чувств и удовольствоваться ничтожностью почти вечною”. Не муча себя честолюбивыми заботами и стремлениями, они, по примеру отцов и дедов, избирали себе невидное мирное поприще, терялись в глуши и исчезали по окончании курса из виду своих более энергичных товарищей, направлявшихся обыкновенно в Петербург” [11]. Ни это заявление исследователя творчества Н.Гоголя В.И.Шенрока, ни его выводы о том, что из стен учебного заведения гимназисты выносили немного, не могут быть приняты нами сегодня, т.к. реальные факты свидетельствуют об обратном. Были, естественно, среди выпускников и те, кто ничем не прославился. Но среди 105 окончивших гимназию многие стали известными в стране людьми. Сомнительно и утверждение В.И.Шенрока о том, что для некоторых известных выпускников их возвышению способствовало не гимназическое образование, а талант, одаренность от природы, поскольку талант может развиваться только на благоприятной почве.

Поэтому далее попытаемся показать, как атмосфера учебного и воспитательного процесса в Гимназии высших наук способствовала развитию литературных наклонностей гимназистов.

РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ГИМНАЗИСТОВ

Первые литературные опыты гимназистов, как указывалось выше, были связаны с учебными занятиями по русской словесности, которую читал профессор П.И.Никольский. Согласно с учебными планами русская словесность была объединена с риторикой и поэтикой. Уже с 6 класса профессор планировал работать над механизмом стихотворства с выполнением упражнений в написании мелких стихотворений, а потом их исправлений и их объяснения.

В 7 классе на занятиях шла речь о поэтических правилах и их размещении в стихотворениях: а) посланиях, б) поэмах эпических или героических, в) поэмах дидактических, г) произведениях драматических, д) наконец, сатирах – с приложениями к этому с эстетики о стиле [1].

Подобные задания выполнялись в соответствующем классе ежегодно с небольшими уточнениями. Так, в 8–9 классах гимназисты продолжали практиковать написание прозаических и стихотворных произведений, а также анализировать лучших авторов русской литературы в прозе, поэзии с учетом изученного в предыдущих классах материала, в частности, похвальных слов Ломоносова, его утренних и вечерних раздумий о величии Божьем, оды Державина “Бог” и т.п.

Кроме этого, гимназисты должны были заниматься “написанием своих речей и стихотворных произведений – од, элегий, гимнов с таким расчетом, чтобы каждый ученик в течение года обязательно дал по крайней мере не менее трех-четырех раздумий и трех-четырех стихотворных произведений” [2].

Несмотря на то, что П.И.Никольский далее творчества Ломоносова, Хераскова, Сумарокова, Державина не шел, не признавал современных писателей, все же оказал на гимназистов влияние в развитии их литературных способностей. Он заставлял гимназистов тренироваться в написании произведений различных жанров. Именно этим объясняется

совпадение поэтических жанров у разных гимназистов. Особенно широко был представлен в творчестве молодых литераторов жанр элегии (Андрей Бородин – “Элегия”, “Ночь”; Стефан Гюген – “Отъезд из Константинополя”, “Киев”; Леопольд Ланге – “Элегия. (С.С.Ш-а)”; Василий Любич-Романович – “Фиалка”, “Страсти”; Николай Прокопович – “Звезда”; Нестор Кукольник – “Я часто слушаю печальный рокот бури”, “Трепет”; Петр Сушков – “Желаю я, чтобы бродили глазенки милые на мне”, “О, дни любви и упоения” и другие). В этом жанре пробуют свои силы все начинающие поэты.

Анализ этих элегий, а также поэзий Н.Гоголя, Н.Билевича, А.Кольшкевича, М.Рихтера и других гимназистов дает право говорить, что они носили учебный характер. Каждый автор хотел высказать свое личностное, но в пределах, определенных жанром. Элегия, которая была довольно популярной в 20-е годы XIX века, имела свои характерные оттенки, и это подтверждают поэтические искания гимназистов.

Андрей Бородин написал в 1829 г. три элегии: “Ночь”, “К Родине”, “Элегия”. Приведем отрывок с последней:

Знакомы ль небесным равнинам печали?
Коснулась ли горесть равнины твоей?
Дерзнет ли к твоей столь таинственной дали
Стремится желание скорбных людей?
Иль ты соучаствуешь в скорби моей –
В потере и друга и радостных дней?
Не радостны други и жизнь молодая,
Забыты веселья, круг шумных пиров,
И век мой ничтожный струёй протекая,
Стремится в пространную область гробов;
За гранью миров, за доской гробовой
Предел сьединенья невинных душой!
(“Элегия”)

Это пример минорной элегии. Грустные раздумья, горечь, боль, скорбь, печаль, тоска, страдания, любовные разочарования – именно это было характерным для сюжета жанра.

Профессор П.И.Никольский, наверное, знакомил гимназистов не только с элегией в современной ему литературе, но и с этим жанром в литературе далекого прошлого, в частности, с греческой элегией, в которой находили развитие патриотические темы, связанные с гражданскими идеалами, военной доблестью. Позже встречаются элегии с философскими раздумьями.

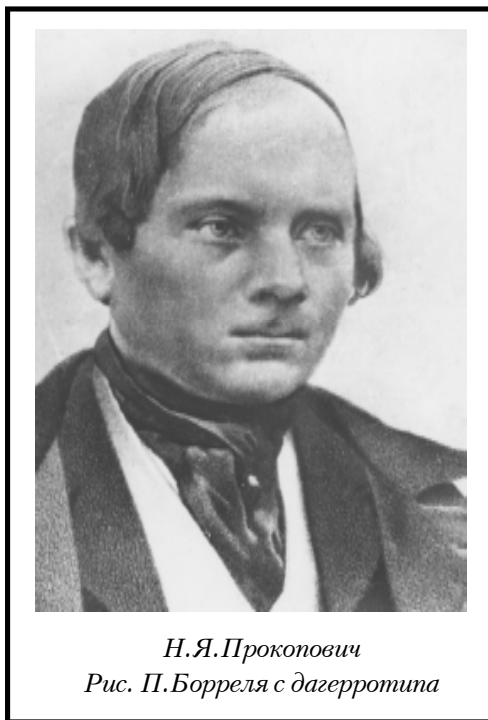
Стихотворение Андрея Бородина “К Родине” имеет другой характер. Он обращается к истории Украины, Днепру, который в элегии выступает символом стойкости и мужества народа в разные исторические эпохи.

И ты, о Днепр! Под ним стонал
В отзывах бурных и далеких,
Как волны протекли века –
Века и бедствий, и печали,
И меч сынов, сынов рука
С тебя оковы рабства сняли.

Николай Билевич в балладе “Смерть Святослава” (1830) обращается также к исторической тематике, в частности, рассказывает о битве князя Святослава с печенегами и его смерти.

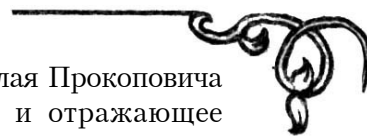
В стране сладкозвучной, где светлой красой
Блится Дунай горделивый,
Где зреет в тени лиман золотой
И мирт перевился с оливой,
Где кедры в молчаньи могильном стоят,
Воинственной брани знамена шумят...

Вся поэзия проникнута глубокой грустью, строгим лиризмом. Автор четко выдержал технику версификации, за что получил оценку профессора П.И.Никольского – “препохвально”.

*Н.Я.Прокопович
Рис. П.Борреля с дагерротипа*

Элегический характер носит и стихотворение Николая Прокоповича “Мои мечты”, написанное в гимназии в 1829 году и отражающее восторженные мечты юности о будущем. Это стихотворение было опубликовано в 1831 году в “Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду” (№43).

Мои мечты

И безграничны и неясны
Мои игривые мечты;
Но как за то они прекрасны,
Как полны дивной красоты!
Когда страстей огонь кипучий
Зажжет остывшую кровь,
Живыми чувствами могучий, —
Я вспомню прежнюю любовь.
Тогда волшебные палаты
Мне строит дерзкая мечта;
Тогда, приличием не сжатый,
Лечу в воздушные места:
Мне в них просторно, я по воле
Живу и пламенно люблю,
И в голубом небесном поле
Без принуждения пою.

Н.Прокопович написал поэму. В его частном письме от 11 декабря 1825 г. помещен отрывок из поэмы “Сон Ратмира”. Неизвестный нам адресат, знакомый отца Н.Прокоповича, один из издателей “Телеграфа” должен был передать его литератору Н.Полевому для публикации в журнале “Московский телеграф”. 15-летний поэт в сопроводительной записке к стихотворению пишет: “Упражняясь в российской словесности, долгом почитаю начать свое поприще в одном из лучших журналов нашей Истории. Препроваждая стихи мои, надеюсь, что справедливая строгость г.Полевого будет мне полезна и тогда, Милостивый государь, я буду стараться возблагодарить по мне оное уважение”. Свое произведение Н.Прокопович написал, применяя романтические приёмы воспроизведения событий.

Сон Ратмира

(отрывок из поэмы)

Погасло яркое светило.
На поле бранном все молчит.
В брегах далеких море выло,
Звезда в тумане чуть горит.
Все спит, одни лишь часовые

Самойленко Г.В.

Военный крик передают.
Да песни бранные поют
Вдали посты передовые.
И тихо скромная луна
Течет спокойно в облака.
Возвысь в небу дуб столетний
Главу державную склонил.
Зефир во тьме ночной пролетный
Листом покорным шевелил.
Под дубом тем сидит с тоскою
С товарищем своим Ратмир
И забывая прочий мир,
Вздыхает с грустию немою.
“О чем ты думаешь?” – спросил
Его товарищ в бранном поле.
– О как не думать в горькой доле
Тихонько он проговорил:
“Скажи, товарищ, мне причины
Своей печали и кручины?”
– Я расскажу тебе, мой друг, –
Вчера сражаться как устали,
Когда враги в лесах пропали.
Светильник дня покинул луг.
О прошлом в страстном рассуждении,
О настоящем в удивлении
Я лег под дуб тенистый сей,
И сон слетел к главе моей...
Томимые сомкнулись очи,
И вижу в ясном вещем сне...
(Я в нем забыл и сумрак ночи
И веял ветер знакомый мне).
Прозрачный свет крылом невидным
Наш ратный дол осеребрил;
И гласом ясным, тайным, скрытым
Оттуда кто-то говорил:
“Ратмир, Ратмир! Спешి скорее
В родной уютный дом отцов.
Гони коня, беги сильнее
И в родине между кустов,
Творцом усыпанных над Двиной,
Найди прелестный кустик роз,

Свидетель тайных мук и слез.
Сорви цветок, потом долиной
Иди к возлюбленной своей –
И там венец любви твоей!”
Умолкнул; – душен сумрак ночи,
Слезой наполненные очи;
Приник на грудь молодой главой...
Все тихо, мрачно в ратном поле,
Лишь конь гуляет в сладкой воле
И звезды блещут в тьме ночной!

Н.Прокопович

Нежин. 1825

Алексей Колышкевич обращается к довольно редкому жанру “мелодий”, который не был развит в русской литературе. Юный поэт, наряду с М.Лермонтовым, является одним из его родоначальников [3]. В журнале “Галатей” (1829, №3, с. 305–307) появилось его стихотворение, состоящее из трех частей, под названием “Русские мелодии”. В одной из них А.Колышкевич ставит проблему поэта, творца и его места в жизни:

Я вырвал ум из тлеющих гробов,
Где он, как прах, во мраке костенеет
С ним полетел над безднами миров,
И пламенеть душа умеет!
И дух мой – дух Поэтов понимал;
И с Гением он, там, над облаками,
Святой язык Предвечного читал
Своими чистыми устами.

В произведении нежинский поэт продолжал развивать традиции “Еврейских мелодий” Дж.Г.Байрона и “Ирландских мелодий” Т.Мура.

Как вспоминает И.Халчинский, К.Базили, который только в Нежинской гимназии освоил русский язык, со страстью писал на этом языке стихи, “которые, впрочем, никогда не были в печати, хотя между ними и было несколько недурных произведений в духе байроновской поэзии” [4]. Позже он станет известным как автор знаменитых очерков “Архипелаг и Греция” (1834), “Очерки Константинополя” (1855), “Босфор и первые очерки Константинополя” (1836) и др.

Писали гимназисты и послания. Дошло до нас стихотворение этого жанра Михаила Рихтера “К И.П.С<имоновско>му”, опубликованное, очевидно, при помощи учителя латинского языка И.Г.Кулжинского в “Дамском журнале” за 1826 г. (№19) П.Шаликова:

Ах, не гонись, мой друг, за счастьем!
Зачем невозможного желать

Самойленко Г.В.

И подвергать себя ненастьям?
Счастливей друг! Забудь пиры:
Давно мы ими насладились.
Разочарованные сны
С душой моей давно простились;
Бог с ними! Я давно забыл
Всю прелесть ложного блистанья;
Разочарованный, мечтанья
В уединеньи полюбил.

К жанру послания обращались Нестор Кукольник (“К* Люби меня”), Стефан Гютен (“К Творцу”), Егор Ксенис “К Месяцу”, Александр Змиев “Ангел-Хранитель” и др.

Здесь следует вспомнить и о редком жанре в русской литературе рондо, к которому в XVIII веке обращался В.Тредиаковский. Как учебный эксперимент его воспроизводит Александр Бородин в одноименном стихотворении “Рондо”.

Проф. П.И.Никольский заставлял студентов писать оды, гимны, особенно когда предвиделись какие-нибудь важные торжественные акты. Например, братья Александр и Андрей Бородины написали под одним и тем же названием разные “Гимны Солнцу”. Здесь ощущается использование литературных традиций. Именно под таким названием значится заключительная часть поэмы Оссиана “Картон”, которая пользовалась популярностью в то время. Как свидетельствует “Реестр...” Н.Г.Белоусова, среди гимназистов распространялись переписанные от руки произведения Оссиана. Известным студентам “был и перевод “Гимн Солнцу слепого старца Оссиана” В.В.Капниста, который значился в програмном списке для изучения [5]. В данном случае Бородины обращались не к этому переводу, а непосредственно к первоисточнику как образцу поэтической формы.

Немало литературных опытов оставил и Е.Гребенка. О первых произведениях Е.Гребенки мы узнаем из его писем родным. 3 ноября 1826 г. он сообщал сестре из Нежина: “Если даст бог мне увидеться с вами, то я также похваюсь стихами, за которые получаю от профессора похвалы. “Переяславъ” и басню “Мышь” я переделал другим образом и до сих пор еще сочинил: 1. “Осень”, 2. “Отзыв русского воина к товарищам его молодости”, 3. “Буря”, 4. “Пленник” песня, 5. “Вишня” баснь, 6. “Совет русскому гражданину”, 7. “Лилия”, 8. “Ручей” (аполог), 9. “Соловей”, 10. “Радость Мазепы, когда он узнал о смерти Кочубея”. Все сии стихи я надеюсь представить вам при первом свидании” [6].

Литературные опыты получили положительную оценку и поддержку со стороны преподавателей гимназии С.М.Андрущенко и И.Г.Кулжин-

ского. Сколько было радости, когда несколько стихотворений Е.Гребенки отобрал учитель латинского языка И.Г.Кулжинский для “Дамского журнала”, который издавался в Петербурге писателем П.Шаликовым.

Портрет Е.Гребенки. Худ. А.Мокрицкий

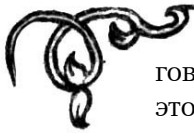
Эти стихи не были опубликованы. Но сам факт внимания к стихам молодого поэта воодушевил его на новые создания. В 1827 г. Е.Гребенка сочинил “Оду к Богу” и послал ее отцу. А в письме от 5 ноября 1828 г. он привел начало из стихотворения “Славянский вечер”, над которым в это время работал. 11 декабря 1828 г. Е.Гребенка читал его в классе:

Рогдай в веселии сидел среди друзей,
Невнятный шум гостей в палатах раздавался,
И ароматный мед прозрачною струей
В блестящий кубок низливался.

В письме родным Е.Гребенка так описывал свое выступление перед гимназистами: “...Полтавцы из любви к родине кричали от радости и после класса обнимали меня, восклицая стихи Жуковского:

...О родина святая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя вспоминая!” [7].

Стихотворение Е.Гребенки было доработано и опубликовано под названием “Рогдаев пир” в “Украинском альманахе” (1831). Оно связано с именем Рогдая, одного из русских богатырей, о котором

говорится в Никоновской летописи. Однако описание пира у Рогдая – это всего лишь своеобразное обрамление основной сцены, связанной с песнопением Баяна. Певец прославляет князя Олега – победителя, который покорил Византию и заставил ее подписать выгодный договор с Киевской Русью. Стихотворение написано в духе романтических произведений на историческую тематику, проникнутых высокой патетикой, в нем много риторических вопросов и восклицаний, старославянизмов.

У Е.Гребенки в это время проявляется интерес к историческому прошлому нашего народа, его героическим страницам. В 1829 г. было написано стихотворение “Степной курган”, которое после доработки получило название “Курган”. Юный поэт воспевае курган, который был свидетелем многих битв казаков с поляками, с татарами, ордынцами.

В степи седой стоит курган передо мною –
И мысль моя полна неясною мечтой.
Он говорит забытой стариною
И дух животворит собой...

И далее:

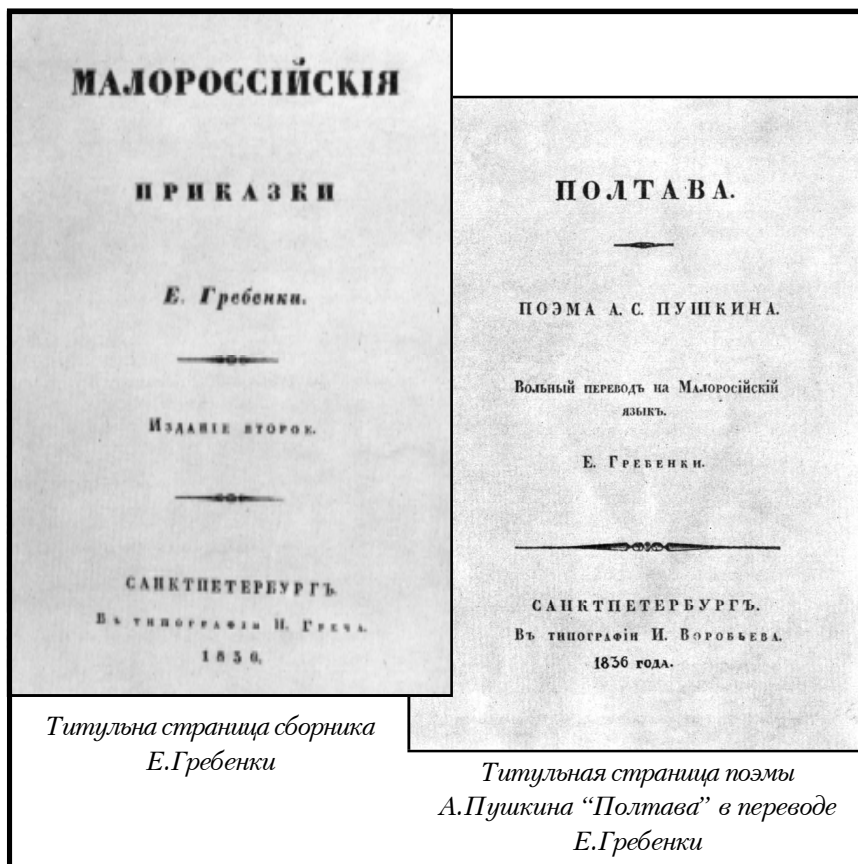
В то время смутное войны
Дрались Украины сыны
За вольность родины святую.

Стихотворения на историческую тему тесно связаны с работой Е. Гребенки над летописями и другими документами. В одном из писем сообщалось, что он занимается “переводом из древнего славянского языка на русский летописи Авраама Палицына, написанной за 250 лет назад (касательно русской истории) по поручению профессора истории Моисеева” [8]. Речь идет о летописи “Сказание об осаде Троицко-Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах, сочиненное онаго же Троицкого монастыря келерем Авраамием Палицыным”.

По отдельным свидетельствам узнаем также о том, что Е.Гребенка писал оды, послания, связанные с праздниками, юбилеями, приездами знаменитых лиц. Во время следствия “по делу о вольнодумстве” на одном из уроков словестности Э.Б.Адеркас попросил прочесть оригинальные произведения. “У меня, как на то, было рассуждение в стихах “О величии добродетели”, – вспоминает поэт. – Я встал с места и просил позволения читать. Он был доволен и удивлялся, услыша, что о такой важной и высокой материи писано стихами. Когда я читал, то он несколько раз перебивал меня говоря: “Прекрасно”. А когда окончил, то он встал с кресла, подошел ко мне и очень благодарил, спросив мою фамилию, записав в записную книжку, говоря, что он

меня не забудет. Потом оборотился к профессору (Никольскому), благодарил его за то, что он имеет таких учеников, и просил копию с моего сочинения” [9]. Хотелось бы верить, что среди бумаг из чемодана Адеркаса, которые он увез из Нежина, когда-нибудь будет обнаружено и это стихотворение [10].

Литературная атмосфера нежинской высшей школы способствовала развитию таланта Е.Гребенки, формированию его литературных интересов. Особо следует отметить тяготение юного поэта к украинскому языку и литературе. В гимназии обучение велось на русском языке, личная переписка с родными и близкими также осуществлялась на русском. Но знание украинского языка, знакомство с произведениями И.Котляревского “Энеида”, повестями Г.Квитки-Основьяненко и некоторыми другими сочинениями подтолкнуло Е.Гребенку к тому, чтобы выразить свои мысли в поэтической форме также на украинском языке, попробовать свои силы и здесь. Сегодня мы не можем сказать, были ли написаны поэтом лирические стихотворения на украинском языке именно в нежинский период, но басни этого времени дошли до нас.

В отделе рукописей Института литературы им. Т.Г.Шевченко АН Украины сохраняется автограф небольшого сборника с переписанными баснями “Цап”, “Лебідь і Гуси”, “Ячмін””, “Ведмежий суд”, “Пшениця”, “Сонце да Хмари”, “Горобці да Вишня”, “Будяк да Конопляночка”, “Верша та Болото”, “Маківка”, “Рожа да Хміль”, “Школяр Денис”, “Сонце да Вітер”, “Грішник” (перша назва – “Троеженець”), “Ворона і Ягня”. Эти пятнадцать стихотворений были написаны на бумаге с водяными знаками “1830”. Автограф чистый, без исправлений. Это свидетельствует о том, что стихи переписаны из черновигов. Исследователи сходятся на мысли, что перечисленные басни написаны в 1830–1831 годах. Отдельные басни были напечатаны в 1831 году в “Украинском альманахе”, который вышел в Харькове. Издателями его были И.И.Срезневский и И.В.Росковшенко. “Украинский альманах” мне нравится как родной цветок, как первый звук оживающей народной поэзии, как доказательство, что украинцы начинают (в добрый час) чувствовать самобытность своей литературы” [11], – писал Е.Гребенка своему учителю И.Г.Кулжинскому в Нежин. К сожалению, средств для издания альманаха не было, и материалы, в том числе и басни Е.Гребенки “Будяк да Конопляночка”, “Пшениця”, были переданы в сборник “Утренняя звезда”, издателем и редактором которого был И.Петров, а душой Г.Квитка-Основьяненко.

К жанру басни поэт обращается под влиянием знакомства с баснями И.Крылова, сборник которых был в Нежинской гимназии, и переводами басен Эзопа и Лафонтена. Важно отметить, что басни Е.Гребенки оригинальны и по содержанию, и по форме. Не все они имеют одинаковую литературную ценность, но большинство отличается красочными бытовыми зарисовками, тонким народным юмором, целенаправленностью в обличении человеческих пороков, ироническим тоном, интонационным разнообразием, выразительностью живой народной речи. В баснях немало примет родного края поэта.

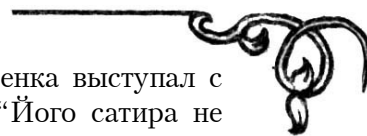
І треба ж, на біду, позаторішню весну
Його лихий поніс чогось за Десну.
Хоч не багацько проходив,
Зате багато бачив світа:
Побачив він, як Сейм, мов бішений, шумів
І як Десна ревля несамовита (“Мірошник”).

***

Хто знає Оржицю? а нуте, обзивайтесь!
Усі мовчать. Гай-гай, які шолопаї!
Вона в Сулу тече у нашій стороні (“Рибалка”).

Однако в социально направленных баснях Е.Гребенка выступал с либерально-умеренных позиций. И.Франко отмечал: “Його сатира не широка і не їдка, хоч зовсім не безідейна, гумор вільний і далекий від шаржу...” [12].

Е.Гребенка написал всего 27 басен, большую половину из них – в Нежине, в основном в год окончания гимназии. Они занимают важное место в украинской литературе периода ее утверждения.

В 1834 г. вышел сборник басен “Малороссийские приказки”, получивший положительную оценку в критике. В письме к родным Е.Гребенка писал: “Наконец, я сделал первый шаг, немаловажный в литературе: издал книгу, хахлы ею восхищаются, это для меня лучшая награда...” [13].

Пробовали гимназисты свои силы и в прозе. В рукописном альманахе “Метеор литературы” за январь 1826 г. находим романтическую повесть “Ожесточенный” и рассказ “Завещание”, которые, к сожалению, не были подписаны.

О прозаических произведениях гимназистов мы можем говорить лишь опосредованно. Так, Н.Гоголь в одном из писем к своему другу Н.Прокоповичу писал: “У тебя же, судя по твоим школьным, еще писанным в Нежине, повестям, есть все свойства повествователя. Речь твоя лилась плодovито и свободно, твоя проза была в несколько раз лучше твоих стихов и уже тогда была гораздо правильной нынешней моей” [Т. 7, с. 306]. На это указывал и В.Любич-Романович. В своих воспоминаниях он отмечал: “Всеm было известно, что первые сочинения Гоголя проходили под строгой редакцией Прокоповича, человека очень талантливого, но крайне ленивого и не предприимчивого. Прокопович вообще имел большой литературный вкус и совершенно справедливо считался знатоком изящных искусств” [14].

Н.Гоголь постоянно отмечал мастерство Н.Прокоповича в области прозы. “Изо всех тех, которые воспитывались со мною, у него раньше, чем у всех других, показалась наглядность, наблюдательность и живость жизни. Его проза была свободна, говорлива, все изливалось у него непринужденно обильно, все доставалось ему легко и пророчило в нем плодovитейшего романиста” (Письмо к Плетневу, 1846).

Интерес к прозе наметился также у Н.Билевича. Сразу же после окончания Нежинской гимназии он пишет сатирические очерки “Картинная галерея светской жизни, или Нравы XIX столетия” (1832, опубл. 1833 г.), а затем книгу “Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки” (1834 г.), шуточные и грустные, поучительные сказочно-фантастические истории, в сюжет которых очень естественно вписывались всевозможные персонажи народной демонологии (черти,

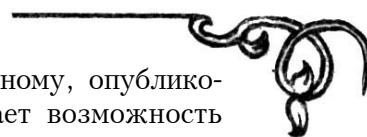
ведьмы, оживающие покойники). В повседневном быте “им принадлежат роли незадачливых соблазнительей или, напротив, судей, называющих тех, у кого нечистая совесть” [15]. О книге положительно отзывались В.Белинский, О.Сенковский, Н.Надеждин. Известны и другие произведения А.Билевича.

Современники отмечали активное участие в литературной жизни гимназии Нестора Кукольника. Н.Гербель писал: “Одаренный от природы хорошими способностями и любознательностью, молодой Кукольник вскоре очутился во главе своих классных товарищей и стал принимать самое деятельное участие во всех литературных и ученых предприятиях заведения” [16].

*Портрет Н.В.Кукольника. 1835 г.
Худ. А.Мокрицкий*

Любовь к поэзии и литературе в целом очень рано развились в нем. Письмо Н.Кукольника к Н.Прокоповичу от 29 июня 1825 г. дает возможность узнать более подробно о литературной деятельности его автора в гимназии. Он писал стихи, песни, драмы. К сожалению, уцелело из произведений нежинского периода немного, “все остальное было или затеряно или уничтожено им самим, или зачитано его товарищами, благодаря небрежности и невниманию к своим произведениям самого автора, не придававшего им большой важности” [17].

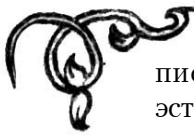
Письмо Н.Кукольника 1828 г. к поэту В.Н.Шастному, опубликованное и прокомментированное В.Э.Вацуру [18], дает возможность определить эстетические взгляды юного литератора нежинского круга, который выступает против классицизма и сентиментализма, является приверженцем романтизма, проявляет интерес к Байрону (“Манфред”), Гете (“Гец фон Берлихенген”).

В Нежине Н.Кукольник работал над пьесами “Мария”, которая до нас не дошла, и “Торквато Тассо”, над которой он начал трудиться в 1826 г., несколько раз переделывая и создавая варианты.

Н.Кукольник с грустью вспоминал о том, как во время “дела о вольнодумстве” погибли рукописи его произведений: “В одно прекрасное утро, как говорится, ящики наших столов подверглись строжайшему осмотру. Это было в половине 1827 года. У многих, в том числе и у меня, забрали разные бумаги. Я лишился в этот раз целой драмы, главным действующим лицом которой была Мария, первая жена Иоанна III; сверх того взяли у меня и начало драматической фантазии “Торквато Тассо”. С тем вместе отобраны, у кого найдены, писанные нумера литературного журнала, который мы, Гоголь и я, составляли для чтения товарищей; такие же нумера и журналы, составленных воспитанником Мартосом и другими; шуточный альманах “Парнасский Навоз” и еще несколько подобных сборников. В это же время я лишился второй окончательной трагедии: “Марий в Минтурнах” и моих переводов “Дмитрия Самозванца” и первого акта “Дон Карлоса” Шиллера. Как оказалось в последствии, не наши сочинения были целию тщательных поисков, а классные записки естественного права, которые в том году впервые нам было преподано. Никто и не думал скрывать их; тем более, что записки заключали в себе всем известныя начала этой науки по новейшим германским философам” [19].

В.Любич-Романович вспоминал о драме Н.Кукольника “Торквато Тассо”: “Не взирая на похвалы от лиц, слышавших ее отрывки, он до конца ее не довел. Однажды, перечитывая рукопись, ему показалось, что произведение слишком слабо, и он разорвал все тетради. На другой день он снова принялся за “Торквато Тассо”, работал над поэмой долго и усердно, но и снова не докончил ее. Новый вариант тоже не удовлетворил авторское самолюбие, и снова тетради были уничтожены. Наконец, Нестор Васильевич принялся за поэму в третий раз и на этот раз благополучно ее окончил” [20].

Приехав в Петербург, Н.Кукольник снова возвратился к своему произведению. К образу итальянского поэта XVI века Торквато Тассо он обращался не случайно. Имя поэта-скитальца, одного из основоположников классицизма и барокко, человека со сложной, трагической и одновременно легендарной судьбой привлекало многих художников и литераторов. Для Н.Кукольника, как и для других

писателей, Торквато Тассо стал символом Поэта, отвечающего эстетическим и жизненным требованиям романтиков [21].

С произведениями Торквато Тассо Н.Кукольник познакомился еще в гимназии в переводе на русский и немецкий языки [22]. Не исключено, что он читал произведение и на языке оригинала, так как Н.Кукольник хорошо знал итальянский язык. С именем поэта, как указывал Н.Кукольник, его познакомила книга “Корифей” [23], в которой была глава о Торквато Тассо. В письме 1828 г. к В.Н.Шастному, которое упоминалось выше, Н.Кукольник замечал: “Я продолжал писать Тасса, но истребил все. Рано, слишком рано писать его; тем более, что его на никакой театр не примут; я теперь начал другую трагедию: Елеонору Гвиенскую...” Но Н.Кукольник вновь возвращался к пьесе, которую завершил только в Петербурге. В 1833 г. она была напечатана отдельной книгой и хорошо встречена читателями и критикой.

В нежинский период пробуют свои силы в драматургии Н.Гоголь, Н.Прокопович. Как вспоминают гимназисты, их малороссийские сценки показывали в студенческом театре. Неизвестно, принимал ли Е.Гребенка участие в постановках гимназического театра, но воздействие на него этой творческой обстановки нельзя не заметить. В 1827 году он написал пьесу “Не в свои сани не садись”. Именно в этом году интенсивно работала театральная группа гимназистов, которая поставила пьесу Д.Фонвизина “Недоросль”, шедшую с большим успехом. Очевидно, Е.Гребенка, как и другие гимназисты, находился под впечатлением от этого произведения и решил сам попробовать свои силы в драматургии. Пятнадцатилетний драматург в основу своей комедии положил известный треугольник: он (Легкодум) – она (Миловида) – соперник (Хитронов). Молодой поэт Легкодум, который мечтает о славе, лишен таланта. Все, что сочиняет он, бездарно. Мнимый его друг Хитронов, который поддерживает с ним связь до тех пор, пока у Легкодума есть деньги, решает рассказать об отсутствии таланта у Легкодума тетушке Миловиды Незнаевой, которая приехала из деревни. Хитронов сам намеревается жениться на ее племяннице и все делает, чтобы оговорить Легкодума, опорочить его в глазах Незнаевой.

Дядя молодого поэта Добров, который также приехал из деревни и оказывается соседом Незнаевой, все улаживает. Его племянник Легкодум может жениться на Миловиде лишь при одном условии, которое ставит перед ним дядя: “Выбрось из головы глупую мысль быть стихотворцем и помни песенку, которую я тебе на старости лет пропою:

Причудливую брось охоту
Бумагу день и ночь марать,
Оставь прескучную работу
Стихи без толку сочинять.

А твой, пример другим наука:
В чужие сани не садись...
Пуускай других съедает скука,
А ты, знай, только веселись”.

Небольшая драматическая зарисовка Е.Гребенки не идет ни в какое сравнение с “Недорослем” ни по проблематике, ни по драматургическому искусству. Но эта юношеская проба свидетельствует об умении Е.Гребенки организовать действие, подчинить его развитие соответствующим литературным законам. Сам Е.Гребенка не включал пьесу в Полное собрание своих сочинений, считая ее слабой. Однако и это раннее произведение начинающего писателя свидетельствует о его многообразных творческих интересах.

Нежинский период в творчестве Е.Гребенки был плодотворным. То, что интересовало его в Нежине как писателя, получило развитие в позднейший период уже в Петербурге. Здесь вышли его основные стихотворные и прозаические произведения, и среди них исторические романы “Нежинский полковник Золотаренко” и “Чайковский”. Своим творчеством он приблизился к “натуральной школе” 1-й половины XIX века. Лучшие из повестей и романов получили высокую оценку В.Белинского, Т.Шевченко.

Важное место в литературных опытах нежинцев занимают переводы произведений разных писателей.

К переводческой работе привлекал своих учеников не только И.Г.Кулжинский, но и профессора латинского языка и словесности С.М.Андрущенко, немецкой словесности Ф.И.Зингер, французской словесности И.Я.Ландражин.

Переводами занимался Нестор Кукольник, который знал польский, немецкий, итальянский и другие языки. Василий Любич-Романович с необыкновенной легкостью усваивал языки и поэтому блестяще знал французский, немецкий, английский, итальянский, польский, латинский языки, что давало ему возможность читать классиков в оригинале, переводить их произведения. Особенно его привлекала поэзия Адама Мицкевича, Дж.Байрона, Т.Мура, В.Гюго, А.Шенье, Ш.Мильвуа.

Занимался переводами и Николай Билевич, который перевел две трагедии Шиллера, Константин Базили, знавший с детства французский язык и другие. Андрей Бородин самостоятельно изучил английский язык, чтобы переводить произведения В.Шекспира и других английских поэтов, в частности, Дж.Байрона, Томаса Мура, Перси Шелли.

После окончания Гимназии в 1840 г. в журнале “Пантеон” (ч. IV, № XI) он опубликовал перевод драмы “Цимбелина”, о которой

Самойленко Г.В.

К.М.Базили

Н.Я.Прокопович

Н.В.Кукольник

Н.В.Гоголь

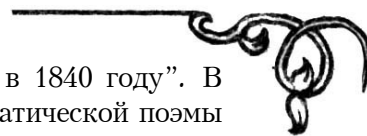

В.Г.Любич-Романович

А.С.Данилевский

Участники Нежинского литературного объединения

упоминает Б.Белинский в статье “Русская литература в 1840 году”. В 1841 г. в этом же журнале был напечатан перевод драматической поэмы Дж.Байрона “Манфред” (Пантеон, ч. I, №11), а также “Часы Фридриха Великого” (Там же, ч. IV, №XI и XII).

Переводы стихотворений Томаса Мура и Перси Шелли А.Бородин опубликовал в журнале “Сын Отечества” (1848, №V, IX; 1849, № III). В 1852 г. он (вместе со своим товарищем по гимназии И.Холчинским) перевел на русский язык “Восточные сказки”. Некоторые произведения А.Бородина появлялись в “Отечественных записках”.

Освещая переводческую деятельность гимназистов, следует обратить внимание и на оригинальный перевод Е.Гребенки пушкинской “Полтавы” на украинский язык, отрывки из которого в 1831 г. были помещены в журнале “Московский телеграф” (ч. 41, №17, с. 128–129), а затем в альманахе “Утренняя звезда” (1833, кн. 11. с. 82–87). Цензурное разрешение на полную публикацию поэмы было получено 25 июля 1835 г. Поэма вышла в 1836 г. и была посвящена А.Пушкину.

О своей работе над переводом “Полтавы” Е.Гребенка вспоминал в письмах к родителям из Нежина еще в 1829 г.: “Досугами я перевожу поэму Пушкина – “Полтаву” на малороссийский язык и намерен, выйдя из закетов гимназии, ее напечатать, посвятив добрым землякам...” [24].

Свою работу Е.Гребенка обозначил как вольный перевод на малороссийский язык. Это освобождало его от точного перевода. И это стало сразу заметно. В период работы над переводом Е.Гребенка находился под сильным влиянием “Енеїди” И.Котляревского. Более того, сам юный поэт не имел четкого представления, каким должен был быть художественный язык украинской литературы. Поэтому Е.Гребенка свел героико-романтическую тональность поэмы А.Пушкина к бурлескно-травестийной. Сравним речь матери Марии, характеризующую Мазепу.

У Пушкина:

И вся полна негодованьем
К ней мать идет и, с содроганьем
Схватив ей руку, говорит:
“Бесстыдный! Старец нечестивый!
Возможно ль?.. нет, пока мы живы,
Нет! он греха не совершит...
Он должен быть отцом и другом
Невинной крестницы своей...
Безумец! на закате дней
Он вздумал быть ее супругом”.
Мария вздрогнула. Лицо

Самойленко Г.В.

Покрыла бледность гробовая,
И, охладев, как неживая,
Упала дева на крыльцо.

А вот, как этот отрывок выглядит у Е.Гребенки:

Ось вийшла мати і з сльозами.
Приголубливими словами,
За руку взявши, каже їй:
“Бридкий, мерзенний, глянь, поганець!
Чи можна? Ні, паскудний ланець!
Гріха ти не збудуєш, злий!
Тобі б, як то ведеться віком,
Хрещеним батьком будь...
Його чорти у пеклі ждуть;
Він хоче будь їй чоловіком!
Маруся задрижала, з рук
Спустилась хустка шовковая,
Поблідши, ніби неживая,
Упала дівка на рундук.

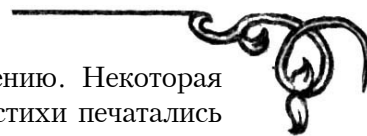
Критика отмечала, что Е.Гребенка в своем переводе не следовал строго за оригиналом, вводил от себя некоторые сцены, ситуации, детали. Наблюдается отход и в трактовке образа Петра, его деятельности. И думается, что в этом не только вина молодого поэта. Прав М.Рыльский, который писал: “В том-то и дело, что покрытый толстым слоем провинциализмов язык литературного направления, к которому принадлежал Гребенка, и сам, своим материалом, не давал Гребенке возможности подстроится к пушкинскому стилевому ключу, к тому ключу, в котором написана “Полтава”. Вульгаризмы, бурлескные, травестийные эпитеты, грубые слова и обороты – все это было проявлением литературной традиции, которая существовала во времена Гребенки и которой он, при всем своем объеме таланта, перерастить не мог. Поэтому и Гребенка брал свой пример всерьез и всерьез его хвалили читатели, всерьез над ним плакал Квитка-Основьяненко” [25].

Современники Гребенки – представители как украинской, так и русской литературы, положительно отозвались о переводе “Полтавы”. Это было начало переводческой практики, хотя сегодня видны и недостатки работы поэта. В переводе больше проявляется своеобразие Гребенки, чем свойство оригинала.

Завершая обзор литературного творчества гимназистов, заметим, что написанию отдельных разножанровых произведений способствовали учебные занятия по словесности, хотя то, что проходило за пределами учебных аудиторий, набирало уже самостоятельный характер и их авторы

располагались своими творениями по своему усмотрению. Некоторая их часть попадала в рукописные журналы, отдельные стихи печатались в столичных и других периодических изданиях. Какие бы ни были внутри литературные перипетии, но скажем с уверенностью, что начинающие литераторы группировались вокруг Николая Гоголя и Нестора Кукольника, ибо каждый из них увлекал других своим индивидуальным художественным мастерством.

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО Н.ГОГОЛЯ НЕЖИНСКОГО ПЕРИОДА

Литературные способности у Гоголя проявились рано. Как заметили исследователи его творчества В.Щеголев и А.Коялович, уже в письме к родителям от 13 июня 1824 года заметны следы первых литературных занятий Гоголя, его стремление к “высокому” стилю. “До сих пор письма Гоголя были извещениями, их стиль был деловым, без картинных выражений, без образов, без эпитетов. В этом письме встречаются литературные фразы, отделанные в стиле того времени; уже с этих пор риторика начинает вить гнездо в произведениях Гоголя” [1]. Напомним строки этого письма: “Я вам писал о “приятном путешествии, которое мы скоро предпримем, о радостном нашем свидании, о удовольствиях, которые я буду вкушать. Разве это такой мелочный предмет, который должно оставить без внимания? Верьте, любезные родители, что вся так сказать жизнь моя основана на этом. Сие блаженное время я почитаю центром моих желаний, источником моих удовольствий... Ожидаю со дня на день сего времени [отъезда]. Уже вижу все милое сердцу, вижу вас, вижу милую родину, вижу тихий Псел, мерцающий сквозь легкое покрывало, которое я скоро сброшу, наслаждаясь истинным счастьем, забыв протекшие быстро горечи. Одна счастливая минута может вознаградить за годы скорбей” [Т. X, с. 47].

О литературных склонностях Гоголя свидетельствовали и другие письма, в частности, от 1 октября 1824 г., в котором он поздравлял мать с днем ангела, и т. п. А.Коялович утверждает, что Гоголь не пишет свои письма, присев к столу, и излагает свою мысль так, как она рождается в процессе ее написания, а сочиняет, обдумывает, и это объясняет и риторика, и украшения слога, которые встречаются в письмах. Еще на одну гоголевскую особенность обратил внимание А.Коялович: “Он не столько рассказывает, сколько описывает.

Предварительно сделав точное и внимательное наблюдение над самим собой, причем, конечно, для полноты и живописности картины некоторые краски могли быть усилены, некоторые ослаблены” [2].

Н.Гоголь-гимназист

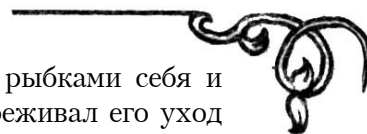
Анализируя письмо Гоголя к матери, написанное после смерти отца, исследователь замечает: “Риторика увлекла художника помимо его воли. Но вместе с тем, несомненно, что на таких письмах развивались творческие способности Гоголя, и прояснялось сознание их могущества и силы” [3].

Гоголь ощущал потребность в выходе своих творческих сил, которые накапливались в нем и должны были вылиться в определённые формы. Одной из форм подобного проявления и были письма. По своему содержанию они многожанровые.

Письма, воспоминания соучеников Гоголя, архивные документы дают возможность восстановить то, что было создано автором будущих “Вечеров...” в стенах гимназии.

Гоголь присылал свои сочинения родным, хвалился о написании новых. В письме от 23 ноября 1826 г. он писал: “Думаю, удивитесь успехам моим, которых доказательства лично вручу вам. Сочинений моих вы не узнаете. Новый переворот наступил их. Род их теперь совершенно особенный. Рад буду, весьма рад, когда принесу вам удовольствие” [Т. X, с. 79].

Н.Прокопович считал, что первым литературным опытом Гоголя была баллада “Две рыбки”. Стихотворение написано в связи со смертью

брата Ивана. В балладе Гоголь изобразил под двумя рыбками себя и своего младшего брата, которого он любил и очень переживал его уход из жизни.

В рукописном журнале “Метеор литературы, январь 1826”, Гоголь поместил стихотворение “Новоселье”, которое передает его душевное состояние после тяжелой утраты – смерти отца. В нем ощущается влияние думы К.Рыльева “Смерть Ермака”.

Лирический герой разуверился в действительности и
...радость жизни разлюбил,
И грусть зазвал на новоселье.

Раньше он был весел, устремлен в будущее, а теперь начал угасать:
Теперь, как осень, вянет младость
Угрюм, не веселиться мне,
И я тоскую в тишине,
И дик, и радость мне не в радость.

Произведение написано в духе романтических традиций. Среди других лирических стихотворений назовем элегию “Непогода”, балладу “Две рыбки” (навечно годовщиной смерти брата).

Гоголь, как и другие гимназисты, увлекался историей. Некоторые ранние произведения юного писателя воскрешают страницы исторического прошлого. Стихотворение “Битва при Калке”, помещенное в “Метеоре литературы” за 1826 год, является отрывком эпической поэмы “Россия под игом татар”. В нем ощущается влияние “Россиады” М.Хераскова. Поэму Гоголь тщательно переписал в отдельную тетрадь, украсил ее собственными рисунками и переслал матери из Нежина по почте. Уезжая в Петербург, Гоголь увез поэму. Дальнейшая ее судьба неизвестна. Сохранились также суждения о гоголевской трагедии “Разбойники”, написанной пятистопным ямбом.

Для очередного выпуска “Метеора” Гоголь подготовил повесть “Братья Твердиславичи”. Написана она в романтическом духе и посвящена жизни древних славян. Высокий стиль, отвлеченность событий не были приняты друзьями Гоголя. “Первая прозаическая вещь Гоголя, – вспоминал В.И.Любич-Романович, – была написана в гимназии и прочитана публично на вечере Редкина. Называлась она “Братья Твердославичи, славянская повесть”. Наш кружок разнес ее беспощадно и решил тотчас же предать уничтожению. Гоголь не противился и не возражал. Он совершенно спокойно разорвал свою рукопись на мелкие клочки и бросил в топившуюся печь. “В стихах упражняйся, – дружески посоветовал ему тогда Базили, – а прозой не пиши: очень уж глупо выходит у тебя. Беллетрист из тебя не вытанцуется, это сейчас видно” [4]. Хотя, как указывает П.Кулиш, эта повесть была помещена в журнале “Звезда”, но не дошла до нас, как и многие другие пробы пера Гоголя.

Как заключает В.И.Любич-Романович, произведения Гоголя не воспринимались серьезно его товарищами, подвергались насмешкам. “Однажды, впрочем, мы поместили в “Навозе Парнасском” одно небольшое стихотворение Гоголя из малороссийской жизни на тему “как жили в старину”, но и то лишь потому, чтоб над ним потом посмеяться и отблагодарить его за эти вирши фунтом медовых пряников, которые он любил и которые были ему преподнесены через особую депутацию в одной из аудиторий, перед классными занятиями. Но на это Гоголь страшно рассердился и швырнул подарок чуть не в лицо депутатам, а потом, оставив класс, почти две недели не появлялся под предлогом болезни” [5].

Произведения Гоголя не воспринимались его товарищами, приверженцами романтической поэтики, не столько потому, что они были плохи, сколько, очевидно, из-за их необычности. Гоголь, отдав дань романтизму, уже в гимназии использовал реалистические приемы, которые помогали ему воссоздать сатирические зарисовки. Быт Нежина, его жителей, с которыми хорошо он был знаком, давал ему возможность ярко изобразить существователей города. Тех героев, которые появятся в более поздних реалистических повестях, мы встречаем не только в ранних юношеских произведениях, но и в переписке Гоголя. Уже в это время проявилось его дарование сатирика.

Соученик Гоголя Г.С.Шапошников в своих воспоминаниях подчеркивал: “Его веселые и смешные рассказы, его шутки и самые шутки, всегда умные и острые, без которых не мог он жить, до того были комичны, что и теперь не могу вспомнить об них без смеха и удовольствия” [6].

Крупницы из того, что все-таки переносилось на бумагу, дают возможность обнаружить своеобразие таланта писателя в процессе его формирования. Известен, например, акростих на гимназиста Федора Бороздина, с которым Гоголь был в сложных отношениях. За низкую стрижку волос Гоголь прозвал его Расстригою Спиридоном. Однажды вечером, в день именин Ф.Бороздина, 12 декабря, – вспоминает Г.Высоцкий, – Гоголь выставил в гимназическом зале транспорант собственного изделия, с изображением черта, стригущего дервиша, со следующим акростихом:

Се образ жизни нечестивой,
Пугалище монахов всех,
Инок монастыря Строптивой,
Расстрига, сотворивший грех.
И за сие-то преступленье
Достал он титул сей.

О чтец! имей терпенье,
Начальные слова в устах запечатлей”.

В сатирических произведениях Гоголь освещал жизнь гимназистов и жителей города Нежина. В “Метеоре литературы” была помещена эпиграмма “Насмешнику некстати”, в которой порицался порок гимназиста Пащенко, любившего в своих рассказах отступать от истины.

Наш Вралкин в мире сем редчайший человек!
Подобного ему не сыщешь в целый век.
Как станет говорить – заслушаться всем надо,
Как станет – так и рай вдруг сделает из ада.
Был в Риме, в Лондоне... да где он не бывал,
Весь мир на языке искусно облетал...

И. Пащенко ответил Гоголю не менее острым и язвительным стихом. Известна эпиграмма Гоголя и на немца-воспитателя Зельднера. В ней он передал внешние черты надзирателя. Гимназисты часто распевали стишок во время прогулок:

Гицель – морда поросычья,
Журавлины ножки;
Той же чортик, что в болоте,
Тильки пристав рожки.

Объектом насмешек Гоголя был гимназист Михаил фон Риттер. Каких только не давал Гоголь ему прозвищ. Называл его бароном Кунжут-фон-Фонтиком Девинье, Барончиком, Доримончиком, Купидончиком, Хопчики, Дюсенькой. В письмах к Г.И.Высоцкому возникает своеобразный портрет этого юноши, созданный различными сатирическими приемами. Воображение так сильно работало у Гоголя, что он иногда выдумывал несуществовавшие ситуации или же преувеличивал отдельные факты: “Барон-фон-Фонтик, табачный, таможенный пристав, иначе, заводчик кунжутного масла, служивший только что перед этим всем драгунским юнкерам подрядчиком в торговле, пьяный подрался с Канчотихою, судились в земском суде. Но, наконец, батюшка фона, узнавши об его проказах, прислал за ним крытую кибитку, чтобы притащить свое чудо в Прилуку и поместить его в хозяйственные форпосты. Но Девинье объявил, что он “никогда не занимался таковою презренною наукою, какова политическая экономия”, а непременно хочет ехать в Московский Университет... Вообрази, что и это утешение отняли у нас” [Т. 7, с. 39].

Подобные происшествия нежинской или гимназической жизни Гоголь также описывал в юмористическом плане. Острота взглядов Гоголя не упускала деталей, напрашивавшихся на осмеяние.

О тяготении Гоголя к юмористическим, сатирическим зарисовкам свидетельствуют и его письма, отосланные разным адресатам из Нежина.

Мы уже говорили о письме к Г.И.Высоцкому. В этой связи хотелось бы вспомнить также и письмо Гоголя Варваре Петровне Косяровской от 13 сентября 1827 года, в котором он воссоздает юмористический портрет их общей знакомой Ксении Федоровны Тимченко, прозванной “Чцюцюшка”: “Драгоценнейшая тетинька Варвара Петровна! Приветствую вас из-за 300 верст и желаю вам наискраснейшего, наисчастливейшего окончания всех ваших дел, работ и занятий, и проч. и проч. Уделяю вам на всю жизнь две части веселости и здоровья, одну часть денег и четвертую часть – порядочный запас друзей и приятелей. Хорошо ли проводите время? Я думаю, Ксения Федоровна бывает у вас часто. – Э, мини казав Чцюцюшка э... каже э... мене, каже, никто уже не юбить, каже, Пупую (Пупура – имя собаки) юбять ючше, чим мене и Каяяшку э... отако э, каже Чцюцюшка э, бачете, шо вона каже, э... э.. А панич нежинский мини письмо пише, э. А шо, чи ви бачили? – Ось воно. Э.

Э...!!” [Т. X, с. 107].

Исследователь творчества Н.Гоголя Д.Иофанов приводит отрывки из “Ревизора” (сцена спора между Бобчинским и Добчинским) и “Тяжбы” (разговор между Бурдюком и Пролетовым), в которых обыгрывается междометие “...э” как средство сатирической характеристики персонажа и указывает, что Гоголь в этих сценах повторяет прием, который зафиксирован в обозначенном выше письме.

Эти и другие факты свидетельствуют о том, что сатирические задатки Гоголя начали формироваться еще в Нежинской гимназии. Но он стремился создавать, с его точки зрения, серьезные произведения, считая сатиру – “низким” жанром. Дальнейшая литературная жизнь показала, что “серьезными” произведениями были для него именно сатирические.

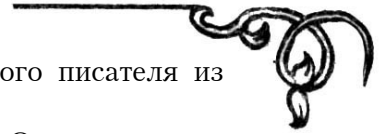
ИСТОРИКО-БЫТОВАЯ ОСНОВА ПОВЕСТИ Н.ГОГОЛЯ

“НЕЧТО О НЕЖИНЕ, ИЛИ ДУРАКАМ ЗАКОН НЕ ПИСАН”

Из юношеских произведений Гоголя получила известность его повесть “Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан”, которую постоянно называли в литературе о писателе, но никогда она не подвергалась исследованию. И это не случайно, ибо кроме названия да наименования её пяти глав, известных по воспоминаниям Герасима Высоцкого, никаких других следов нет. И все же постараемся в дальнейшем определить историко-бытовую основу этого произведения,

чтобы предугадать, какие факты заинтересовали юного писателя из жизни Нежина.

Любопытно само наименование произведения. Оно сделано в традициях литературы конца XVIII – начала XIX века. Вспомним произведение Ф.Глинки “Зиновий-Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия” (1819), В.Нарежного “Два Ивана, или Страсть к тяжбам” (1825) и т.д. Гоголь в свое название вкладывал определенный смысл. Первая часть его, хотя и носит конкретный характер, ибо касается города Нежина, в то же время выражает некоторую неопределенность, ибо в повести речь будет идти, согласно заглавию, лишь о каких-то частностях (“нечто”). Именно это и заинтриговывает читателя: “А что же собой представляет это “нечто”?”

Вторая часть заглавия, хотя в какой-то степени конкретизирует первую, ибо это “нечто” связано с несерьезными действиями, поступками обитателей города, все же эта часть заглавия носит обобщающий характер по типу пословиц “Что с дурака возьмешь?”, “Заставь дурака Богу молиться, он и лоб разобьет” и т.д.

Таким образом, уже само наименование произведения настраивает читателя на комический характер его повествовательной части. Эту мысль подтверждает и творческая судьба произведения.

Свою повесть Гоголь написал до отъезда из Нежина его друга Герасима Высоцкого, который закончил Гимназию высших наук в июне 1826 года и которому юный литератор подарил свое произведение. Таким образом она попала в Петербург.

Другой экземпляр остался у Гоголя в Нежине. О существовании повести каким-то образом узнали греческие купцы, о которых шла речь в произведении. Гоголь настолько верно передал характеры греков, что многие указывали на реально существующих прототипов. Это возмутило купцов. И, как гласит нежинская легенда, их делегация явилась с подарками к директору Гимназии И.С.Орлаю с просьбой выдать им сочинителя. Подарков И.С.Орлай не принял, но пообещал разобраться. Вызвал автора повести и заставил его уничтожить свой опус. Гоголь не мог ослушаться директора, которого глубоко уважал. Он решил выписать и тот экземпляр повести, который находился у Г.Высоцкого под предлогом, будто бы потерял подлинник, и больше уже ему не возвратил [7]. Так погибло первое значительно сатирическое произведение молодого писателя.

Известно, что в этот период своей жизни Гоголь увлекался сочинением сатирических стихов, в которых в юмористических или саркастических тонах раскрывал черты своих товарищей, чиновников Гимназии, на что указывает А.Данилевский. В “Авторской исповеди”

Гоголь также вспоминал: “Ни я сам, ни сотоварищи мои, упражнявшиеся вместе со мной в сочинениях, не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим, хотя, несмотря на мой меланхолический от природы характер, на меня часто находила охота шутить и даже недоедать другим моими шутками, хотя в самых разных суждениях о людях находили уменье замечать те особенности, которые ускользают от внимания других людей, как крупные, так мелкие и смешные. Говорили, что я умею не то, что передразнить, но угадать человека, то есть угадать, что он должен в таких случаях сказать с удержанием самого склада его мыслей и речей” [Т. 6, с. 426].

Подобного типа произведение по-настоящему мог оценить лишь Г.Высоцкий, такой же шутник и балагур, как Гоголь, подвергавший не одного из гимназистов сатирическими колким характеристикам. “Мы в то время смотрели на литературу, – заявлял его однокурсник В.Любич-Романович, – как на творчество высшей среды. А Гоголь занялся какими-то Коробочками, Ноздревыми и Дмухановскими-Сквозниками... Это-то и отталкивало нас от него” [8]. С этих же позиций товарищи Гоголя по Гимназии оценивали и его ранние сатирические произведения. Пошутили, побалагурили – и большего значения стихам и зарисовкам Гоголя не отводили. На самом же деле именно в Нежине у Гоголя зарождается новый сатирический поход к изображению действительности в реалистическом преломлении.

Воспоминания Г.Высоцкого дают возможность узнать не только наименование произведения, но и его составные части. Их пять:

“Освящение церкви на греческом кладбище”.

“Выборы в греческий магистрат”.

“Всеядная ярмарка”.

“Обед у предводителя П***”.

“Роспуск и съезд студентов”.

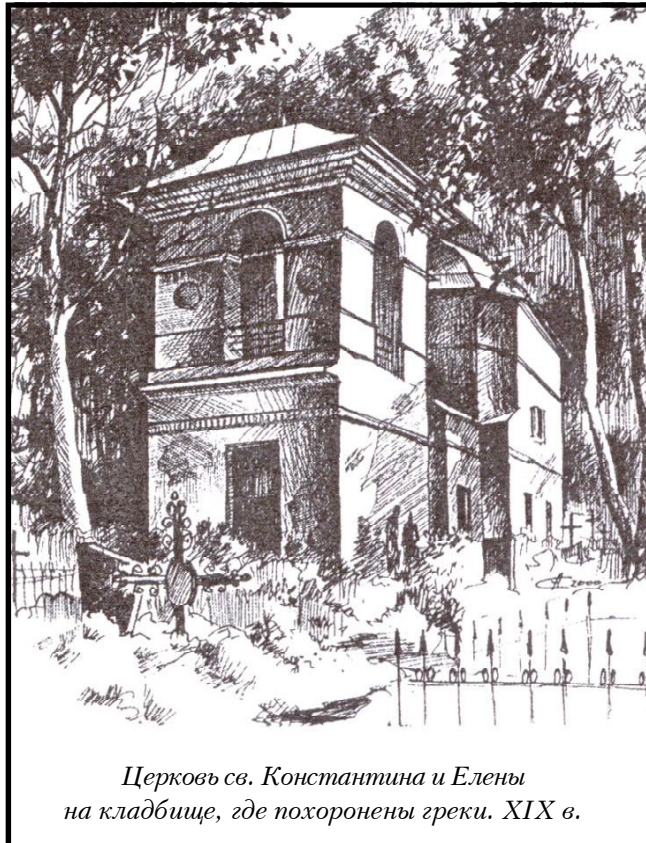
Уже сами названия глав определяют основное направление размышлений Гоголя, высвечивают предмет, вокруг которого будет разворачиваться действие. Гоголь, как указывает Г.Высоцкий, взял несколько торжественных случаев, при которых то или иное сословие наиболее выказывало характерные черты свои и по этим случаям разделил свое сочинение на вышеуказанные отделы.

Попробуем условно окунуться в мир жизни нежинских обитателей и восстановить факты, которые могли бы лечь в основу каждой главы произведения, то есть воскресить историко-бытовую основу гоголевской повести.

Итак, первая глава повести носит наименование “**Освящение церкви на греческом кладбище**”.

Известно, что первые греки поселились в Нежине в конце XVII века. С каждым годом их колония разрасталась и в начале XIX ст. достигла 1800 человек. На окраине города в северной ее части рядом с общегородским Троицким находилось Греческое кладбище, на котором стояла небольшая кладбищенская деревянная церковь.

*Церковь св. Константина и Елены
на кладбище, где похоронены греки. XIX в.*

В начале XIX ст. известные греческие купцы-меценаты братья Анастасий и Николай Зосимы решили на ее месте построить каменный храм “Святых равноапостольных Константина и Елены” с такою же при ней колокольнею. Они получили благословение архипастыря Черниговского и Нежинского. Однако 14 января 1819 г. Анастасий Павлович умер и был похоронен возле недостроенной церкви.

Его брат Николай продолжил строительство, которое и было завершено в 1822 году и освящено при стечении большого количества людей [9].

Нежинская молва гласит, что во время этого важного события проявилось социальное неравенство. Те греки, которые победнее,

пришли к месту торжества раньше, чем богатые купцы. Последние не могли согласиться с тем, что они оказались в задних рядах, и начали пробираться вперед. Произошла давка, послышалась ругань, дошло до кулачных боев. Святое дело потеряло всю святость.

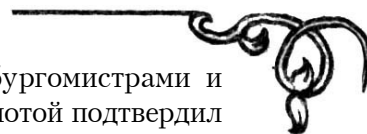

Анастасий Зосим

Свидетелем всего этого и мог быть Гоголь, если допустить, что гимназисты, и среди них ученик 3 класса 13-летний Николай Гоголь, присутствовали на торжественном акте. Мог быть Гоголь на этом торжестве и самостоятельно, так как по воскресеньям гимназистов отпускали в город. И в одном и в другом случае он мог быть действительно свидетелем всего того, что происходило возле храма, и надолго запомнил яркие сцены столкновений греков и при возникшей необходимости воспроизвести эти события в своей повести, создать яркие, колоритные образы их участников.

Возвратиться к этому эпизоду могли вынудить Гоголя и события более позднего времени, когда он обратился к описанию жизни греков во второй главе повести, которая называлась **“Выборы в греческий магистрат”**.

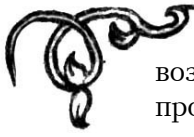
Нежинские греки, начиная с XVIII века, играли важную роль как в торговой, промышленно-ремесленной, так и культурной жизни города. Гетманы Украины, а затем и русские цари надавали им особые привилегии. Греки были независимы от нежинской городской власти, а поэтому имели свой магистрат, суд, храмы, школы. В 1785 году Екатерина II подтвердила нежинским грекам все ранее пожалованные грамоты, переименовав только название суда братства в Нежинский

греческий магистрат. Бывшие судьи были названы бургомистрами и ратманами. 29 декабря 1801 года Александр I своей грамотой подтвердил права нежинских греков.

Нежинский греческий магистрат осуществлял административные и судебные функции. Во главе его стоял бургомистр, один из самых авторитетных членов греческого братства. Таким, например, был Стефан Кириллович Буфа, который инициировал в 1810 году открытие в Нежине Александровского греческого училища, собрав для этого 24571 рубль серебром. Деньги дали греческие купцы Москвы, С.-Петербурга, Одессы, Нежина. В 1811 году эту сумму положили в “Сохранную казну” на вечные времена. Проценты с этого капитала нежинский греческий магистрат должен был использовать только на функционирование училища. С.К.Буфа поддержал братьев Зосимов в строительстве храма и т.д. Кроме того, он собрал довольно большую училищную библиотеку.

Жизнь греков была непростой. В их среде постоянно возникали какие-нибудь столкновения, дискуссии. Так, в 1822 г. разгорелась острая дискуссия вокруг учителя греческого языка в училище Х.Н.Иеропеса, которого пригласили из Греции для обучения детей родному языку. Директор Гимназии высших наук И.С.Орлай предложил Х.Н.Иеропесу читать греческий язык и для гимназистов, на что получил согласие. Об этом узнали нежинские греки и вознегодовали, потребовав бургомистра, одновременно исполнявшего должность директора Александровского греческого училища, чтобы тот запретил учителю работать в двух учреждениях, так как он принял новую должность “без их ведома и согласия”, Из греческого магистрата последовало немало бумаг в адрес И.С.Орлая, на которые тот не обращал особого внимания. В трудном положении оказался и директор училища Прихов, который занял эту должность 23 марта 1822 года. Он доказывал законность акции, которую не хотели признавать нежинские греки, требуя от Прихова лишить Х.Н.Иеропеса должности и квартиры в училище. Обстановка накалилась так, что директор училища направил в магистрат запечатанный пакет с требованием вскрыть его на полном собрании общества. В своем заявлении он утверждал, что согласился на должность директора училища лишь по усиленным просьбам общества. Но теперь, видя невозможность “продолжить службу в надлежащем виде, не уклоняясь от истины”, отказывается от должности. Вместо того, чтобы Иеропесу объявить благодарность за то, что он обучает детей наших братьев, погибших в нынешнюю патриотическую войну, которые были приняты в Гимназию по воле Государя Императора на содержание графа Кушелева-Безбородко, Греческая община неоправданно накаливает обстановку. Эти аргументы Прихова не имели на греков никакого

воздействия. Магистрат потребовал его к ответу. И эту надуманную проблему смог решить только попечитель Харьковского учебного округа, который разрешил Х.Н.Иеропесу работать в двух учебных заведениях.

Этот факт свидетельствует о мелочности требований членов магистрата, непонимании общественной значимости дела, какое-то упрямство и ограниченность. Подобное проявилось и в отношении Николая Зосима, который много сделал для утверждения греческой общины как меценат. Но магистрат решил выселить его из общественного дома, который он занимал, что нанесло ему сильную нравственную обиду.

Можно приводить много различных примеров, которые выходили за пределы общины и становились известными жителям города, в том числе и гимназистам. Среди знакомых Гоголя было немало греков.

Выборы в греческий магистрат были довольно сложным явлением. В 20-е годы XIX века греческая община жила на подъеме национально-патриотических чувств, так как в 1821 году в Греции началось восстание против османских захватчиков. Его организационной подготовкой занимались члены тайного общества греческих патриотов “Филики Этерия”, которые базировались в Одессе. Здесь же поселилось и значительное количество греческих семей после разгрома восстания. В этот момент и было принято решение направить некоторых ребят учиться в Нежин.

Была еще одна важная проблема. В конце XVIII – начале XIX века в связи с открытием портов на Азовском и Черном морях сюда передвигалась и торговля. Греческие купцы переселялись на Юг, при этом оставаясь членами нежинского братства, так как не хотели терять свои льготы, предусмотренные им с давних времен. Их приглашали на выборы магистрата, но войти в его состав они постоянно отказывались.

Магистрат был полноправным хозяином денег, которые шли от процентов капитала, внесенных богатыми греками на нужды братства. Кроме того, в кассу магистрата поступали пожертвования, которые делали греческие купцы, и “посредством этого небольшого ежегодного взноса они освобождались от всякой общественной службы и неизбежных с нею обязанностей” [10].

О характере использования денег не знала община, так как по греческим традициям никто расписок не давал. Поэтому было много нареканий. Да и суммы расходов, которые фиксировались в журнале, вызывали сомнения, например, дано 157 рублей нежинскому городничему за внимание к братству или истрачено большую сумму (и указано ее) на помощь бедным, на греческое училище и т.п. Были случаи явных злоупотреблений. Это вызывало недовольство в среде греков.

Непростыми были взаимоотношения и с нежинской властью, в связи с тем, что греки пользовались особыми льготами и привилегиями, не платили налогов, хотя торговали по всей стране. Это раздражало местных обывателей, купцов других национальностей. Греческий суд в своей практической деятельности руководствовался не общегосударственными российскими законами, а своим сборником законов Арменопуло. Пройдет небольшое время, и эти вопросы будут решаться в общегосударственном масштабе не на пользу греков, что привело к упадку греческого братства в Нежине.

Но во времена пребывания Гоголя в Нежине все это существовало. Не случайно он на это указывал в письме к Г.Высоцкому от 19 марта 1827 года: “В Нежине теперь беспрестанные движения между греками, шумят, спорят в магистрате, хотят нового образа правления, в предшествующую субботу мятежные сенаторы самовольно свергнули архонта Бафу, а на его место и в сенаторское достоинство возвели до того неизвестного Афендулю. Базиль уже заключил с ним трактат и открыл греческую лавку” [Т. X, с. 86–87]. Все фамилии, которые называет Гоголь, действительно существовали [11].

Греческая Михайловская церковь

Община нежинских греков обычно собиралась зимой в церкви, а летом возле храма для решения различных жизненных вопросов избирали священников и критеров церкви, членов братского суда, бурмистров, а также членов местного самоуправления – магистрата.

Как отмечают исследователи, в магистрат попадали люди необразованные, далекие от глубоких общественных проблем.

Членов магистрата избирали на три года. Гоголь был свидетелем одного из таких собраний, слышал, как соревновались в словесных выражениях греческие купцы и обыватели, обзывая друг друга сочными выражениями.

Гоголь мог быть свидетелем избрания на должность бурмистра – Бафы, которого затем сняли. Это было в 1824 году.

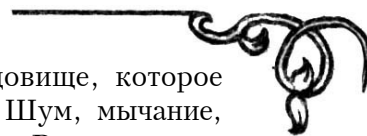
Третья глава гоголевской повести называлась **“Всеядная ярмарка”**. В ней Гоголь запечатлел зимнюю ярмарку, которая проходила перед великим постом целый месяц в январе-феврале. По сравнению с двумя другими международными ярмарками – Троицкой и Покровской она отличалась тем, что в Нежин приезжали купцы с разных стран. Академик К.Харлампович, который исследовал греческую общину, писал: “На эти ярмарки приезжали купцы, украинские и великорусские с разных городов и местечек с полотном, сукном, пушшиной, галантереей и другими товарами. Иностранцы купцы – греки, волохи, турки, армяне – привозили турецкие и персидские товары – шелковые, шерстяные, хлопчатые ткани и ценности (камни, жемчуга, кораллы). Польские купцы появлялись с товарами гданскими и шлионскими. Обыватели украинские пригоняли скот и привозили кожи” [12]. Здесь сбывалась и сельскохозяйственная продукция.

Посещали ярмарки не только нежинцы, но и приезжие с округи, других городов, поместий. Было немало купцов, которые забирали товары большими партиями. Торги были великолепные.

На нежинских ярмарках активно работали магазины, кабаки, кофейни. В кабаках продавали не только привозные вина, но и местные напитки, водки разные – горелка, мед, пиво врознь в кварталы и чары, а также всевозможные съестные продукты. “Кто охотник до ликеров, – вспоминал один путешественник, – пусть едет сюда: они превосходны; не напрасно хвалится водками Нежин; правда, что нигде таких отличных не делают” [13].

Активность на Всеядной, как и на других ярмарках, проявляли греки, которые не только торговали в магазинах, но и занимались доставкой товаров и его перепродажей большими партиями. И эта торговля на Всеядной ярмарке проходила до 1847 года, пока ее не перевели в город Ромны.

Гоголя, естественно, не столько интересовали торговые отношения, операции, товары (ибо у него никогда не было лишних денег), а само состояние ярмарки и её участники, торговцы, колоритные, интересные, богатые во всех отношениях.

Гоголь представлял ярмарку, как огромное чудовище, которое шевелится всем корпусом, “кричит, гогочет, гремит. Шум, мычание, бляение, рев – все сливается в один нестройный говор. Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки – всё ярко, пёстро, нестройно; мечется кучами и снуется перед глазами. Разноголосые речи потопляют друг друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется от этого потопа; ни один крик не выговорится ясно. Только хлопанье по рукам торгашей слышится со всех сторон ярмарки. Ломается воз, звенит железо, гремят сбрасываемые на землю доски и закружившаяся голова недоумевают, куда обратиться” [Т. 1, с. 18].

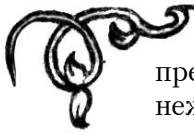
Эти знаменитые строки из “Сорочинской ярмарки” Гоголя дают возможность представить ярмарку во всем её объеме. Но писателя прежде всего интересуют её участники. Он из огромной ярмарочной толпы высвечивает отдельные лица: приезжего мужика, который толкался в народе, узнавая и примеряясь к ценам на пшеницу, которую привез продавать, о дегте, которого хотел взять на барыш; молодую, симпатичную, чернобровую девушку, которая первый раз на ярмарке и её занимает весь этот мир, такой веселый, незнакомый и увлекательный. “Её смешил до крайности, как цыган и мужик били один другого по рукам, вскрикивая сами от боли; как пьяный жид давал бабе киселя; как посорившиеся перекупки перекидывались бранью и раками; как москаль, приглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою...” [Т. 1, с. 19]. Это мир “Сорочинской ярмарки”, но это могли быть и персонажи нежинской. Таков был гоголевский принцип освещения жизни ярмарки, её участников.

Соученик Гоголя по Нежинской гимназии В.Любич-Романович замечал, что Гоголь искал сближения “с людьми простыми, не претендующими на изящество манер, изысканность речи и на выбор предмета беседы”. “И это, – продолжает сокурсник писателя, – очевидно, давало ему своего рода наслаждение в жизни, удовлетворяло его эстетические потребности и вызывало в нем поэтическое настроение. Так, по крайней мере, мы это замечали потому, что он после каждого такого знакомства где-либо подолгу запирался в своей комнате и заносил на бумагу свои впечатления” [14].

Кто же оказался в объекте внимания юного писателя, посетившего Всеедную ярмарку, что так поразило его, что он обратился к её описанию. Трудно сказать. Но то, что это было преподнесено с юмором, – это так, и на это мы уже обращали внимание, когда рассказывали в первой главе о Нежинских ярмарках, да об этом свидетельствует и произведение Гоголя “Сорочинская ярмарка”.

Четвертая глава “Обед у предводителя П***”

Побывать на обеде у предводителя дворянства, да еще у нежинского – не каждому везло. Это было особое событие, на которое приглашались

представители дворянства, а также известные лица города, то есть нежинская элита.

Нежин, хотя и был уездным городом, но по населению он превышал многие губернские города, был известен еще с XVII века как один из крупных полковых городов Левобережной Украины. Поэтому еще с XVII века в крепости Нежина располагалось военное подразделение, которым командовал генерал. В частности, в 20-е годы XIX ст. стоял Киевский драгунский полк. И это было одной из его отличительных черт.

Нежин был многонациональным городом. Кроме украинцев, русских, евреев и других представителей разных национальностей, в городе с XVII века обосновалась большая колония греков, которая, как уже отмечалось, играла важную роль в его жизни. Греческое купечество было известно далеко за пределами Украины.

Нежин был и культурным центром. С 1820 г. функционировала Гимназия высших наук со штатом профессоров. Были здесь уездное училище, Александровское греческое училище, богоугодное заведение, аптека, почтовая станция и т.п.

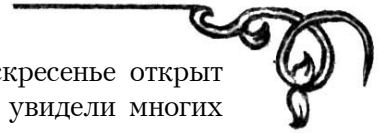
В городе действовали медноливарный завод братьев Черновых (с 1791 г.), ткацкая фабрика Иванова и другие предприятия. Здесь обосновались на постоянное жительство те, кто уходил в отставку: крупные чиновники, военные. Как отмечают путешественники, которые на короткое время останавливались в городе, и те, кого судьба временно забросила в Нежин, нежинцы были особо гостеприимны.

Бывший Владимирский губернатор, москвич князь Иван Михайлович Долгорукий дважды в 1810 и 1817 годах побывал в Нежине, познакомился с храмами, культурными достопримечательностями города, а также его обитателями. Процитированный ниже отрывок из его воспоминаний дает возможность окунуться в частную жизнь нежинцев, в их бытовую атмосферу.

“Сестра моя... старалась показать нам все здешние общества, в лучшем их виде, и познакомила нас со многими. По утру мы принимали визиты к себе, а после обеда сами их развозили. Генерал Поль просил нас к себе обедать. Квартира его не велика и не пышна, но отменена будучи садом с деревьями, приятнее золотых карнизов, в жаркое время дня. Он и жена его – любезные хозяева. Накормили нас очень хорошо... Ездили потом к Рубану, отставному Действительному статскому советнику и человеку пожилому, с ним жена и внучик. Когда я служил в гвардии, он был советником в Петербургском банке. Мы вспоминали с ним красоты того века и тогдашней жизни. Посетили Клиц ... (греческого купца – Г.С.).

В будние дни здесь никакого собрания не бывает; но для нас генерал Поль пригласил многих жителей города в Безбородкин сад [“Но чего

лучше для прогулки Безбородкин сад? Он всякое воскресенье открыт для публики”]. Там услышали мы полковую музыку, увидели многих офицеров, и сделалось изрядное собрание. Это привлекло многих простолюдинов; на широкой площадке под тенью (или тени уже не надобно было в вечер тихий и прекрасный), скажем лучше, под крышкой больших дерев, открылся бал. Все мы, старые и малые, пустились танцевать. Мазурка, попури и прочие танцы заняли молодежь до сумерек, и мы не разъехались, а разошлись пешком, при лунном сиянии.

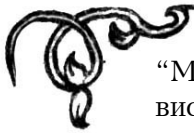
Некто полковник Краснокутской, женившийся недавно на пригожей девушке Ширковой, родственник моего зятя, пригласил нас всех к себе на чашку чаю: мы все пошли к нему маршем; он имел квартиру близко сада. Музыка следовала за нами, офицеры так же, и у него продолжался бал почти до полуночи. Он живет очень хорошо. Покои пространные, вишен и конфект нашли у него множество, и тут прекраснейшим образом кончили день, которой столько был весел. Сколько того желать позволено в Нежине. Но сии забавы не принадлежали городу: мы ими в полной мере обязаны были ласковости генеральши Поль, которая около себя умела собрать круг лучших людей в городе” [15].

Таким же, наполненным на различные события, был и следующий день, который так же подробно описывает князь И.М.Долгорукий. Познакомившись с некоторыми гостеприимными нежинцами, возвратимся к гоголевской четвертой главе, посвященной обеду у предводителя П***.

Кто скрывался под усеченной буквой П? Это мог быть Яков Семенович Прокопович, отец друга Гоголя Николая. Бывший военный, управляющий заставой пограничников, таможенник, коллежский советник 49-летний Я.С.Прокопович, выйдя в отставку, вместе с двумя сыновьями в 1820 году переехал в город Нежин на постоянное место жительства. Вскоре он был избран уездным предводителем дворянства. В 1822 г. он поместил своих сыновей Николая и Василия в Гимназию высших наук вольными пансионерами, то есть они содержались в пансионе гимназии за счет родителя, а Гоголь содержался за счет гимназии. Несмотря на то, что Гоголь был на два года старше, он очень подружился с Николаем Прокоповичем, о чем шла речь раньше.

В связи с тем, что отец Н. Прокоповича жил в Нежине, то Гоголь вместе с Николаем мог бывать в их доме и наблюдать за одним из обедов у предводителя дворянства Якова Семеновича.

Гоголь был мастером описания завтраков, обедов, балов, о чем свидетельствуют их описания в произведениях последующих лет. Чтобы подкрепить нашу мысль, приведем здесь несколько отрывков из

“Мертвых душ”: “...В продолжение того времени, как гости резались в вист, появилась на столе белуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свежепросольная, селедки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки, – это все было со стороны рыбьего ряда. Потом появились прибавления с хозяйской стороны, изделия кухни: пирог с головизною, куда вошли хрящ и щеки девятипудового осетра, другой пирог с груздями, пряженцы, масляницы, взваренцы... Заметив, что закуска была готова, полицмейстер предложил гостям окончить вист после завтрака, и все пошли в ту комнату, откуда несшийся запах давно начинал приятным образом щекотать ноздри гостей и куда уже Собакевич давно заглядывал в дверь, наметив издали осетра, лежавшего в стороне на большом блюде. Гости, выпивши по рюмке темного оливкового цвета, какой бывает только на сибирских праздничных камнях, из которых режут на Руси печати, приступили со всех сторон с вилками к столу и стали обнаруживать, как говорится, каждый свой характер и склонности, налегая кто на икру, кто на семгу, кто на сыр” [Т. 5, с. 143].

А вот отрывок из невошедшей в основной текст поэмы главы “Обед у полковника Кошкарева”: “Ротозей Емельян и вор Антошка явились с салфетками, накрыли стол, поставили поднос с шестью графинами разноцветных настоек. Скоро вокруг подносов и графинов обстановка ожерелье тарелок со всякой подстрекающей снедью. Слуги поворачивались расторопно, беспрестанно принося что-то в закрытых тарелках, сквозь которые слышно было ворчавшее масло.

Закуске последовал обед. Здесь добродушный хозяин сделался совершенным разбойником. Чуть замечал у кого один кусок, подкладывал ему тут же другой, приговаривая: “Без пары ни человек, ни птица не могут жить на свете”. У кого два – подваливал ему третий, приговаривая: “Что ж за число два? Бог любит троицу”. Съедал гость три – он ему: “Где ж бывает телега на трех колесах? Кто ж строит избу о трех углах?” На четыре у него была тоже поговорка, на пять – опять. Чичиков съел чего-то чуть ли не двенадцать ломтей и думал: “Ну, теперь ничего не приберет больше хозяин”. Не тут-то было: не говоря ни слова, положил ему на тарелку хребтовую часть тельца, жаренного на вертеле, с почками, да и какого тельца!

- Два года воспитывал на молоке, – сказал хозяин, – ухаживая как за сыном!

- Не могу, – сказал Чичиков.

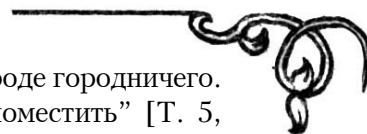
- Вы попробуйте да потом скажите: не могу!

- Не взойдет, нет места.

- Да ведь и в церкви не было места, взошел городничий – нашлось.

А была такая давка, что и яблоку негде было упасть. Вы только попробуйте: этот кусок тот же городничий.

Попробовал Чичиков – действительно, кусок был вроде городничего. Нашлось ему место, а казалось, ничего нельзя было поместить” [Т. 5, с. 408].

По этим отрывкам читатель, вошедший во вкус гоголевских описаний закусок, может себе представить обед у нежинского предводителя П***. Гоголь при этом ярко и колоритно воспроизводил тех, кто так насыщался за таким богатым, таким разнообразным обедом.

Последняя, пятая глава повести “**Роспуск и съезд студентов**” посвящена периоду летних каникул гимназистов, которые начинались обычно после последнего экзамена летней сессии в конце июня и длились целый месяц. 1 августа в Гимназии начинались занятия нового учебного года.

Какими же были роспуск и съезд студентов в год, когда предположительно была написана повесть 1824 год. 1 июня в Гимназию прибыл почетный попечитель граф. А.Г.Кушелев-Безбородко. Незадолго до каникул 13 июня Гоголь сообщал родителям, что господа Баранов и Данилевский вместе с ним с нетерпением ожидают отъезда домой. “Я вам писал о приятном путешествии, которое мы скоро предпримем; о радостном нашем свидании; о удовольствиях, которые я буду внушать. Разве это такой мелочный предмет, который должно оставить без внимания? Верьте, любезные родители! Что вся так сказать жизнь моя основана на этом. Сие блаженное время я почитаю центром моих желаний, источником моих удовольствий. – И так, надеюсь, вы ускорите письмом вашим. Но правда теперь уже его не нужно, я и позабыл, что ныне 13 июня и что чрез 10 дней вы пришлите за мною (каникулы будут 20 июня). Но так как еще мне надо сделать платье, то мы не ранее 23 выедем отсюда; как бы я желал скорее... Ежели вы будете присылать за нами, то пожалуйста пришлите нашу желтую коляску с решетками и шестеркою лошадей. Не забудьте коляску с зонтиком, в случае дождя чтоб нам спокойно было ехать, не боясь быть промоченными”. Гоголь также просит прислать книги из Кибинец “на дорогу для разогнания скуки долго оставаться на постоялых дворах”.

Завершается это письмо лирическим размышлением о Родине, родной земле, тихой речке Псел. Но в это предканикулярное время Гоголя и его друзей ожидало важное событие, которое происходило в Гимназии. 22 июня 1824 года была освящена гимназическая Свято-Александровская церковь. До этого гимназисты ходили на молебен в Свято-Преображенскую церковь.

На церемонии, кроме профессоров и учащихся, присутствовали военные, гражданские чиновники Нежина, родители гимназистов, помещики окрестных сел. После освящения церкви и всех помещений Гимназии, в котором приняло участие духовенство всех церквей Нежина

во главе с архимандритом Евгением, почетный попечитель Гимназии А.Г.Кушелев-Безбородко для гостей устроил торжественный завтрак, а в четыре часа по полудни – обед. “В вечеру был дан великолепный бал, который продолжался до двух часов с полночи” [16]. Это важное событие было зафиксировано в журнале конференции. Священник А.Ф.Хойнацкий в своем очерке “Институтская Свято-Александровская церковь в г.Нежине” (1877) называет Н.Гоголя, а также всех пансионеров второго отделения, где он учился, которые присутствовали на этом торжестве.

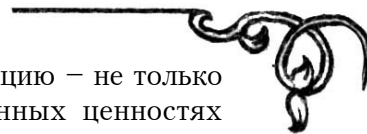
Гимназическая Свято-Александровская церковь

Гоголь, воспроизведя это торжественное событие, не мог не заметить и забавные случаи, какие-то конкретные ситуации, которые он затем воспроизвел с юмором в своей повести.

23 июня 1824 года Гоголь вместе со своими друзьями Петром Барановым и Александром Данилевским выехали домой на каникулы.

Возвращение с каникул ничем особым для Гоголя в этот год не ознаменовалось.

Приведенные выше факты дают возможность предположить, что в повести “Нечто о Нежине...” Н.Гоголь использует кольцевую композицию: он начинает своё повествование и заканчивает его рассказом об освящении церквей – Святой Елены и Константина на Греческом кладбище и Свято-Александровской в Гимназии высших наук. И несмотря на юмористическую окраску описываемых событий в самой

повести, начало и её конец определяют авторскую позицию – не только смеяться над пошлостью, но и помнить о возвышенных ценностях человеческого бытия.

Не претендуя на окончательный вариант раскрытия социально-бытовой основы произведения Н.Гоголя, надеемся на то, что появятся новые факты, которые помогут окунуться в мир гоголевских героев повести и их жизненных ситуаций.

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ Н.ГОГОЛЯ

Из произведений, написанных в Нежине, не всё было обнародовано Гоголем в гимназии. После её окончания он увез в С.-Петербург несколько своих произведений: стихотворную трагедию “Разбойники”, эпическую поэму “Россия под игом татар”, а также романтическую поэму “Ганц Кюхельгартен” и несколько стихотворений.

В 1829 г. в журнале “Сын Отечества” (№12) Гоголь опубликовал без подписи автора стихотворение “Италия”. Он, вообще, часто старался не раскрывать свое авторство. Так как это стихотворение почти недоступно читателю, подаем его полностью.

Италия

Италия – роскошная страна!
По ней душа и стонет и тоскует;
Она вся рай, вся радости полна,
И в ней любовь роскошная веснует.
Бежит, шумит задумчиво волна
И берега чудесные целует;
В ней небеса прекрасные блестят;
Лимон горит, и веет аромат.

И всю страну объемлет вдохновенье;
На всем печать протекшего лежит;
И путник зреть великое творенье,
Сам пламенный, из снежных стран спешит,
Душа кипит, и весь он – умиление,
В очах слеза невольная дрожит;
Он погружен в мечтательную думу,
Внимает дел давно минувших шуму.

Самойленко Г.В.

Здесь низок мир холодной суеты,
Здесь гордый ум с природы глаз не сводит;
И радужной в сияньи красоты
И ярче, и ясней по небу солнце ходит.
И чудный шум, и чудные мечты
Здесь море вдруг спокойнее наводит;
В нем облаков мелькает резвый ход,
Зеленый лес и синий неба свод.

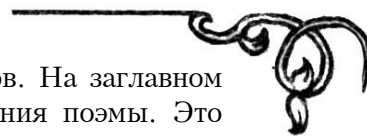
А ночь, а ночь вся вдохновеньем дышет.
Как спит земля, красой упоена!
И страстно мирт над ней главой колышет.
Среди небес, в сиянии луна
Глядит на мир, задумалась и слышит,
Как под веслом проговорит волна;
Как через сад октавы пронесутся,
Пленительно вдали звучат и льются.

Земля любви и море чарований!
Блистательный мирской пустыни сад!
Тот сад, где в облаке мечтаний
Еще живут Рафаэль и Ториват!
Узрю ль тебя я, полный ожиданий?
Душа в лучах, и думы говорят,
Меня влечет и жжет твое дыханье,
Я – в небесах весь звук и трепетанье!..

Эти стихи были опубликованы в марте 1829 года, т. е. через три месяца после того, как Гоголь появился в Петербурге. П.Кулиш считает, что это стихотворение было не самостоятельным произведением, а отрывком из поэмы “Ганц Кюхельgarten”, предложенное издателю, “чтобы узнать, удостоится ли его стихи печати” [17]. С этой точкой зрения соглашается А.Коялович, замечая: “Очень может быть, что в первоначальный план поэмы входила и картина Италии, которая при издании поэмы была выброшена, потому ли, что она уже была напечатана раньше, или потому, что Гоголь не хотел дать повода отождествлять автора поэмы с автором стихотворения “Италия” [18]. По логике размышлений всё это так, но поэма “Ганц Кюхельgarten” и “Италия” написаны разным стихотворным размером.

В мае 1829 года Гоголь подал в цензуру свою поэму “Ганц Кюхельgarten” и получил разрешение на ее публикацию. Произведение

появилось отдельной книжкой под псевдонимом В.Алов. На заглавном листке была обозначена цифра 1827 год, год написания поэмы. Это был последний год учебы Гоголя в гимназии, пора “восемнадцатилетней юности”. Об истинном авторе знал только Н.Я.Прокопович, его земляк и соученик по гимназии, с которым он был в дружеских отношениях и жил вместе на одной квартире. Поэма была издана на собственные деньги Гоголя. По экземпляру он разослал инкогнито известным критикам: П.А.Плетневу, М.П.Погодину, О.М.Сомову и другим. Молодой поэт с нетерпением ждал, как решится его судьба, что скажут о его творении в печати. “Ожидания его не оправдались. Знакомые молчали или отзывались о “Ганце” равнодушно, а между тем Н.Полевой прихлопнул ее в своем журнале насмешкою, от которой сердце юноши-поэта сжалось болезненною скорбью. Он бросился со своим верным слугой Якимом по книжным лавкам, отобрал у книгопродавцев экземпляры, нанял номер в гостинице и сжег все до одного” [19].

Неизвестно, знал ли Гоголь об отзыве О.Сомова. Очевидно, нет, так как эта оценка появилась в альманахе “Северные цветы” в 1830 г. Критик был более доброжелателен к начинающему поэту. Орест Сомов в статье “Обозрение российской словесности за первую половину 1829 года” указал, что “в сочинителе виден талант, обещающий в нем будущего поэта”, но еще видна незрелость слога автора и рекомендовал не спешить печатать свои произведения, в этом случае “надежды доброжелательной критики не будут обмануты”.

Что собой представляет поэма, созданная в Нежине? На этот вопрос пытались ответить литературоведы. Поэма и все, что связано с нею, были в центре внимания как дореволюционных, так и советских исследователей творчества Н.Гоголя [20]. С.Машинский в своей книге “Гоголь и “дело о вольнодумстве” подчеркивал, что “содержание и смысл “Ганца Кюхельгартена” могут быть поняты лишь в соответствии с той атмосферой умственной жизни, которая окружала Гоголя в последние годы его пребывания в Нежине. В этой поэме нетрудно увидеть отражение раздумий молодого Гоголя о жизни, о назначении человека” [21]. И это действительно так. Без знания подробностей жизни Гоголя нежинского периода, без изучения его переписки этого времени, воспоминаний соучеников писателя нельзя выявить и всей сущности идейного содержания произведения.

Д.Иофанов, сопоставляя письма Гоголя 1827 года к Г.И.Высоцкому и П.П.Косяровскому с текстом “Ганца Кюхельгартена”, обнаружил любопытные совпадения мыслей писателя и его героя.

“Как тяжело быть зарыту вместе с созданиями низкой неизвестности в безмолвии мертвом”, – писал Гоголь Г.И.Высоцкому в июне 1827 года. Эта же мысль в поэме звучит так:

Все решено. Теперь ужели
Мне здесь душою погибать?
И не узнать иной мне цели?
И цели лучшей не сыскать?
Себя обречь бесславью в жертву?
При жизни быть для миру мертву? [Т. 7, с. 227].

А вот отрывок из письма дяде П.П.Косяровскому (октябрь 1827 г.). “Погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом, – быть в мире и не означить своего существования – это было бы для меня ужасно”. Эти слова как бы повторяет Ганц:

Душой ли, к счастью не остывшей,
Волненья мира не испить?
И в нем прекрасного не встретить?
Существованья не отметить?

Для того, чтобы глубже понять и автора поэмы, и центрального ее героя, напомним еще один отрывок из письма дяде от 3 октября 1827 года: “В эти годы, эти долговременные думы мои я затаил в себе. Недоверчивый ни к кому, скрытный, я никому не говорил своих тайных помышлений, не делал ничего, что бы могло выявить глубь души моей. – Да и кому бы я поверил и для чего бы высказал себя, не для того ли, чтобы смеялись над моим сумасбродством, чтобы считали пылким мечтателем... Никому, и даже из своих товарищей, я не открывался,

хотя между ними было много истинно достойных” [Т. 7, с. 48–49]. Это письмо объясняет и причину того, почему никто из товарищей Н.Гоголя не знал о существовании поэмы, и характер центрального героя, его основную черту – грусть.

И дореволюционные, и советские исследователи указывают на то, что толчком для создания поэмы “Ганц Кюхельgarten” была лирическая идиллия немецкого поэта Иоганна-Фридриха Фосса “Луиза” в переводе П.Теряева, с которой Гоголь познакомился в гимназии. И все же это утверждение требует дополнительных уточнений. Сходство некоторых деталей в “Луизе” и “Ганце Кюхельgartене” дает основание думать только о некотором влиянии Фосса. В это время Гоголь находился под сильным воздействием Пушкина, его романтических поэм и появившихся глав “Евгения Онегина”. Поэтому в “Ганце Кюхельgartене” ощущаешь в некоторых местах пушкинские особенности ритмики:

Живого юности стремленья
Так испестрялися мечты
Порой небесного черты,
Души прекрасной впечатленья
На нем лежали; но чего
В волненьях сердца своего

Самойленко Г.В.

Искал он думою неясной,
Чего желал, чего хотел,
К чему так пламенно летел
Душой и жадною, и страстной,
Как будто мир желал обнять, –
Того и сам не мог понять [Т. 1, с. 220].

Но вместе с тем нельзя не заметить в “Ганце Кюхельгартене” своеобразного самовыражения Гоголя, определенного его эстетической и гражданской позицией данного времени. Внутренний порыв юного Гоголя был направлен на познание мира, активное приобщение к тому далекому и невиданному, что еще так неясно виднелось впереди.

О чем поэма? О грезах юного Ганца, стремившегося вырваться из неудовлетворявшей его действительности. Юноша познал любовь прекрасной Луизы; все, казалось, располагало к их счастливой личной жизни. Но душа Ганца имела более широкие запросы, а мысли намного свободнее, чем у окружающих его людей. Ганц хочет познать манящий мир, дразнящий его воображение. И он решает оставить свою возлюбленную и отправиться в путь искать “земли роскошные края”. Гоголь подчеркивал, что этот надуманный мир возникает в воображении Ганца как результат прочитанных книг. Этот мир раскрывается перед Луизой, когда она попадает в кабинет Ганца:

Вот входит в комнату она;
Но в ней все пусто. В стороне
Лежит, в густой пыли, том давний,
Платон и Шиллер своенравный,
Петрарка, Тик, Аристофан
Да позабытый Винкельман [Т. 1, с. 232].

И сновиденье, и посещение кабинета – все это напоминает детали, связанные с пушкинской Татьяной. Но и только. Ход дальнейшего развития событий в поэме Гоголя несколько иной.

Ганц, наконец, встречается с тем, о чем мечтал. Это была далекая Греция.

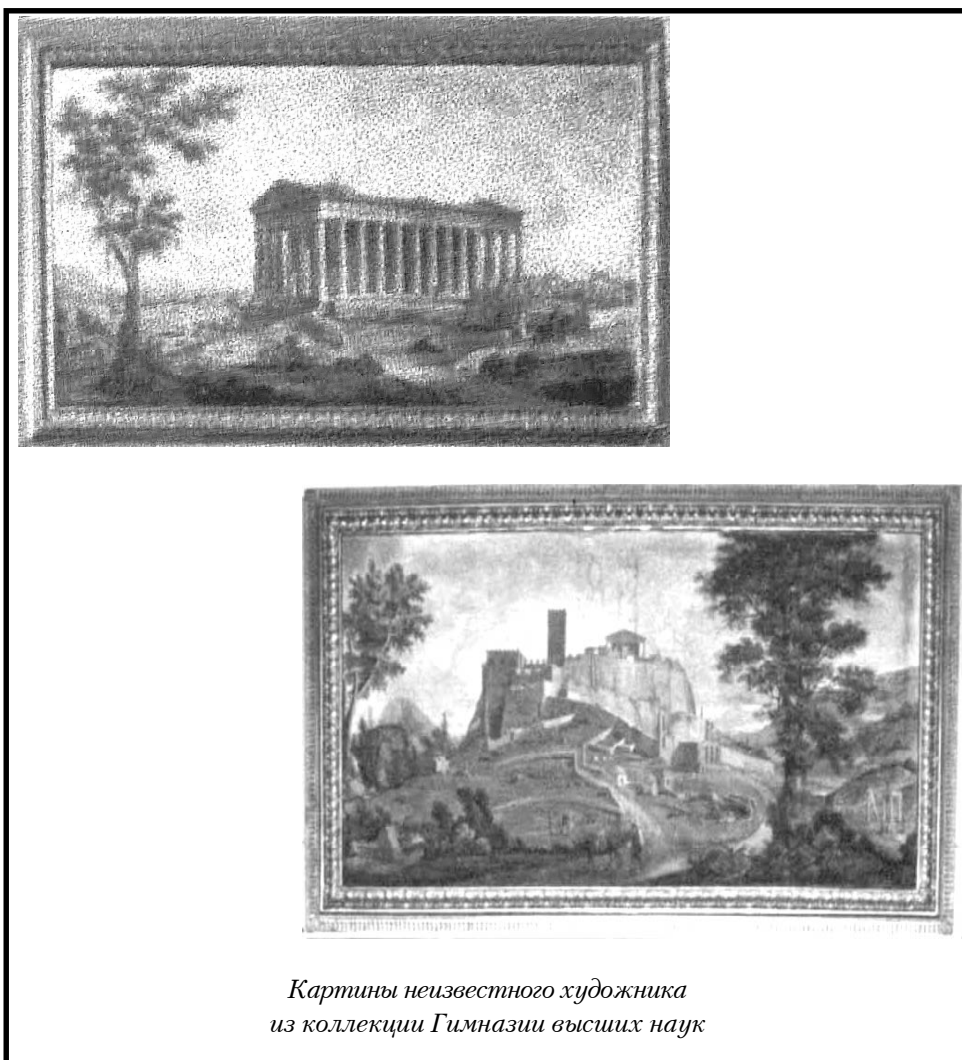
Печальны древности Афин.
Колонн, статуй ряд обветшалый
Среди глухих стоит равнин.
Печален след веков усталых:
Изящный памятник разбит,
Изломлен немощный гранит,
Одни обломки уцелели.
Еще доньне величав,
Чернеет дряхлый архитрав,

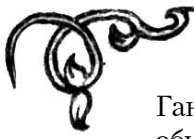

И вьется плющ по капители;
Упал расщепленный карниз
В давно заглохшие окопы.
Еще блестит сей дивный фриз,
Сии рельефные метопы [Т. 1, с. 236].

Это описание развалин древних Афин во многом напоминает изображение, воспроизведенное на картинках, которые появились еще при Гоголе в гимназии и сейчас находятся в музее его имени в Нежине. Гоголю они помогали воочию представить то, о чем он мог читать в книгах.

*Картины неизвестного художника
из коллекции Гимназии высших наук*

Самойленко Г.В.

Возникает вопрос, почему именно в Грецию направил свои стопы Ганц? Ответить на него помогут факты биографии Гоголя в период обучения его в Гимназии высших наук. От своего товарища К.Базили Гоголь узнал о той борьбе, которую вел греческий народ с турками за свободу своей родины. Отец К.Базили был приговорен к смертной казни, и только случайность помогла ему спастись. Можно предполагать, что и своего героя Гоголь направил в Грецию, чтобы он примкнул к борьбе и тем самым реализовал свои претензии и мечту к свободе. Однако там уже все было кончено. Турки покорили некогда вольный край.

Печальны древности Афин.
Туманен ряд былых картин.
Облокотясь на мрамор хладный,
Напрасно путник алчет жадный
В душе бывшее воскресить,
Напрасно силится развить
Протекших дел истлевший свиток, —
Ничтожен труд бессильных попыток;
Везде читает смутный взор
И разрушение и позор.
Промеж колонн чалма мелькает,
И мусульманин по стенам,
По сим обломкам, камням, рвам,
Коня свирепо напирает,
Останки с воплем разоряет [Т. 1, с. 237].

Ганц разочарован, опечален:
Ему и горестно и жаль,
Зачем он путь сюда направил.
Не для истлевших ли могил
Кров безмятежный свой оставил,
Покой свой тихий позабыл? [Там же].

Не такой герой представлял в своем романтическом воображении страну, в которую стремился. Деталь – мусульманин в чалме, который “с воплем разоряет” останки великой цивилизации, свидетельствует, что наш герой находится не в какой-то выдуманной, а реальной стране, в Греции, за свободу которой воевал Байрон, в которую стремились попасть многие русские, в том числе и Пушкин.

Ганц возвращается в родной дом, окунается в тот мир, который ранее не принимал. В XVII картине Гоголь дает ему подробную характеристику:

Как гробы, холодны они;
Как тварь, презреннейшая, низки;
Корысть и почести одни
Им лишь и дороги и близки.
Они позорят дивный дар:

И попирают вдохновенье,
И презирают откровенье;
Их холоден притворный жар,
И губительно их пробужденье.
О, кто б нетрепетно проник
В их усыпительный язык!
Как ядовито их дыханье!
Как ложно сердца трепетанье!
Как их коварна голова!
Как пустозвучны их слова! [Т. 1, с. 241].

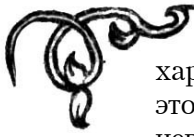
Здесь же Гоголь помещает “Думу”, лирическое отступление автора, в котором он выражает свое отношение к предназначению человека:

Благословен тот дивный миг,
Когда в поре самопознания,
В поре могучих сил своих
Тот, небом избранный, постиг
Цель высшую существованья;
Когда не грез пустая тень,
Когда не славы блеск мишурный
Его тревожат ночь и день,
Его влекут в мир шумный, бурный,
Но мысль, и крепче и бодря,
Его одна объемлет, мучит
Желаньем блага и добра;
Его трудам великим учит.
Для них он жизни не щадит.
Вотще безумно чернь кричит:
Он тверд средь сих живых обломков.
И только слышит, как шумит
Благословение потомков [Т. 1, с. 242].

В этих словах проявляются позиция Гоголя последних лет пребывания в Нежинской гимназии, его благородные порывы и высокие представления о назначении человека, о честном служении общественному благу и добру, непоколебимая твердость и решимость преодолеть все трудности и превратности судьбы. Гоголь, мечтая о будущем, боялся разочарований при соприкосновении с жизнью. И тревожное предчувствие оправдалось. На первых порах самостоятельной жизни Гоголь ощутил то же самое, что и Ганц.

Детали нежинской жизни Гоголя дали возможность несколько по-иному прочитать поэму, чем это сделали первые ее критики.

Как видим, раннее творчество Н.Гоголя развивалось в тесной взаимосвязи с теми основными процессами учебной и внеаудиторной работы, которые проходили в Нежинской гимназии высших наук. Внешнее влияние на творчество гимназистов носило индивидуальный

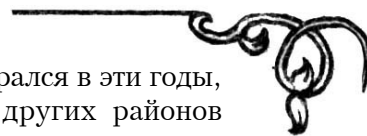
характер, ибо каждый выбирал для себя объект увлечения. И все же это была уже эпоха Пушкина, время романтизма, поэтому гимназисты невольно находились под влиянием великого поэта непосредственно и опосредованно. Собранный в книге материал дает возможность утверждать, что в Нежинской гимназии определились общие тенденции.

Первые литературные опыты свидетельствуют о хорошей теоретической подготовке воспитанников гимназии, настойчивых попытках овладеть мастерством. Правда, в ранних литературных опытах было немало и подражательного, носившего ученический характер. Однако они способствовали овладению стихотворной техникой.

Эстетические взгляды гимназистов складывались в соответствии с сформировавшимися принципами нежинской школы. Классицистическая поэтика уже не устраивала молодых литераторов, они ее использовали только в отдельных случаях. Их больше привлекали те принципы, которые характерны были для романтических произведений, и они охотнее к ним прибегали. Романтические приемы обнаруживаются во многих стихотворениях, поэмах, балладах, созданных в стенах гимназии. Юные литераторы обычно начинали свой творческий путь как поэты-романтики (некоторые ими так и остались до конца жизни).

Общность у нежинских начинающих писателей обнаруживается не только в использовании одинаковых жанров, характерных для романтизма, но и тем. У большинства из них есть произведения на историческую тему, особенно популярными были жанры исторической элегии и баллады. Многие герои этих произведений взяты из украинской истории. Интерес к ярким страницам прошлого украинского народа, характерный для некоторых представителей русской романтической литературы, был свойственен всем нежинским литераторам. Интерес к украинской истории надолго останется у Н.Гоголя, В.Любича-Романовича, Е.Гребенки и др.

Единство жанров и тем в творчестве молодых писателей как в период их пребывания в гимназии, так и после ее окончания, эстетических взглядов дает право ставить вопрос о существовании литературной школы, основанной на принципах романтизма. Литературовед П.В.Михед уточняет: не романтизма, а барокко [22]. Не отрицая этого, всё же подчеркнем, что это был лишь начальный период творчества юных сочинителей, поэтому в их произведениях отмечены черты и иных, зарождающихся в то время литературных поисков. Но более глубокий подход к изучению раннего творчества литераторов, связанных с нежинской гимназией, выявляет новые грани этого самобытного явления, нити которого ведут к “натуральной школе”. Многие факты подтверждают, что именно в стенах гимназии зарождались тенденции, связанные с эстетическими принципами “натуральной школы”. Прежде всего, это интерес литераторов к быту, нравам простого народа. Этому

содействовал как фольклорный материал, который собирался в эти годы, так и изучение условий жизни жителей Магерок и других районов Нежина, крестьян, которые приезжали на ярмарки.

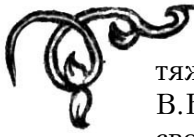
Воспоминания современников подтверждают, что Н.Гоголь часто вступал в беседы с крестьянами на базаре. Фольклор, который использовался в произведениях Н.Гоголя и других литераторов, несет несколько иную нагрузку, чем, скажем, у романтиков. Авторов больше интересуют народные характеры. Пьесы Н.Гоголя, созданные в гимназии, и повести, написанные после ее окончания, посвящены жизни простого народа. Более того, писатель создает яркие сатирические зарисовки (вспомним его барона фон Фонтика, Канчотиху, Афендулю, архонта Бафу, “мятежных сенаторов”, Ксению Федоровну “Чцюцюшку” и др.). Внимание к простому народу, его быту и нравам, обличение пошлости обывателей и существователей, изображение жизни низших слоев общества дало право Н.Гоголю стать во главе “натуральной школы”. Все эти тенденции находим в произведениях Н.Гоголя еще гимназической поры.

Рядом с Н.Гоголем у истоков “натуральной школы” стоял Е.Гребенка. Герои его повестей и романов заняли прочное место в ряду других персонажей произведений “натуральной школы”. И здесь не следует забывать и о баснях Е.Гребенки, проникнутых демократическим духом и отвечающих общей тональности проблематики “натуральной школы”.

Интерес к жизни простолюдинов замечен у Н.Прокоповича, Н.Кукольника, Н.Билевича. Н.Гоголь в юношеской прозе Н.Прокоповича отмечал умение автора “живописать жизнь”. Интересует его судьба простых, обездоленных людей и позже (бездомный сиротка Федька, старик, девушка-служанка и т. д.).

Социальные аспекты проглядываются и в очерках 1832 г. “Картинная галерея светской жизни, или Нравы XIX столетия” Н.Билевича. В них даны сатирические зарисовки обывателей, которых он встречал в Нежине. Образы простых людей представлены в книге “Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки”. Произведения хорошо были встречены В.Белинским, Н.Надеждиным и другими критиками. “Простонародные рассказы” Н.Билевича также примыкают к “натуральной школе”, в которых автор обращался к быту и творчеству народа. Повесть “Петр Иванович Короткоумкин” раскрывает специфику творческой манеры Н.Билевича – умелое использование повседневных мелочей провинциального быта для создания характеров героев произведения. Хотя автор и выступает сторонником патриархальных идеалов, но сочувственное отношение его к простым людям ставит его повести в ряд с произведениями “натуральной школы”.

В связи с рассматриваемым нами вопросом вспоминаются и повести Н.Кукольника “Сержант Иван Иванович, или Все за одно”, “Максим Созонтович Березовский” и др. Автор затрагивал отдельные стороны

тяжелой жизни крепостных, произвола помещиков, что дало повод В.Белинскому сказать в 1847 г., что Н.Кукольник "...одною стороною своего таланта примкнулся к так называемой натуральной школе..." [23]. Не будем забывать, что Н.Кукольник именно в гимназии придерживался демократических взглядов, и это, очевидно, затем нашло свой отпечаток и в творчестве. Принципы "натуральной школы" будут усвоены и А.Афанасьевым-Чужбинским, поэтом, который начинал свой творческий путь в Гимназии.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что тенденции "натуральной школы" зарождаются в творчестве нежинских литераторов еще в ранний период и получают дальнейшее развитие в последующие годы. И в этом особая ценность нежинской литературной школы как самобытного явления.

Несмотря на то, что формирование литературных вкусов, мировоззрения представителей нежинской школы происходило в условиях традиций русской и западноевропейской культур, многие из них ощутили на себе существенное влияние украинского языка, на котором они общались в повседневной жизни, "Енеїди" И.Котляревского и некоторых других произведений печатной литературы, которые начали в то время публиковаться в альманахах и журналах, а также рукописных текстов (летописи, произведения отца Гоголя), устного поэтического творчества украинского народа. Все это нашло затем яркое отражение в творчестве Н.Гоголя, Е.Гребенки, Н.Билевича, В.Любича-Романовича, П.Лукашевича и др.

По-разному сложилась жизненная и творческая судьба выпускников Нежинской высшей школы, неодинаков их вклад в развитие русской и украинской литератур. Однако сейчас уже никто не может отрицать существования нежинской литературной школы. Для большинства ее представителей был характерен демократический подход к изображению действительности, опора на традиции устного народного творчества, связь с романтизмом, реализмом. То, что было характерным для творческой жизни гимназии, нашло затем отражение в практической деятельности выпускников. Многие из них в художественной форме воссоздали дух гимназии, запечатлели черты воспитателей, гимназистов в образах своих произведений.

То, что заложила в них Нежинская высшая школа в своих стенах, получило развитие на более высокой ступени их жизни. Без творчества, без литературы они уже не смогли существовать. Искры таланта засверкали, а дальше все уже зависело от самого писателя этой школы, смог ли он раздуть их ярче, или они погасли сразу. Творчество многих литераторов свидетельствовало и о том, что именно Нежинская высшая школа определила их творческое лицо. Нежинцы заняли в литературе заметное место.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД УЧЁБЫ Н.ГОГОЛЯ В ГИМНАЗИИ.

“ДЕЛО О ВОЛЬНОДУМСТВЕ”

1827/28 учебный год для Н.Гоголя был связан с окончанием Гимназии высших наук, определением своего места в дальнейшей жизни и скандальным “делом о вольнодумстве”.

В предыдущих главах мы уже отмечали, что в Гимназии трудились разные преподаватели, с неоднозначным видением своей роли в обучении и воспитании гимназистов, с противоположными мировоззренческими устремлениями, поэтому в Гимназии и определилось как бы две группы преподавателей.

Еще при И.С.Орлае между прогрессивно мыслящими преподавателями (К.В.Шапалинский, И.Я.Ландражин, Ф.И.Зингер, И.Г.Белоусов, С.М.Андрушенко, Н.Ф.Соловьев) и реакционно настроенными начались столкновения. Особенно обострились они, когда инспектор проф. И.Г.Белоусов после экзаменов заявил о слабом знании гимназистами юридических наук, которые читал старший профессор политических наук М.В.Билевич, человек невежественный, бездарный, но на многое претендующий. Он-то после случившегося и возглавил открытую борьбу против И.Г.Белоусова и К.В.Шапалинского. В ход

пошли доносы, клевета. К Билевичу присоединились профессор истории К.А.Моисеев, профессор словесности П.И.Никольский, законоучитель П.И.Волынский и некоторые другие.

После ухода из гимназии И.С.Орлая (его перевели в Одессу в Ришельевский лицей) должность директора исполнял сначала старший профессор М.В.Билевич, но после приезда в Гимназию почетного попечителя А.Г.Кушелева-Безбородко эту должность поручили исполнять проф. К.В.Шапалинскому. Однако М.В.Билевич не согласился с этим и направил прошение в Министерство, чтобы его утвердили директором, но начальство отклонило это предложение. Злоба, месть, самолюбие овладели М.В.Билевичем, К.А.Моисеевым, П.И.Никольским. В Петербург, Харьков полетели доносы.

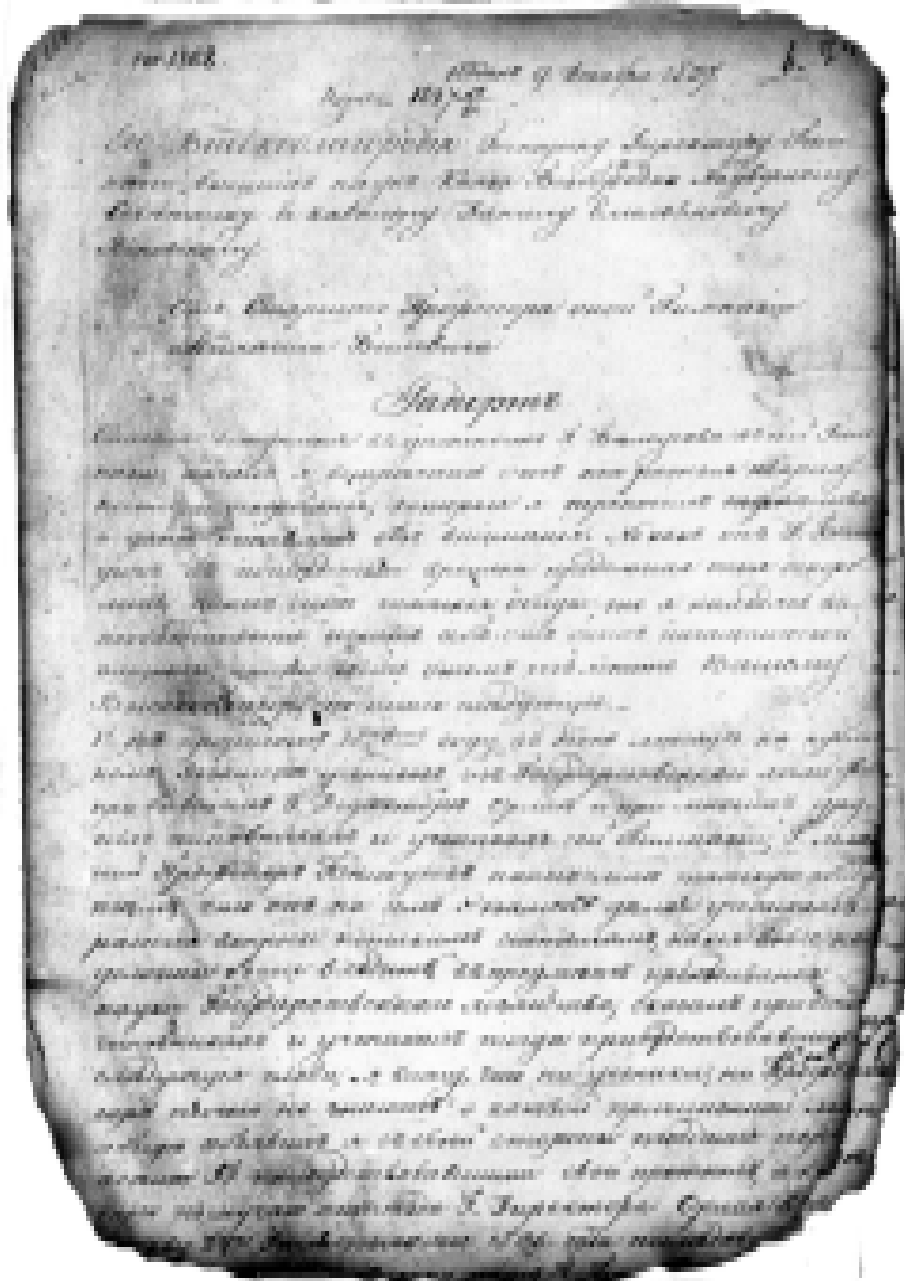
Во время предварительного анализа конспектов студентов и лекций Н.Белюсова и других профессоров этой группы выяснилось, что некоторые из них пользовались не утвержденными учебниками и книгами, а студенты читали запрещённые произведения. Среди гимназистов распространялись стихи, направленные против царской фамилии:

О боже, коль ты еси,
Всех царей с грязью меси,
Мишу, Машу, Колю и Сашу
На кол посади.

Известный исследователь творчества Н.Гоголя С.Машинский, разбирая бумаги, связанные с “делом о вольнодумстве”, натолкнулся на стихотворение, которое подписано “Кондратий Рылеев”, но на самом деле не принадлежащее поэту. Это была подделка “под Рылеева”. Вот этот текст:

Друзья мои, друзья свободы,
За что, за что от первых дней
Мы стонем под ярмом цепей,
Не слышим голоса природы.
За что России гражданин
Подавлен рабством безрассудным?
Он мученик: неволи сын –
Он презрен небом правосудным.
Чего ж нам ждать еще, друзья,
Чего же медлить, быстры годы,
Давно, давно душа моя
Пылает пламенем свободы.
Идем бесстрашною толпой
На зов полуслепого счастья,
Расторгнем сильною рукой
Гнилые узы самовластья.

Рапорт М.Билевича директору Д.Ясновскому. 1827 г.

Гимназист Е.Филипченко во время допроса по “делу о вольнодумстве” рассказывал следователю из Петербурга Адеркасу о том, что однажды ему показали стихотворение “в вольном духе”, сочиненное якобы Рылеевым. Но, как оказалось, оно было написано А.Данилевским, Н.Прокоповичем и П.Мартосом. Являются ли авторами процитированного стихотворения указанные выше гимназисты, сказать трудно. Но факт остается фактом. Свободолюбивая мысль волновала прогрессивно настроенных студентов.

А.Данилевский и П.Мартос за чтение недозволенных книг были исключены из гимназии. Это хотели сделать и с Н.Прокоповичем, но влиятельный отец, нежинский предводитель дворянства, очевидно, не допустил этого. 17 января 1827 г. Н.Гоголь писал Г.Высоцкому: “Данилевский тоже выбыл. Не знаю, куда понесет его. Здесь он весьма худо себя вел” [Т. 7, с. 35]. А в письме от 26 июня Н.Гоголь указанному адресату сообщал: “Данилевский находится теперь в Москве – не могу наверно сказать где, но кажется, в пансионе” [Т. 7, с. 44]. Родителям А.Данилевского удалось все же добиться восстановления сына в гимназию, которую он и закончил в июне 1828 г. П.Мартос пошел служить в армию, так и не окончив гимназии. 1827 год – это год сплошных разбирательств и неприятных во всех отношениях разговоров, обвинений, в которые были втянуты преподаватели и студенты.

В октябре 1827 г. в гимназию приехал новый директор Данило Емельянович Ясновский (1769–1840). И.Г.Кулжинский вспоминал: “Более двадцати лет жил он в отставке (после службы у графа П.Румянцева-Задунайского и его сыновей. – Г.С.), потом лет шесть служил по дворянским выборам, и еще бодрым, свежим стариком приехал к нам в Нежин директором гимназии. Добрый, умный, красноречивый Ясновский был живой историей XVIII века. Чего он не знал? Чего не видал? С кем из знаменитых людей не был в сношениях?” [1]. Д.Е.Ясновский начал разбираться в сложившейся обстановке. С 29 октября по 3 ноября 1827 г. начался допрос студентов в присутствии всей Конференции.

В “дело о вольнодумстве” были втянуты многие гимназисты старших курсов. Некоторые из них защищали своих профессоров, за что и пострадали.

Н.Гоголь, Н.Кукольник и некоторые другие гимназисты встали на защиту профессора И.Г.Белоусова, который пользовался у студентов популярностью как человек честный, благородный, талантливый, хотя и несколько высокомерный. Н.Гоголь часто бывал дома у профессора, что вызвало подозрение у М.В.Билевича и враждебное отношение к юноше, желание навредить ему. Это видно по оценкам, которые он ставил ему за успехи в учебе и поведении.

Допрос Н.Гоголя по “делу о вольнодумстве”. Худ. А.Шкурко

В список подозреваемых попали и студенты Петр Горонович, Нестор Кукольник, Иван Халчинский, Александр Новохатский, Алексей Колышкевич, Николай Родзянко. Их вызывали в Конференцию для допроса, отбирали у них конспекты лекций Н.Г.Белоусова и других профессоров. Студенты старались выгородить любимого профессора, скрыть записи или запутать невинными объяснениями комиссию. М.В.Билевич всем этим студентам ставил плохие оценки, особенно по поведению.

Это не сняло напряжения, а, наоборот, накалило атмосферу среди профессорско-преподавательского состава. С 17 по 29 мая 1828 г. Д.Е.Ясновский лично повторил допрос, во время которого некоторые студенты испугались репрессий и отказались от предыдущих показаний и дали свидетельства против профессоров И.Г.Белоусова, Ф.И.Зингера, И.Я.Ландражина. Напряжение не убавилось. У гимназистов были изъяты конспекты.

Министр просвещения К.А.Ливен по поручению Бенкендорфа в феврале 1830 г. направил в Нежин члена Главного правления училищ, действительного статского советника Э.Б.Адеркаса с целью изучить “нравственные достоинства и учебные способности профессоров”, равно

1897 года ноября 3го дня ученик 19го класса Николай Яновский 19го лет призван в конференцию под председательством Ново-Харьковского педагогического университета. На заседании конференции Ново-Харьковского университета история Семейского права и иное Семейское право составило предмет обсуждения. Профессор Ф. П. Гоголь в своем выступлении в заседании конференции высказался в пользу введения крестовщины, ввел тогда Яновский доложить, что все дело имеет отношение к праву и этики профессор Гоголь доложил по этому.

В силу показаний собственноручно подписан Николай Яновский -

Свидетельства гимназиста Н. Гоголя-Яновского

1897 года ноября 2го дня ученик 19го класса Алексей Колышкин 19го лет был призван в конференцию под председательством Ново-Харьковского педагогического университета. На заседании конференции Ново-Харьковского университета история Семейского права и иное Семейское право составило предмет обсуждения. Профессор Ф. П. Гоголь в своем выступлении в заседании конференции высказался в пользу введения крестовщины, ввел тогда Колышкин доложить, что все дело имеет отношение к праву и этики профессор Гоголь доложил по этому.

Свидетельства гимназиста А. Колышкин

как и “нравственность и дух учащихся”, дабы иметь возможность “принять надлежащие меры к искоренению зла, если оно подлинно существует”. Чиновник из столицы допросил всех преподавателей и студентов, собрал необходимые документы, объяснения, конспекты, рукописные альманахи и т.п. Познакомившись с жизнью Нежинской гимназии высших наук, Э.Б.Адеркас сделал политические выводы. 26 октября 1830 г. Николай I, рассмотрев доклад Ливена, написал резолюцию: “Согласен; тех из профессоров, кои не русские, выслать за границу. Русских же выслать на места родины, отдав под присмотр полиции” [38]. Освобождены были от занимаемых должностей и отправлены на родину или в ссылку в Сибирь профессора К.В.Шапалинский, И.Г.Белоусов, И.Я.Ландражин, Ф.И.Зингер. Гимназия высших наук лишилась лучших своих преподавателей. В самом тяжелом положении оказались К.В.Шапалинский, И.Я.Ландражин. В 1832 г. был уволен и профессор С.М.Андрущенко. Так завершилось “дело о вольнодумстве” [2].

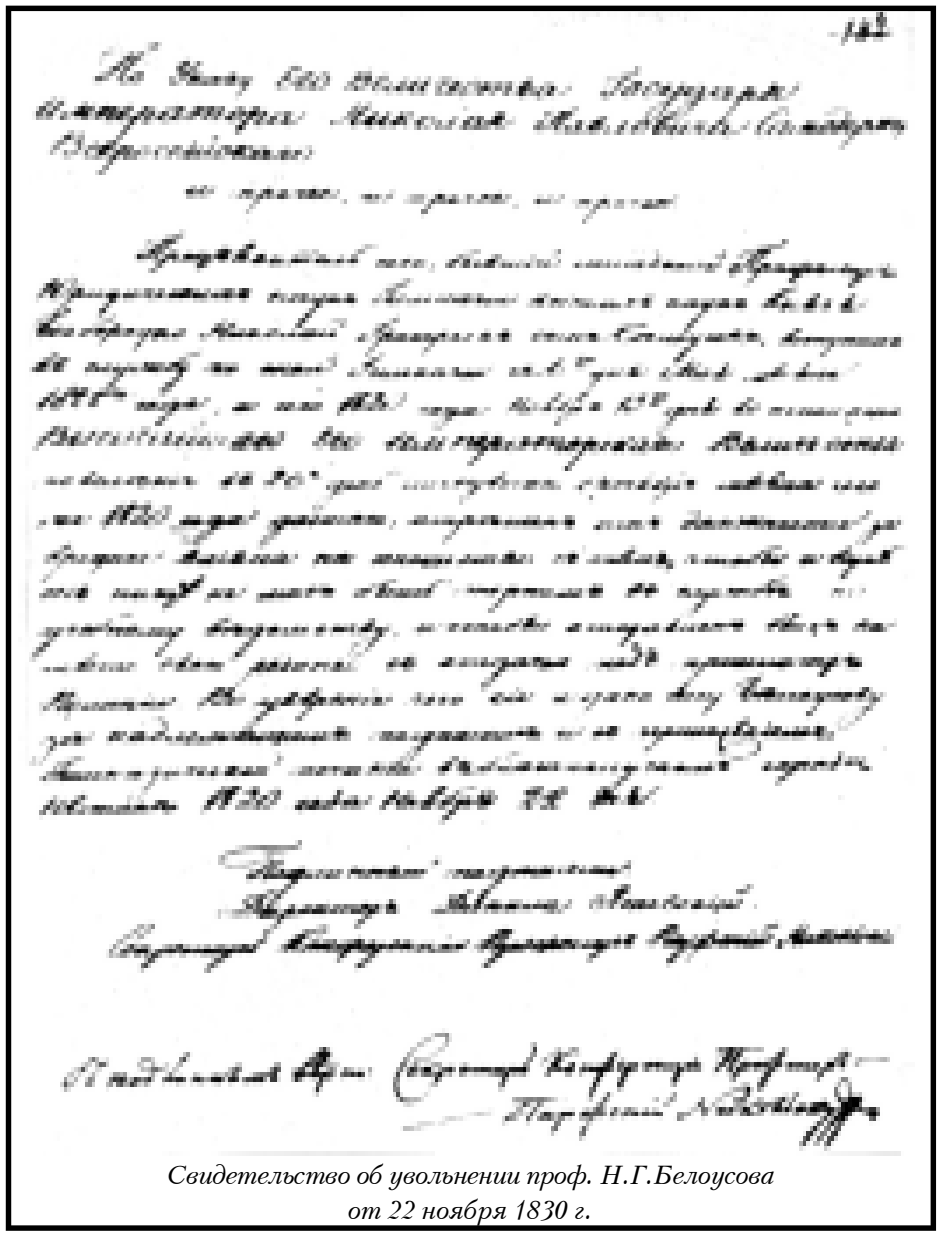

Распоряжение шефа жандармов
Бенкендорфа К.А.Ливену

Донесения чиновника Э.Б.Адеркаса

Большинство исследователей “дела о вольнодумстве” отмечают, что не было оснований так жестоко наказывать профессоров, которым приписали политические обвинения. После декабрьских событий 1825 года и восстания в Польше в 1830 г. царь Николай I боялся всякого проявления вольнодумства и видел его везде, в том числе и в учебной деятельности профессоров Нежинской гимназии высших наук кн.Безбородко.

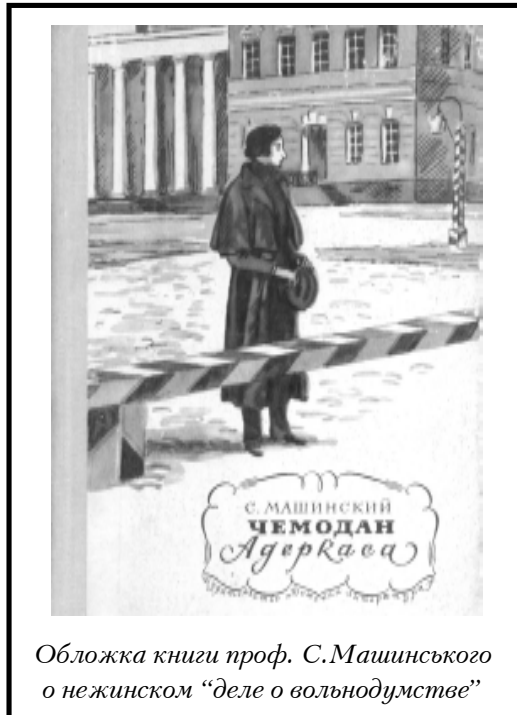

М.В.Билевич, К.А.Моисеев, П.И.Никольский и другие преподаватели реакционной части профессоров могли бы торжествовать. Но они не добились своего. Доносчик, пасквилянт, ограниченный до предела корыстными целями М.В.Билевич так и не занял должность директора. Более того, через некоторое время они сами должны были искать места работы, так как в 1832 г. Гимназия была преобразована в Физико-математический лицей, где им места не нашлось.

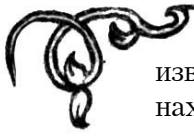
Гоголь уже не был свидетелем трагических событий, когда из Гимназии изгоняли любимых профессоров. Эти сведения дошли до него, когда он уже был в Петербурге.

В последний год своего пребывания в Гимназии Гоголь начал понимать, что без знаний он не сможет осуществить мечты о своем служении Отечеству.

*Обложка книги проф. С.Машинського
о нежинском "деле о вольнодумстве"*

В "Авторской исповеди" он писал: "Задумываться о будущем я начал рано, в ту пору, когда все мои сверстники думали еще об играх". Исследователь творчества Гоголя Александр Коялович это объясняет тем, что у юноши были примеры образцового служения родине со стороны его близких. В его семье хранились предания казацкой старины, и в этих преданиях, в числе героев, упоминались его ближайшие предки. Сам отец Гоголя" ...был для него выдающейся личностью". Сюда А.Каялович причисляет и дальнего родственника Гоголей-Яновских

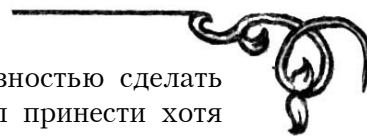
известного государственного деятеля Д.Трощинского, усадьба которого находилась недалеко от родового имения Васильевки.

После смерти отца в 1825 г., когда Гоголь переходит в третье высшее отделение гимназии, он меняется, серьезничает. В письмах к матери от 10 июня 1825 г. он рассуждает о жизни по-иному: “Ваши слова: что вы уже более для себя и для мира сего не живете, что может быть, я скоро должен занять место отца малолетним моим сестрам, слова сии поселили печальные предчувствия в моем сердце. Зачем предаваться горестным мечтаниям? Зачем раскрывать грозную завесу будущности? Может быть, она готовит нам спокойствие и тихую радость, ясный вечер и мирную семейственную жизнь. Будем надеяться на Всевышнего, в руке которого находится судьба наша. Что касается до меня, то я совершу свой путь в сем мире, ежели не так, как предназначено всякому человеку, то по крайней мере буду стараться, сколько возможно быть таковым” [Т. X, с. 56–60].

Мысль о его великом предназначении служения Отечеству не покидает Гоголя, а все время усиливается. Особенно она более четкое выражение находит в письме от 26 февраля 1827 г.: “Ежели об чем я теперь думаю, так это все о будущей жизни моей. Во сне и наяву мне грезится Петербург, с ним вместе и служба государству” [Т. X, с. 83].

Примером истинного служения Отечеству Гоголь считает своего отца, “друга, благодетеля, учителя ...не знаю, как назвать этого небесного ангела, это чистое, высокое существо, которое одушевляет меня в моем трудном пути, живет, дает дар чувствовать самого себя и часть в минуты горя небесным пламенем входит в меня, осветляет стусившиеся думы. В сие время сладостно мне быть с ним, я заглядываю в него, т.е. в себя, как в сердце друга. Испытую свои силы для поднятия труда важного, благородного: на пользу отечества, для счастья граждан, для блага жизни подобных, и дотоле нерешительный, не уверенный (и справедливо) в себе, я вспыхиваю огнем гордого самосознания, и душа моя будто видит этого неземного ангела, твердо и непреклонно все указывающего в мету жадного искания... Через год вступлю я в службу государственную” [Т. X, с. 90].

Эти мысли Гоголь раскрывает значительно глубже, шире в письме к дяденьке Петру Косяровскому от 3 октября 1827 года. Это письмо в ранней эпистолярной Гоголя занимает особое место. Оно доверительное. Это всплеск эмоционального раскрытия душевного состояния юного Гоголя, душа, мысли которого напоены самыми благородными чувствами и мечтаниями о перспективах своей жизни, связанной не с мелочными, домашними, провинциальными, усадебными заботами, а с высокими порывами служения Отечеству. “Еще с самых времен прошлых, с самых

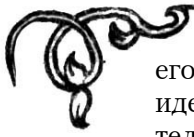

лет почти непонимания, я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу. Тревожные мысли, что я не буду мочь, что мне преградят дорогу, что не дадут возможности принести ему малейшую пользу бросали меня в глубокое уныние. Холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что, может быть, мне доведется погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом – быть в мире и не означить своего существования – это было для меня ужасно” [Т. X, с. 111].

Гоголь даже определяет должность, которая будет способствовать осуществлению своей цели, – это юстиция. Именно здесь он видел свое место, ибо “неправосудие, величайшее в свете несчастье, более всего разрывало мое сердце” [Т. X, с. 112]. И эти мысли Гоголя, родившиеся давно, подкреплялись размышлениями профессора И.Белоусова на лекциях по естественному праву. Он любил своего педагога, уважал его и в трудную для него минуту, во время расследования “дела о вольнолюбстве” защищал его. Здесь Гоголь доказал прежде всего себе, что он верен своим юношеским идеалам и тем, кто им дает почву для развития. Больше подобных откровений в письмах нежинского периода мы не увидим. С этими мечтами Гоголь и уедет в холодный Петербург в поисках своего места в жизни. Не сразу он его найдет, не сразу определится он в своих устремлениях, будет перед ним стоять юношеский вопрос: “Исполнятся ли высокие мои начертания?”, но он, наконец, выйдет на ту дорогу, которую определил еще в Нежине и по которой он шел, провозглашая свои мысли и поучая, как жить другим. Мессианское предназначение, как заметил П.В.Михед, зарождавшееся в Нежине, воплотилось в жизнь, порождая новые трудные ситуации, ошибочные надежды и разочарования.

Письмо к Петру Косяровскому интересно еще одной стороной. Гоголь в пылу откровения извещает то, что никому не доверял – о своем таинственном, своем самом затаенном даже от своих ближайших друзей. “В эти годы, – пишет он, – эти долговременные думы свои я затаил в себе. Недоверчивый ни к кому, скрытный, я никому не поверял своих тайных помышлений, не делал ничего, что бы могло выявить глубь души моей. – Да и кому бы я поверил и для чего бы высказал себя, не для того ли, чтобы смеялись над моим сумасбродством, чтобы считали пылким мечтателем, пустым человеком? – Никому, и даже из своих товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойных” [Т. X, с. 112].

Письма Гоголя из Нежина осени 1827 – лета 1828 годов, адресованные матери и относящиеся к последнему периоду пребывания

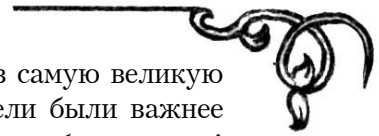
его в гимназии, ничем особенным не отличаются, потому что в них идет речь о бытовых эпизодах жизни, а также хвалебные и заверительные слова, адресованные матери. Но если раньше проскальзывали лишь отдельные замечания, которые касаются учебы, типа: “Мне здесь очень весело, особенно когда оканчиваю на время свои занятия, которые также приносят мне удовольствия неизъяснимые” [Т. X, с. 104], то к концу предпоследнего семестра все настойчивее звучит мысль о необходимости более серьезно догонять утерянное. “Я теперь совершенный затворник в своих занятиях. Целый день с утра до вечера ни одна праздная минута не прерывает моих глубоких занятий”. Гоголь обещает с удвоенной, утроенной энергией достичь того, что утеряно, хвастается, что достиг успехов в языках. Как свидетельствуют ведомости успеваемости, Гоголь, действительно, улучшил свои успехи, доказал, что он может учиться хорошо.

Однако поражает какая-то необоснованная, упорная, настойчивая просьба о присылке денег вплоть до продажи части имения. Категоричность ощущается в требовании прислать деньги на книги. Пришлете – будут успехи, не пришлете – все будет потеряно. Эта мысль целеустремленно звучит в письмах.

Обожание, умиление, забота и беспокойство о матери идут рядом с настойчивой требовательностью прислать деньги. Мать упрекала сына в его беспечной трате денег, все же идет ему навстречу. Употребление уменьшительных суффиксов в словах-обращениях к матери в какой-то мере связано со стремлением во чтобы то ни стало получить деньги. Гоголь помнил о материальных трудностях семьи, но юношеский эгоизм брал верх.

Гоголь вдруг строит себе план – за рождественские каникулы подогнать все, что ранее было упущено. И сокрушается, что без денег он уже не смог осуществить своих планов. “Я всем этим (т.е. каникулярным весельем – Г.С.) решился пожертвовать для однообразного, трудного занятия, вечного заточения. – Видно было, что я больше предпочитал тягостное приобретение пользы упоительным радостям веселия, и при том в такое время, когда все веселились. И вообразите: теперь, когда я увидел свой план разрушенным, когда, окончив одни занятия, чтобы приняться за другие, я увидел, что мне нечем заниматься, что я не только не получаю от вас желанных денег, но никакого ответа, я принужден был бросить все. Да и мог ли я заниматься чем-нибудь, видевши главное свое неисполненным? Вы не можете вообразить тогдашнего моего бешенства, я был точно сумасшедший, заперся в своей комнате, грыз от досады стол, плакал, бегал от всех; и в уединении от всех разрывался в досадах и медленно начал успокаиваться только с прошествием праздников...

Я не жалею о тех почти даром ушедших 3 или шести годах, я не понимал этого. – Но в эти три недели, когда я думал столько сделать, когда я так ясно понимал всю важность моих занятий, когда я так

пламенно жаждал употребить это самое лучшее время в самую великую пользу, когда никто не мешал мне, когда эти три недели были важнее для меня четырех месяцев, и видеть все свои надежды разбитыми – о! Это ужасно” [Т. X, с. 121].

Размышления Гоголя о своем бедственном существовании, ибо мать в силу материальных трудностей не могла удовлетворить вдруг вспыхнувшее желание купить книги и поправить в одно каликулярное мгновение свои упущенные ранее возможности учиться лучше, и о прожитых в гимназиях годах – все это одна цепь. И заявление о том, что он “утерял целые 6 лет даром”, что “в этом глупом заведении” он не мог узнать ничего больше, – все это эмоции, которые объясняются пониманием того, что нужно подводить итоги, нужно держать государственные экзамены и получать аттестат, который будет соответствовать набранным баллам. Поэтому и его заявление: “если я что знаю, то этим обязан совершенно одному себе” необходимо воспринимать критично. Конечно же, многое зависит от упорства, настойчивости в приобретении знаний от самого студента, но без целенаправленных, систематических аудиторных занятий при помощи профессоров добиться хороших результатов довольно трудно.

Критическое отношение Н.Гоголя к гимназии было вызвано и той внутренней жизнью, теми постоянными нелицеприятными разборами, интригами, которые шли между преподавателями и в которые были втянуты студенты. Все это вылилось со временем в так называемое “дело о вольнодумстве”.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что заявление Гоголя о том, что он ничего не взял в гимназии, носит эмоциональный характер студента последнего курса, который ощутил, что, действительно, многое упустил, потерял, и прежде всего баллы, которые играли большую роль в определении гражданского чина. Но это еще не свидетельствует о том, что школа ему ничего не дала. Ведь достаточные знания получили другие гимназисты. Учись, работай самостоятельно, как это делали П.Редкин, В.Тарновский, В.Любич-Романович, К.Базили и другие, получившие звание кандидата и чин 12 класса.

Конечно, нельзя идеализировать постановку образования в гимназии, ее преподавателей, ибо там было немало и неприемлемого, но последние годы учебы Н.Гоголя свидетельствуют о том, что можно получить знания как в классе, так и работая самостоятельно.

Вчитываясь в сказанные Н.Гоголем слова о недостаточных знаниях, ставишь вопрос: “А каких знаний?” Ведь, если бы их не было, то не было бы и гениального писателя Гоголя, не было бы и профессора С.-Петербургского университета и претендующего на эту должность в Киевском

университете св. Владимира, ведь после Нежина Н.Гоголь нигде не учился. Значит, те знания, которые он получил, были достаточными для его работы.

Гоголь – натура деятельная. В связи со слабыми знаниями языков он не смог принять участие в составлении всемирной истории по переводным зарубежным источникам, что делали П.Редкин, К.Базили, В.Любич-Романович и другие, но он был инициатором другого важного дела – воспитания и развития эстетических наклонностей, связанных с организацией театра, выпуска рукописных литературных альманахов и журналов, создания библиотечки новинок литературы и т.д.

Перечитывая письма Гоголя нежинского периода, ощущаешь некоторую наигранность, театральную эмоциональность, даже лицедейство, которые сидели внутри его и вылезали постоянно, демонстрируя его игру с адресатом. Эта черта будет укореняться и проявляться и в дальнейшем. Поэтому к различным его заявлениям, относящимся к периоду учебы в гимназии, необходимо относиться с пониманием и осмысленным восприятием.

Посмотрим, с какими же результатами Гоголь завершает учебный год.

Н.Гоголь понимал, что осуществить свою мечту можно, если поднатужиться и получить хороший аттестат. Очевидно, это и повлияло на общие успехи и оценки с основных предметов на последнем году учебы, о чем свидетельствуют ведомости как поточных оценок, так и экзаменационных (см. соответствующие таблицы). В аттестате, полученном в июне 1828 г., значилось, что студент Николай Гоголь-Яновский, имея очень хорошее поведение, окончил курс наук в гимназии и сдал предметы с оценками: Закон Божий, нравственная философия, логика, российская словесность, римское право, российское гражданское право, российское уголовное право, государственное хозяйство – очень хорошими, чистая математика – посредственными, физика и начала химии – хорошими, естественная история – превосходными, военные науки – очень хорошими, география всеобщая и российская – хорошими, история всеобщая и российская – очень хорошими, латинский – хорошими, немецкий – довольно хорошими, французский – очень хорошими. В целом общий бал был “4”.

Из 26 предметов, которые Гоголь изучал в девятом классе, по 21 были отличные и хорошие, а по остальным – удовлетворительные оценки. Успешно он сдал и выпускные экзамены. Конечно же, не все предметы одинаково давались Гоголю, сложнее было с математикой и языками. У него не было склонностей к освоению языков, и это позже сказалось в повседневной его жизни, когда он выезжал за границу. Однако Гоголь старался. И то, что он получил на выпускном экзамене

Николай Гоголь и Нежин

Журнал Конференции 1828 г. Вып. 27 деп.

Окончилась курс наук в Гимназии, все же происшедшей из дворян, результаты по экзамену.

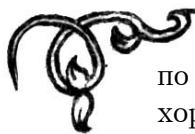
Имена уч.	Предметы																	Общий результат										
	Записки Кошкин.	Грамматик. франц.	Росс. словесн.	Истор. древня.	История древн.	Истор. софист.	История России.	Логика.	Копия, стили.	Дифференц. и интеграц.	Вопросы науки.	Общая физика.	Чистая физика.	Математика.	Ботаника.	Зоология.	История Рим. права.		Римское право.	Росс. Уголов. право.	Росс. Уголов. процесс.	Литератур. софист.	Литератур. язык.	Французский язык.	Немецкий язык.	Регул. науки.	Регул. искусство.	
Григоровъ Николай . . .	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Марковъ Владимѣръ . . .	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Миллеръ Николай . . .	2	2	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Гоголь-Яновскій Николай	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Божко Андрей	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Данилевскій Алекс.	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Бороздинъ Яковъ	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Котляревскій 1	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Котляревскій 2	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Котляревскій 3	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4

Окончилась курс наук результаты экзамена:

Имена уч.	Предметы																	Общий результат										
	Записки Кошкин.	Грамматик. франц.	Росс. словесн.	Истор. древня.	История древн.	Истор. софист.	История Росс.	Логика.	Копия, стили.	Дифференц. и интеграц.	Вопросы науки.	Общая физика.	Чистая физика.	Математика.	Ботаника.	Зоология.	История Рим. права.		Римское право.	Росс. Уголов. право.	Росс. Уголов. процесс.	Литератур. софист.	Литератур. язык.	Французский язык.	Немецкий язык.	Регул. науки.	Регул. искусство.	
Григоровъ	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Марковъ	4	4	3	3 1/2	3	3	4	3	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Миллеръ	3 1/2	3 1/2	3	3	3 1/2	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Гоголь-Яновскій	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Божко	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Данилевскій	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Бороздинъ	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Котляревскій 1	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Котляревскій 2	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Котляревскій 3	4	4	3	3	3	3	3	3	3 1/2	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3

Имена учениковъ.	Число въспитанн.	Ежедневн. списки.		Сумма.	Степень.	Классный чинъ.
		о объ-тупъ.	о пр-вед-тупъ.			
Григоровъ Николай	3.	3.	3.	9.	II.	XIV
Марковъ Владимѣръ	4.	3.	4.	11.	I.	XII
Миллеръ Николай	3.	2.	4.	9.	II.	XIV
Гоголь-Яновскій Ник	4.	2.	4.	10.	II.	XIV
Божко Андрей	4.	4.	4.	12.	I.	XII
Данилевскій Алекс.	3.	3.	3.	9.	II.	XIV
Бороздинъ Яковъ	4.	3.	4.	11.	I.	XII
Котляревскій Алекс.	4.	3.	4.	11.	I.	XII
Котляревскій Егоръ	4.	3.	4.	11.	I.	XII
Котляревскій Ник.	3.	3.	4.	10.	II.	XIV

Ведомости об успеваемости Н.Гоголя. 1828 г.

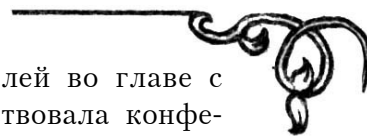

по латинскому и французскому языкам отличную, а по немецкому хорошую оценку, опровергает утверждение учителя латинского языка в младших классах И.Г.Кулжинского о том, что при выпуске из Гимназии Гоголь “не знал спряжение глаголов ни на одном языке” [3]. Исследователь раннего периода жизни и творчества Гоголя Д.Иофанов на документальном материале доказал несостоятельность утверждений И.Г.Кулжинского о том, что будущий знаменитый писатель плохо учился и что гимназия ему ничего не дала. К сожалению, эта неверная версия, не подтвержденная архивными материалами документально, продолжает кочевать из одной научной статьи в другую.

Исследователи, интересующиеся учебой Гоголя, обратили внимание на годовые оценки выпускного класса, в частности на общий годовой балл “2 $\frac{1}{2}$ ”. Проф. И.А.Сребницкий, сопоставляя эти таблицы успеваемости, отмечал: из ведомости №XXXIV видим годичный результат у Гоголя “2 $\frac{1}{2}$ ”, в таблице XXXV стоит ровно “2”. Согласно разъяснениям министерства народного просвещения и директора гимназии Ясновского числа дробью должны были доводить до целого числа. Поэтому Конференция некоторым студентам Александру Данилевскому, Николаю Котляревскому “2 $\frac{1}{2}$ ” балла перевела в 3 балла, а Миллеру и Гоголю – в “2” балла, что снизило общий балл, и вместо “11” у Гоголя появился общий балл “10”. Эта разница в один балл отразилась на определении классного чина. Студентам, имевшим общий балл 12–11, присваивали чин 12 класса и звание кандидата, а тем, кто имел 10–9 баллов – чин 14 класса и звание студента. Именно на это обратила внимание мать Н.Гоголя Мария Ивановна в письме к П.П.Косяровскому: “Никоша мой имеет чинок в ранге университетских студентов 14 класса. С ним несправедливо поступили, так же, как и с другими, в его отделении бывшими, по причине партий их наставников. Ему следовало получить 12 класс, но он нимало не в претензии, тем более что обе партии сказали, что он достоин был получить даже 10 класс, когда бы был плох он в том училище, а 12 по всем правам должно было ему дать. Главное, что надо было более ласкаться к ним, а он никак не мог сего сделать”. Все эти подробности, которые Мария Ивановна Гоголь получила от сына, свидетельствуют, что существовавшие в гимназии трения между преподавателями отражались и на их студентах.

Проф. И.А.Сребницкий называет эти две партии: одна во главе с проф. М.Билевичем, другая – во главе с проф. Н.Белоусовым. Сторонники первой партии старались всякими средствами насолить своим противникам, не стесняясь даже делать учеников орудием своей борьбы.

Н.Гоголь считал, что именно группа преподавателей во главе с нелюбимым профессором М.Билевичем воспрепятствовала конференции прибавить ему к отметкам ту половину, которая дала бы право на чин XII класс.

Нельзя согласиться с Гоголем, что Нежинская гимназия высших наук не дала ему знаний, ибо в этом учебном заведении работало немало довольно образованных для того времени профессоров, в частности Н.Г.Белоусов, К.В.Шапалинский, Ф.И.Зингер, И.Я.Ландражин, Н.Ф.Соловьев, С.М.Андрущенко, которые знали не только свой предмет, те положения, которые требовала программа и предлагали учебники, но и демонстрировали свои знания далеко за ее пределами, добивались от своих воспитанников понимания изучаемого материала. Хотя, конечно, следует учитывать, что схоластика, ограниченность программ и чтение курсов только по утвержденным учебникам накладывали свой отпечаток на знаниях гимназистов. Однако именно эти преподаватели часто отходили от программ, за что и пострадали впоследствии. На этом этапе победили Моисеевы, Билевичи, Никольские не своими знаниями, авторитетом, а клеветой, доносом, политической демагогией, что воспринималось в то сложное последекабристское время официальными кругами как верноподданническое служение самодержцу.

В письмах к Г.Высоцкому Гоголь просит детально освещать бытовую жизнь Петербурга. Гоголь уже в письмах к Г.Высоцкому интересуется петербургской жизнью, со всеми её бытовыми деталями. Он готовит себя к ней. Он даже мысленно, в воображении бродит улицами столицы, любуется ее красотами. Все это романтическое восприятие будущего, хотя его интересуют и реалии повседневной жизни: цены на продукты, квартирная плата, продолжительность рабочего дня служащих, зарплата.

Третье, как и предыдущие письма, наполнено восторженными словесными выражениями, связанными с чувствами дружбы, разлуки – всего того, что бывает на расстоянии и находит воплощение в письменном виде и исчезает при непосредственном общении.

Гоголь радуется, что у Г.Высоцкого в Петербурге много друзей, и сокрушается, что, “уединяясь совершенно от всех, не находя здесь ни одного, с кем бы мог слить долговременные думы свои, кому бы мог выверить мышления свои, я осиротел и сделался чужим в пустом Нежине. Я иноземец, забредший на чужбину искать того, что только находится в одной родине, и тайны сердца, вырывающиеся на лице, жадные откровения, печально опускаются вглубь его, где такое же мертвое безмолвие. В таком случае я желаю знать тебя в кругу твоих друзей, где не скрываешься и где ваши занятия всегда радостны” [Т. X, с. 97].

И эти размышления также связаны с романтикой будущего, с надеждой на радостные соприкосновения с жизнью Петербурга. А отсюда и несколько скептическое отношение к будням Нежина. “Как тяжело быть зарыту вместе с созданными низкой неизвестности в безмолвие мертвое! Ты знаешь всех наших существователей, всех, населивших Нежин. Они задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека. И между этими существователями я должен пресмыкаться... Из них не исключаются и дорогие наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь” [Т. X, с. 98].

28 июня 1828 г. состоялись выпускные публичные экзамены “После них был зачитан список выпускников, “кто из окончивших полный курс учения и какой степени удостоен от Конференции Гимназии”. Звание кандидата получили Божко Андрей, Марков Владимир, Котляревский Александр, Котляревский Егор, Бороздин Яков, а звание студента – Гоголь-Яновский Николай, Котляревский Николай, Данилевский Александр, Григоров Николай, Миллер Николай. Золотой медалью был награжден Божко Андрей, серебряной – Марков Владимир и Котляревский Александр.

“Окончивши курс в 1828 г., Гоголь прежде всех товарищей своих, кажется, оделся в партикулярное платье. Как теперь вижу его в светло-коричневом сюртуке, которого полы подбиты были какою-то красною материей в больших клетках. Такая подкладка почиталась тогда *plus ultra* молодого щегольства; и Гоголь, идучи по гимназии, беспрестанно обеими руками, как будто ненарочно, раскидывая полы сюртука, чтобы показать подкладку” [4, с. 6].

28 июня 1828 г. Н.Гоголь оставил Нежин и выехал в родную Васильевку. 13 декабря вместе с А.Данилевским он отправился в С.-Петербург. По дороге 14–15 декабря останавливался в Нежине, встречался с Н.Прокоповичем и другими товарищами по гимназии.

Н.ГОГОЛЬ И “НЕЖИНСКИЕ ОДНОКОРЬТНИКИ”

За время существования Гимназии высших наук кн.Безбородко в Нежине (1820–1834 гг.), этого уникального учебного заведения на Украине, осуществлено было восемь выпусков, что составляло 105 человек [1]. Многие из них после окончания Гимназии устремились в столицу, чтобы там найти свое место и дальше подняться по государственно-служебной лестнице. У каждого по-своему сложилась жизнь. Одни, промыкавшись несколько лет в поисках “доходного” места, шли на военную службу, другие – возвратились на Украину и заняли различные должности в своих городках или уездах, третьи – надолго закрепились в столице.

Среди выпускников Гимназии высших наук было немало ярких личностей: писатели Н.Гоголь, Н.Кукольник, Е.Гребенка, Н.Прокопович, В.Любич-Романович, Н.Билевич, дипломаты К.Базили, И.Халчинский, художник-академик А.Мокрицкий, ученые – академик, ректор С.-Петербургского университета П.Редкин, ректор Харьковского университета А.Рославский-Петровский, профессор В.Домбровский, генералы А.Гинтов, Л.Рудановский и другие. 35 нежинских выпускников

устроились в С.-Петербурге на чиновничьи должности в различных министерствах. Необходимо учитывать и тех, кто в силу различных причин ушел из Гимназии раньше, не дойдя до выпускных экзаменов, но сохранили дружеские связи с окончившими это учебное заведение. Известно, что многие нежинцы общались между собой, продолжали поддерживать те традиции, которые наметились в Нежине. Об этом говорит в своих “Литературных воспоминаниях” П.Анненков, который общался с этой группой нежинцев, А.Мокрицкий в своем “Дневнике художника” и некоторые другие.

В.Гарновский

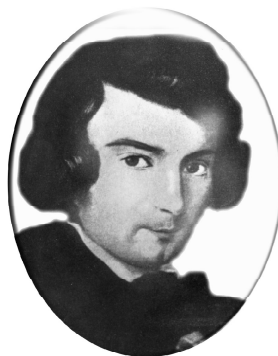
А.Рославский-Петровский

Н.Гоголь

В. Любич-Романович

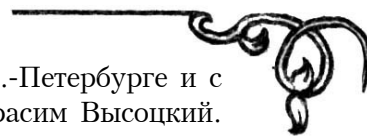

А.Мокрицкий

К.Базили

Выпускники Гимназии высших наук

Одним из первых нежинцев, кто обосновался в С.-Петербурге и с кем поддерживал Н.Гоголь письменную связь, был Герасим Высоцкий. Он служил в Департаменте разных податей и сборов с 7 февраля 1827 г. по 19 марта 1828 года. Сохранилось 3 объемных его письма к Г.Высоцкому 1827 года, в которых он подробно расспрашивал о жизни в столице. Появившись в С.-Петербурге, Н.Гоголь ищет своего места в городе, который привлекал его своей загадочностью и торжественностью, городе, в котором могли осуществиться его мечты. К сожалению, Гоголь не встретился с Г.Высоцким в Петербурге, так как приехал в столицу лишь в декабре 1828 г., когда его товарищ уже в марте покинул город. Исследовательница раннего периода творчества Гоголя О.Супрунук, заинтересовавшись дальнейшей судьбой Г.Высоцкого, выяснила, что он проживал в своём родовом имении в селе Недры Полтавской губернии, среди соседей пользовался славой большого насмешника и остряка; иногда свои шутки излагал в стихах, интересовался естественными науками и умер в начале 1870-х годов [2].

Выпускники Нежинской гимназии группировались в основном возле трех личностей: Н.Кукольник, Н.Гоголь, Н.Прокопович. Н.Кукольник появился в столице через три года после окончания Гимназии высших наук, так как участие в скандальном “деле о вольнодумстве” лишило его права на аттестат с отличием, хотя он учился только на “отлично”, и чина XII класса. Он вынужден был поехать в город Вильно к своему брату и устроиться на работу учителем. В 1832 г. Н.Кукольник переехал в Петербург, занял чиновничью должность в Министерстве финансов. Но не она принесла ему славу. Н.Кукольник интенсивно занимался литературной деятельностью. Драма “Торквато Тассо”, над которой он усердно трудился несколько лет в Нежине, была определенной заявкой на дальнейший его творческий успех. Опубликованные вслед за ней повести, романы, пьесы принесли Н.Кукольнику славу, сделали его заметной фигурой в литературно-общественных кругах столицы.

Н.Кукольник поддерживал в это время связь с выпускниками Нежинской гимназии высших наук. В одном здании он жил вместе с Андреем Гороновичем и Николаем Немировичем-Данченко. У него бывали на вечерах по средам Николай Гоголь, Николай Прокопович, Петр Мартос, Апполон Мокрицкий и другие. С художником А.Мокрицким Н.Кукольник встречался также в редакции “Художественной газеты”, которую он издавал. Кроме нежинцев, на этих средах бывали композитор М.Глинка, художники братья Брюлловы, представители литературной, театральной и музыкальной культуры В.Одоевский, В.Сологуб, М.Геденов, В.Белинский, А.Никитенко, И.Панаев,

О.Струговщиков, Т.Шевченко и другие. Несмотря на многообразие посетителей сред Н.Кукольника, Н.Гоголь неохотно посещал эти собрания, ибо с их хозяином у него еще с нежинской поры были натянутые отношения. Н.Гоголь с некоторой иронией относился к посещениям Н.Кукольником его квартиры. В письме к А.Данилевскому из Петербурга от 30 марта 1832 г. он сообщал: “Кстати о Возвышенном (так называл Н.Гоголь Н.Кукольника с нежинских времен. – Г.С.) он нестерпимо скучен сделался... Не терпит модности и выберет такое время придти, когда я один, и тогда или душит трагедией, или говорит так странно, так вяло, так непонятно, что я решительно не могу понять, какой он секты, и не могу заметить никакого направления в нем” [Т. X, с. 261].

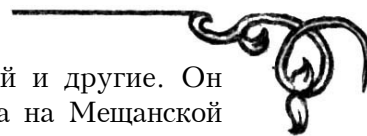
Если вспомнить нежинский период, то Н.Кукольник во всем был первым: и в учебе, и в литературном творчестве, и на театральной сцене. Н.Гоголь также, может быть кроме учебы, не отставал от него. И он пользовался популярностью у гимназистов. Но у Н.Гоголя не хватало того, что было у Н.Кукольника – общей свободы в общении, когда он, по словам автора “Вечеров”, “соберет около себя толпу и толкует, или о Моцарте и интеграле, или движет эту толпу за собою испанскими звуками гитары” [Т. X, с. 261].

Н.Гоголь времени ранней петербургской жизни уже не хотел уступать Н.Кукольнику своей популярностью и значимостью. Здесь он был первым, и именно к его личности должно быть приковано внимание.

Дошедшие до нас отрывочные сведения не дают возможности полно представить взаимоотношения, которые складывались у Н.Кукольника с Н.Гоголем. Некоторые исследователи все же склонны утверждать, что они были более глубокие, тонкие и многообразные, чем принято считать [Т. 7, с. 85]. Н.Гоголь хорошо был осведомлен в литературных делах Н.Кукольника. Заметна и их общность в отношении к живописи, архитектуре, истории, которая складывалась еще в стенах Нежинской гимназии.

Слава оставила Н.Кукольника еще при его жизни. И вспоминают о нем ныне лишь историки литературы, хотя его романсы “Жаворонок”, “Колыбельная песня”, “Сомнение” и другие на музыку М.Глинки часто звучат и в наше время. Привлекают внимание читателей и его исторические романы.

“Нежинские бурсаки” собирались и вокруг Н.Гоголя на чайные вечера с изящным выбором кренделей. Здесь в основном были те же, с кем он поддерживал связь в Нежине: Николай Прокопович, Александр Данилевский, Константин Базили, Андрей и Александр Бородины, Иван и Тимофей Пашенко, Евгений Гребенка, Василий Любич-

Романович, Николай Бороздин, Апполон Мокрицкий и другие. Он некоторое время жил в одной комнате в доме Иохима на Мещанской улице с И.Пашенко, Н.Прокоповичем, А.Мокрицким. Н.Гоголь принимал на первое время своих товарищей, пока они не устроились самостоятельно. В этой компании Гоголь чувствовал себя свободно, ничто не стесняло его. “Он был прост перед своим кругом, добродушен, весел, хотя и сохранял тонкий, может быть, невольный оттенок чувства своего превосходства и своего значения” [3]. Он дурачился вместе с другими, как и в Нежине, сочиняя вместе с Н.Прокоповичем и А.Данилевским веселые, “карикатурно-меткие и уморительные” куплеты, песни, слушал анекдоты, интересные рассказы и т.д. Сюда приходили не только нежинцы, но и другие малороссы. В.Любич-Романович познакомил Гоголя с Бурнашевым. Н.Гоголь “надевал обыкновенно ярко-пестрый галстучек, взбивая высоко свой завитой кок, облакался в какой-то белый, чрезвычайно короткий и распашной сюртук, с высокой талией и буфами на плечах, что делало его действительно похожим на петушка” [4]. Он показывал своим друзьям книги, дорогие альбомы, альманахи. Смеялись, развлекались, ели заказные галушки, вареники и другие малороссийские блюда. Именно здесь он услышал анекдоты, которые легли в основу “Записок сумасшедшего”, “Шинели” и других произведений. Гоголь умел вслушиваться в то, о чем говорили товарищи. Все это было естественно, и Н.Гоголь охотно принимал от этого круга похвалы, прислушивался к голосам своих приятелей. Впитывал в себя все яркое, значительное, а затем воспроизводил это в своих последующих произведениях. Но все это было до определенного времени. “Мало-помалу род поучения, ободрения и удовольствия, какие он почерпал в этом круге, становились ему менее нужны и привлекательны” [5]. Любопытна в этом отношении запись в “Дневнике” А.Мокрицкого от 1 октября 1835 г. Как обычно, собирались “нежинские однокорытники” праздновать свою связь с Нежинской высшей школой. “Собрались мы – я, Кукольник, двое Данилевских, Гоголь, двое Прокоповичей, Пашенко, Данченко, Лукашевич и Базили. И что же? Ели, пили, шумели, и только. Веселости особенной не было, да и могла ли она быть? Разнохарактерность собравшихся во имя Нежинской гимназии не позволяла состояться банкету как следовало. За обедом соединяло нас лишь одно вино, после обеда все разбрелись куда попало...” [6].

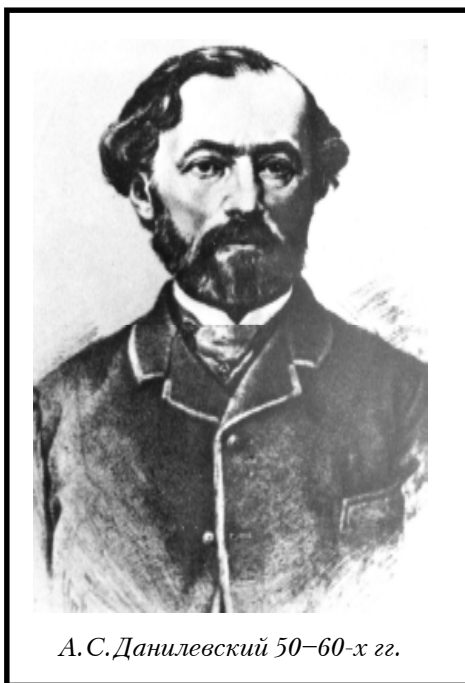
Н.Гоголь чувствовал, что перерос своих “однокорытников”, что его предназначение на земле несколько иное. Он ощущал себя неким пророком. И нельзя не согласиться с профессором П.Михедом, который утверждает, что писатель уже с ранних лет уверовал в свое апостольское

предназначение, в то, что Господь определил ему особую судьбу. И он должен воплотить в жизнь эти предначертания Господа.

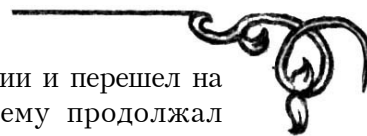
Постепенно круг знакомых друзей по Нежину уменьшался, ибо “вскоре явились требования со стороны других приверженцев Гоголя, на которые старый круг не мог отвечать, и явления в самом Гоголе, которые трудно было понять ему” [7]. Гоголь поддерживал связи только с самыми близкими товарищами, которые стали ему верными помощниками и советчиками. Одним из таких был Александр Данилевский.

13 декабря 1828 года они вместе выехали в Петербург. Здесь друзья с января по апрель 1829 г. жили на одной квартире. У каждого порозному складывалась жизнь. Н.Гоголь после неудачной попытки устроиться в департаменте, а потом в театре, а также определиться в литературе уехал на два месяца за границу. А.Данилевский же вынужден был пойти на военную службу. Он поступил в школу гвардейских прапорщиков, после окончания которой был направлен на Кавказ в Пятигорск. Интенсивная переписка, которую вел А.Данилевский с Н.Гоголем в 1831–1832 гг., свидетельствует об искренности их дружбы. Н.Гоголь подарил ему свой сборник “Вечера...”, держал его в курсе литературной жизни, посылал ему журналы и альманахи, восхищался новыми произведениями В.Жуковского, Н.Языкова и особенно А.Пушкина и рекомендовал обратить на них внимание.

А.С.Данилевский 50–60-х гг.

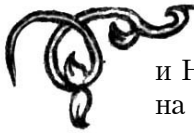

А.Данилевский подал в отставку, уволился из армии и перешел на педагогическую работу. С Н.Гоголем он по-прежнему продолжал поддерживать связь. В 1836 г. они совершили совместное путешествие за границу.

Н.Гоголь говорил о таланте А.Данилевского, подчеркивал, что его “перо и взгляд может быть живее моих” [Т. XI, с. 61]. А.Данилевский продолжал сочинять стихи, однако не отдавал их в печать. Н.Гоголь был знаком с ними и высоко их ценил. В письме из Парижа к Н.Прокоповичу от 12 ноября 1836 г. он сообщал: “Здесь встретил я своего двоюродного брата (так Н.Гоголь часто называл А.Данилевского – Г.С.), с которым выехал из Петербурга. Это лучший из выпущенных вместе со мною из Нежина. Жаль, что вы не знаете его стихов, которые под величайшим страхом показал он только одному мне, и то не прежде, как затворивши все двери, чтобы и французы не услышали” [Т. XI, с. 74]. Несмотря на шуточный оттенок информации, это свидетельство Н.Гоголя подтверждало предположение, что А.Данилевский продолжал заниматься сочинительством и после окончания Нежинской гимназии высших наук.

Находясь в Париже, А.Данилевский и Н.Гоголь 5 декабря 1836 г. сочинили, как выразился последний, “куплеты “Да здравствует Нежинская бурса”. Впервые это стихотворение было обнародовано в 1858 г. Н.Гербелем, который обнаружил его в бумагах Н.Прокоповича под названием “Неоконченные стихи Гоголя и Данилевского, присланные из Парижа”. Письмо А.Данилевского к Н.Прокоповичу и И.Пащенко раскрывало историю его создания. Вот что сообщил он другу: “Вчера, едва мы – я и Гоголь – сели за чайный столик, как явился наш portier – человек весьма интересный: отставной воин и карлист – и положил письмо на столе с надписью на мое имя. Окончив чай и закурив сигару, я расположился в кресле, а Гоголь стал позади меня. Распечатав письмо, я вытащил, во-первых, твои каракулы, а потом листок с красивым почерком Ивана Григорьевича (Пащенко). Да, мой милый Николай, ты нехотя предаваясь воспоминаниям, написал нечто в роде элегии, глубокой, траурной элегии в прозе, нечто имеющее для меня образ осеннего желтого листа, из которого, будь я поэт, выкроил бы двадцать элегий по форме. Ты же, Иван Григорьевич, написал не элегию – скорее что-то вроде куплетов, по крайней мере письмо твое навело нас на куплеты еще весьма не оконченные, плохие покамест, но обещающие впереди много. Вот их начало! (Следуют стихи). Может быть, мы продолжали бы куплеты еще и далее, но сегодня приехал Симоновский – и вдохновение, как робкая птица, улетело”. Куплеты посвящались И.Г.Пащенко, верному другу Н.Гоголя, А.Данилевского

Самойленко Г.В.

и Н.Прокоповича. Н.Гоголь некоторое время жил вместе с И.Г.Пашенко на одной квартире, высоко ценил его литературное мнение.

Да здравствует нежинская бурса,
Севрюгин, Билевич, и Урсо

Студенты первого курса
И прочие курсы все также!
Без них обойтись как же?

Не все они теперь в Петербурге:
В карете в Стамбул уехал один, другой в
Оренбурге,

А те же, что прочих здоровьем пожиже,
Все лето водами лечились, а зиму проводят
в Париже.

Женились одни и в сладком дремлят покое;
Учители в корпусе двое;
Известный лгунишка бумаги в Юстиции пишет –

Черт его колышет.
Артистов, поэтов меж них есть довольно:

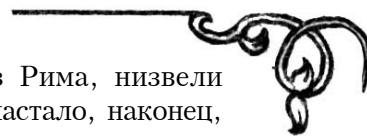
Читаешь – сердцу становится больно!
А те что в гусарах, не храброго люди десятку,
Коней объезжают в манеже,
гнут короля и десятку [8].

Подобные “куплеты” Н.Гоголь и А.Данилевский совместно составляли и в гимназии, а затем и в Петербурге, когда собирались у кого-нибудь из старых друзей на чай. Входивший в эти круги П.В.Анненков вспоминал: “...Но особенно любил Гоголь составлять куплеты и песни на общих знакомых. С помощью А.Я.Прокоповича и А.С.Данилевского, товарища Гоголя по лицу, человека веселых нравов, некоторые из них выходили действительно карикатурно, метки и уморительны. Много тогда было сочинено подобных песен” [9].

Продолжительное время А.Данилевский служил педагогом, был директором Полтавской гимназии.

В письме к Н.Прокоповичу (май 1842 г.) Н.Гоголь вспоминал о А.Данилевском, радовался его успеху: “Девятого же мая я получил письмо от Данилевского, – писал он. – Оно меня утешило. Я за него

спокоен. Три-четыре слова, посланные мною еще из Рима, низвели свежесть в его душу. Я и не сомневался в том, чтобы настало, наконец, для него время силы и деятельности. Он светло и твердо стоит теперь на жизненной дороге”. 68 писем Гоголя к А.Данилевскому и 13 писем А.Данилевского к Гоголю – это яркое свидетельство их дружбы, возникшей в Нежине и подкрепленной всей последующей жизнью. Интересны и воспоминания А.Данилевского о Гоголе, записанные В.И.Шенроком.

Скромность А.Данилевского, требовательность к своему творчеству мешали публикации его оригинальных произведений. Может быть, еще придет время, и они где-нибудь будут разысканы в архивах. Хотелось бы надеяться на это. Но и те крупницы, которые были обнаружены, свидетельствуют о том, что нежинская литературная атмосфера оказала на А.Данилевского плодотворное влияние.

Почти до конца своей жизни Н.Гоголь поддерживал связи с другом по Нежину Николаем Прокоповичем, нежно называя его “Кресеньким”. В одном из писем из Рима от 2 июля 1838 г. Н.Гоголь писал ему: “Ни роскошь этих стран, где я живу теперь, ни юг, ни чудесные небеса, ничто не в силах помешать мне думать о тебе, с кем начался союз наш под аллеями Нежинского сада, во втором музее, на маленькой сцене нашего домашнего театра и крепился, стянутый стужею петербургского климата, через все дни нашего пребывания вместе” [Т. XI, с. 162].

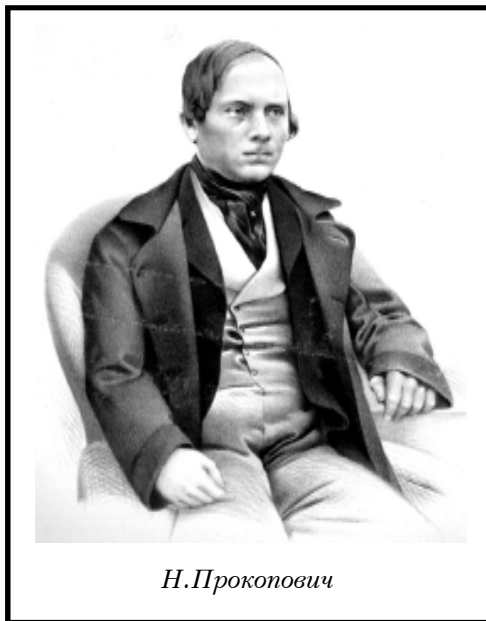
Н.Прокопович вместе с Н.Гоголем принимал самое активное участие в выпуске рукописных журналов и альманахов, в подготовке спектаклей, писал стихи и прозу. Он был первым рецензентом школьных произведений Н.Гоголя, его советчиком. Н.Гоголь считал Н.Прокоповича талантливым человеком и видел в нем плодовитого романиста.

Значительно позже Н.Гоголь напоминал своему другу: “У тебя же, судя по твоим школьным, еще писанным в Нежине, повестям, есть все свойства повествователя. Речь твоя лилась плодовито и свободно, твоя проза была в несколько раз лучше твоих стихов и уже тогда была гораздо правильней нынешней моей” [Т. XIII, с. 323]. На это указывал и В.Любич-Романович. В своих воспоминаниях он отмечал: “Всем было известно, что первые сочинения Гоголя проходили под строгой редакцией Прокоповича, человека очень талантливого, но крайне ленивого и не предприимчивого. Прокопович вообще имел большой литературный вкус и совершенно справедливо считался знатоком изящных искусств” [10].

Н.Прокопович, как свидетельствовал Н.Гоголь, “был, что называется, записным литератором”, т.е. писал много и во всех родах, прозой и стихами. К сожалению, почти ничего из написанного в Нежине до нас не дошло. В частном письме Н.Прокоповича от 11 декабря 1825 г. помещен отрывок из поэмы “Сон Ратмира”. Неизвестный нам адресат должен был

Самойленко Г.В.

передать его литератору Н.Полевому для публикации в журнале “Московский телеграф”. 15-летний поэт пишет свое произведение в романтическом стиле.

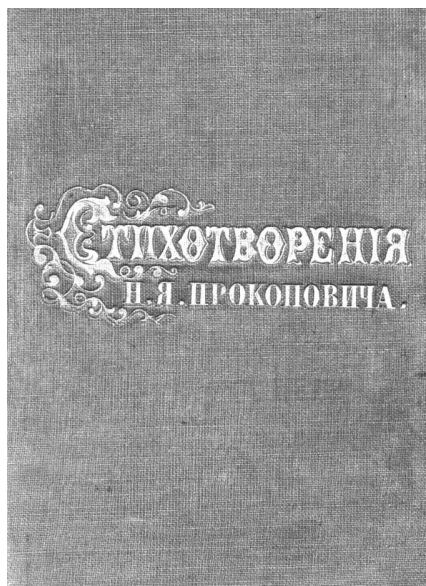

Н.Прокопович

Переехав после окончания гимназии в 1829 г. в Петербург, Н.Прокопович поселился на одной квартире с Н.Гоголем и продолжил заниматься в Петербургском театральном училище. В 1832 г. он был выпущен актером и определен в труппу императорских театров, выступал в эпизодических ролях. В этом же году Н.Прокопович на все лето уехал в Нежин. Н.Гоголь вслед за ним поехал в Васильевку, приглашая туда прибыть и Н.Прокоповича вместе с братом, надеясь, что к этому времени с Кавказа приедет и А.Данилевский. Но в декабре 1832 г. Н.Прокопович возвратился в Петербург. В 1834 г. он женился. Финансовые дела его оставались сложными, заработки были невелики. В 1835 г. Н.Прокопович, уволенный из труппы “по слабости здоровья” и “неимения сценических способностей”, собирался возвратиться обратно в Нежин, но 10 июля 1835 г он получил место учителя русского языка и словесности в 1-м кадетском корпусе, что дало ему постоянный заработок. Не зная об этом, Н.Гоголь писал ему из Женевы 27 сентября 1836 г.: “Что, как идут учительские дела твои? Нахватали ли ты новых часов или нет – и думаешь дать тягу из Петербурга? Теперь я, как подумал хорошенько, не знаю, хорошо ли будет для тебя его оставить. В Петербурге все можно сделать, все под рукою: не нравится служба – перемени и бери другую. Притом, как бы ни было, ближе к людям,

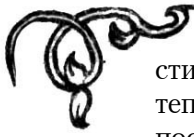
ближе к миру литературному и крещеному. В провинции этого нельзя сделать. Захочешь писатоночки, – есть типография и книгопродавцы, все перед глазами. Я уже не говорю о многих удобствах и о том, что жаль оставить Петербург” (Т. XI, с. 61).

Н.Прокопович не оставил столицы. На должности учителя в 1-м кадетском корпусе он оставался до конца своей жизни, получив за это время три повышения. Он дослужился до коллежского советника, награжден был орденом Анны 2-й и 3-й степени, а также орденом Станислава 2-й степени. Это свидетельствовало о добросовестном отношении Н.Прокоповича к своим обязанностям. Е.Гребенка, который также был учителем во 2-м кадетском корпусе и общался с Н.Прокоповичем, говорил, что он не знал лучшего преподавателя русской грамматики.

Обложка книги стихов Н.Прокоповича

Н.Гоголь постоянно побуждал Н.Прокоповича к творчеству. “...Я заклинаю тебя стряхнуть лень, – писал он 25 января 1837 г. – Не принимайся за большое дело, примись сначала за малое; пиши повести и все, что угодно, но только пиши непременно, рядись на все журналы, помещай и бери деньги. У тебя есть язык, но еще не разболтался. Год или два употреби непременно, чтобы расписаться, и тогда... нечего говорить, ты и сам узнаешь и постигнешь тогда свое назначение и решишь, за что и как нужно взяться” (Т. XI, с. 85). А вот отрывок из другого письма Н.Гоголя от 3 июня того года: “Ей, пора тебе. Берись за перо; не то будет поздно. Пиши повестоночки или стишоночки, если

стишечки, то пришли их в твоём письме кусочками. На меня пришла теперь особенная жажда читать твои стихи. После итальянских звуков, после Тасса и Данта, душа жаждет послушать русского” (Т. XI. с. 102).

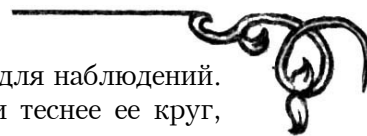
Н.Прокопович как будто бы отреагировал на просьбу друга. В 1838 г. он начал сотрудничать в пушкинском “Современнике”, редактором которого в это время был П.А.Плетнев. В этом году в журнале была опубликована сербская баллада “Сестра и братья”, стихотворения “Город” и “Старость”. В 1840 г. в этом же журнале опубликована баллада “Граф Конрад и его жена”. И все же выступления Н.Прокоповича в печати были редки.

Их дружба – яркая страница в жизни обоих. Н.Гоголь поддерживал с ним связь, бывал у него дома. Вокруг Н.Прокоповича сформировался целый кружок нежинских товарищей (А.Данилевский, И.Пащенко, Н.Кукольник, А.Мокрицкий и др.). Здесь Н.Гоголь “встречал только ласковые, часто им же воодушевленные лица и не было ему надобности осматриваться, беречься и отклонять от себя взоры” [11], – вспоминал П.В.Анненков, посещавший эти вечера. Друзья по гимназии первыми познакомились с четырьмя главами “Мертвых душ”, которые в один из вечеров прочитал автор. Именно своему другу Н.Гоголь поручил в 1843 г. готовить к изданию свои собрания сочинений. Переписка Н.Гоголя и Н.Прокоповича свидетельствует об искренности их дружбы, о взаимном влиянии и поддержке. Иногда переписка прерывалась на некоторое время по вине автора “Вечеров”, и это приносило огорчение обоим.

В одном из писем от 11 мая 1842 г. Н.Гоголь просил Н.Прокоповича поблагодарить В.Белинского за письмо и сообщить, что по приезде в Петербург он готов встретиться с критиком. Такая встреча состоялась на квартире у Н.Я.Прокоповича. В.Белинский предлагал автору “Мертвых душ” сотрудничество в “Отечественных записках”. Критик стремился оградить Н.Гоголя от влияния М.П.Погодина и С.П.Шевырева, однако это ему не удалось.

Через Н.Прокоповича Н.Гоголь и позже поддерживал связь с В.Г.Белинским. Именно Н.Прокоповичу поручил он передать критику письмо от 20 июня 1847 г., касающееся “Выбранных мест из переписки с друзьями”. На него В.Белинский дал свой ответ, известный в литературе как “Письмо к Гоголю”.

В 1846 г. Н.Гоголь в письме к П.А.Плетневу среди других предполагаемых сотрудников для обновленного “Современника” называет и Н.Прокоповича. “Мне бы очень хотелось, – пишет Н.Гоголь, – чтобы ты отыскал Прокоповича и умел склонить его взяться за перо повествователя. Изю всех тех, которые воспитывались со мною, у него раньше, чем у всех других, показалась наглядность, наблюдательность и живопись жизни. Его проза была свободна, говорлива, все изливалось у него непринужденно обильно, все доставалось ему легко и пророчило в нем плодовитейшего романиста. Он задремал теперь, я это знаю; он дал заснуть в себе желанию действовать на поприще просторном; самый

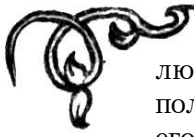

круг его стал тесен, и перед ним мало жизненного поля для наблюдений. Но жизнь – везде жизнь, и чем меньше ее простора и теснее ее круг, тем основательней и глубже он может быть нами исследуем и проникнут. Уже самая своя собственная, душевная повесть, предметом которой будет взято собственное пробуждение от мертвенного застоя, заставляющее с ужасом взглянуть человека на животно потраченную жизнь свою, может быть высоким предметом для романа. Какой бы праздник был душе моей, если бы я встретил в “Современнике” повесть, под которою было бы подписано его имя” [12].

Н.Гоголь не был доволен тем, что Н.Прокопович редко выступал в печати, серьезно не занимался литературной деятельностью. В письме от 20 июня 1847 года он пишет: “Благодарю тебя за письмо. Оно мне принесло особенное удовольствие именно по следующей причине: я начинал уже было думать, что ты от должностных своих занятий, несколько черствых, заклекнул и завял. Но слог письма бодр, мысль свежа. Почему тебе не попробовать пера? Что ни говори, способности не даются нам даром, и взыщется строго за неупотребление их... Нет разве предмета о чем писать? Но разве ты не жил? Разве не видел людей? Разве не открывалась перед тобою душа человека? Разница в том, что она перед тобою раскрывалась, начиная с нежнейшего возраста. Или мир, тобою узанный, считаешь ничтожным, непривлекательным, нелюбопытным для других? Но в таком случае нужно прежде доказать, что человек на тех местах, где ты его находил, не способен для высоких ощущений. Но мы с тобой знаем, что кадетский учитель имеет такие минуты, какие не доводится иметь и чиновнику, который неизвестно зачем стал преимущественным предметом пера. Может быть, точно, виноват в этом несколько и я. Как бы ни было, но все это такого рода вещи, о которых следовало бы тебе подчас подумать очень серьезно” [Т. XIII, с. 323]. К сожалению, талант Н.Прокоповича, который формировался в Нежинской гимназии, не раскрылся.

Это письмо свидетельствует о заботе Н.Гоголя о своем друге, оценке его таланта, беспокойстве о нереализованных возможностях, о выходе из создавшегося положения, заботе о дальнейшей судьбе того, кого он любил и уважал.

Н.Гербель, который, разбирая после смерти Н.Прокоповича его архив для издания сборника “Стихотворения Н.Я.Прокоповича” (1858), пришел к выводу, что влияние Н.Гоголя на Н.Прокоповича и наоборот было активно обоюдным. В качестве приложения к сборнику Н.Гербель напечатал статью “Николай Яковлевич Прокопович и отношение его к Гоголю”. В ней он писал: “С полгода тому назад умер Прокопович, лучший друг Гоголя, тихо и безвестно, как жил. Он сошел в могилу, как скромный незаметный деятель, принеся известную долю пользы в тесной сфере своей деятельности и далеко не осуществив тех надежд, какие возлагали на него Гоголь и другие, близкие к нему и умевшие ценить его

люди. Несмотря на свою несомненную даровитость, он никогда не пользовался известностью в публике как поэт, тогда как в тесном кружке его друзей-литераторов, во главе которых стоял Гоголь, в нем чтили талантливого писателя и постоянно сетовали на то, что он печатал мало и неохотно. И если публика не знает поэта Прокоповича, то хорошо знает Прокоповича – друга Гоголя, имевшего на автора “Ревизора” и “Тараса Бульбы” сильное и благотворное влияние до самого 1843 года, когда Гоголь, вследствие разных причин, в разбирательство которых входить здесь не место, охладил к своим старым друзьям и нашел новых...” [13].

Ушел из жизни Н.Прокопович в 47 лет. Похоронен на Смоленском кладбище в Петербурге. Он “был одним из них скромных деятелей, которые в отведенном им судьбою тесном круге действуют честно и благородно, часто сами не замечая благотельного влияния, оказываемого ими на развитие мысли в людях, встречающихся им на их одинокой дороге. Знавшие его коротко сохраняют в нем воспоминание, как о человеке, способном к самой преданной и бескорыстной дружбе; а многие сотни его учеников долго не забудут своего любимого учителя, его увлекательную речь и простое, чуждое педантизма, преподавание” [14].

В круг Гоголя входил и Василий Васильевич Тарновский (1810–1866) – известный юрист, литератор. Он закончил Нежинскую гимназию высших наук в 1826 г. В гимназии В.Тарновский поддерживал тесные связи со многими товарищами, в том числе и с Н.Гоголем. Он участвовал в выпуске альманахов, составлении всеобщей истории, увлекался юридическими науками. Поэтому после окончания Гимназии продолжил учебу на юридическом факультете Московского университета.

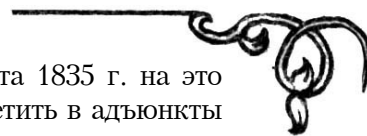
Работая по контрольному ведомству в Петербурге, В.Тарновский продолжал поддерживать дружеские отношения с нежинцами, бывал у Гоголя. Однако чиновничья служба ему не нравилась, и он начал готовиться к научной преподавательской деятельности. С этой целью он перешел на должность старшего учителя русской истории в Житомирскую гимназию.

Сохранилось три письма Н.Гоголя к В.Тарновскому, написанные в Петербурге в 1833–1834 годах. В них Гоголь вспоминал добрым словом своих товарищей по Гимназии Г.Высоцкого, П.Редкина, братьев Прокоповичей, Н.Бороздина и др. О Н.Кукольнике сообщал: “Кукольник навалил дюжину дюженных трагедий”.

В одном из писем он не советовал В.Тарновскому переходить в Нежин, ибо “охота же возиться с этой дрянью, каковы, например, Мазепич, Самойленко, Лопушевский, Урсо и прочие”. Гоголь, давая такую резкую характеристику оставшимся в Нежине преподавателям, понимал, что к этому времени лучший цвет Гимназии уже был уволен.

М.А.Максимович, ректор Киевского университета, с которым Н.Гоголь был в хороших отношениях, искал преподавателя на кафедру и

обратился к нему за советом. Н.Гоголь, отвечая 22 марта 1835 г. на это письмо, замечал: “Я думал об этом, кого бы отсюда наметить в адъюнкты тебе, но решительно нет. Из заграничных всё правоведцы, да притом от них так пахнет семинарией, что уж слишком. Тарновский идет по истории, а потому не знаю, согласится ли он переменить предмет; а что касается до его качеств, то это такой человек, которого всегда на подхват можно взять. Он бодр и свеж чувствами, как дитя, слегка мечтателен и всегда с самоотвержением. Он думает о той пользе, которую можно принести слушателям, и детски предан этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себе, награждают его или нет. Для него не существует ни чинов, ни повышений, ни честолюбия. Если бы даже он не имел тех достоинств, которые имеет, то и тогда я бы посоветовал тебе взять его за один характер. Ибо я знаю по опыту, что значит иметь при университете одним больше благородного человека” [Т. 7, с. 119–120].

В.Тарновский принял приглашение М.Максимовича и некоторое время работал в Киевском университете Св.Владимира, опубликовал несколько научных работ по юридическим проблемам. Был активным сторонником освобождения крепостных крестьян 1861 года.

К сожалению, после смерти родителей вынужден был оставить научное поприще и заняться хозяйством.

На Черниговщине есть прекрасная усадьба Качановка, которой с 1824 по 1853 годы владел дядя Василия Васильевича – Григорий Степанович Тарновский. В этой усадьбе жили, работали, отдыхали, творили Т.Шевченко, В.Забилы, М.Глинка, худ. В.И.Штернберг и многие другие деятели культуры.

В мае 1835 г. Н.Гоголь, уволенный в отпуск, поехал на Украину и посетил Качановку. Здесь он читал комедию “Женитьба”.

Отрывочные сведения говорят о том, что Гоголь бывал в Качановке и позже, в 1837 и 1850-м годах. После смерти Г.С.Тарновского усадьба перешла во владение В.В.Тарновского. Здесь он и провел оставшиеся дни.

Из бывших нежинцев Н.Гоголь поддерживал продолжительное время связь с греком Константином Базили, с которым дружил еще в Гимназии, ибо они вместе принимали активное участие в подготовке спектаклей, выпускали рукописный журнал “Северная заря”, занимались чтением стихов и их обсуждением в литературном кружке.

К.Базили стал известным дипломатом. В 1833 году он приехал из Константинополя в Петербург и сошелся с друзьями по Нежинской гимназии. Он с увлечением следил за творчеством Кукольника и Гоголя и сам начал писать очерки, научно-популярные произведения, в частности, двухтомную книгу “Архипелаг и Греция” (1834), а затем “Очерки Константинополя” (1835), “Босфор и новые очерки Константинополя” (1836), о которых В.Белинский писал, что они “читаются с интересом ни на минуту не ослабевающимся” [15]. Н.Гоголь, познакомившись в 1847 г. с рукописью книги “Сирия и

Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях”, сообщал В.Жуковскому: “К.Базили написал удивительную вещь, которая покажет Европе Восток в его настоящем виде.. Знания бездна, интерес силен” [Т. XIV, с. 52–53].

Н.Гоголь продолжительное время переписывался с К.Базили. В 1848 г. он был генеральным консулом Палестины и Сирии и сопровождал Н.Гоголя по святым местам этих стран. Эта поездка надолго осталась в памяти писателя, ибо она дала ему возможность приобщиться к святым местам, подкрепить свое предназначение в земном мире.

В конце 30–40-х годов Н.Гоголь отходит от большинства своих нежинских “однокорытников” и продолжает поддерживать связь только с отдельными из них, теми, кто для него уже имел практический интерес. Так, например, его интересует В.Любич-Романович, известный в петербургских кругах как поэт, переводчик Дж.Байрона, А.Мицкевича, как возможного информатора. В письме от 10 февраля 1844 г. к П.Анненкову Н.Гоголь, издавший недавно свои “Сочинения” (1842), просит последнего: “Нельзя ли при удобном случае также узнать, что говорится обо мне в салонах Булгарина, Греча, Сенковского и Полевого? В какой силе и степени их ненависть или уже превратилась в совершенное равнодушие? Я вспомнил, что вы можете узнать кое-что об этом даже от Романовича, которого, вероятно, встретите на улице. Он, без сомнения, бывает по-прежнему у них на вечерах. Но делайте все так, как бы этим вы, а не я интересовался. Не дурно также узнать мнение обо мне и самого Романовича” (Т. XII, с. 256).

Как видим, связи Н.Гоголя со многими товарищами по Гимназии носили самый разнообразный характер. С одними (Н.Прокопович, А.Данилевский, И.Пашенко) они были чисто дружеские, хотя и затрагивали творческие проблемы; с другими – профессиональные (К.Базили, Н.Кукольник, П.Мартос); с третьими – приятельские (В.Любич-Романович, А.Мокрицкий) и т. п. В письме из Парижа к Н.Прокоповичу от 25 января 1837 г. Н.Гоголь писал: “Что ты ничего не пишешь обстоятельней о тех литературных новостях, которые хоть и не так сильно выглядывают, но дороги нам потому, что творцы их или кумовья, или другие близкие нам родственники...” И далее Н.Гоголь интересуется творческой и жизненной судьбой Н.Кукольника, К.Базили, А.Мокрицкого, Н.Данченко и др. “Обо всем этом непременно нужно говорить; все это родственники, которые будут интересовать нас в продолжение всей нашей жизни” [16]. Н.Гоголь, несмотря на изменившееся положение, продолжал поддерживать связь со многими представителями нежинской школы. “...Я больше, чем когда-либо, люблю старинные мои связи и прежних друзей моих, особенно тех, с которыми от незабвенного Нежина началась моя дружба”, – признавался он Н.Прокоповичу в письме от 28 апреля 1847 г. И это еще одно подтверждение того, что Нежин был для Н.Гоголя навечно и навсегда.

НЕЖИНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ

 Н.ГОГОЛЯ

В жизни и творчестве Гоголя Нежин занял особое место. Те впечатления о городе, о его богатой церковной архитектуре и монументальной живописи, о его традициях, ярмарках, о жителях-греках и евреях, жизнерадостных и веселых козаках и козачках из Магерок и о многом другом нашли отражение на многих страницах книг писателя, о чем говорилось уже выше. Здесь подчеркнём, что без глубокого знания жизни Гоголя нежинского периода нельзя до конца понять и процесс работы писателя над произведениями, созданными как в первые годы после окончания Гимназии (“Вечера на хуторе близ Диканьки”, “Миргород” и др.), так и последующие. Уже неоднократно указывалось, что детские и юношеские впечатления нежинского периода нашли отражение и в “Ревизоре”, и в “Мертвых душах”, да и в других произведениях Гоголя. Например, в образе Александра Петровича, учителя Андрея Ивановича Тентетникова (первая глава второго тома “Мертвых душ”), немало характерных черт присущих профессорам И.С.Орлаю и Н.Г.Белому, которых так уважал Гоголь. Знакомство с личностными качествами И.С.Орлая и Н.Г.Белому, их влияние на гимназистов, умение увлекать их наукой, понимать душу воспитанников – все это дает нам право утверждать, что Александр Петрович не выдуманный художником идеальный герой, а взятый из жизни. Д.А.Оболенский, который вместе с А.О.Россет

слушал чтение Гоголем этой главы, вспоминал: “По окончании чтения Россет спросил у Гоголя: “Что, Вы знали такого Александра Петровича (первого наставника Тентетникова) или это Ваш идеал наставника?” При этом вопросе Гоголь несколько задумался и, помолчав, отвечал: “Да, я знал такого”. Я воспользовался этим случаем, чтобы заметить Гоголю, что, действительно, его Александр Петрович представляется каким-то лицом идеальным... он сравнительно с другими действующими лицами как-то безжизнен. “Это справедливо, — отвечал мне Гоголь и, подумав немного, прибавил: — Но, он у меня оживет потом” [1].

Описывая учебу юного Андрея Тентетникова, Гоголь также воспроизводит обстановку нежинской гимназии, отмечает в жизни героя такие детали, которые были хорошо знакомы писателю.

А вот свидетельство Мартоса П.И. Он говорил П.И.Бартневу: “...Насчет “Мертвых душ” могу рассказать следующее. ...В Нежине, где мы воспитывались в пансионе, при Гимназии высших наук князя Безбородко, был некто К-ачь, серб; огромного роста, очень красивый, с длинейшими усами, страшный землепроходец, — где-то купил он землю, на которой находится — сказано в купчей крепости — 650 душ; количество земли не означено, но границы указаны определительно. Не знаю, какое присутственное место решилось совершить купчую крепость на эту землю, заложенную впоследствии К-чем за значительную сумму. Что же оказалось? Земля эта была — запущенное кладбище. Этот самый случай рассказывал Гоголю за границей князь Н.Г.Репнин — это я слышал от самого князя Николая Григорьевича”.

Работая над “Ревизором”, Гоголь намеревался связать судьбу своих героев с Нежином. Но затем в процессе шлифовки сцен пьесы, монологов действующих лиц писатель убрал даже малейшие признаки конкретного места действия. Гоголь стремился к типизации явлений, хотя многие нежинские купцы и чиновники могли себя узнать в “Ревизоре”.

Исследователи указывают и на нежинские источники, связанные с написанием исторического романа “Гетман”, в основу которого положена судьба нежинского полковника Остряницы. Произведение было ненаписано, остались лишь отдельные главы. Литературовед З.В.Кирилюк утверждает, что “роман “Гетман” следует рассматривать не как неудачу начинающего писателя, а как ранний этап становления его творческой индивидуальности, когда только наметились, но еще не могли быть реализованы, эстетические принципы художественного освоения жизни, которые совершенствовались в процессе творческого развития” [2].

А трагические события, связанные с расправой над восставшими, в том числе в Нежине, Батурине, Умани и других городах, Н.Гоголь осветил в главе “Кровавый бандурист” ненаписанного романа о судьбе гетмана Павлюка.

Таким образом, Нежин в творчестве Гоголя нашел отражение во многих произведениях как прямо, так и косвенно.

Древний город Нежин таит в своей памяти немало ярких легенд, которые слышал Гоголь. Об этом он упоминает сам или рассказывают его современники. Среди них народные сказания о героическом прошлом нежинцев, которые мужественно защищали свой город от врага. К древним временам относится знаменитая легенда “Нежин-озеро”.

Как свидетельствует народная молва, в южной части нынешнего города, в районе Мигалевки, размещалось глубокое озеро, воды которого очищались источниками. На его берегу стоял посад, с которым связывают существование летописного Нежatina. Как и другие города Киевской Руси Нежатин подвергался нападениям со стороны половцев и татаро-монголов. Легенда гласит: когда к посаду подошли нашественики, его жители героически дрались, но силы были неравными. И на помощь защитникам города пришла природа. Поднялись воды Нежин-озера и накрыли собой город с жителями, втянули их в свою пучину и опустили на дно. С тех пор только один раз в год, в ночь перед Пасхой, только на одно мгновение поднимается с глубин озера этот древний город, который напоминает о былой трагической истории нежинцев.

Возможно под влиянием этой нежинской легенды, родились в сознании Гоголя и слова, воспевающие озерную красоту и таинственность, ибо его всегда привлекало все необычное и загадочно-волшебное. “Ночь казалась перед ним еще блистательнее. Какое-то странное, удивительное сияние примешалось к блеску месяца. Никогда еще не случалось ему видеть подобное. Серебряный туман пал на окрестности. Запах от цветущих яблонь и ночных цветов лился по всей земле. С изумлением глядел он в неподвижные воды пруда: старинный... дом... виден был в нем чист и в каком то ясном величии”. Младший соученик Гоголя по нежинскому лицей Е.Гребенка в несколько иной интерпретации передает эту легенду в своей балладе “Нежин-озеро”. Поэт рассказывает об иезуитском монастыре, который за свои грехи был поглощен водами Нежин-озера:

Убежали в землю своды,
И над ними снова воды
Затянули новый свод.
Ночь прошла, и над востоком
Зарумянилась заря,
А на поле одиноком
Не видать монастыря.
И по монастырским башням,
С плеском, с ропотом всегдашним,
Волны синие бегут,
Непостижно, дивно, тайно
Там шумит широкий пруд:
Этот пруд теперь в Украине
Нежин-озером зовут.
Есть молва, что в ночь святую
Воскресения Христа
На мгновенье тьму ночную
Гонит с озера вода:
Волны примут цвет огнистый,
И далеко, там, на дне,
В недоступной глубине
Виден монастырь нечистый:
В нем огни еще горят,
И как будто в отдаленье
Под водою слышно пенье
И колокола звучат.

И в последующие годы нежинцы обращались к этому озеру как своему спасителю. Во время засухи горожане брали икону Божьей Матери из Николаевского собора и шли к Нежин-озеру, обходили его с божественным песнопением, с крестами и коругвами три раза – и начинался дождь.

В 1829 г. учитель Гоголя И.Кулжинский опубликовал в столичном “Дамском журнале” небольшую повесть “Казацкие шапки”, в которой воскресил легенду о подвиге нежинских женщин. Это сказание было широко известно жителям Нежина, и любопытный к народным преданиям Гоголь также мог его знать: “Эх, старина, старина! Что за радость, что за разгулье падет на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно, и года ему и месяца нет, деялось на свете!” [Т. 7, с. 81].

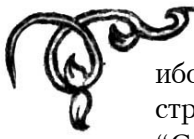
Легенда воскрешала события начала XVIII века, когда шведские войска во главе с Карлом XII накануне Полтавской битвы, заняли часть территории Украины. Нежинский казацкий гарнизон отправился из города на соединение с русскими воинскими подразделениями. Через некоторое время дозорные донесли, что к Нежину подступают шведы. И тогда женщины Нежина и на этот раз проявили свою смекалку: все они оделись в мужскую одежду, надели на головы казачьи шапки и вышли на замковые стены, держа в руках оружие. Шведы, подойдя к Нежину и увидя на стенах крепости большое количество казаков, испугались и отошли от города. Петр I, узнав об этом, выдал специальную грамоту, согласно которой нежинские женщины получили право носить казачьи шапки.

Возможно, эта легенда, отозвалась в сознании Гоголя словами одного из его героев: “Подумаешь право: на что не мастерицы эти бабы!”. Гоголь в своих произведениях воссоздал яркий образ женщины-матери, любящей жены, верной подруги, восхищался их мудростью, талантливостью, находчивостью, дерзостью и коварством.

Особую группу народных преданий составляют фантастические легенды. Город Нежин имеет какую-то особую, таинственную ауру. В этом сравнительно ныне небольшом городе сохранилось более 20 православных храмов, большинство из которых построены во второй половине XVII–XVIII вв.: Николаевский собор, два монастырских собора – Благовещенский и Введенский, церкви – Спасо-Преображенская, Иоанна Богослова, Кресто-Воздвиженская, Васильевская, Покровская, Николаевская, Успенская, Иоанна Предтечи, св. Петра и Павла, Михайловская, Всехсвятская, Троицкая, Богоявленская, Св.Константина и Елены, Вознесенская, Георгиевская, Ильинская, Свято-Александровская, Иоанна Милостивого.

Несмотря на ураганно-разрушительные действия атеистических ревнителей XX века, войны, почти все перечисленные здесь храмы сохранились и ныне возрождаются к духовной жизни, обновляются в своей внутренней и внешней красоте и богатстве.

Гоголь бывал в этих храмах, любовался их живописью, мастерством нежинских резчиков иконостасов, многообразием архитектурных стилей,

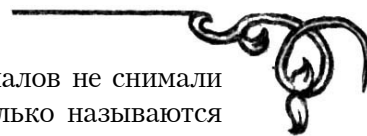

ибо каждая церковь – это уникальное в своем художественном значении строение. В некоторых своих произведениях он запечатлел увиденное: “Свечи теплились перед темными образами. Свет от них освещал только иконостас и слегка середину церкви. Отдаленные углы притвора были закутаны мраком. Высокий старинный иконостас уже показывал глубокую ветхость; сквозная резьба его, покрытая золотом, еще блестела одними только искрами. Позолота в одном месте опала, в другом вовсе почернела; лики святых, совершенно потемневшие, глядели как-то мрачно” [Т. X, с. 169].

Недалеко от Гимназии высших наук кн. Безбородко в районе Магерок за Графским парком находилась Кресто-Воздвиженская церковь, построенная в XVIII веке на деньги нежинского полковника Петра Разумовского. Возле нее похоронены сам полковник и его жена. Эту церковь неоднократно посещал Гоголь-гимназист в храмовые для Магерок праздники. Именно с этим храмом и была связана одна из нежинских легенд, которую мог слышать Гоголь. В ней повествовалось о том, как гроб с умершей панночкой поместили на ночь в Кресто-Воздвиженскую церковь, а для чтения ночной молитвы над усопшей пригласили одного из юных семинаристов. В гробу панночка лежала, как живая, и казалось, что она на некоторое время уснула: губы ее не утратили рубинового цвета, а на щеках вместо мертвенной бледности, пробивался яркий румянец. Очевидно, панночка и впрямь не умерла, а уснула летаргическим сном. Известно только, что посреди ночи она вдруг проснулась, и сердце семинариста не выдержало. Как стоял он среди церкви, так и грохнулся безжизненно наземь.

Трудно ныне сказать, когда родилась эта легенда, сюжет которой воспроизведен в повести Гоголя “Вий”, но то, что и до сих пор в Нежине бытуют фантастические народные легенды, это правда. И подтверждаются они различными реальными случаями, которые происходят в наши дни. Особенно этим отличается “дом с приведениями”, который находится на Лицейской улице, недалеко от Гимназии высших наук. Долгое время он выделялся своей яркой красной окраской. В этом году фасадную часть его от улицы перекрасили в голубой. Это старинное греческое здание XVIII века достраивалось и ныне состоит из двух частей. В южной ее части и до сих пор сохранились кованые из железа ставни на окнах. Здесь жили греки, заводчики братья Черновы, а в советское время получали квартиры приезжие специалисты, которых присылали в город. И всегда в этом доме происходили какие-нибудь необычные происшествия. Нынешние жители подтверждают, что в их доме живет “барабашка”, который постоянно дает о себе знать.

Жители дома утверждают, что сколько бы телеканалов не снимали здесь сюжетов, ничего из этого не получается. Как только называются фамилии жильцов, на записи пропадает звук. Согласно старинной легенде различные происшествия в доме происходят с того времени, когда грека, построившего этот дом, начали изгонять. Грек, хотя и был человек набожный, так разозлился, что взял да и проклял дом. И такое сильное было его проклятие, что и сейчас посреди ночи здесь сами по себе открываются окна да скрипят половицы. А чтобы мало не показалось, так и вторую часть дома однажды прокляли – ее владелец не заплатил мастерам, делавшим там ремонт. Мало того, что сам детей из-за этого не имел, так и в наследство будущим жильцам оставил беспокойного барабашку, который то по крыше пробежит, то форточками захлопает.

Еще во времена Гоголя недалеко от Гимназии жила известная городская ведьма, которая, как гласит легенда, могла превращаться в лягушку (жабу) или в катящееся колесо. Этот дом сохранился до нашего времени. И почти рядом с ее домом стоит другое небольшое двухэтажное здание поляка Шаула, которое также славилось своими чудесами. А сколько невероятных историй рождают подземные ходы, которые существуют в центре города! Соединяют они все храмы или ведут за пределы города, трудно сейчас сказать. Но то что с их существованием связано немало народных легенд, это реальность.

Отголоски этих нежинских преданий находятся в некоторых гоголевских произведениях. Читаешь их – и в сознании воскресают эти народные сказания о различных чудесах, овеянных древней историей, или ведьмах и леших, своеобразно проявляющих свою фантастическую силу и в жизни современных горожан. И хотя с того гоголевского времени прошло более двухсот лет, но живут нежинские легенды, верят в них нежинцы, обогащают их новыми фантастическими деталями.

Город Нежин, в котором прошла юность Гоголя, подпитывал его творческое воображение интересными жизненными деталями, которые обрастали запоминающимися сценами и образами, привлекающими внимание читателей.

ЗДЕСЬ ВИТАЕТ ДУХ Н. В. ГОГОЛЯ

ПАМЯТНИКИ Н.В.ГОГОЛЮ

Нежин навечно вошел в жизнь Гоголя. В свою очередь Гоголь неотъемлем от истории города. Поэтому нежинцы свято чтят его имя. Усилиями руководителей города, горожан, профессоров и преподавателей Нежинской высшей школы, работников библиотеки и театра многое сделано по увековечиванию памяти автора “Тараса Бульбы” и “Ревизора”.

Именем Гоголя названы в Нежине улица, площадь, сквер, университет, библиотека, школа. В городе два памятника писателю и мемориальный музей. Студенты получают Гоголевскую стипендию, а ученые университета работают в Гоголевском центре и изучают наследие писателя, выпускают научный сборник “Гоголеведческие студии”.

Но все это рождалось не само по себе. Инициаторами и творцами всего этого были люди, которые старались сохранить как имя Гоголя, так и воссоздать его дух. Поэтому, повествуя о связях Гоголя с Нежином, хотелось бы вспомнить о некоторых из них и воздать им должное. Прекрасное, созданное усилиями предыдущих поколений, должно оставаться в памяти потомков.

В июле 1880 г. представители местной общественности ходатайствовали перед властями о разрешении на установление в Нежине памятника Гоголю. Одновременно был создан комитет по его сооружению. В его состав вошли инициаторы этого мероприятия члены окружного суда И.Л.Дейкун, С.В.Григорович, А.Ф.Бордонос, Н.Р.Гиппиус, В.Я.Макаров и др., от института – его директор акад. Н.А.Лавровский, профессора М.Я.Аристов,

А.С.Будилович, Н.Я.Грот, преподаватель А.Ф.Хойнацкий, учитель Н.Гоголя писатель И.Г.Кулжинский, товарищ Гоголя – Сидоренко и др. В состав комитета были включены также историк Н.И.Костомаров, писатели И.С.Тургенев, Н.В.Гербель, государственные деятели Н.Х.Бунге, П.А.Кочубей, почетный попечитель Нежинского историко-филологического института А.А.Мусин-Пушкин, предводитель дворянства Нежина В.В.Тарновский, Г.П.Галаган, Н.Я.Макаров, выпускник Физико-математического лицея, мостостроитель Д.И.Журавский и др.

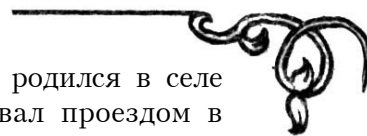
Комитет сразу же начал сбор денег на сооружение памятника. Самыми активными в этом деле оказались студенты и преподаватели Историко-филологического института и работники окружного суда. Они подготовили под руководством отца писательницы Зинаиды Гиппиус Николая Радионовича, который работал председателем окружного суда, спектакли “Женитьба” и “Свадьба Кречинского”. Таким образом, было собрано 520 руб. Позже З.Гиппиус вспоминала: “Гоголя я уже знала, – отец был его поклонником и даже устроил два любительских спектакля (играли его сослуживцы), чтобы в городском сквере этого городишки был поставлен бюст Гоголю. Он и был поставлен. Театра там, конечно, не было, играли в зале Гоголевского института, а репетиции все проходили у нас” [1]. К сожалению, в 1881 г. Н.Р.Гиппиус умер и не дождался открытия памятника.

В сборе денег принимали также участие художники и меценаты. Н.Н.Ге, который жил на хуторе Ивановском Борзнянского уезда Черниговской губернии, где он написал свои лучшие произведения последнего периода жизни, дал на выставку некоторые свои картины. Здесь же были выставлены полотна В.Верещагина и С.Васильковского. Из своих коллекций на выставку представили полотна известных художников из Качановки В.В.Тарновский, а из Сокиринцев – Г.П.Галаган. Эта художественная выставка дала возможность собрать 35 руб. 40 коп.

Кроме этого, в Нежин шли пожертвования. На сооружение памятника внесли 300 руб. братья Терещенко, а В.В.Тарновский и И.И.Билозерский – по 200 руб. Киевское драматическое общество выделило 300 руб., а жена Л.Толстого Софья Андреевна, А.А.Мусин-Пушкин, писатель Н.В.Гербель, П.А.Кочубей по 100 руб. Внесли небольшие суммы также сотни простых людей, которые ценили творчество великого мастера слова. За короткое время комитет собрал 3905 руб.

В выборе скульптора большую помощь оказал почетный член комитета В.Я.Макаров, который договорился в Петербурге с известным скульптором П.П.Забиллой, автором уже многих памятников.

Пармен Петрович Забила (Забелло, 1830–1917) родился в селе Монастырище на Черниговщине, неоднократно бывал проездом в Нежине. Он закончил Петербургскую Академию искусств по классу скульптуры. Первые его работы “Горе”, “Девушка-купальница” были выполнены в реалистическом плане. Через некоторое время он начал работать в жанре портрета. За выполненные барельефные портреты семьи Кочубеев ему в 1869 г. присвоили звание академика. В этом же году П.П.Забила создал в бронзе портретное изображение Т.Г.Шевченко, а в 1872 г. – его мраморный бюст. Это одно из значительных произведений скульптора, которое было широко известно, ибо распространялось в многочисленных гипсовых отливках.

Некоторое время П.П.Забила был за границей. Возвратившись в 1872 г. из Италии, он создал много скульптурных портретов, в частности, М.Салтыкова-Щедрина, В.Маковского, Н.Гоголя, В.Боровиковского. Как отметила критика, эти работы отличались пластичностью форм, композиционной ясностью и содержательностью.

Проявил себя П.П.Забила и как мастер монументальной скульптуры. В 1873 г. он взял участие во Всероссийском конкурсе на лучший памятник А.Пушкину в Москве. Он был также автором надгробного памятника А.Герцену в Ницце (Франция). Все эти работы были созданы скульптором в реалистических традициях, хотя в некоторых из них чувствуется влияние академизма.

Когда В.Я.Макаров обратился к П.П.Забиле с просьбой поработать над памятником Н.В.Гоголя, он дал согласие и через некоторое время представил рисунки самого бюста и первую сумму расходов. Комитет согласился с проектом П.П.Забилы, выделил соответствующую сумму, и автор начал работать. Необходимо было найти архитектора, который подготовил бы пьедестал и оформил площадь. В это время пришел на помощь почетный член Комитета П.А.Кочубей. Он также нашел скульптурное помещение для П.П.Забилы у братьев Ботта в Петербурге. Здесь же была сформирована комиссия из академиков Местмаера, Чижова и Боткина, а также профессора архитектуры Брюллова для художественной и технической оценки бюста и пьедестала. П.А.Кочубей помог собрать еще дополнительную сумму.

На заседании комитета было решено, какие надписи следует установить на пьедестале. Здесь учли советы писателей И.С.Тургенева, Д.В.Григоровича и Н.В.Гербея, а также определили место установления памятника – общественный сквер, который был три года тому назад заложен по инициативе предводителя дворянства Нежинского уезда В.В.Тарновского, хотя были также и другие предложения. В частности, некоторые члены комитета предлагали установить бюст Гоголя против

помещения Нежинского историко-филологического института, где находилась ранее Гимназия высших наук кн.Безбородко. Однако площадь была голой, грязной, а денег на ее оформление не было. Поэтому остановились на сквере по улице Мостовой (с 1881 г. – Гоголевской).

П.А.Кочубей договорился с руководством железной дороги перевезти памятник из Петербурга в Нежин, что и было сделано в августе 1881 г. Николаевская железная дорога перевезла памятник за полцены, Московско-Курская – бесплатно, а Курско-Киевская – возвратила оргкомитету 195 рублей, полученных за перевозку памятника. Бюст был своевременно установлен в молодом всего несколько лет посаженном парке.

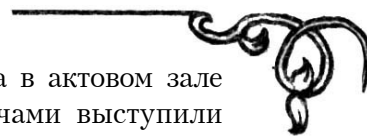
4 сентября 1881 года состоялось его торжественное открытие. В Нежин приехали гости из Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Львова, Минска, Чернигова и других городов. От института процессия с венками цветов двинулась к городскому скверу. Арка, построенная возле памятника, была украшена живыми цветами, а вокруг подножия постамента было возложено много венков.

Арка возле памятника Гоголя. 1881 г.

Председатель оргкомитета И.Л.Дейкун краткой речью открыл митинг и прочитал акт о передаче памятника Н.Гоголю Нежинской городской управе.

Часть улицы Московской была переименована в Гоголевскую, а сквер назвали Гоголевским.

После окончания процедуры открытия памятника в актовом зале института состоялось торжественное собрание. С речами выступили академик Н.Лавровский, преподаватель И.Сребницкий. Поэт Леонид Глибов, выпускник Нежинского юридического лицея, прочитал стихотворение:

Был Гоголь с нами много лет,
И ныне Гоголь перед нами.
Ему почет, ему привет
Достойным делом и речами.
И видит ныне дух его,
Куда стремится Русь родная,
Так оценившая его, –
И старая, и молодая!
Зарею новых, лучших лет
Да озарится наша сфера.

Были также зачитаны телеграммы от многочисленных почитателей таланта Н.Гоголя. Приводим здесь некоторые из них [2].

Видный украинский композитор, автор оперы “Тарас Бульба” Николай Лысенко телеграфировал: “Від щирого серця вітаю пам’ять велетня-поета, що так глибоко розумів і сильно любив свою рідну пісню, про яку казав: “Моя радість, життя моє, пісні! Як я вас люблю!.. Пісні для Малоросії – все: поезія, історія і батьківська могила!” – На народних піснях виховав свої твори Гоголь, а ці твори не раз пробуджували дух поетів і композиторів для щастя і добра своїх братів. Нехай же муза Гоголя і наперед запалює жарким полум’ям щирі серця і народжує нових геніїв на нашій Україні”.

Известный языковед, профессор Харьковского университета Николай Сумцов передавал: “Приношу поздравления по поводу постановки бюста Гоголя. Желаю свободного, широкого развития художественного творчества в Великороссии и Малороссии в народном направлении, чтобы Русская земля производила новых Гоголей и крепла в духовном единении окраин с центрами”.

Фольклорист и писатель Константин Сементовский, выпускник Нежинского физико-математического лицея, из Петербурга телеграфировал:

“Директору Института кн.Безбородко. Позвольте, Ваше Превосходительство, гимназисту и лицеисту тридцатых годов принести через Ваше почтенное посредство городу Нежину душевное поздравление с приобретением исторического украшения в бюсте того, кто, быв обязан Нежину своим образованием, сам сделался потом драгоценнейшим украшением отечественного слова. Ближайшие преемники памятной

Самойленко Г.В.

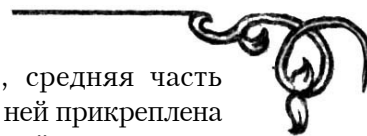
эпохи Гоголя, Редкина, Кукольника, мы всегда памятовали, что служение слову есть великое дело служения бессмертному духу человеческому и в нем – всемирному прогрессу человечества. Монументальный лик Гоголя да напоминает об этом юным питомцам прославленного его именем заведения”.

Памятник Н.Гоголю в Нежине. Скульптор П.Забил

Памятник ныне находится в центре города в сквере им.Н.Гоголя. Он являет собой бронзовый бюст писателя. Голова несколько наклонена вниз, на лице выражение глубокой философской задумчивости и отреченности.

Бюст опирается на четырехугольный постамент, средняя часть несколько заужена. Верхняя же часть создает карниз. На ней прикреплена небольшая бронзовая доска с отлитой надписью: “Гоголь”.

На средней части постамента на лицевой ее плоскости прикреплена бронзовая доска с отлитой на ней надписью:

“...Определено мне чудной властью...
Озирать жизнь сквозь видный миру
смех и незримые, неведомые ему слезы!”

На задней плоскости постамента также прикреплена бронзовая доска с надписью: “Родился в Малороссии 19 марта 1809 года. Воспитывался в гимназии Высших наук князя Безбородко с 1821 по 1828 г. Умер в Москве 21 февраля 1852 года. Погребен в Московском Даниловом монастыре”.

Надписи сделаны по старому правописанию.

Постамент установлен на большом стилобате в форме срезанной четырехугольной пирамиды, выложенной бетонными плитами.

С лицевой и оборотной стороны стилобата – гранитные ступеньки, которые ведут к подножью постамента. Памятник огражден металлическими столбиками, соединенными между собой массивной чугунной цепью. Впереди по краям памятника стоят фонари.

Территория вокруг памятника выложена бетонными плитами. В 1968 г. были проведены реставрационные работы. Стилобат памятника был облицован бетонными плитами.

На территории Нежинского педагогического института им. Н.Гоголя долгое время стоял небольшой памятник писателю. Бронзовый бюст был установлен на постамент, который служил для иного памятника. Но именно таким он вошел в сознание многих поколений студентов.

В сентябре 1970 г., когда Нежинская высшая школа отмечала 150-летие своего открытия, было решено установить новый памятник писателю между старым и новым корпусами в чудном окружении различных видов кустов и деревьев. Здесь всегда красиво в любое время года.

Бюст Н.Гоголя был изготовлен скульптором Киевского живописно-скульптурного комбината Михаилом Григорьевичем Гриншпуном. Финансировали изготовление скульптурного портрета Нежинская городская организация охраны памятников истории и культуры (2000 руб.), а также Нежинский городской комитет комсомола (1000 руб.).

Скульптурный портрет Н.Гоголя был установлен руководством института в 1975 году.

Памятник представляет собой скульптурный бюст писателя из серого гранита, установленный на постаменте, изготовленным из забетонированного гравия. К постаменту прикреплена надпись “Н.В.Гоголь”, составленная из отдельных букв.

*Памятник Н.Гоголю на территории университета.
Скульптор М.Гриншпун*

В 1990 г. постамент был заменен. Он был заужен и стал выглядеть более эстетично.

Площадка вокруг памятника вымощена железобетонными плитами. Возле нее растут декоративные кусты, плакучие рябины и цветы. В глубине памятник Н.Гоголю окружают деревья различных пород.

В это же самое время был снят старый памятник Н.Гоголю возле института и на его месте 31 октября 1990 г. установлен бюст одному из основателей Гимназии высших наук графу Илье Андреевичу Безбородко, который долгое время хранился в запасниках Музея русского изобразительного искусства в Киеве. Благодаря стараниям ректора Нежинского педагогического института академика Ф.С.Арвата он был восстановлен на территории того учебного заведения, с созданием которого были связаны последние годы жизни графа. Памятник свидетельствует о том, что благодарные потомки не забыли о гражданском подвиге И.А.Безбородко, помнят, что благодаря именно ему они имеют возможность обучаться в нежинском вузе.

МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА НА ЗДАНИИ ИСТОРИКО- ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

День 14 апреля по старому стилю 1909 года выдался ясным и теплым. Яркое весеннее солнце заливало своим светом белое здание бывшей Гимназии высших наук, где располагался Нежинский историко-филологический институт. Оно играло на венках из живых благоухающих цветов, принесенных учащимися всех учебных заведений города для возложения у подножия памятника Гоголя. Оживление, приподнятое настроение ощущалось везде. Тысячная толпа, запрудившая институтский двор, ждала открытия мемориальной доски на здании института.

Митинг возле здания Историко-филологического института во время открытия мемориальной доски. Открытка 1909 г.

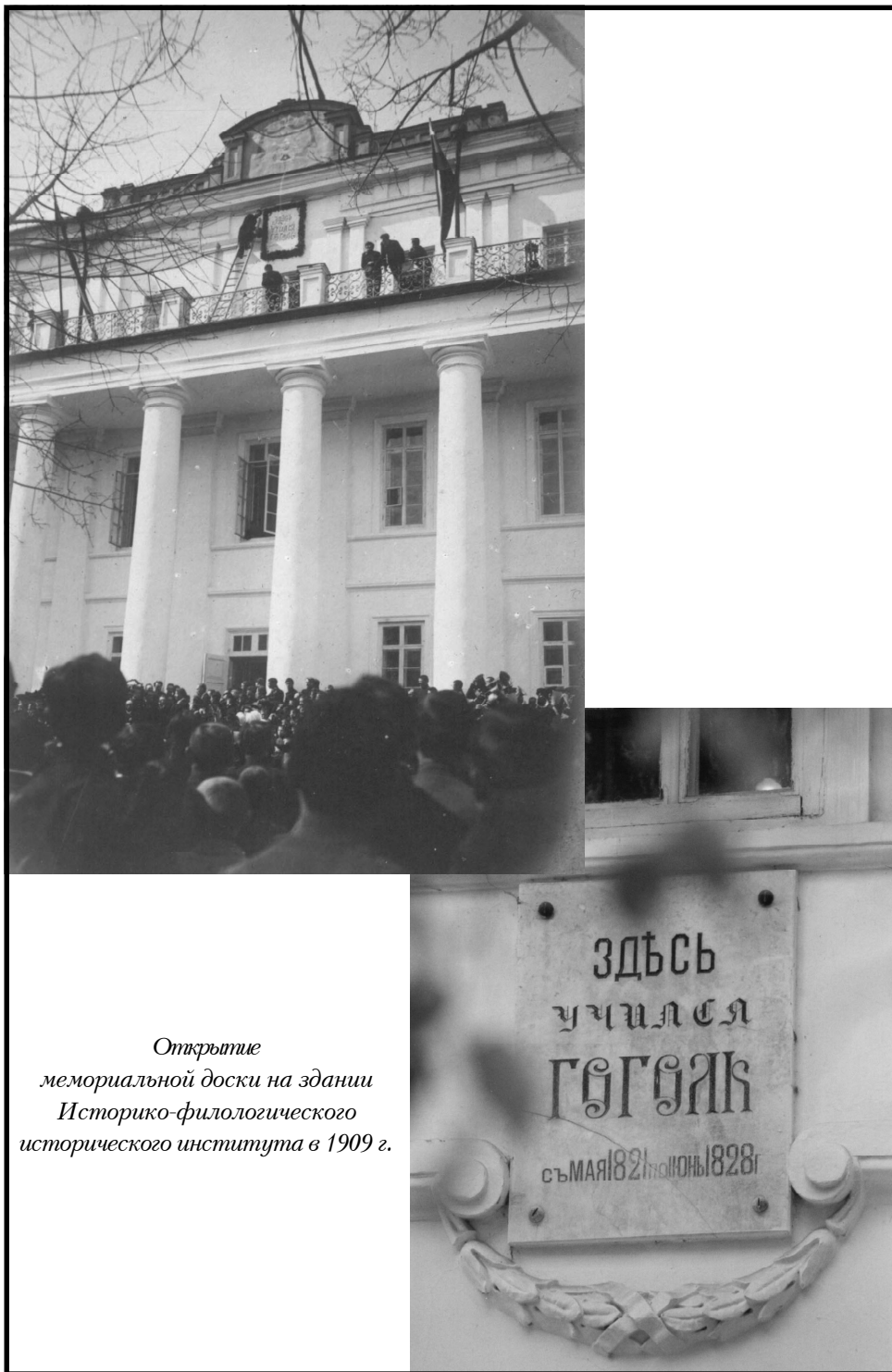
Самойленко Г.В.

Около 10 часов вышел из парадного подъезда директор института профессор Иван Иванович Иванов. Он произнес речь о пребывании Гоголя в Нежине, учебе в Гимназии высших наук. Говорил он всегда ярко, выразительно. Логикой мыслей и богатством выразительных художественных средств он захватывал аудиторию. Он был прекрасным оратором.

По окончании речи под звуки соединенного хора учащихся города Нежина и духового оркестра, которые исполнили кантату и “Славу” Гоголю, было сдернуто покрывало с памятной доски и взорам многочисленной, обнажившей головы толпы открылась на белом фоне институтского здания обвитая барвинками доска сероватого мрамора, на которой была выбита надпись золотыми буквами: “Здесь учился Гоголь с мая 1821 по июнь 1828 года”. Участник этого события записал: “Звуки хора чистых детских и юношеских голосов, могучие раскаты духового оркестра, крики “ура” – все слилось вместе и впечатление получилось сильное, неизгладимое...” [1].

Позже доску перенесли со стены 3 этажа и разместили над центральной входной дверью, где она находится до настоящего времени на здании Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя.

*Открытие
мемориальной доски на здании
Историко-филологического
исторического института в 1909 г.*

*Возложение венков
возле памятника Н.Гоголя
в 1909 г.*

ГОГОЛЕВСКАЯ ШКОЛА

В начале XX века в Нежине функционировали 20 средних и начальных учебных заведений различного типа: приходских двухклассных – 2, приходских одноклассных – 2, городских одноклассных – 2, земских одноклассных – 2, еврейских общинных – 1, частных 3-го разряда еврейских школ – 1, церковно-приходских одноклассных – 9, железнодорожных двухклассных – 1. В них обучался 1891 ученик (1099 мальчиков и 792 девочки). Здесь работало 45 учителей.

Среднее образование давали 2 мужских и 2 женских гимназии, техническое и коммерческое училище, фельдшерско-акушерская школа.

24 января 1901 года в связи с приближением 50-летия со дня смерти Н.Гоголя Нежинская городская дума и его Голова И.Л.Дейкун приняли решение своими силами соорудить в районе Магерок каменное здание для городского парафиального училища. Через год школа была построена. 29 августа 1902 года состоялось освящение здания, а 1 сентября дети сели за парты.

Здание Гоголевской школы, открытой в 1902 г.

24 октября 1901 г. Нежинская городская дума обратилась к правительству с предложением присвоить новой школе имя Гоголя. 13 августа 1902 года городская управа докладывала, что училищу правительством присвоено наименование Гоголевское.

На содержание этого училища было выделено на 1902 г. 250 рублей. На эти деньги содержали учителя и законоучителя [1].

Славное имя Гоголя ныне носит средняя школа №5, которая продолжила историю парафиального училища начала XX века.

Самойленко Г.В.

ГОРОДСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ Н.В.ГОГОЛЯ

В связи со 100-летием со дня рождения Н.Гоголя преподаватели Историко-филологического института, учителя возбудили ходатайство об открытии в Нежине новой библиотеки. Хотя в городе уже существовала бесплатная народная библиотека-читальня Нежинского земства при Земской управе, однако она была очень маленькой (всего две комнаты) и не удовлетворяла запросов жителей города.

Собрание городской Думы 12 апреля 1909 года приняло постановление открыть в Нежине на городские средства общественную библиотеку имени Н.В.Гоголя. Эта библиотека должна была находиться в ведении Нежинской городской Думы.

Начало Гоголевской улицы, где размещалась библиотека

22 сентября 1910 года было предложено открыть библиотеку в помещении, которое раньше принадлежало училищу Руссо де Живен и Селицкой. На должность библиотекаря предполагалось пригласить Елену Васильевну Черноусову.

16 октября 1910 г. на собрании Думы Евмения Ивановича Кашпровского, преподавателя и наставника студентов Историко-филологического института, избрали ответственным лицом, который должен был непосредственно наблюдать за исполнением в библиотеке законов и правил о цензуре и печати. Но через некоторое время

Кашпровский умер, и на его место был избран директор городской мужской гимназии Петр Александрович Заболотский.

Была также утверждена библиотечная комиссия в составе 9 человек. На нее возлагались обязанности: определять годичную смету на содержание библиотеки, составлять списки по выписке книг и периодических изданий, изыскивать меры к увеличению средств путем приема пожертвований в пользу библиотеки книгами и деньгами и т.д.

22 января 1914 года Нежинская городская Дума заслушала доклад о выполнении Постановления от 18 декабря 1913 года об открытии общественной библиотеки им.Н.В.Гоголя. Комиссия решила: “Для выработки устава и штата библиотеки и постановления смет расходов по ее содержанию избрать подкомиссию из членов И.Р.Медведева, П.А.Заболотского и Н.В.Матвиенко и просить заключение ее доложить училищной комиссии”. Собрание Думы вынесло резолюцию: “Принять к сведению”.

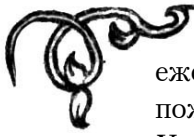
Однако до 1917 года вопрос об открытии библиотеки в силу различных причин не решался, хотя ее организаторам удалось добиться постановления Думы о ежегодном выделении денег (в сумме 500 руб.), вплоть до начала ее функционирования.

П.А.Заболотский пожертвовал в будущую библиотеку 500 томов книг 300 наименований, и этим создал хорошую традицию оказания помощи библиотеке. Кроме этого, была приобретена ценная историческая библиотека умершего преподавателя Историко-филологического института Е.И.Кашпровского, а также частная библиотека русских и западноевропейских классиков госпожи Богуш. Таким образом, постепенно сформировался фонд библиотеки, но само ее открытие затягивалось. Лишь 21 февраля 1917 года после молебствия в зале Думы состоялось открытие Нежинской городской публичной библиотеки имени Н.Гоголя [1].

Для библиотеки временно был отведен один классный кабинет в городской мужской гимназии, директором которой был П.А.Заболотский. Он же, избранный председателем правления библиотеки, составил алфавитный и предметный каталоги, классифицировал книги, помогал библиотекарю, который за 25 руб. в месяц выдавал книги 4 раза в неделю на дом, так как первоначально не было читального зала.

Фонд библиотеки в течение года с 1500 книг 750 названий удвоился. Возрос и интерес читателей. Если сначала книгами библиотеки пользовались 40–50 человек, то к концу года их было уже 600. Как свидетельствуют документы, основными читателями являлись учащиеся старших классов, жители города еврейской национальности [2].

Библиотека переживала трудности, потому что не все члены городской Думы к ней относились с пониманием и тормозили выделение

ежегодных 500 руб. И если бы не было благотворительной помощи, пожертвования книгами, то библиотека вряд ли смогла существовать. Хотя и последующие годы не были простыми для библиотеки, ее работники жили надеждой, что городская публичная Гоголевская библиотека будет достойна имени Гоголя и города и с честью будет выполнять свое предназначение.

В 20–30-е годы XX века фонды библиотеки пополнились новыми книгами. Она переехала в специально отведенное помещение (на улице Гоголя, 2) и пользовалась большой популярностью у рабочих, интеллигенции, студентов, учащихся. Так, с 24 февраля по 8 мая 1920 г. ее посетили 922 человека, которым было выдано 5154 экз. книг. Библиотека стояла рядом с фундаментальной библиотекой педагогического института и вместе они составляли книжный комплекс.

Началась Великая Отечественная война. 14 сентября 1941 года фашисты оккупировали Нежин. Работники библиотеки старались спасти фонды. Однако, отступая, 14 сентября 1943 года за день до освобождения города, фашисты взорвали библиотеку. Погиб весь книжный фонд, так любовно оберегаемый работниками библиотеки.

После освобождения Нежина усилиями общественности и населения города библиотека была возрождена. Сначала она занимала две комнаты в институтской библиотеке, которую спасли от взрыва ее работники, а затем ей предоставили новое помещение. Правда, имя Гоголя в трудный для библиотеки послевоенный период не восстановили. Дело в том, что сменились работники довоенного времени, и никто не вспомнил о том, что библиотека носила имя великого писателя. Так она, “безымянная, кочуя из одного помещения в другое, выполняла свои просветительские функции. В 1962 г. городская библиотека получила новое здание на улице Стефана Яворского, где находилась до 2001 года.

В 1997 г. научно-методический отдел Черниговской области центральной библиотеки им. В.Короленко начал более основательно изучать историю библиотек региона и установил, что Нежинская городская общественная библиотека носила ранее имя Н.Гоголя. Поэтому решением 15 сессии XXIII созыва Нежинского городского совета в октябре 2000 года Нежинской центральной городской библиотеке было возвращено имя Николая Гоголя.

Ныне библиотека находится в новом здании, занимая два этажа Дома книги. Здесь просторно, удобный читальный зал, хорошие помещения для хранения книг, которых в библиотеке более 126 тыс. Это прекрасное хранилище знаний ныне посещают 7,5 тысяч читателей, среди них около 4 тыс. молодежи. Ежегодно им выдается 172,5 тыс. книг.

Библиотека им.Н.Гоголя проводит большую методическую и организационную работу. Усилиями ее сотрудников Середы Надежды Андреевны, Петрик Зинаиды Филипповны, Хачатурян Руфины Михайловны (с 1986 г. она – директор библиотеки), Екименко Елены Евгеньевны. Ефремовой Аллы Федоровны, Гловач Людмилы Станиславовны и других систематически проводятся библиотечные обзоры новых поступлений литературы, презентации книг, заседания литературных гостиных, встречи с писателями, интересными людьми города и т.д., а также мероприятия, связанные с жизнью и творчеством Гоголя. Работники библиотеки хорошо понимают: носить имя великого писателя – ответственно и почетно.

Дом книги, где находится библиотека им. Н.Гоголя

МУЗЕЙ Н.ГОГОЛЯ

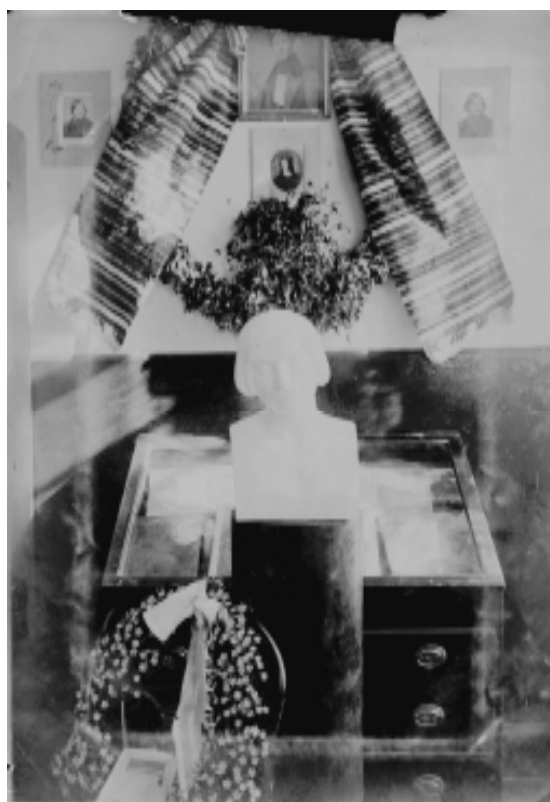
В 1909 году в связи со столетием со дня рождения Н.Гоголя доцент П.А.Заболотский при поддержке профессора М.Н.Сперанского и директора института профессора И.И.Иванова занялся сбором материалов и документов, связанных с жизнью и творчеством писателя. Из Москвы, С.-Петербурга, Твери, Варшавы, Одессы, Львова и Нежина поступили материалы от В.П.Авенариуса, В.Бахмана, А.П.Бахрушина, М.Н.Бережкова, В.Н.Болотникова, А.А.Брока, И.И.Барановского, С.П.Виноградова, В.А.Дубянского, П.А.Заболотского, И.А.Иванова, Н.Н.Коротнева, А.И.Кулжинской, С.В.Кульженко, И.Н.Михайловского, П.А.Незнамова, В.К.Пискорского, А.Н.Пыпина, В.И.Резанова, В.Н.Рогожина, Н.А.Россет, М.Н.Сперанского, И.А.Сребницкого, А.И.Станкевича, И.Д.Сытина, К.Е.Троцины, Н.В.Тулупова, И.Г.Турцевича, И.Я.Франко, К.А.Фишера, В.А.Францева, В.И.Шенрока, А.И.Шнука, А.И.Шувалова, Н.В.Шугурова, П.И.Щукина, П.И.Юргенсона и др. На основании этих материалов и была открыта в эти торжественные дни Гоголевская выставка.

Перед посетителями предстали редчайшие экспонаты, связанные с жизнью и творчеством великого писателя. Архивные документы Гимназии высших наук, портреты учителей и соучеников Гоголя дали возможность воссоздать атмосферу, в которой он находился в период учебы. Довольно много было продемонстрировано на выставке портретов

*Бюст Гоголя в актовом зале института.
Фото 1909 г.*

*В зале музея Гоголя
в институте.
Фото 1909 г.*

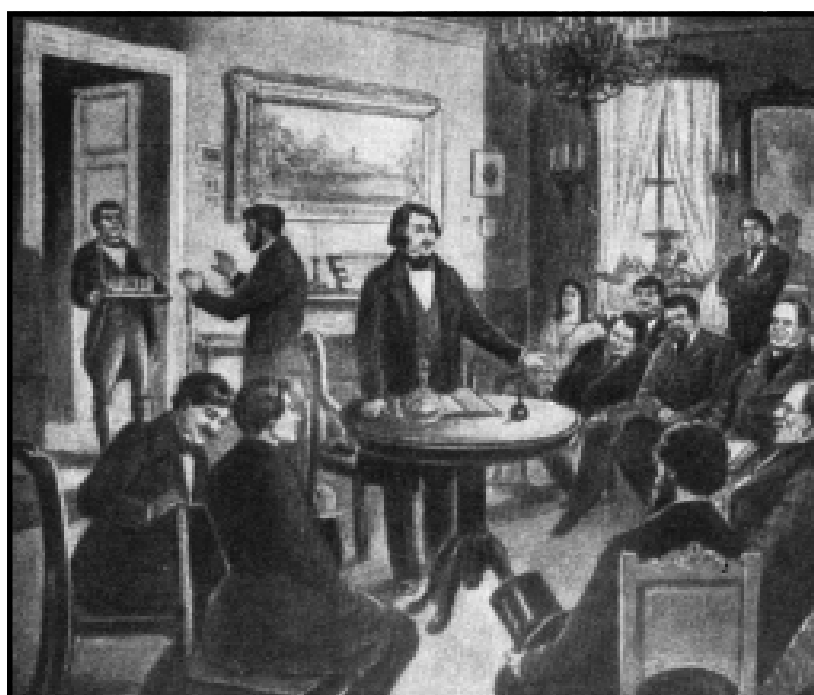
Н.Гоголя, поступивших из разных мест, а также опубликованных в журнальных и книжных изданиях: это два портрета Гоголя в гимназическом мундире, портреты работы А.Г.Венецианова (1834 г.), академика Жерена (1836), Мазера (1840 и 1843 гг.), Ф.А.Моллера (1841) [1], А.А.Иванова (1841 г.), И.Е.Репина (1845), Э.Мамонова (1852), их копии, выполненные различными мастерами в технике фототипии, акварели, гравюры, гелиогравюры, литографии, хромо-литографии, цинкографии, гравюры на дереве и др.

*Портрет Н.Гоголя.
Худ. К.П.Мазер, 1840 г.*

Кроме этого, здесь экспонировался групповой портрет писателей в кабинете В.А.Жуковского (1836). Это один из редких портретов Гоголя во весь рост. Здесь же были рисунок П.А.Каратыгина (1836), написанный во время генеральной репетиции “Ревизора” за кулисами Александринского театра в С.-Петербурге; портрет Гоголя, читающего “Мертвые души” в доме Нарышкиных в Москве по возвращении из-за границы (1839); Н.Гоголь и русские художники в Риме (1845); Н.Гоголь в гробе (1852), запечатленный Э.А.Мамоновым несколько часов спустя после кончины

писателя, а также рисунок Ф.Андреева. Здесь же были представлены и другие произведения изобразительного искусства, в частности, рисунок Солоницына “Последние дни жизни Н.В.Гоголя: сожжение “Мертвых душ”, картина М.П.Клодта “Пушкин у Гоголя” (1831) и его рисунок “Гоголь сжигает “Мертвые души” (1852), композиция В.Волкова “Гоголь в Васильевке слушает лирника” (1898), рисунок Табурина “Гоголь, читающий “Ревизора” перед артистами Московского театра” (1851), написанный на основе воспоминаний И.С.Тургенева и др. Здесь же демонстрировался и бюст Гоголя работы П.П.Забилы для памятника в Нежине (1881).

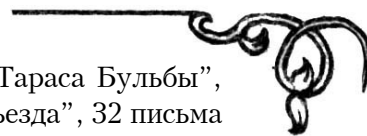
*Гоголь читает “Ревизора” актерам Малого театра.
Гравюра с рисунка Табурина*

На выставке были представлены различные изобразительные материалы, связанные с местами жизни писателя: Васильевка, Диканька, Нежин, Гимназия высших наук кн.Безбородко, Рим, Неаполь, Оптина пустынь, загородный губернаторский дом в Калуге.

Большой раздел занимали бумаги Н.Гоголя. Это письма, афиши о постановке “Ревизора”, списки учеников, принятых в 1820–1821 годах в Гимназию высших наук, в которых значилось имя – Н.Гоголь-Яновский, рукописи “Мертвых душ”, т. 1, а также наброски к нему,

редакции с правками автора “Портрета”, “Игроков”, “Тараса Бульбы”, “Ревизора”, “Тяжбы”, “Лакейской”, “Театрального разъезда”, 32 письма Н.Гоголя к Н.Прокоповичу и др., которые были приобретены Григорием Александровичем Кушелевым-Безбородко после смерти писателя и подарены Нежинскому юридическому лицее. Все эти материалы хранились в библиотеке Историко-филологического института до 1934 г., а затем переданы в библиотеку АН Украины (ныне Национальная библиотека им.В.Вернадского в Киеве) [2].

На выставке были представлены уже изданные произведения писателя, в частности, первые их публикации: “Ганц Кюхельгартен (1829), “Вечера на хуторе близ Диканьки” (1831–1832), “Миргород” (1835), “Арабески” (1835), “Ревизор” (1836), “Похождения Чичикова, или Мертвые души” (1842), “Выбранные места из переписки с друзьями” (1847), “Сочинения Гоголя” (1855–1856) и другие. Выставлены были также журналы, в которых принимал участие Н.Гоголь как автор, переводы его произведений на различные языки, в том числе и на украинский язык. На выставку прислал из своей личной библиотеки переводы произведений Н.Гоголя на украинский язык Иван Франко из Львова. Известный украинский писатель сам занимался переводом “Мертвых душ” и других произведений Гоголя, высоко ценил его творчество. Поэтому подбирал все переводы, которые выходили в Галиции.

В Нежин были отосланы Иваном Франко книги “Вечерниці” (оповідання М.Гоголя) в переводе Михаила Обычного и Леси Украинки под редакцией Олены Пчилки (Львов, 1885), “Вечори на хуторі близ Диканьки” в переводе Ксенофонта Климовича, изданные также во Львове в 1864–1865 гг. Михаилом Порембой.

Кроме этих книг, И.Франко также послал переводы “Тараса Бульбы”, выполненные М.Л. в 1883 г., В.И.Щуратом в 1900 г.

На выставке демонстрировались в переводе на украинский язык “Ревізор” и “Мертві душі”, а также переделки произведений Н.Гоголя для сцены, сделанные М.Старицким: “Утоплена”, “Різдвяна ніч”, “Сорочинський ярмарок”.

Свое место в этой богатой экспозиции занимали монографии и статьи о Гоголе, музыкальные произведения на гоголевские темы, рисунки писателя, а также иллюстрации к его произведениям различных художников, портреты родных и близких писателя, его современников, с которыми он общался, а также его почитателей, фотографии артистов, участвовавших в спектаклях по произведениям Гоголя, художников-иллюстраторов.

В последующие дни и месяцы выставка пополнялась новыми экспонатами. Председатель Государственной Думы Н.А.Хомяков,

крестник Гоголя, прислал 14 сентября 1909 г. бюст писателя, а Диевский из Одессы подарил барельеф Гоголя. Нежинское городское начальство распорядилось передать на выставку венки, возложенные к памятнику Гоголя 14 апреля 1909 г. [3].

После торжеств все могли посетить выставку. Однако позже дирекция Историко-филологического института кн.Безбородко приняла решение открывать ее для всех желающих посетителей лишь по воскресеньям с 11 до 14 часов.

Значительная часть этой экспозиции стала основой для создания музея Гоголя в Нежине. П.А.Заболотский, который стоял у истоков создания музея, писал: “Пройдут годы; теперешнее поколение, праздновавшее 100-летие рождения Гоголя, сменят новые поколения; на месте теперешних Историко-филологического института и гимназии кн.Безбородко возникнут, быть может, учебные заведения иного типа, — но пока будет жива у русских людей благодарная память о бессмертном представителе художественного реализма и общественного направления в русской литературе, до тех пор будет окружаться благоговением и вниманием здание, на котором с 14 апреля 1909 г. красуется надпись “Здесь учился Гоголь” и при котором учрежден Гоголевский музей”.

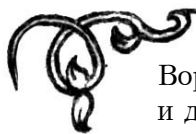

П.А.Заболотский

*Центральная лестница в
Гоголевском корпусе университета*

Прошло с того памятного времени 100 лет. За это время музей Гоголя переживал периоды расцвета и спада, когда его экспозиция была закрыта для всеобщего обозрения, потому что она находилась в здании института. Но начиная с 20-х годов XX века музей стал доступен широкому кругу почитателей творчества писателя. В 1967 году музею было присвоено наименование “Народного”. И это не случайно, так как в последние годы в нем побывало более 8 тысяч экскурсантов из различных стран мира: Монголии, Китая, Чехословакии, Узбекистана, Беларуси, Азербайджана, Финляндии, Германии, Сенегала, Нигерии, Мадагаскара, Гайаны, Австралии, Канады, Ирана, Японии, Палестины, Болгарии, Эфиопии, Сирии и многих других. Это, как отдельные экскурсанты, так и большие группы студентов и учеников, учителей и военных, рабочих, колхозников и служащих – из многих мест Украины, а также из Москвы, Ленинграда, Баку, Ашхабада, Калининграда, Владимира, Тарды, Кургана, Новокузнецка, Волгограда, Тюмени, Тирасполя, Южно-Сахалинска, Орла, Томска, Минска, Новозыбкова, Петропавловска, Иванова, Свердловска, Кишинева, Ташкента,

Воронежа, Целинограда, Архангельска, Даугавпилса, Шауляя, Брянска и других городов.

Для каждого посетителя представляли интерес не только экспонаты, которые находились в залах музея, но и само здание бывшей Гимназии высших наук, в которой учился Гоголь и которое сохранилось до нынешнего времени в своем первоизданном виде.

Колоннада, поднятая на уровень высокого цоколя с парадной лестницей, приглашает посетителей в Храм науки. Торжественно, в приподнятом настроении входят экскурсанты в это здание. По центральной лестнице поднимаются они на второй этаж. И их встречает Гоголь, барельеф находится на одном из простенков лестничной площадки.

*Фрагмент печи
в спальне гимназистов*

И вот второй этаж. Здесь почти все сохранилось в том же виде, что и при Гоголе. Внутренние помещения с той поры не перестраивались, сохранились “гимназическая зала”, “класная зала”, помещения спален на третьем этаже, на который можно подняться по боковой деревянной лестнице, стоптанной ногами нескольких поколений студентов. Сохранились интерьеры: огромные белые печи, решенные в ордерной системе с чугунными дверцами и рельефным украшением, камин и т.д. Немного изменилось только внутреннее убранство зала, в котором гимназисты ставили спектакли. В 1984 г. черниговский художник-монументалист, член Союза художников Украины, лауреат Украинского фонда культуры Е.М.Крип предложил сделать росписи стен зала на сюжеты произведений Гоголя. После острых дискуссий проект был принят. Его прежде всего поддержали ректор института академик Ф.С.Арват и автор этих строк, а также отдельные преподаватели, хотя против него выступили многие участники встречи.

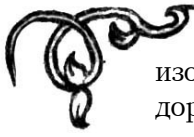
Вся композиция росписи на гоголевские сюжеты состоит из 6 картин. Их размещение своеобразно. На боковой стене, с левой стороны от двери – рисунок, который условно начинает композицию, посвященную “петербургским повестям”. Эту тему художник продолжил развивать и на трех других рисунках центральной стены. Здесь изображены отдельные предметы, фигуры, которые входили в художественный мир петербургских повестей и “Ревизора”.

Лекция в Гоголевской аудитории

Они выполнены в светло-голубых и зеленоватых приглушенных тонах. Росписи переносят зрителя в причудливый мир Гоголя с его условностью и сложностью. На задней стороне, прилегающей к двери, на большом монументальном полотне изображены запорожские казаки и Тарас Бульба, убивший своего сына Андрия за измену Отечеству и казацкой клятве. Здесь больше ярких красок, особенно красных. Знамена, жупаны и шаровары, да и весь фон потопают в этом пурпурном цвете.

Смена красок в сцене о казаках не случайна. Художник так резко меняет цветовую гамму потому, что здесь воссоздается мир свободолюбия, который приобретается ценою крови на поле брани. Роспись приобретает черты батальной монументальной живописи. Все ее части подтянуты к правой стороне, расположенной между двумя окнами, на которой в той же зеленовато-голубоватой тональности

изображена знаменитая гоголевская тройка, которая несется вдаль по дороге. Роспись Е.Крипа поражает и своей масштабностью, и оригинальностью видения гоголевского мира. И хотя не все воспринимают работу художника однозначно, но никто не остается равнодушным.

Познакомившись с интерьером и мемориальными помещениями бывшей Гимназии высших наук, далее посетитель попадал в музей Гоголя, который ранее занимал две больших комнаты в правом крыле здания на втором этаже. В одной из них во время учебы Гоголя размещалась библиотека, созданная на общественных началах: студенты привозили свои книги, выписывали журналы и таким образом создали свою библиотеку. Библиотекарем в ней был Николай Гоголь.

Вплоть до 30-х годов XX в. музей основывался на экспозиции, собранной П.А.Заболотским. Когда рукописи Н.Гоголя передали в Киев, начали искать новые материалы, которые были бы связаны с жизнью и творчеством писателя

В 1939 году в связи со 130-летием со дня рождения Н.Гоголя и присвоением его имени Нежинскому педагогическому институту была подготовлена экспозиция в 2-х комнатах. В первой демонстрировалось около 200 иллюстраций, портретов, фотоэтюдов, зарисовок, картин и других материалов, связанных с жизнью и творчеством писателя, а также редкие экземпляры старых и новых изданий произведений Гоголя.

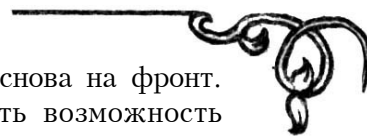
В другой комнате разместилась выставка материалов, связанных с постановкой “Мертвых душ” в Ленинградском художественном академическом театре имени М.Горького и “Ревизора” в Государственном академическом Малом театре. Здесь были выставлены также зарисовка заслуженного деятеля искусств художника Гремиславского “Вечеринка у губернатора”, эскиз костюма Манилова и др.

В годы фашистской оккупации музей не функционировал.

После освобождения Нежина от фашистских захватчиков музейная экспозиция была восстановлена. В здании педагогического института находился госпиталь, и первыми посетителями музея стали военные. Вот некоторые отклики этого времени:

“13 апреля 1944 г.

Сегодня я посетил музей М.В.Гоголя и Т.Г.Шевченко при Нежинском пединституте. Впечатление хорошее. Правда, немецкие мерзавцы обворовали музей. Но даже то, что уцелело, представляет большую ценность. Я бывший преподаватель Семипалатинского пединститута. Я сам читал курс рус. лит. XIX ст. Приходилось мне даже заниматься и творчеством Шевченко. Надеюсь после войны вернуться к своей любимой работе, и, конечно, я никогда не забуду о маленьком нежинском музее двух гениальных братьев – Гоголя и Шевченко.

Я сейчас военнотружачий. Был на фронте. Еду снова на фронт. Буду бить врага. Буду защищать Родину, защищать возможность вернуться к моей любимой работе.

Леонид Мих. Перельгин”.

“20.06.44 г. (неразборчиво)... останутся неизгладимые впечатления от посещения музея.

Герой Сов. Союза

гвардии генерал-лейтенант

танковых войск И.Нирн. (неразборчиво)”.

“Ніжин, Ніжин! Мій погідний краю,

Мій ти ясен цвіт, життя мое!

Я тебе два роки виглядаю,

Я борюсь два роки і не знаю,

Чи у світі що ніжніше є!” –

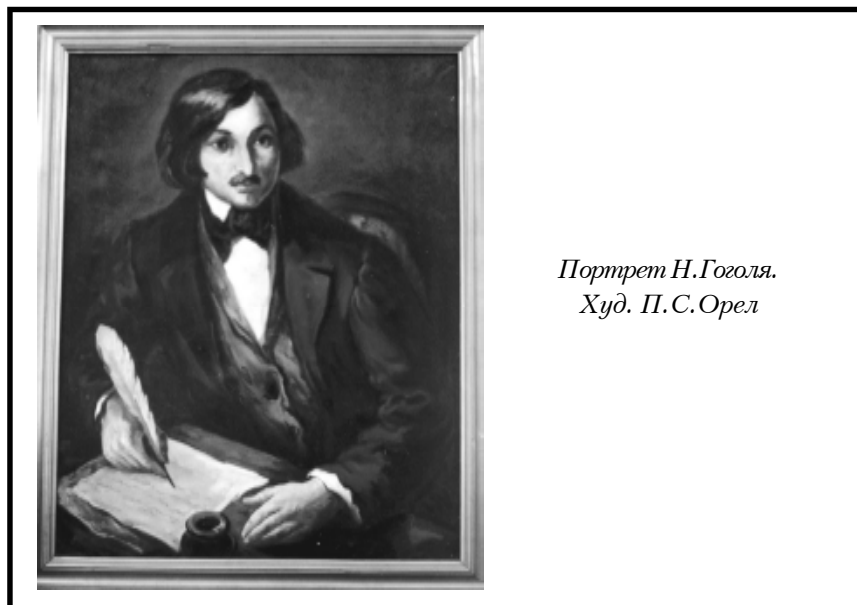
запишет в книге отзывов отрывок из своего стихотворения “Ніжин” (1943 г.) известный украинский поэт Микола Шеремет.

В 50–60-х годах XX в. заведующей музеем была Антонина Николаевна Гулак, которая очень много сделала для пополнения фондов музея новыми материалами. При помощи доцента Г.П.Васильковского и других преподавателей кафедры русской и зарубежной литературы, а также художника Петра Свиридовича Орла в 1959 г. была переоформлена экспозиция. Один из залов был посвящен мировому значению наследия Гоголя. П.С.Орел нарисовал портреты отца и матери Гоголя, которые были помещены в овальные рамы из красного дерева, художественно тонко со своеобразной вязью выполненные мастерами XIX века. Для центрального зала художник создал серию портретов писателей-классиков: А.Пушкина, М.Лермонтова, Н.Чернышевского, Н.Добролюбова, Л.Толстого, М.Горького, а также портрет великого комика, друга Н.Гоголя Михаила Щепкина. П.Орел нарисовал и портрет Н.Гоголя, который отличался не только значительно большей величиной, но и оригинальной композицией. В этом портрете художник выразил свое видение творческой судьбы писателя. П.Орел свидетельствует, что эти портреты не были копиями известных работ. Художественный совет их признал как производственно-творческие работы. В них чувствуется оригинальное творческое лицо художника. Здесь использована и его любимая цветовая гамма, и своеобразная форма, и техника исполнения.

В 1959 г. Н.С.Хрущев передал в дар музею бюст Н.Гоголя в молодые годы, работу известного скульптора С.Д.Меркурова. В музей поступила и работа этого же автора “Н.Гоголь”, большая фарфоровая ваза с изображением на ней портрета писателя, керамические и фарфоровые

Самойленко Г.В.

статуэтки на сюжеты произведений Гоголя. В институт была передана работа скульптора Н.Томского “Портрет Н.В.Гоголя”, отмеченная в 1951 году Государственной премией СССР, а также гипсовая статуя А.Пушкина, копия работы А.М.Опекушина. Все это были подарки Союза художников СССР [4].

*Портрет Н.Гоголя.
Худ. П.С.Орел*

В музее Гоголя. Экспозиция 60–70-х гг.

*Работы скульптора
С.Меркулова
в музее Гоголя*

Самойленко Г.В.

Посетители хорошо отзывались об экспозиции музея этого времени: “9 июля 1959 года в третий раз после Великой Отечественной войны посетил музей Н.В.Гоголя, в котором нашел много интересных экспонатов старины, а также работ молодого художника Петра Орла. Вообще, радостно посещать исторические памятники, которые, к счастью нашему, сохранились после варваров фашизма.

Н.В.Гоголь – это наша гордость Нежина и слава, хранится в веках, ты нерушимый, твое пророчество и сатира не умрут в веках в народе всего мира.

Н.Г.Круглик”.

“8.VIII.1959.

С давних пор мы знаем Нежин и помним этот город, как один из очагов русского просвещения, город, где учился наш великий Гоголь. Мы с большим интересом посмотрели картинную галерею и музей Н.В.Гоголя, пополнив свои знания, и еще больше ощутили чудесные черты украинского своеобразия в ее природе, искусстве, литературе и людях.

Ст. науч. сотр. Ин-та рус. языка АН СССР

Д.Михальчик, Д.Любачевский”.

“22 липня 1968.

Безсмертний дух встає в домі цім,
Титана голос досі не змовкає,
Його перо у сутні поділяє.
Із нами Гоголь у строю однім.
Ол. Бун (неразборчиво)”.

“24.7.1971.

Н.В.Гоголь – вечное светило человеческого гения. Создание и функционирование такого музея при институте – благородное и важное дело, которое сыграет положительную роль в воспитании молодых поколений.

Полковник в отставке Федин”.

“26.IV.86.

Журналісти України, представлені секцією районних газет, із захопленням і почуттям гордості знайомились з матеріалами музею М.В.Гоголя. Будемо насліджувати у своїй творчості літературні традиції нашого великого земляка. А працівникам музею бажаємо поповнювати цю скарбницю новими матеріалами, на яких виховуватиметься наша творча молодь”.

В 1989 году по инициативе и при активном участии автора этих строк, тогда декана филологического факультета, а также зав. музеем Н.И.Корень, доцентов Т.Д.Пинчук, А.Н.Гулак была коренным образом

переделана экспозиция. Основное направление этой работы было связано с расширением материалов о жизни, учебе и творческой деятельности Гоголя-гимназиста, связям писателя с Черниговщиной. Оформляли этот музей художники из Черниговского комбината.

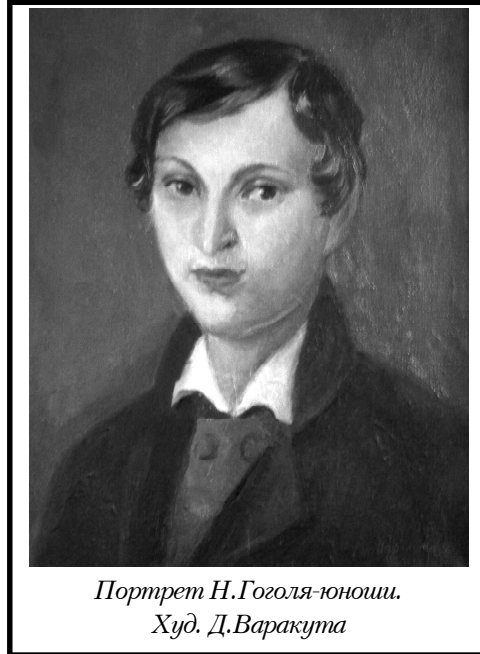
В двух комнатах на 15 стендах были размещены эти материалы.

Рядом с известными портретами отца и матери писателя (работы художника П.Орла) появился портрет 12-летнего Н.Гоголя, написанный черниговской художницей Д.Варакутой на основании изображений отца и матери, а также рисунка XIX века “Гоголь-гимназист”, воспоминаний того времени. Среди других материалов – фотокопии портретов преподавателей и студентов, программы, учебный план, страницы книг учета успеваемости, конспекты гимназистов гоголевского времени.

Особую ценность представляют книги и физические приборы, которыми пользовался Н.Гоголь и другие студенты во время занятий: магнит, насосы, морской компас, вакуумный аппарат и др. В зале музея экспонировалась мебель XIX в.: настольное зеркало, которое свидетельствовало об особенностях стиля русской мебели того времени, письменный стол с двумя креслами, изготовленные в I пол. XIX в., а также письменные принадлежности, туалетный столик, кабинетный шкафчик (“кабинет” XIX в.), созданный в духе традиций известного французского мастера Шарля Артура Буля и сейчас исчезнувшего из обихода.

Самойленко Г.В.

В зале демонстрировались три картины неизвестных художников на античную тематику, которые украшали аудитории Гимназии высших наук гоголевского времени. Одна из них изображает древние Афины. Возможно, эти полотна вдохновили Гоголя на создание пейзажных зарисовок в поэме “Ганц Кюхельгартен”:

Печальны древности Афин,
Колонн, статуй ряд обветшалый
Среди глухих стоит равнин,
Печален след веков усталых...

Специально были написаны для музея новые картины художниками В.Какало “Гоголь читает свои произведения в Графском парке”, А.Н.Шкурко “Допрос Гоголя по “делу о вольнолюбстве”, литографии С.Лифенко, настенная роспись С.Д.Зинченко “Нежинская Гимназия высших наук в начале прошлого века” и др.

Одну из центральных стен занимала большая картина заслуженного художника Украины А.Шкурко “Допрос Гоголя по “делу о вольнодумстве”, на которой изображен Н.Гоголь во время дознания о характере чтения лекций профессором Н.Г.Белюсовым. Здесь изображены Гоголь-гимназист, который стоит перед чиновниками и священником. В его взгляде выражена твердая уверенность: он ничего не скажет против любимых профессоров, чтобы скомпрометировать их деятельность. На этом полотне выписана более детально обстановка, в которой происходило действие, нежели это было сделано на эскизе 60-х годов.

*Гоголь слушает бандуриста.
Худ. А.Шкурко*

Уголок экспозиции музея Н.Гоголя

Во втором зале материалы экспозиции раскрывали особенности творчества Гоголя, его связь с Украиной, а также представителями русской культуры: А.Пушкиным, А.Ивановым, М.Щепкиным. Широко были представлены иллюстрации к произведениям Гоголя художников Агина, Боклевского, Кукрыниксова и др. Интерес для посетителей представляла посмертная маска Гоголя, а также венки 1909 года. Дополняла эту экскурсию копия Гузя картины В.Волкова “Тоголь в Васильевке”, и картина А.Шкурка “Тоголь слушает бандуриста”.

На отдельном стенде демонстрировались материалы, связанные с увековечиванием памяти Гоголя в Нежине. Здесь были выставлены программы конференций разных лет, фотографии различных мероприятий, посвященных писателю, книги и сборники о его творчестве, опубликованные нежинцами, и т.д. Эту часть экспозиции дополняла картина С.Ф.Шишко “Памятник Н.Гоголю в Нежине”, а также макет этого памятника, сделанный ветераном труда и войны, писателем Н.Шустом. Отдельно выставлены фарфоровые статуэтки, изображающие гоголевских героев. Мебель I пол. XIX века дополняла общую экспозицию этого зала. В нем также демонстрировалась картина В.Волкова “Тоголь в Васильевке слушает лирика” [5].

В музее 80–90-х годов был воссоздан дух Гоголя, само время. И это отмечали посетители в своих отзывах:

“Большое спасибо за то, что сохраняете память о Н.В.Гоголе”;
“Прекрасен музей Н.В.Гоголя. Сохранены уникальные предметы. С большим интересом побывали в нем, осмотрела все. Спасибо сотрудникам, сохраняющим дорогие для каждого человека нашей страны, культурные ценности.

Канд. ист. наук Демидова. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНУ АН СССР”; “Вдячні працівникам музею М.В.Гоголя за збереження пам’яті про великого сина України і Росії. Професор Борисенко В.К. Інститут мистецтвознавства АН УРСР”;

“Очень здорово, что вы сохранили не только мебель, картины и т.п., но и дух лица. Спасибо!

В.н.с. ФИАН (Москва) Мельник Н.Н.”;

“А Гоголь все-таки был, есть и будет! Иначе не может быть!!!”

Здесь также уместно напомнить слова украинского писателя Павла Загребельного, записанные им в книге посетителей: “Музей гарний, і все тут добре і дбайливо влаштовано, та тільки дух Гоголя не вміщається ні в яких музеях! Дяка Ніжину, який пам’ятає і шанує високо свого найбільшого учня. Уклін цій землі”.

В связи с тем, что музей истории Нежинской высшей школы соединялся с залами музея Гоголя, но занимал небольшую комнату, а за 200 лет существования учебного заведения накопилось много интересного материала, руководство университета решило перенести музей писателя в другое место и в освободившихся залах развернуть новую экспозицию об университете. Для Гоголевского музея была избрана аудитория №207, которая находится между известной нежинской картинной галереей, где представлены произведения западноевропейских художников XVI–XVII веков, подаренные в 1840 г. Нежинскому юридическому лицезу попечителем Нежинской высшей школы графом А.Г.Кушелевым-Безбородко, и музеем филологического факультета. К сожалению, ограниченность аудиторного фонда не дала возможности решить эту проблему по-другому, хотя в результате этого уменьшилась площадь музея Гоголя.

Для стендов нового музея были использованы современные материалы: стекло и алюминий. Его экспозицию оформил прилукский художник Анатолий Рыженко, известный на Украине своими интересными работами, которые выставлялись на международных выставках.

Для оформления стендов использованы материалы предыдущей экспозиции. Однако само их размещение несколько иное. Многие фотокопии обновлены и при помощи современной техники приближены к оригиналам, что придает им особую привлекательность. Художник много работал и над световой гаммой. А.Рыженко и основные его помощники – зав. музеем Н.И.Корень и профессор Г.В.Самойленко – стремились насытить стенды материалом, который наиболее полно раскрывал бы нежинский период жизни и творчества Гоголя. Поэтому значительно шире раскрыты литературная деятельность писателя и его сокурсников, учителей, в частности И.Кулжинского, интерес к театру, изобразительному искусству. Здесь даны фотографии о деятельности известного украинского художника Капитона Степановича Павлова, учителя рисования.

В отдельной витрине музея выставлены книги, которыми пользовались Гоголь и его товарищи по гимназии. Среди них произведения Архимеда (СПб., 1823), “Правила словесности”, “Греческие классики. В переводе И.Мартынова” (СПб., 1823), “Всеобщая история Шреккова” (1799), “Начальные очертания чистой математики, сочиненные Николаем Фуссом” (СПб., 1820) и др. Это часть библиотеки Гимназии высших наук кн. Безбородко, которая сохранилась почти полностью.

На одном из стендов – фотография здания флигеля в усадьбе В.Трощинского в Кишиневе, где ставились спектакли, в которых принимали участие сам Гоголь и его родители, обложка одного из изданий комедии отца Гоголя Василия Афанасьевича “Простак”. Здесь же рисунок художника Е.М.Штука “Гимназический театр времен учебы Гоголя в Нежине”, а также картина А.И.Мордовца “Гоголь в роли Простаковой”. Все эти материалы в какой-то мере помогают раскрыть одну из интересных страниц в жизни Гоголя нежинского периода – увлечение сценой и постановкой спектаклей в гимназии.

На двух стендах раскрыта литературная деятельность Гоголя в тесной взаимосвязи с жизнью Гимназии высших наук, творчеством студентов и преподавателей, выпускников гимназии. Тексты стихотворных произведений Гоголя, обложка первой публикации поэмы “Ганц Кюхельгартен” и другие материалы раскрывают еще одну грань таланта Гоголя.

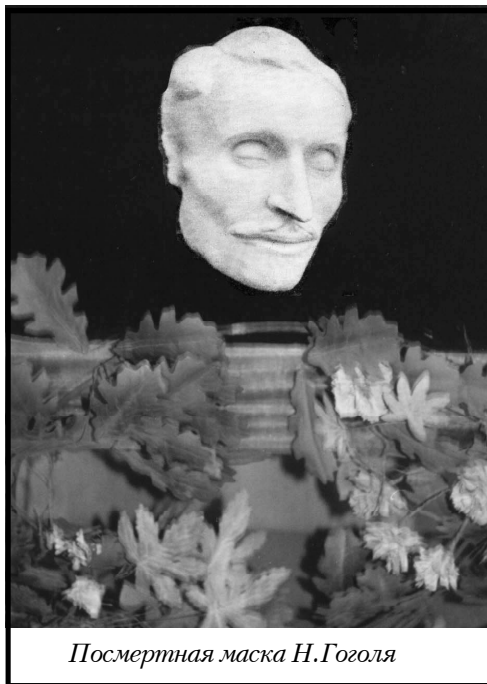
Более компактно раскрыто и “дело о вольнолюбстве”. Некоторые материалы, и в частности, стихотворение А.Данилевского и П.Мартоса, написанное “под К.Рылеева”, и другие документы углубляют восприятие этого события, происшедшего в жизни Гоголя.

Скульптура С.Меркурова “Гоголь”, которая расположена в нише стены, как бы объединяет два этапа в жизни и творчестве Гоголя –

нежинский и петербургский. На трех стендах даны материалы о творчестве писателя. Здесь демонстрируются иллюстрации разных художников к произведениям Гоголя, а также книга “Вечера на хуторе близ Диканьки” (первое издание).

Восемь стендов, а также четыре простенка между ними дали возможность раскрыть основные этапы жизни и творчества писателя. В центральной части, сделанной в виде пантеона, находится посмертная маска Гоголя, а также венки и другие материалы, сохраняющие вечную память о писателе.

Посмертная маска Н.Гоголя

Современное оформление музея несколько отодвинуло Гоголя от его времени, но приблизило к новому XXI веку, напомнило о новых традициях, в которых занимает и свое почетное место автор “Вечеров на хуторе близ Диканьки”, “Тараса Бульбы”, “Ревизора” и “Мертвых душ”.

27 февраля 2002 года состоялось открытие новой экспозиции музея Гоголя. Первыми его посетителями были студенты и преподаватели университета. Первую экскурсию по экспозиции нового музея было поручено провести автору этих строк.

А вот и первые отклики посетителей: “Особливою піднесеною ауурою дихає вся територія університету, а найбільше одухотвореною є атмосфера музею. Все діє, все очищає душу, і хочеться творити добро...”

Ольга Ісаєвич, Людвіга Балтіна та ін., Львів”.

Проф. Г.В.Самойленко проводит экскурсию в музее Н.Гоголя

ИМЯ Н.ГОГОЛЯ НА ЗНАМЕНИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Нежинская высшая школа за почти двухсотлетний срок существования прошла сложный путь развития, меняя в зависимости от исторических обстоятельств свой профиль: Гимназия высших наук кн.Безбородко (1820–1832), Физико-математический лицей (1832–1840), Юридический лицей (1840–1875), Историко-филологический институт кн.Безбородко (1875–1920), Институт народного образования (1920–1933), Нежинский государственный педагогический институт (1933–1998), Нежинский государственный педагогический университет (1998–2004), Нежинский государственный университет. Все это были высшие учебные заведения с разным сроком подготовки специалистов.

У каждого народа есть свои духовные святыни. Для украинского народа среди других и Нежинская высшая школа. Без нее трудно представить развитие культуры Украины в прошлом, сегодня и в

будущем, ибо это учебное заведение – крепкий и надежный сплав молодости и мудрости, трудолюбия и жажды знаний и научных открытий. Более того – это научный и педагогический центр, который является гордостью всего славянского мира и Европы.

В 1939 году в Советском Союзе отмечали 130-летие со дня рождения Н.Гоголя. Президиум Верховного Совета СССР принял решение присвоить имя великого художника слова Н.Гоголя Нежинскому государственному педагогическому институту.

УКАЗ

**Президиума Верховного Совета СССР
О присвоении имени Н.В.Гоголя Нежинскому
государственному педагогическому институту**

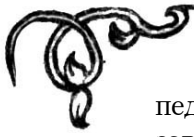
В связи с 130-летием со дня рождения Н.В.Гоголя и увековечиванием памяти писателя присвоить имя Н.В.Гоголя Нежинскому государственному педагогическому институту.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР М.Калинин
Секретар Президиума
Верховного Совета СССР А.Горькин
Москва, Кремль
29 марта 1939 года.

Это славное имя коллектив института с честью нес на протяжении 70 лет, проводя большую работу по изучению и пропаганде жизни и творчества писателя.

*Праздничное заседание 1998 г.,
связанное с открытием университета*

В 1998 году в силу исторических условий, активного развития педагогического института, интенсивной работы его коллектива учебное заведение было переведено в разряд педагогических университетов. 4 сентября 1998 г. Кабинет Министров Украины, рассмотрев ходатайство Государственной аттестационной комиссии Украины, постановил:

“Принять предложение Министерства образования, согласованное с Министерством экономики, Министерством финансов и Черниговской областной государственной администрацией, о создании государственного педагогического университета на базе Нежинского государственного педагогического института имени Н.В.Гоголя, который ликвидируется.

Сохранить за созданным Университетом имя Н.В.Гоголя, которое носил ликвидированный институт, и в дальнейшем именовать его – Нежинский государственный педагогический университет имени Николая Гоголя.

Создание обозначенного Университета осуществить в пределах ассигнований, предусмотренных Министерством образования на подготовку кадров.

Премьер-министр Украины В.Пустовойтенко” [1].

13 сентября 2004 г. распоряжением Кабинета Министров Украины (№744-р) на базе педагогического университета создан Нежинский государственный университет имени Николая Гоголя.

Это новое постановление правительства Украины свидетельствовало о высокой оценке общественностью и руководством страны работы всего коллектива университета, который своей научной и педагогической деятельностью доказал, что в Нежине есть все условия для функционирования университета классического образца.

Имя великого Гоголя оставалось и на этот раз в названии нового учебного заведения.

За небольшое время существования классического университета его коллектив во главе с ректором проф. О.Д.Бойко доказал, что руководство страны не ошиблось, переводя его в новый разряд учебных заведений.

В Университете имя Н.Гоголя носит музей, мемориальная аудитория, бывшее здание Гимназии высших наук (Гоголевский корпус). Студенты получают Гоголевскую стипендию. На территории университета стоит памятник писателю. Рядом с университетом расположена площадь Гоголя.

С именем Гоголя университет живет, трудится и обогащает славу Нежинской высшей школы. Имя Гоголя на знамени университета будет оставаться вечно, ибо вечно его творчество, вечны его образы, вечны его мысли. Свежестью веют и сегодня его слова, обращенные к современникам: “Друг мой! Мы призваны в мир не затем, чтобы истреблять и разрушать, но подобно самому Богу, все направлять к добру, даже и то, что уже испортил человек и обратил во зло”.

НАСЛЕДИЕ Н.ГОГОЛЯ В ТРУДАХ УЧЕНЫХ НЕЖИНСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Одной из первых работ, написанных в Нежине о Н.Гоголе, были “Воспоминания учителя” И.Г.Кулжинского, писателя и преподавателя латинского языка в гимназии. Они были опубликованы в журнале “Москвитянин” за 1854 год [Т.6. Отд. 5. Смесь. – С. 1–16]. В этих воспоминаниях И.Г.Кулжинский высказывал субъективную точку зрения о том, что в гимназии Н.Гоголь был посредственностью и что она ему ничего не дала. “Гоголь был талант, не признанный школой”, – замечал И.Г.Кулжинский [1]. Исследователи не сразу поняли, что к этому источнику необходимо относиться осторожно [2]. К сожалению, ошибочная точка зрения И.Г.Кулжинского переходила в последующие годы из одного научного исследования в другое. Спустя некоторое время это мнение было уточнено и опровергнуто.

Немало сделал для раскрытия особенностей жизни лицеистов, их первых литературных опытов Николай Гербель, который закончил Нежинский юридический лицей, открытый в Нежине в 1840 г. после ликвидации Гимназии высших наук кн.Безбородко и Физико-математического лицея. Он очень внимательно относился к наследию Н.Гоголя, его сокурсников, опубликовал “Полный список печатных сочинений Гоголя” (1857), “Альбомную заметку Гоголя в 1826 г. в альбом Б.И.Любича-Романовича”, объемную статью “Н.Я.Прокопович и отношение его к Н.В.Гоголю” (1858), а также выступил составителем книги “Лицей князя Безбородко” (1859), в которой впервые в отдельных очерках была раскрыта жизнь Гимназии высших наук и ее профессоров. Большинство статей было написано соучениками Н.Гоголя и его преподавателями, что делало книгу особенно ценной.

В это время В.И.Шенрок и П.А.Кулиш записали воспоминания соучеников Н.Гоголя А.С.Данилевского, Г.И.Высоцкого, Н.Я.Прокоповича и других. В целом, все эти источники расширили представление о нежинском периоде жизни и творчества Н.Гоголя. И все же оставалось еще много пробелов, неточностей, а то и ошибочных суждений.

В 1879 г. профессор, а затем академик, первый директор Историко-филологического института кн.Безбородко (открыт в 1875 году) Н.А.Лавровский опубликовал работу “Гимназия высших наук кн.Безбородко в Нежине. 1820–1832”, основанную на архивных

материалах, документах, которые хранились в Нежине и помогли ученому не только раскрыть характер учебной деятельности, но и атмосферу жизни, в которой находились гимназисты, в том числе и Н.Гоголь.

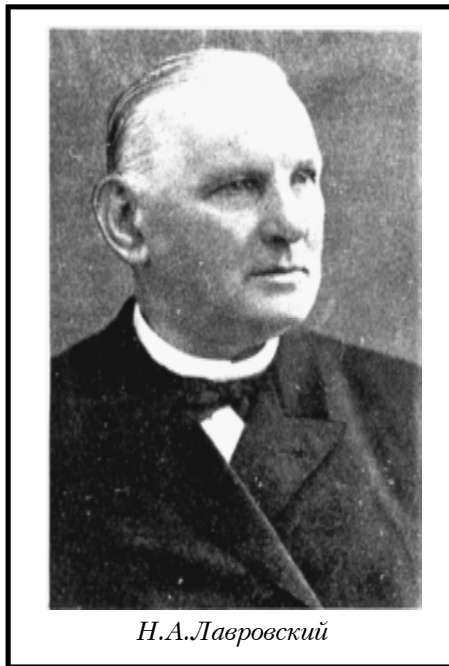
Н.В.Гербель

Этот труд Н.А.Лавровского вошел в книгу “Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко”, изданную в 1881 г. в Санкт-Петербурге как второе издание (дополненное и исправленное) предыдущей книги, составленной Н.Гербелем. В ней были даны не только очерки о гимназии, но и о директорах, преподавателях, известных выпускниках гимназии. Все это вместе воссоздавало дух гимназии, раскрывало ту среду, в которой жил, обретал силу и развивал свой талант Н.Гоголь.

В 1881 г. была опубликована работа Н.А.Лавровского “К биографии Гоголя” [3], в которой ученый указал на “роль родины”, домашней, простонародной среды для нравственного склада личности Гоголя, а также остановился на особенностях литературной обстановки в гимназии, определил место Трощинского и петербургских литераторов в творческой жизни писателя. В конце работы автор подчеркивал, что Гоголь является родоначальником нового литературного направления, цель которого – воспроизведение жизни.

Труды Н.А.Лавровского внесли немало нового в изучение нежинского периода жизни и творчества Н.Гоголя. Заслуга ученого состояла в том, что он вводил в научный обиход факты, которые подтверждались архивными документами. Работы академика Н.А.Лавровского можно

считать началом научной гоголианы в Нежине. “Труд проф. Лавровского, – писал П.А.Заболотский, – захватывающий одну из сторон гоголевской жизни, является первым образцом в литературе о Гоголе вполне научного и строго обоснованного исследования” [4].

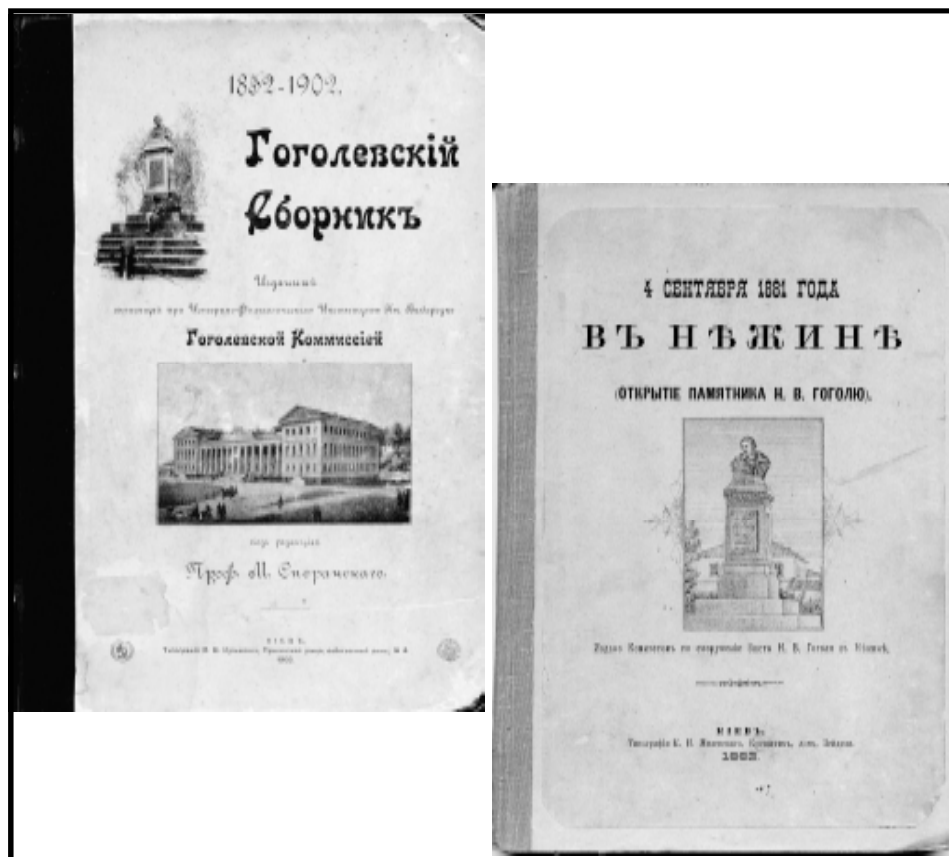

Н.А.Лавровский

1881 год был памятным для Нежина. В городе был открыт первый в стране памятник Гоголю. В связи с этим появились сборник “4 сентября 1881 года в Нежине (открытие памятника Н.В.Гоголю)” [5], книга И.Сребницкого “Гоголь, как национальный русский поэт – художник: Речь, произнесенная на торжественном акте в Историко-филологическом институте кн. Безбородко по случаю открытия бюста Н.В.Гоголя в Нежине” [5], упомянутые выше статьи И.А.Лавровского и другие материалы.

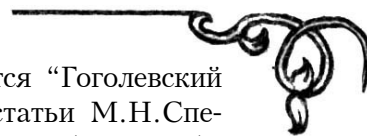
Работа профессора И.А.Сребницкого, в будущем известного исследователя творчества Н.Гоголя, освещала вопросы, которые, хотя и ставились в литературе, но требовали более обстоятельного описания. В частности, ученый проводил параллель между Пушкиным и Гоголем, искал общее и различное в их произведениях. Он пришел к выводу, что в их творчестве отразился русский дух и народное мировоззрение, правдиво представлена русская жизнь. Здесь же он пытается объяснить сущность гоголевского плача о непостижимом идеале и апофеоза человека у Пушкина. По мнению И.Сребницкого, оба художника слова дополняли друг друга и оба указывали пути развития литературы. Ученый обратил внимание и на специфику сатиры Н.Гоголя.

Следует также назвать работу С.И. Пономарева, выпускника, а затем преподавателя института – “Памяти Гоголя (Материалы для библиографии литературы о нем)”, опубликованную первоначально в “Известиях Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине” (1882) [7], а затем вышедшую отдельным изданием (Киев, 1882. – 60 с.). Это был первый библиографический труд о Н.Гоголе и в этом его особая ценность.

Интерес к гоголевскому наследию особенно проявился в начале 900-х годов. В 1902 г. отмечали 50-летие со дня смерти писателя. В Нежинском историко-филологическом институте была создана гоголевская комиссия, активными членами которой были профессора М.Н.Сперанский, И.А.Сребницкий, В.И.Резанов и другие. Комиссия провела в городе большую работу, о чем свидетельствует “Отчет о деятельности состоявшей при Институте кн.Безбородко временной “Гоголевской комиссии”, составленный секретарем комиссии И.А.Сребницким и опубликованный в XX томе “Известий Историко-филологического института...” (1902).

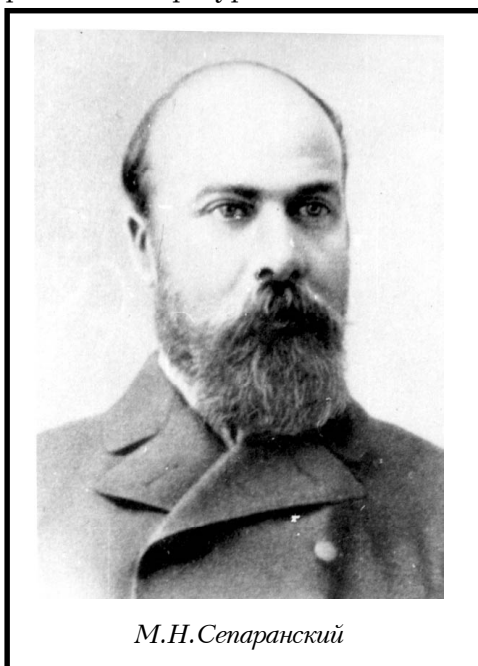
Самым ценным трудом нежинских ученых является “Гоголевский сборник”, изданный в 1902г., в котором помещены статьи М.Н.Сперанского “Одно из последних писем Н.В.Гоголя” (с. 3–10), “Гоголевская выставка” (с. 117–267), П.А.Заболотского “Н.В.Гоголь в русской литературе (Библиографический обзор (с.13-114), а также “Материалы для биографии Н.В.Гоголя: Из архива Гимназии высших наук” (с. 291–425) И.А.Сребницкого. Последняя работа ввела в литературоведческий обиход много новых документов о Гоголе. Кроме того, в 1902 году вышли также работы М.Н.Сперанского “Гимназия высших наук и нежинский период жизни Н.В.Гоголя” (К., 1902. – 29 с.), П.А.Заболотского “О влияниях, под которыми слагались личность и творчество Н.В.Гоголя” (Воронеж, 1902 г. – 22 с.) [8] и “Опыт обзора материалов для биографии Н.В.Гоголя в юношескую пору” (СПб. 1902г. – 39 с.). Все эти исследования касались как теоретических вопросов творчества писателя, так и литературы о нем.

Но если работа П.А.Заболотского Н.В.Гоголь в русской литературе продолжала в какой-то степени традиции составления библиографических указателей о Н.Гоголе С.И.Пономарева, а также Я.И.Горожанского, то его труд “Опыт обзора материалов...” носил характер научного дополнения и аннотирования тех источников, которые касались жизни и творчества Н.Гоголя в юношескую пору. Ученый исследовал не только печатные труды, но и архивные документы. Это обогащало представления о жизни писателя данного периода.

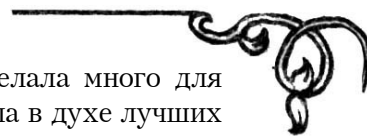
Работа А.Заболотского “О влияниях, под которыми слагались личность и творчество Н. В. Гоголя” впервые была опубликована в журнале “Филологические записки” (1902 г. – Т. 2–3), а затем вышла отдельным изданием. В ней исследователь обращал внимание на ученический период писателя и утверждал, что “обстановка школьной жизни Гоголя была как нельзя больше благоприятной для будущего великого таланта” (с. 8), и этот тезис подтверждался конкретными рассуждениями, касающимися произведений великого художника слова.

Интенсивно работал над гоголевской темой и профессор М.Н.Сперанский, который, кроме указанной выше статьи опубликовал работу “Гимназия высших наук и нежинский период жизни Н.В.Гоголя” [9]. Он поставил перед собой цель не столько привлечь новые факты из жизни Гоголя в Нежине, сколько воссоздать фон, на котором “рисуетса нам Гоголь-ученик: ознакомиться с самой эпохой двадцатых годов, с условиями жизни в нашем крае, с условиями воспитания, какие представляла тогда школа вообще и в частности нежинская...” (с. 5). Все это делал ученый, опираясь на известные ему источники как печатные, так и архивные. М.Н.Сперанский воссоздавал реальную жизнь

гимназии гоголевского времени, не приподымая и не приукрашивая ее, но и в то же время не принижая ее значения в формировании Гоголя-человека и писателя. Ученый, анализируя учебный процесс гимназии, заявлял, что в последующей деятельности Гоголя “мы следов школы, и именно нежинской, не находили” (с. 16). И причина, по его мнению, лежала не в негодности школы, а в ее энциклопедическом характере. Это было присуще и другим учебным заведениям. “И тем же менее, – пишет далее ученый, – (Царскосельский) лицей дал Пушкина, Корфа, Дельвига, а гимназия Безбородко Гоголя, Кукольника, Гребенку, Редкина... Причину этого надо искать не в программах школы, а в чем-либо другом. Это были условия школы, влиявшие в ней и, благодаря ей, на умственный склад воспитывающегося. Эти условия присутствовали в школе, несмотря на ее программы...” Исследователь очень внимательно отнесся к характеристике этих “условий школы” в Нежине и подчеркнул роль русской и зарубежной литературы в формировании эстетических взглядов Гоголя, а также малороссийской этнографической среды и литературы.

М.Н.Сперанский сделал интересный вывод: “Нежинская гимназия высших наук если не дала Гоголю солидного образования, не виновата в том: его не давали и заведения, поставленные в более благоприятные условия; виноваты в том самые системы школ того времени”, а также те условия, в которых они существовали. “Но эта же школа, –

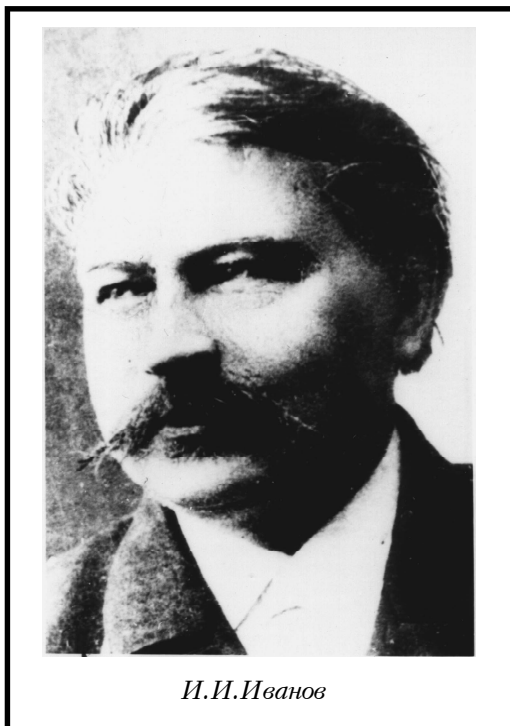

продолжал ученый, – как бы мы ее не осуждали, сделала много для писателя: она его создала, хотя и невольно, его воспитала в духе лучших передовых идей и интересов литературы”. И что особенно важно, проф. М.Н.Сперанский в положительном плане оценил ее местоположение: “...находящаяся в центре Малороссии, она неминуемо ставила своего воспитанника в непосредственную связь с местными интересами, давая ему то, чего не могла бы дать школа в другой местности; а эти интересы и были причиной того спада, с каким Гоголь вошел в нашу литературу: не будь Гоголь украинцем, не найди он в Нежине такой сильной поддержки своему чувству, он, подобно полугаличанину Кукольнику, не воспитал бы в себе той любви и знания непосредственной народности, которое создало такое положение ему в литературе. Наконец, общерусский энциклопедический дух нежинской школы спас гениального Гоголя от того фальшивого шага, который называется узким национализмом” (с. 27).

М.Н.Сперанский, продолжая изучать среду, в которой формировался Гоголь, обращался к наследию И.Г.Кулжинского. В своей работе “Один из учителей Н.В.Гоголя: И.Г.Кулжинский” [10] он показал, в чем состоит своеобразие творчества этого писателя, каково его место в литературе. Особенно подробно профессор проанализировал книгу И.Г.Кулжинского “Малороссийская деревня” (1827), сравнил ее с “малороссийскими песнями”, изданными М.А.Максимовичем (1827), и материалами Н.А.Цертелева, считая, что это произведение писателя в какой-то степени оказало влияние и на Гоголя, хотя будущий великий писатель скептически к нему относился. “Общий взгляд на малорусскую песню у Гоголя и Кулжинского (я, конечно, не говорю о глубине, степени трезвости этого взгляда) представляется в общем довольно сходным” (с. 39), – заключает исследователь. Этот вывод оспорил выпускник Историко-филологического института и ученик профессора М.Н.Сперанского, в будущем известный ученый-филолог, сотрудник Пушкинского Дома В.В.Данилов в статье “К характеристике И.Г.Кулжинского и его литературной деятельности” [11]. Он считал, что среди источников, оказавших влияние на Гоголя-гимназиста, была не столько “Малороссийская деревня” И.Кулжинского, сколько “Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях Я.М.Марковича” (1796). И все же суждение профессора М.Н.Сперанского нельзя не учитывать. Ученый прав в своих выводах.

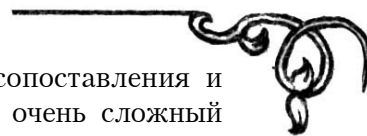
В 1909 г. отмечали 100-летие со дня рождения Н.Гоголя. На здании бывшей Гимназии высших наук кн.Безбородко в Нежине была открыта мемориальная доска “Здесь учился Гоголь с мая 1821 по июнь 1828 года”. В связи с юбилеем были произнесены, а затем и опубликованы

речи, доклады директора Историко-филологического института, известного ученого, профессора И.И.Иванова “Гоголь в юности”, “Гоголь и его произведения”, “Гоголь – человек и писатель”, доклад приват-доцента П.А.Заболотского “Гоголь и славянство” [12], а также его брошюры “Гоголевские юбилейные празднества (1809–1909) в Нежине” (Нежин, 1909), “Самое раннее нежинское письмо Гоголя” (СПб., 1911), “Музей имени Гоголя при Историко-филологическом институте кн.Безбородко в Нежине” (Нежин, 1910, 2-е изд., 1915) и другие.

Профессор И.И.Иванов в своих, всегда привлекательных по форме, работах пытался определить источники, питавшие гений Гоголя. Он называет среди других и родную для писателя Украину. Исследователь своеобразно объяснял гоголевскую грусть и специфику его юмора, смеха. В работе делалась попытка осмыслить личную драму Гоголя, а также силу его творчества.

Нежинский историко-филологический институт всегда славился своей славистической школой, крупными учеными в этой области, связями со славянским миром. Поэтому работа П.А.Заболотского “Гоголь и славянство” шла в русле этих традиций. Ученый очень обстоятельно показал значение творчества Н.Гоголя для развития литератур славянских народов. Прекрасное знание славянской литературы дало

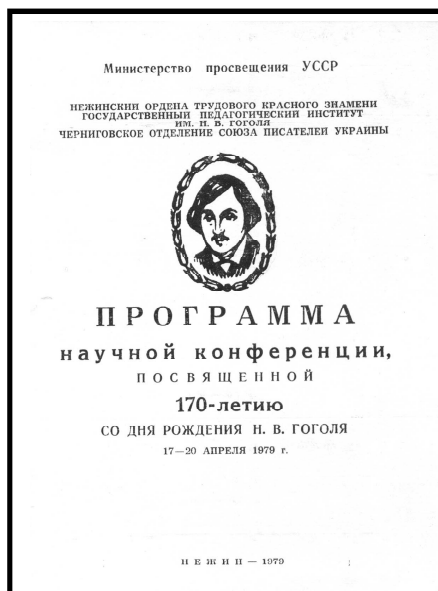
возможность П.А.Заболотскому делать интересные сопоставления и обстоятельные выводы. Ученый затрагивал еще один очень сложный вопрос, который дискутируется и сегодня: почему Гоголь не стал в ряды борцов рождавшейся украинской литературы вместе с И.Котляревским, Г.Квиткой-Основьяненко, Т.Шевченко, П.Кулишом, Н.Костомаровым, М. Драгомановым и другими, не сделал того, что почти одновременно с ним делали Вук Караджич у сербов, Людевит Гай у хорватов, Ян Коллар, Йосеф Юнгман, Франтишек Челаковский, Карел Гавличек, Людвиг Штур и другие у чехов, словаков, Франц Прешерн у словенцев, Адам Мицкевич и Юлиуш Словацкий у поляков, а позднее Петко Славейков, Любен Каравелов, Иван Вазов и др. у болгар, хотя “одного его таланта, одной его любви к отчизне и ее народу, одного знания их было бы, несомненно, достаточно для того, чтобы сделать дело не меньше, чем Караджич, Гай, Коллар и др. возродители славянских национальных литератур”. П.Заболотский далее замечает, что “на родном своем местном языке писать он не стал, хотя этот язык ничуть не менее был приспособлен для литературы, чем, например, сербский при Вуке или словенский при Прешерне и хотя знания этого языка было у Гоголя вполне достаточно в необходимой для писателя Возрождения мере; в самом деле, он часто думает по-малороссийски и принужден тщательно учиться общерусскому литературному языку, как показал, например, в своем известном исследовании Мандельштам” (С. 7). Причина всему этому, состоит, по мнению ученого, в том, что “Гоголь был не только малороссом, нежно и сознательно любящим свою родину, не только человеком, имевшем полное право сказать “*homo sum et nil humani a me alienum esse puto*”, но он был и славянином в лучшем смысле этого так часто непонятого, неценямого у нас слова; как славянин, он в рассматриваемую эпоху только и мог, только и должен был пойти по тому пути, по которому он пошел, чувствуя в себе силы необъятные, сознавая себя незаурядным человеком и желая употребить этих незаурядных сил на культурно-литературное разобщение двух крупнейших ветвей славянства” (с. 7). Выводы П.А.Заболотского толкают на размышления и поиски новых ответов на столь сложный вопрос.

В 20–30-е годы XX века интерес ученых Нежинской высшей школы к наследию Н.Гоголя на некоторое время несколько ослабевает. Появляются только юбилейные статьи М.Ф.Даденкова, В.К.Пухтинского и др. В 1939 г. в связи со 130-летием со дня рождения писателя Нежинскому педагогическому институту было присвоено имя Н.В.Гоголя. В 1952 и 1959 годах в связи со 100-летием со дня смерти и 150-летием со дня рождения писателя в Нежине были проведены

всесоюзные научные конференции, выпущены “Ученые записки” института, в которых опубликованы статьи М.И.Кругляка, Г.П.Васильковского, Ю.А.Савченко, затронувших вопросы о пребывании Гоголя в Нежине, его воспитании, формировании творческих способностей будущего писателя его эстетических взглядов. Работа Г.В.Васильковского, посвящённая связям творчества Гоголя с мировой литературой, в частности, с польской, не потеряла своего значения и в наше время. Среди работ этого времени выделяется также статья А.С.Стогнута и И.К.Кононенко “Новые страницы к “Делу о вольнодумстве” в Нежинской гимназии высших наук” (1954) [13], которая во многом дополняла исследование московского ученого С.И.Машинского на эту тему. Нежинские ученые использовали документы, которые хранились в местном архиве. Эта проблема не новая, она освещалась и в дореволюционных исследованиях нежинцев, в частности, в работах Н.А.Лавровского, В.Е.Петухова, И.А.Сребницкого и др. Большинство из них заявляли, что никакого политического дела в Нежинской гимназии не было. И все же новые документы дали возможность внести некоторые уточнения в освещение этой проблемы.

*Выступление чл.-кор. АН Украины Н.Е.Крутиковой
на Гоголевской конференции 1959 г.*

Единичные выступления преподавателей Нежинского педагогического института не могли удовлетворить общую потребность в систематическом изучении наследия Н.Гоголя. Начало этому положила Всесоюзная конференция 1979 г. “Гоголь и современность”, (созванная по инициативе автора этих строк, в то время заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы), в которой приняли участие более 150 ученых СССР. Были представлены почти все союзные и многие автономные республики. Почему-то так сложилась научная жизнь в Советском Союзе, что ни одно научное учреждение, ни одно высшее учебное заведение России и Украины до этого не выступило с инициативой проведения научных Гоголевских конференций. Этим и объяснялся интерес к Нежинской конференции 1979 года, на которой с содержательными докладами выступили известные ученые профессора и доценты Б.О.Корман (Ижевск), П.Г.Пустовойт (Москва), И.В.Карташова (Калинин), Е.В.Владимиров (Чебоксары), Ю.И.Сохряков (Ленинакан), Г.В.Самойленко (Нежин), А.И.Карпенко (Киев), В.А.Воропаев (Москва), Е.А.Константиновская (Куйбышев), А.А.Смирнов (Москва), П.П.Охрименко (Сумы), Л.М.Вардомацкий (Витебск), Л.М.Прашкович и Л.В.Карабанова (Мозырь), Н.И.Зайцев (Донецк), Н.М.Факовская (Одесса), Т.Ф.Ниязова (Самарканд), Т.А.Грамзина (Йошкар-Ола), И.И.Девицкий (Джамбул), Г.Б.Окунь (Ташкент), А.М.Альмамедов (Баку), Н.Д.Тамарченко (Кемерово), В.Н.Осокин (Москва), С.П.Петрова (Якутск), В.А.Зубков (Пермь), Н.П.Трофимова (Бельцы) и многие другие. На шести секциях “Наследие Н.В.Гоголя и проблемы теории”, “Наследие Н.В.Гоголя и традиции

Самойленко Г.В.

русской литературы XIX в.", "Традиции Н.В.Гоголя в многонациональной советской литературе", "Н.В.Гоголь и зарубежная литература", "Н.В.Гоголь в школе и вузе", "Язык и стиль произведений Н.В.Гоголя" были заслушаны многие доклады, которые затронули проблемы гоголевского мастерства и его освоения писателями многих стран мира.

Проф. Г.В.Самойленко открывает заседание Гоголевской конференции 1974 г.

Участники Гоголевской конференции 1979 г. возле памятника писателю

Учасники Гоголевской конференции 1994 г.

*Учасники Гоголевской конференции 1994 г. (справа на лево)
акад. Я.С.Яцкив, чл.-кор. АНУ Н.Е.Крутикова,
ст. н. сотр. Т.Н.Резниченко, проф. Г.В.Самойленко*

Учасники Гоголевської конференції 1979 г.

Различные периодические филологические издания опубликовали тогда сообщения о конференции и краткие изложения докладов [14].

Для нежинцев этот год был определяющим. Именно с этого времени началось систематическое изучение наследия Н.Гоголя в Нежине, популяризация его творчества. Один за другим начали выходить под редакцией автора этих строк научные сборники: “Гоголь и современность: творческое наследие писателя в движении эпох” (К., 1985), “Наследие Гоголя и современность” (1988), “Изучение творчества Н.В.Гоголя в школе” (К., 1988), “Творчество Н.В.Гоголя и современность” (1989), “Гоголь і світова культура” (К., 1994) и т.д.

Кроме конференций, научных сборников, преподаватели кафедр языка и литературы защитили кандидатские диссертации: Т.И.Агаева “Гоголевский миф о Петербурге в контексте русской литературы 30–40-х гг. XIX века” (1993); О.К.Супронюк “Н.В.Гоголь и его нежинское окружение” (1990); В.О.Сидоренко “Художній час як текстоутворююча категорія (на матеріалі “Петербурзьких повістей” М.В.Гоголя)” (1995); О.В.Шинкаренко “Вторинна номінація в художній мові (на матеріалі творчості М.В.Гоголя)” (1997), К.П.Исаенко и др.

В течении 80-х годов на филологический факультет приглашались известные ученые Ленинграда (Б.А.Егоров, В.Э.Вацуро), Москвы (Ю.В.Манн), Киева (Н.Е.Крутикова, И.Я.Заславский) и другие для чтения спецкурсов о творчестве Гоголя.

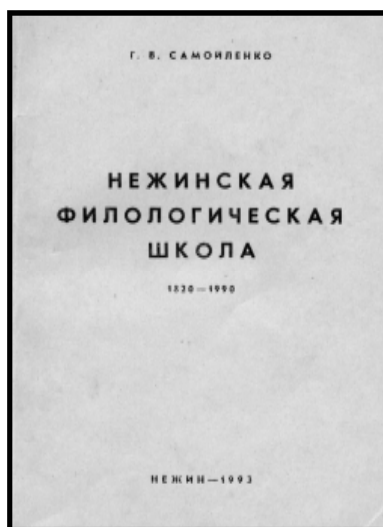

При их поддержке постепенно определилась и основная проблематика исследований ученых Нежина. На кафедре русской литературы была поставлена задача: изучить жизнь и творчество Николая Гоголя нежинского периода. Ее решение осуществлялось в двух направлениях: собирание новых фактов и описание ранее известных для составления «Летописи жизни и творчества Н.В.Гоголя 1809–1828 гг.». Этим занялись члены кафедры Н.М.Жаркевич, Ю.В.Якубина, З.В.Кирилюк и другие. Работа завершена и вышла в свет [15].

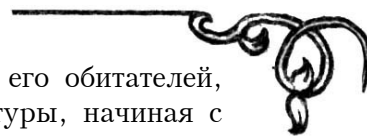
Второе направление было связано с изучением жизни и творчества Н.Гоголя нежинского периода во взаимосвязи с историей Гимназии высших наук кн.Безбородко, спецификой ее учебной работы, жизнью города Нежина в это время. Это дало возможность увидеть как положительные моменты в системе обучения и воспитания гимназистов, так и отрицательные. Нельзя не заметить, что эта тема, как мы указывали

выше, затрагивалась как в XIX, так и в XX веках. Об этом свидетельствуют исследования В.И.Шенрока, П.А.Кулиша, Н.А.Лавровского, М.Н.Сперанского, П.А.Заболотского, С.И.Машинского, Д.Иофанова. Казалось бы, что можно было здесь изучать? Однако более внимательное отношение к документам о жизни и деятельности Н.Гоголя этого времени, а также к его окружению дали возможность прийти к выводу, что в Гимназии высших наук кн.Безбородка литературная жизнь была настолько многообразной, что можно утверждать о существовании нежинской литературной школы. Эту мысль впервые высказал в 1988 г. П.В.Михед. Она была поддержана нами и развита в нашей книге «Нежинская филологическая школа» (1993). С этого времени начинается пристальное изучение не только творчества Н.Гоголя нежинского периода, но и других гимназистов. О.К.Супронюк, находясь в аспирантуре в Институте русской литературы (Пушкинский Дом), смогла изучить архивы Ленинграда и, в частности, документы, касающиеся Нежинской гимназии, рукописные альманахи юных гимназистов. Это дало возможность познакомиться со многими произведениями начинающих литераторов. Впервые были обнародованы многие имена нежинцев и определен их вклад в русскую литературу.

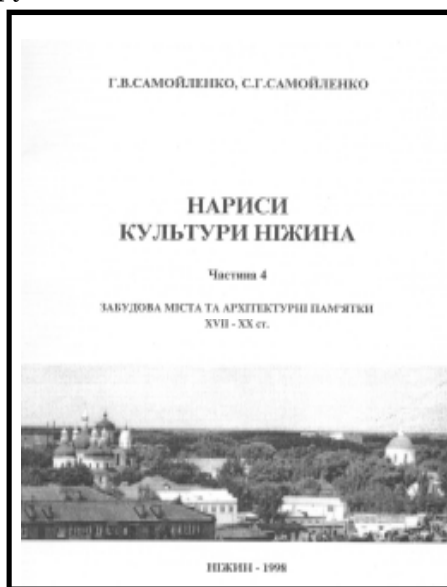

Более того, архивы Нежина, Киева, Чернигова помогли автору этих строк раскрыть многообразие деятельности гимназистов, связанной с выпуском рукописных альманахов, театральных постановок, сбором фольклорных материалов, живописью и т.д., выяснить круг чтения и роль профессоров в формировании мировоззрения юных гимназистов и развитие их литературных способностей. Небезинте-

ресными становятся и жизнь Нежина, быт и нравы его обитателей, своеобразие развития богатой и многогранной культуры, начиная с барокко XVII в. и заканчивая классицизмом XVIII – начала XIX веков. Все это дало возможность определить истоки творчества Н.Гоголя, приподнять значение Нежина в его жизни и творчестве. Стали более прозрачными скептические заявления юного Н.Гоголя о городе, гимназии. Они объясняются его спецификой мышления и поведения, а также эмоциональной оценкой своего пребывания в гимназии.

Конечно же, Нежин, как город, где находилось высшее учебное заведение, имел свою особенную ауру.

На Украине существовало в то время всего несколько учебных заведений (Харьковский университет, открытый в 1805 г.), Высшая Волынская гимназия в Кременце, Киевская гимназия (1809 г., с 1811 г. отнесена к высшим учебным заведениям), Ришельевский лицей в Одессе (1817). Кроме Кременца, все эти учебные заведения находились в больших городах. Нежин в то время также принадлежал к большим городам (население Нежина составляло более 12 тыс., а Чернигова – около 4 тыс.). Однако Нежин был не губернским, а уездным городом. Поэтому в Нежинской гимназии высших наук были специфические условия, которые не были присущи ни одному из перечисленных учебных заведений. Обстановка не была похожа и на Царскосельский лицей, где учился А.Пушкин. При всей общности программ и системы воспитания окружение Нежинской гимназии было не похожим на окружение Царскосельского лицея, который был флигелем царского

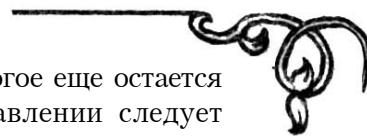
дворца и где лицеисты вне здания могли встретиться с вельможами, с приближенными к дворцу сановниками. Даже на каникулы не отпускали детей, так как боялись, что они за это время потеряют тот лоск придворного, который прививался лицеистам.

И совсем по-иному было в Нежине. Н.Гоголя, Е.Гребенку, П.Лукашевича и некоторых других гимназистов тянуло на Магерки, то есть к жителям, которые были похожие на крестьян, которые окружали их с малых лет. Именно здесь они встречались с интересными людьми, бывали на свадьбах, пристольных праздниках и т.п. А сколько для их развития давали нежинские ярмарки. Сколько ярчайших народных словесных жемчужин услышал здесь Гоголь и зафиксировал в свою “Книгу всякой всячины, или Подручную энциклопедию”, которая имела 490 стр. “Любимым времяпровождением Гоголя, – вспоминал В.Любич-Романович, – еще было выходить на большую дорогу и, встречаясь здесь с хохлами, едущими на волах в Нежин, беседовать с ними на родном ему малорусском наречии... Все эти беседы, как мы узнали потом, он заносил в свои “памятные тетрадки” и облекал их в литературную форму, давая им впоследствии то или другое бытовое назначение в своих писательских творениях”.

Нежинская гимназия высших наук и ее окружение дали Н.Гоголю то, чего не могли получить выпускники Царскосельского лицея – знание народа. Некоторые из них это сделают позже и в других условиях.

Следует обратить внимание еще на одну особенность. В Нежине вокруг Гимназии высших наук было особенное окружение, которое вело к перекрещиванию двух видов культур, которые, с одной стороны, формировались в среде преподавателей и студентов гимназии, того официального воспитания (что было присуще и Царскосельскому лицей), и четко определялось Уставом и инструктивными документами, а также приходило вместе со значительной частью контингента студентов, и, с другой стороны, того незаметного, на первый взгляд, влияния, которое шло со стороны повседневной жизни нежинцев, потому что немало вольноприходящих гимназистов проживало на квартирах или дома. Провинциализм, периферийность расширяли познание гимназистами мира, способствовали знакомству с народными традициями и культурой, что вело к познанию своеобразного национального, духовно оригинального “ярмарочного” независимого мира. Именно на периферии дольше сохранялись народные, национальные, духовные приоритеты, элементы смеховой культуры, ее многоголосия.

Хотя за последние годы много сделано в познании культуры Нежина Александром, Григорием и Сергеем Самойленко (издан пятитомник

“Очерки истории культуры Нежина”) [16], однако многое еще остается невыясненным. Поэтому исследования в этом направлении следует продолжать, это даст возможность глубже изучить и наследие Н.Гоголя.

Кроме проблем, связанных с ранним творчеством писателя, нежинские гоголеведы внимательно изучали художественное наследие писателя. Это прежде всего работы Н.М.Жаркевич о “Вечерах на хуторе близ Диканьки”, Е.Н.Михальского о психологизме и эстетическом сознании Гоголя, Т.И.Агаевой о петербургских повестях и их критической интерпретации, З.В.Кириллук о поэтике литературного характера в прозе Гоголя, П.В.Михеда о барокко в творчестве писателя, а также об “Авторской исповеди” и “Выбранных местах”. Анализируя последнее произведение, исследователь обращает внимание на евангелизмы и их функциональную семантику, на завещание и его роль в сакрализации повествования и др.

А.Г.Ковальчук в последние годы перешел от театрализации как принципа построения мира художественного произведения к изучению страха в творчестве Гоголя. В трактовке этой проблемы немало интересных наблюдений о человеческой душе на перекрестке страха, о любви как средстве защиты от страха, о бытии и страхе, о грусти как симптоме тоски и т.п. Все эти размышления нашли своё развитие в книге учёного “Гоголь: буття і страх” (2002 г.).

Много было опубликовано статей в 80–90-е годы о традициях Н.Гоголя в русской литературе. Это работы Т.П.Маевской, З.В.Кириллук, Е.Н.Евстафьевой, Г.А.Киричка, а также в литературах народов СССР (это прежде всего работы автора этих строк). Нами сделана попытка определить, а как же литературоведение бывших советских республик, а ныне независимых государств за эти последние годы изучает наследие Гоголя. Результаты не очень утешительны. Только в России, Белоруссии, Эстонии и на Украине к гоголевской теме по-прежнему обращаются исследователи.

Особо стоит тема “Гоголь и Украина”. И это объяснимо. Ею вот уже около двадцати лет занимается П.В.Михед. Его прежде всего интересует проблема “Гоголь и украинская культура народного барокко, истоки художественного мира писателя, творчество Гоголя в системе русско-украинских литературных взаимосвязей”. Им в 2002 г. опубликованы две книги: “Пізній Гоголь і бароко: українсько-російкий контекст” (монографія), “Крізь призму бароко. Статті різних років”.

На эту тему опубликованы также статьи Ф.С.Арвата, А.Г.Ковальчука, О.П.Охрименка, В.П.Крутиуса, Г.Я.Недилько и др.

Отличительной чертой Нежинской высшей школы последнего двадцатилетия, связанной с изучением творчества Н.Гоголя, является

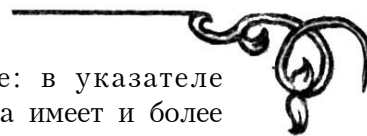
то, что в исследовании наследия писателя принимают участие все кафедры филологического факультета.

Особо хотелось бы остановиться на работах кафедры русского языка, которую возглавляет известный в Украине и далеко за ее пределами языковед профессор Н.Н.Арват. Она сумела организовать членов кафедры на разработку коллективной темы “Язык и стиль произведений Гоголя”. Итогом их труда является “Словарь языка “Вечеров на хуторе близ Диканьки”, а также циклы работ о языке произведений Н.Гоголя. Члены кафедры Н.Н.Арват, А.С.Белая, Н.А.Бондарь, А.Н.Букарева, Л.И.Гетман, Т.И.Крыга, Е.Н.Нещерет, В.А.Сидоренко берут одно произведение Н.Гоголя и всесторонне исследуют его. В центре их внимания были повести “Тарас Бульба”, “Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”, “Старосветские помещики”, “Шинель”. Это поучительный пример коллективной работы. Хотя, конечно, у членов кафедры были и другие темы. Много работ опубликовала профессор Н.Н.Арват о художественной специфике текста произведений Н.Гоголя, и его ритмической структуре. В.А.Сидоренко исследует художественное время как текстообразующую категорию, О.В.Шинкаренко – вторичную номинацию в художественной речи Гоголя, а Л.И.Гетман – средства организации художественного текста Гоголя и т.д.

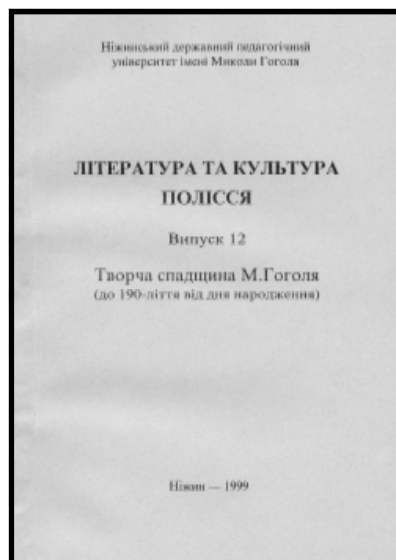
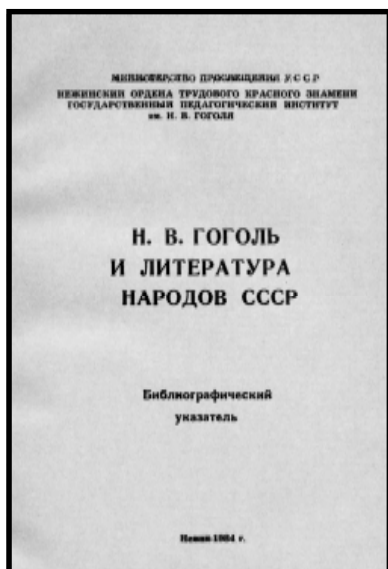
За эти двадцать лет изучения творчества Н.Гоголя у нежинцев накопился опыт, расширилось познание наследия писателя. Да и ближе он стал им. А это очень важно. Не эпизодическое обращение к его наследию, а постоянное помогает познать все, с чем знакомишься в повседневной жизни. Более того, она помогает глубже воспринимать под ее углом зрения и Гоголя. А это ведет к тому, что произведения писателя осмысляются с позиций нового времени, осовремениваются некоторые их трактовки. Становятся ближе и гоголевские образы. Все это помогает глубже осветить проблему “Гоголевский художественный мир в современной жизни”. Интерпретация произведений Гоголя на сцене многих театров особенно показательна. Режиссеры и актеры отходят от устоявшихся традиций, хотя это не всегда оправдано, так как часто теряется гоголевский дух [17].

Немало сделано нежинцами и в составлении гоголевской библиографии. Некоторые книги из этой серии получили высокую оценку литературной общественности, в частности, библиографический указатель “Н.Гоголь и литература народов СССР”, который был составлен Г.В.Самойленко (один из разделов написан совместно с Е.Н.Михальским) [18]. Известный ученый-библиограф из Института Русской литературы (Пушкинский Дом) В.Баскаков писал: “Пособие

такого объема создано в этой области впервые: в указателе зарегистрировано свыше 2000 публикаций. Эта работа имеет и более широкое значение: она стоит у начала библиографического усвоения связей русской литературы в целом с литературой народов СССР” [19]. Ныне продолжается сбор библиографических источников о восприятии Гоголя в различных странах. Проф. Г.В.Самойленко завершил работу и подготовил к изданию книгу “Гоголь в XX веке”, в которой представлено около 8 тис. публикаций ученых Европы, Средней Азии и Закавказья о Гоголе и его творчестве. Гоголевской библиографией ныне занимаются сотрудники библиотеки, в частности Л.В.Гранатович, которая подготовила книги “Гоголь: бібліографічні посібники і джерела. Анотований показник” (1998 г.), “Бібліографія праць ніжинських вчених про Гоголя (1979–1999)” (2000 г.).

Ученые Нежина сделали много для изучения наследия Н.Гоголя. Только в “Нежинской гоголиане” за 1979–1999 годы отмечено 372 работы. Думаю, что это солидное достижение. Ни один другой университет, институт или научно-исследовательское учреждение не могут засвидетельствовать подобное. Это и дало нам право открыть в сентябре 1995 года Гоголевский научно-методический центр.

Гоголевский научно-методический центр возглавляет известный ученый-гоголевед, доктор филол. наук, проф. Павел Владимирович Михед. Благодаря ему центр стал заниматься также издательской деятельностью. С 1996 г. начал выходить сборник “Гоголеведческие студии” (вышло 11 выпусков, с 2007 г. выходит под названием “Новые

Самойленко Г.В.

Гоголевский центр

Руководитель Гоголевского центра П.В. Михед

Гоголевские студии”, вышло 5 выпусков), в котором принимают участие гоголеведы многих стран мира. Изданы также “Летопись жизни и творчества Николая Гоголя, нежинский период (1820–1828)”, “Аннотированный библиографический указатель справочников гоголеведческой библиографии”, “Библиотека Шевырева. Русский Фонд” (опись книг, приобретенных в 1876 г. для Нежинского Историко-филологического института). Центром проводятся международные научные конференции. Сотрудники Центра ведут большую поисковую и исследовательскую работу, поддерживают связи со многими гоголеведами различных стран мира, координируют проблемы изучения наследия писателя.

В пропаганде гоголевского наследия важную роль играет и научный сборник “Література та культура Полісся”, основанный автором этих строк в 1990 г. В 42 его выпусках опубликовано 166 статей о Гоголе. Некоторые выпуски (3, 7, 12, 16, 24, 32) полностью посвящены жизни и творчеству Гоголя.

В связи с подготовкой к 200-летию со дня рождения писателя введена в каждом выпуске сборника специальная рубрика посвящённая творчеству Гоголя (вып. 41, 42).

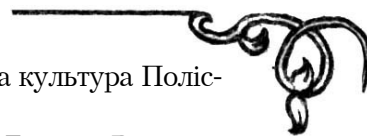
С Нежинским университетом сегодня связаны ученые С.-Петербурга, Москвы, Киева и многих других вузов Украины, России, Белоруссии и т.п., а также Италии, Греции, Канады, Австралии и других государств. Это дает возможность нежинцам соизмерять свои силы, быть в курсе гоголеведческих исследований в других странах. Нежин сегодня воспринимается в мире прежде всего как город Гоголя, который не только помнит великого писателя, но делает всё, чтобы его наследие глубже изучалось и познавалось, чтобы оно помогало нам жить, утверждать прекрасное и бороться с тем, что мешает двигаться вперед.

ЛИТЕРАТУРА

Нежин гоголевского времени

1. АФАНАС'ЄВА З. Листи з Ніжина // Під прапором Леніна. – 1982. – 1 верес.
- ВАСИЛЬЄВ К.К. И.С.Орлай и Н.В.Гоголь // Література та культура Полісся. – Ніжин, 1997. – Вип. 8. – С. 47–49.
- ВАСИЛЬКІВСЬКИЙ Г.П. Гоголь в Ніжині (1821–1828) // Під прапором Леніна. – 1979. – 14 квіт. – С. 3.
- ВАСИЛЬКІВСЬКИЙ Г.П. Роки навчання // Там само. – 1984. – 10 лют. – С. 4.
- ВЛАДИМИРОВ П.В. Из ученических лет Гоголя // Изв. Киев. ун-та. – 1890. – №5. – С. 1–46.
- ВОРОПАЕВ В.А. Три этюда о Гоголе: Из архивных разысканий // Гоголь: История и современность. – М., 1985. – С. 434–437
- ГОГОЛЬ Н.В. и Нежин. Нежинская гимназия высших наук князя Безбородько, начало творчества: Библиографический указатель / Отв. ред. Е.Н.Михальский. – Нежин, 1989. – 121 с.
- ГОНЧАР О. Гоголь на Украине // Венок Н.В.Гоголю. Гоголь и время / Сост. Б.Н.Левин. – Харьков, 1984. – С. 138–150.
- ДАНИЛОВ В.В. Нежин // Ист. вестник. – 1909. – №3. – С. 1166–1175.
- ДАНИЛОВ В.В. Украинские реминисценции в “Мертвых душах” Гоголя // Наук. записки Ніжин. держ. пед. ін-ту. – Чернігів, 1940. – Т. I. – С. 77–91.

ДЕНИСОВ В.Д. Ученик – учитель // Литература та культура Полісся. – Ніжин, 1992. – Вип. 3. – С. 32–34.

ДЕСНИЦКИЙ В. К изучению жизни и творчества Гоголя. Вопросы и замечания // Десницкий В. На литературные темы. – Л., 1936. – Кн. 2. – С. 334–367.

ЖАРКЕВИЧ Н.М. Н.В.Гоголь и И.Г.Кулжинский: К вопросу о становлении исторических взглядов // Литература та культура Полісся. – Ніжин, 1992. – Вип. 3. – С. 25–30.

ЖАРКЕВИЧ Н.М. Нежинский период жизни Н. В. Гоголя и становление его исторических взглядов и интересов (к постановке проблемы) // Наследие Н.В.Гоголя и современность: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. (24–26 мая 1988). – Нежин, 1988. – Ч. 1. – С. 7–8.

ЖАРКЕВИЧ Н.М. Н.В.Гоголь и С.И.Орлай (К вопросу о становлении исторических взглядов и интересов Н.В.Гоголя). // Творчество Н.В.Гоголя и современность. – Нежин, 1989. – Ч. I. – С. 9–10.

ЖАРКЕВИЧ Н.М. Становление исторических взглядов Н.В.Гоголя (Н.В.Гоголь и И.Г.Кулжинский) // Тезисы докл. III Гоголев. чтений – Полтава, 1990. – С. 27–28; Она же. Н.В.Гоголь и И.Г.Кулжинский (К вопросу о становлении исторических взглядов) // Литература та культура Полісся. – Ніжин, 1992. – Вип. 3. – С. 25–31.

ЗАБОЛОТСКИЙ П.А. Вновь найденное самое раннее из нежинских писем Гоголя // Журн. М-ва нар. просв. – 1911. – №3. – Отд. 3. – С. 124–131. Отд. изд.: СПб., 1911. – 8 с.

ЗАБОЛОТСКИЙ П.А. Опыт обзора материалов для биографии Н.В.Гоголя в юношескую пору. – СПб., 1902. – С. 1–39. То же: // Изд. Отд-ния рус. яз. и словесн. имп. Акад. наук – 1902. – Кн. 2. – С. 32–70.

ЗОЛОТУССКИЙ И. Гоголевский Нежин: К биографии Н.В.Гоголя // В мире книг. – 1980. – №10. – С. 73–75.

ЗОЛОТУССКИЙ И. Гоголь. 2-е изд., испр., доп. – М.: Мол. гвардия, 1984. – 527 с.: ил. – (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. II (595). – Гл. 3. Гимназия).

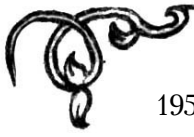
И.М. Ученические годы Гоголя // Елизаветград. вестник. – 1886. – №26, 27.

ИВАНОВ И.И. Гоголь в юности // Изв. Ист.-филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине. – 1911. – Т. 26. – С. 1–3.

ИОФАНОВ Д. Н.В.Гоголь. Детские и юношеские годы. – К.: Изд-во АН УССР, 1951. – 431с.

КИЧЕНКО А.С. Нежинская гимназия и формирование представлений молодого Гоголя о древнерусской культуре // Литература та культура Полісся. – Ніжин, 1990. – Вип. I. – С. 37–40.

КОВАЛЬЧУК О. Гоголь в Ніжині // Під прапором Леніна. – 1979. – 14 квіт.

Самойленко Г.В.

КОНОНЕНКО І. Ніжин за гоголівських часів // Рад. Ніжин. – 1952. – 15 лют.

КУЛИК Г.И. Институт имени Н. В. Гоголя (изучение материалов о нежинском периоде жизни Н. В. Гоголя) // Вестн. высш. школы. – 1952. – №2. – С. 57–58.

КУЛИШ П.А. Н. В. Гоголь // Лицей кн. Безбородко. – СПб, 1859. – Отд, 2. – С. 29–62. То же: // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. – СПб., 1881. – С. 360–379.

КУЛИШ П.А. Занятия Гоголя в Гимназии // Покровский В. Николай Васильевич Гоголь. Его жизнь и сочинения: Сб. ист.-лит. статей. – 3-е изд. М., 1910. – С. 18–22.

ЛЕТОПИСЬ жизни и творчества Николая Гоголя: Нежинский период (1820–1828). Составители: Жаркевич Н.М., Якубина Ю.В. // Гоголезнавчі студії. Вип. 8. – Ніжин, 2002. – С. 232.

ЛЮБИЧ-РОМАНОВИЧ В.И. Гоголь в Нежинском лицее // Ист. вестник. – 1902. – №2. – С. 548–560; №3. – С. 550–551.

МАНН Ю.В. М.В.Ломоносов в творческом сознании Н.В.Гоголя // Ломоносов и русская литература / Отв. ред. А.С.Курилов. – М., 1987. – С. 351–371.

МАНН Ю. “Сквозь видный миру смех...”. Жизнь Н.В.Гоголя. 1809–1835 гг. / Вступ. ст. С.Бочарова. – М.: МИРОС, 1994. – 472с.: ил. – С. 61–176.

МАРЕМПОЛЬСЬКИЙ В. Відлуння Ніжинського періоду // Література та культура Полісся. – Ніжин, 1990. – Вип. І. – С. 38–40.

МАТЮХОВА Г.А. Роль педагогики сотрудничества в формировании личностных установок и эстетических идеалов Гоголя-гимназиста // Там же. – С. 41–42.

МАЦЕЕВИЧ Л. Гоголь и Кукольник в Нежинской гимназии высших наук // Рус. архив. – 1877. – №10. – С. 191–194.

МАШИНСКИЙ С. И. Гоголь в Нежинской гимназии // Гоголь в школе: Сб. статей. – М, 1954. – С. 157–199.

МАШИНСКИЙ С. Гоголь и “Дело о вольнодумстве”. – М.: Сов. писатель, 1959. – 294 с.

МАШИНСКИЙ С. Чемодан Адеркаса: О вольнодумстве в Нежинской гимназии периода учебы в ней Н.В.Гоголя. – М.: Дет. лит, 1968. – 135с. То же: // 2-е изд, доп. – М, 1974. – 143с.

МИХАЛЬСКИЙ Е.Н., МИХЕД П.В. Н.В.Гоголь в Нежине: актуальные проблемы изучения (вместо предисловия) // Н.В.Гоголь и Нежин. Гимназия высших наук князя Безбородко, начало творчества: Библиогр. указатель. – Нежин, 1989. – С. 3–5.

МИХЕД П.В. О нежинской литературной школе // Наследие Гоголя и современность. – Нежин, 1988. – Ч. 1. – С. 11–12.

МИХЕД П.В. Про ніжинську літературну школу (до постановки питання) // Слово і час. – 1990. – №5. – С. 76–79.

МИХЕД П.В. Н.В.Гоголь в Гимназии высших наук кн. Безбородько (проблема изучения) // Гоголезнавчі студії. – Ніжин, 2002. – Вип. 8. – С. I–VI.

МИШУКОВ О.В., ВОЛЬСКИЙ С.В. Проблема историзма в эпистолярном наследии Н.В.Гоголя-гимназиста // Література та культура Полісся. – Ніжин, 1995. – Вип. 6. – С. 42–44.

МУРАШКО В. Гоголь в Ніжині // Десн. правда. – 1959. – 1 квіт.

НАДЕЖДИН Н. Гимназические годы Гоголя. – СПб., 1883.

НАУМЕНКО В. Ученическое сочинение Н.В.Гоголя // Киев. старина. – 1894. – №1. – С. 127–128.

НАУМЕНКО В. Еще об ученическом сочинении Н.В.Гоголя // Там само. – 1894. – №2. – С. 341–342.

НИКОЛАЙ М. (КУЛИШ П.) Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В 2 т. – СПб., 1856. – Т. I. – 339 с.

ПЛЯШКО Л.А. Город, писатель, время: Нежинский период жизни Н.В.Гоголя. – К.: Наук. думка, 1985. – 112 с.

ПОНОМАРЕВ С. Нежинский журнал Н.В.Гоголя // Киев. старина. – 1884. – №5. – С. 143–146.

САВЧЕНКО Ю.А. Гоголь в Нежине // Учен. записки Нежин. гос. пед. ин-та. – 1954. – Т. 4–5. – С. 153–162.

САМОЙЛЕНКО Г.В., МИХАЛЬСКИЙ Е.Н. Гоголь в Нежине // Венки Н.В.Гоголю: Гоголь и время. – Харьков, 1984. – С. 51–54.

САМОЙЛЕНКО Г.В. Нежинская филологическая школа. 1820–1990. – Нежин, 1993. – 173 с. (о Гоголя. – С. 14–39).

САМОЙЛЕНКО Г.В. Ніжинська вища школа. 1820–1995. – Ніжин. – 158 с.

САМОЙЛЕНКО Г.В., САМОЙЛЕНКО О.Г. Ніжинський державний педагогічний університет імені Миколи Гоголя. – Ніжин, 1999. – 278 с.

САМОЙЛЕНКО Г.В., САМОЙЛЕНКО О.Г. Ніжинська вища школа: від Гімназії вищих наук до університету. – Ніжин, 1999. – 288 с.

САМОЙЛЕНКО Г.В. М.Гоголь і Ніжинська вища школа // Літ. та культура Полісся. – Ніжин, 1999. – Вип. 12. – С. 15–21.

САМОЙЛЕНКО Г.В. Нежин – город юности Гоголя. – Нежин, 2002. – 268 с.

САМОЙЛЕНКО Г.В., Самойленко О.Г. Ніжинська вища школа: Сторінки історії. – Ніжин, 2005. – 420 с.

САМОЙЛЕНКО Г.В. О “Сорочинской ярмарке” Гоголя // Література та культура Полісся. – Вип. 31. – Ніжин, 2006. – С. 44–62.

САМОЙЛЕНКО Г.В. Библиотека Гимназии высших наук кн. Безбородько в Нежине и читательские интересы Н.Гоголя – студента // *Література і культура Полісся*. – Вип. 38. – Ніжин, 2007. – С. 21–33.

САМОЙЛЕНКО Г.В. Бытовая и учебная жизнь гимназии в нежинских письмах Н.Гоголя // *Література та культура Полісся*. – Вип. 40. – Ніжин, 2007. – С. 68–91.

САМОЙЛЕНКО Г.В. Историко-бытовая основа повести Н.Гоголя “Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан” // *Література і культура Полісся*. – Вип. 41. – Ніжин, 2008. – С. 47–64.

САМОЙЛЕНКО Г.В. Н.Гоголь и “нежинские однокорытники” в Санкт-Петербурге // *Наукові записки НДУ ім. М.Гоголя. Філологічні науки*. – Ніжин, 2007. – С. 11–16.

СПЕРАНСКИЙ М.Н. Гимназия высших наук. Нежинский период жизни Н.В.Гоголя. – К., 1902. – 29с.

СРЕБНИЦКИЙ И.А. Материалы для биографии Н.В.Гоголя из архива Гимназии высших наук // *Гоголевский сборник*. – К., 1902. – С. 289–425.

СТЕПАНОВ Н. Гоголь. – М.: Молодая гвардия, 1961. – 431с.: ил. – (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр; Вып. 10 (324). – Из содержания: Гл. 2. Гимназия высших наук. – Гл. 3. Начало пути.

СУПРОНЮК О.К. Из комментариев к письмам Н.В.Гоголя // *Рус. лит.* – 1989. – №1. – С. 156–163.

СУПРОНЮК О.К. Из новых материалов к биографии Н.Я.Прокоповича (к изучению нежинского литературного окружения Н.В.Гоголя) // *Рус. лит.* – 1993. – М. – С. 110–112.

СУПРОНЮК О.К. Литературная среда раннего Гоголя // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* – Т. 50. – №1. – С. 58–68.

СУПРОНЮК О.К. О работе над биобиблиографическим словарем “Н.В.Гоголь и его окружение в период обучения в Нежинской Гимназии высших наук кн. Безбородько” // *Творчество Н.В.Гоголя и современность*. – Нежин, 1989. – Ч. 1. – С. 11–12.

Текст самого раннего Нежинского письма Гоголя (10 июня 1821) // *Сб. Ист.-филол. О-ва при ин-те кн. Безбородько*. – 1910–1911. – Т. 7. – Отд. 2. – С. I (I паг.).

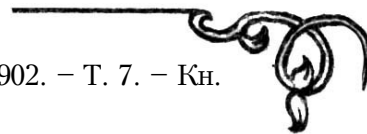
ЧУДАКОВ Г.И. Отношение творчества Гоголя к западноевропейским литературам // *Изв. Киев. ун-та*. – 1907. – №7. – С. 1–23.

ШЕВЛЯКОВ М. Рассказы о Гоголе и Кукольнике // *Ист. вестник*. – 1892. – №12. – С. 694–699.

ШЕНРОК В.И. Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя // *Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя: В 4 т.* – Т. I. – М., 1892. – С. 93–107.

ШЕНРОК В.И. Замечания к статье г. Заболотского “Опыт обзора материалов для биографии Н. В. Гоголя в юношескую пору” (СПб., 1902)

// Изв. Отд-ния рус. яз. и словесн. имп. Акад. наук. – 1902. – Т. 7. – Кн. 2. – С. 70–78.

ШЕНРОК В.И. Краткий обзор писем Гоголя к Г. И. Высоцкому // Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. – Т. I. – М., 1892. – С. 124–143.

ШЕНРОК В.И. Окончание Гоголем курса в Нежине и переезд его в Петербург // Там же. – С. 144–148.

ШЕНРОК В.И. Пансионная жизнь в Гимназии и ее влияние на питомцев // Покровский В. Николай Васильевич Гоголь. Его жизнь и сочинения: Сб. ист. – лит. статей. – 3-е изд. – М., 1910. – С. 22–25.

ШЕНРОК В.И. Переписка с матерью. Отношения к родственникам во время пребывания в школе. Слог писем // Шенрок В.И. Материалы для биографии: В 4 т. – М., 1892. – Т. I. – С. 108–123.

ШЕНРОК В.И. Ученические годы Гоголя (1809–1828) // Шенрок В.И. Материалы для биографии. – М., 1892. – Т. I. – С. 59–148.

ШЕНРОК В. Школьная жизнь Гоголя // Покровский В. Николай Васильевич Гоголь. Его жизнь и сочинения. – 3-е изд. – М., 1910. – С. 14–18.

ЩЕГОЛЕВ П. Е. Из школьных лет Н.В.Гоголя. 1821–1828 // Ист. вестник. – 1902. – №2. – С. 509–547.

ЩЕГОЛЕВ П. Литературные и художественные занятия Гоголя в Гимназии // Покровский В. Николай Васильевич Гоголь. – 3-е изд. – М., 1910. – С. 26–29.

ЯКУБИНА Ю.В. Роль Нежинской Гимназии высших наук в формировании религиозных взглядов Н.В.Гоголя // IV Гоголівські читання: Зб. наук. ст. – Полтава, 1997. – С. 118–120.

2. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Худож.лит., 1976–1979. – Т.5. – С. 105. В дальнейшем цитаты даются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте.

3. Лонгинов М. Воспоминания о Гоголе // Современник. – 1854. – №3. – С. 86; То же: Гоголь в воспоминаниях современников. – М., 1952. – С. 70.

4. Отдел Черниговского областного архива в Нежине (далее ОЧОАН), ф. 343, оп. 1, д.323, л.21.

5. Там же, л.32.

6. Когляревский Нестор. Николай Васильевич Гоголь. – СПб, 1911. – С.4.

7. Гранатович Л. Місто Ніжин з найдавніших часів до 1917 року.: Бібліографічний покажчик. – Ніжин, 2000. – 229 с.

8. История городов и сел УССР. Черниговская обл. – К., 1983. – С. 106.

9. Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание... – Киев, 1851. – С. 185.

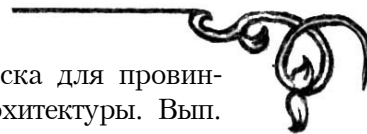
Самойленко Г.В.

10. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.): В 2 т. – СПб, 1999. – С. 287.
11. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860 годы. – Л., 1990. – С. 26.
12. Путешествие в Киев князя Ивана Михайловича Долгорукого // Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских. Кн.2. – 1870. Апрель – июнь. Отд. 2. – С. 171–177; Долгорукий И.М. Славны бубны – за горами, или Путешествие мое кое-куда // Там же. – 1869. – Кн.3. Гл. I, XXIX. Нежин. – С. 306–312.
13. Січинський В. Історія українського мистецтва. – Нью-Йорк, 1956.
14. Подробнее см.: Самойленко Г.В., Самойленко С.Г. Забудова Ніжина та архітектурні пам'ятки XVII–XX ст. – Ніжин, 1998 – 100с. + 16 с. іл. + 7сх.
15. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1976. – Т.1. – С. 18.
16. Гребінка Є. Твори: У 3 т. – К.: Наукова думка, 1980–1981. – Т. 3. – С. 532.
17. Там же. – С. 539.
18. Там же. – С. 551.
19. Черниговские губерн. ведомости. – 1853. – №5. – Часть неофициальная. – С. 34.
20. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: Т. I–XIV. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937–1952. В дальнейшем ссылки даются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте.
21. Пляшко Л.А. Город, писатель, время. – К.: Наукова думка, 1985. – С.73.

Гимназия высших наук: ее история возникновения и строительства

1. Григорович Н. Канцлер князь А.А.Безбородко в связи с событиями его времени. – СПб, 1881. – Т. II. – С. 647.
2. Учреждение Гимназии высших наук в городе Нежине. Письма графа В.П.Кочубея // Русская старина. – 1870. – Т.ХI. – С. 301.
3. Там же. – С. 303.
4. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т.1. Царствование имп. Александра I. 1801–1825. – СПб, 1864. – С. 1240.
5. Там же. – С. 1243.
6. Там же. – С.1243.
7. Центральный государственный исторический архив Украины (далее-ЦГИА Украины), ф.2162, оп.1, дело 27, л.8-8 об.
8. Там же. – Л. 8 об.

9. Александрова Л.Б. Проекты архитектора Л.Руска для провинциальных городов // Проблемы синтеза искусств и архитектуры. Вып. IX. – Л., 1979. – С.44.
10. Там же.
11. Грабарь И. Переходные мастера // История русского искусства: В 6 т. – М., 1909, – Т.3. – С. 476–478.
12. Центральный государственный архив России в С.-Петербурге (далее ЦГИА России), ф. 733, оп. 94, дело 10, л. 1.
13. Там же. – Л. 12.
14. Пляшко Л.А. Город, писатель, время. – С.23.
15. ЦГИА Украины, ф. 2162, оп. 1, д. 70, л. 2.
16. Там же.
17. Там же. – Л.3.
18. Гимназия высших наук и Лицей кн.Безбородко. – СПб, 1881. – С.165.
19. ЦГИА России, ф. 733, оп. 94, д. 1, л. 1.
20. Там же. – Л.3 об.
21. Там же. – Л. 9–10. Детальнее об этом см.: Михальский Е.Н., Самойленко Г.В. Основание Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине // Література та культура Полісся. Вип.1. Ніжинська вища школа (1820 1990). – Ніжин, 1990. – С. 6–35.
22. Пляшко Л. Город, писатель, время. – С.27.
23. Там же. – С.37.
24. Кукольник Н. И.С.Орлай // Лицей князя Безбородко. – СПб, 1859. – С.9.
25. Гербель Н. Нежин // Современник. – Т. 32. – Кн. IV. – С. 11–12.
26. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. – Т. XI. – С. 162.
27. Гербель Н. В дорогу // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. – С. 7.
28. Там же. – С. 197.
29. Путешествие в Киев князя Ивана Михайловича Долгорукого // Чтение в Имп. обществе истории и древностей российских. Кн. 3. – 1870. – С. 59.
30. Данилов В.В. Нежин (к 100-летию рождения Н.В.Гоголя) // Исторический вестник. – СПб, 1909. – Т. СХV. – С. 1172, 1174.
31. Костенко І.П. Графський парк у Ніжині // Література та культура Полісся. Вип. 11. – Ніжин, 1998. – С. 155–159.

Гимназия высших наук: преподаватели и студенты

1. Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородко. – С. 182.
2. Лицей князя Безбородко. – СПб., 1859. – С. 17–18.

3. Михальский Е.Н. В.Г.Кукольник и его роль в становлении Гимназии высших наук кн. Безбородко в Нежине // *Література та культура Полісся*. Вип. 6. – Ніжин, 1995. – С. 1–22.; Он же. Внезапная кончина В.Г.Кукольника. Временное правление Гимназии высших наук кн. Безбородко // Там же. Вип. 14. – Ніжин, 2000. – С. 219–239.

4. Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородко. – С. 188.

5. Орлай И.С. История о карпаторосах, или О переселении россиян в карпатские горы, о приключениях с ними случившимися // *Северный вестник*. – 1804. – Ч.1. – С. 158–172; Ч.2. – С. 216–273; Ч.3. – С. 265–294; Свенцицкий И.С. Литературно-общественная деятельность И.С.Орлая // *Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. Сношения Карпарской Руси с Россией в первую половину XIX века*. – Львов, 1906; Флоровский А. Заметки И.С.Орлая о Карпатской Руси. – Ужгород, 1928; Линтур П.В. Влияние русской литературы на творчество закарпатских писателей // *Наукові записки Ужгород. ун-ту*. – 1956. – Т. 20; И.С.Орлай и М.Гоголь. – С. 140; Орлай И.С. // *УРЕ*. – К., 1962. – Т. 10. – С. 377; Байцура Т. Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. – Братислава: Словацкое пед. изд.-во. Отд. укр. лит. в Пряшеве, 1971 – 231 с. (Об И.С.Орлае, В.Г.Кукольнике и др.); Байцура Т.Н. Иван Семенович Орлай: Жизнь и деятельность. – Пряшев, 1977.

6. Орлай И.С. Мнение о преобразовании училищ в России // Лавровский Н.А. Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. – Киев, 1879. – С. 145. Приложение №5.

7. Там же. – С. 153.

8. Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. – С. 289.

9. Там же. – С. 196.

10. Там же. – С.329.

11. Там же. – С. 198.

12. Скорій І.А. Цінна знахідка // *Рад. Україна*. – 1968. – 23 листопада.

13. ОЧОАН, ф. 1104, оп. 1, ед. хр. 188, л. 36 об.

14. Байцура Т. Иван Семенович Орлай. – С. 194–198.

15. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. – Т. X. – С. 78–79.

16. Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородко. – С. 317.

17. ОЧОАН, ф. 1104, оп.1, ед. хр. 20. л.78.

18. Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. – С. 241.

19. ОЧОАН, ф. 1104, оп.1,ед. хр. 71.

20. Там же, ф. 1104, оп.1, ед. хр. 113.

21. Там же, ф. 1104, оп.1, ед. хр. 64.

22. Самойленко Г.В., Самойленко С.Г. Образотворче мистецтво та скульптура в Ніжині в XVII–XX ст. Нариси культури. Ч. 5. – Ніжин, 1998. – С. 13–19.

23. Гоголь Н.В. Собр. соч.: Т. X. – С. 44–45.
24. Там же. – Т. 6. – С. 66.
25. Раевский С. М. Гоголь і художник К.Павлов // Мистецтво, 1963. – №3. – С. 30.
26. Институт рукописи НБ Украины, ф. 23 (М.М.Бережков), ед. хр. 283, л. 175. – С. 179.
27. Гоголь Н.В. Полное собр. соч. – Т. X. – С. 179.
28. Гимназия высших наук и лицей кн. Безбородько. – С. 74.
29. Там само.
30. Там само. – С. 289.
31. Там само. – С. 389.
32. Там само. – С. 289.
33. ОЧОАН, ф.1104, оп.1, ед. хр.61.
34. КЛЭ. Т. 7. – С.797.
35. Кулжинский И.Г. Малороссийская деревня. – М., 1827. / Из содержания: Вместо предисловия. Весна в Малороссии. Обжинки. Вечерницы. О малороссийской поэзии. Малороссийские песни. Изъяснение малороссийских слов, находящихся в сей книге. Рец.: Пец-Галуховский (М.А.Максимович) // Московский телеграф. – 1827. – Ч.13.
36. Гоголь Н.В. Полн. собрание соч. – Т. X. – С. 88.
37. Сперанский М. Один из учителей Н.В.Гоголя (И.Г.Кулжинский). – Нежин, 1906. – С.37; То же // Известия Историко-филологического ин-та кн.Безбородко в Нежине. – 1907. – Т. 23.
38. Кулжинский И.Г. Казацкая песня. Стих // Дамский журнал. – 1826. – Ч. 18. – С. 222–223; Он же. Некоторые замечания касательно истории и характера малороссийской поэзии // Украинский журнал. Харьков. – 1825. – Ч.5. – №1. – С. 43–54; №2. – С. 89–101; №3. – С. 178–187. Статья вошла в кн.: И.Кулжинский. Малороссийская деревня. – М., 1827.
- Кулжинский И.Г. Казацкие шапки // Дамский журнал. – 1829. – №32 / Легенда о подвиге нежинских казачек по защите города от наступающих шведов в 1709 г. Сюжет повести использован в произведении: Тупалов А. Геройский подвиг нежинских казачек времен имп. Петра Великого в 1709 г. Соч. А.В.Тупалова. – СПб, 1873; Бережков М. Нежинские предания. – Нежин, 1909. – 16 с.
- Кулжинский И.Г. Терешко-малороссийская повесть // Дамский журнал. – 1829. – №34, 35; Он же. Федюша Мотовильский – украинский роман. – 1833; Он же. Кочубей, драма в 3-х действиях // Русская беседа. Собрание сочинений русских литераторов в пользу А.Смирдина. – Т.1. – 1841;
- Кулжинский И.Г. Семен Серета, куренной атаман запорожского войска // Москвитянин. – 1852. – Т. 4. – №13–14; Он же. Воспоминания учителя // Москвитянин. – 1854. – Т.6. – №21. – Отд. 5 / Смесь. – С. 1–16.

Самойленко Г.В.

39. Машинский С. Гоголь и “дело о вольнодумстве”. – С. 37.
40. Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. – С. 273.
41. Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М.П.Погодина. – М., 1872. – С. 87.
42. Гоголь Николай Васильевич. Его жизнь и сочинения. – М., 1910. – С. 30.
43. Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. – С. 429.
44. Там же. – С. 294.
45. Там же. – С. 295.
46. Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородько. – С. 61.
47. ОЧОАН, ф. 1104, оп., ед. хр. 67, л. 2 обор.
48. Лавровский Н.А. Гимназия высших наук кн. Безбородько в Нежине. – К., 1879. – С. 153.

Бытовая и учебная жизнь гимназии

1. Сребницкий И.А. Материалы для биографии Н.В.Гоголя из архива Гимназии высших наук. – Нежин, 1901. – С. 25.
2. Гоголевский сборник / Под ред. проф. М.Сперанского. – К., 1902. – С. 314.
3. [Кулиш П.]. Записки о жизни Николая Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В 2 т. – СПб., 1856. – Т.1. – С. 18.
4. Гоголь в Нежинском лицее (из воспоминаний В.И.Любича-Романовича) // Исторический вестник. – Год 23. – Февраль. – 1902. – С. 549.
5. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. – Т. X. – С. 33. В дальнейшем все цитаты из писем будут использованы из этого тома с указанием тома и страницы в тексте работы.
6. ОЧОАН, ф. 1104, оп. 1, ед. хр. 67, л. 3, 57 об.
7. Гоголевский сборник. – С. 331–332.
8. Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородько. – С. 429.
9. Гоголевский сборник. – С. 416–417.
10. Там же. – С. 337.
11. ОЧОАН, ф. 1104, оп. 1, ед. хр. 11, л. 21. об.
12. Щеголев П.Е. Из школьных лет Н.В.Гоголя // Исторический вестник. – Год 23. – Февраль. – 1902. – С. 517.
13. Кулжинский И.Г. Воспоминания учителя // Москвитянин. – 1854. – №21. – Т. VI. – Отд. V. – С. 5.
14. ОЧОАН, ф. 1104, оп. 1, ед. хр. 81. Ведомости о поведении и успехах учеников.
15. ОЧОАН, ф. 1104, оп. 1. ед. хр. 92.
16. Пащенко Т.Г. Черты из жизни Гоголя // Гоголь в воспоминаниях современников. – М., 1952. – С. 42.

17. ОЧОАН, ф. 1104, оп. 1. ед. хр. 188, л. 70.
18. Кулжинский И.Г. Воспоминания учителя. – С. 5.
19. Артинов Н.Ю. Из воспоминаний // Русский архив. – 1877. – Кн. 3. – С. 191.
20. Стороженко А.П. Воспоминания // Отечественные записки. – 1859. – №4. – Т. СХХIII. – Отд. VI. – С. 73.
21. Пляшко Л. Город, писатель, время. – С. 73.
22. (Лукашевич П.). Малороссийские и червонорусские народные думы и песни. – СПб., 1836. – 140 с.

Библиотека гимназии и круг чтения Н.Гоголя

1. ОЧОАН, ф. 1104, оп. 1, ед. хр. 162, 206, 208.
2. ОЧОАН, ф. 1104, оп. 1, ед. хр. 204.
3. Лавровский Н.А. Гимназия высших наук в Нежине. – К., 1879. – С. 16.
4. Известия Историко-филологического института. – Нежин, 1895. – Т. XV. – С. 61.
5. ОЧОАН, ф. 1104, оп. 1. ед. хр. 206, л. 47.
6. Заболотский П. Опыт обзора материалов для биографии Н.В.Гоголя в юношескую пору. – СПб, 1902. – С. 37. Отдельный оттиск из Известий Отдела языка и словесности Имп. АН. – 1902. – Кн. 2.
7. Лицей князя Безбородько. – СПб., 1859. – Отд. 1. – С. 19–20.
8. Сребницкий И.А. Материалы для биографии Н.В.Гоголя. – К., 1901. – С. 48.
9. ОЧОАН, ф. 1104, оп. 1. ед. хр. 26, л. 22.
10. ЦГИАУ в Киеве, ф. 2162, оп. 1. ед. хр. 276; 437, л. 10; 454, л. 154; 494, л. 152; Супрунюк О. Лектура вихованців Ніжинської гімназії вищих наук кн. Безбородько у 20-ті роки XIX ст. // Бібліотечний вісник. – 1996. – №2. – С. 20.
11. Кукольник Н. Лицей князя Безбородько // Лицей кн. Безбородько. – СПб., 1859. – С. 19.
12. Лавровский Н. Гимназия высших наук кн. Безбородько // Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородько. – 2-е изд. – СПб., 1881. – С. 94.
13. Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. – М., 1892. – Т. 1. – С. 102.
14. Каталог антикварной библиотеки книгопродавца Е.Я.Федорова, приобретенной после бывшего министра Д.П.Трощинского. – К., 1874.
15. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. – Т. X. – С. 47.
16. ОЧОАН, ф. 1104. оп. 1, ед. хр. 37.
17. ЦГИАУ в Киеве, ф. 2162, оп. 1, дело 513, л. 57.
18. Сахаров В.И. Жуковский в творческой биографии Гоголя // Жуковский и литература конца XVIII–XIX века / Отв. ред. В.Ю.Троицкий. – М.: Наука, 1988. – С. 239.

Самойленко Г.В.

19. Вестник Европы. – 1890. – 25 год. – Кн. 1. – Январь. – С. 79.
20. Кулиш П. Записки. – Т. 1. – С. 37. Примечание 2.
21. Русская старина. – 1882. – №6. – С. 676.
22. Каталог антикварной библиотеки книгопродавца Е.Я.Федорова, приобретенный после бывшего министра Д.П.Трощинского. – К., 1874.

Театральные увлечения гимназистов

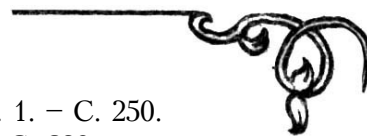
1. См. подробнее: Самойленко Г.В. Театральне та музичне життя Ніжина XVII–XX ст. Нариси культури. – Ч.2. – Ніжин, 1995. – С. 3–8.
2. Берег. – 1880. – №268. А также: Гоголь в воспоминаниях современников. – М., 1952. – С. 3–4.
3. Коялович А. Детство и юность Гоголя // Московский сборник / Под ред. Сергея Шарапова. – М., 1887. – С. 226.
4. Лицей кн. Безбородко. Изд. гр. Г.А.Кушелев-Безбородко. – СПб., 1859. – С. 21.
5. Пащенко Т.Г. по записи В.Пашкова // Берег. – 1880. – №268; То же: Гоголь в воспоминаниях современников. – М., 1952. – С. 44–45.
6. Шенрок В. Н.В.Гоголь и А.С.Данилевский // Вестник Европы. – 1890. – №1. – С. 79.
7. Шенрок В. Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. – М., 1892–1897. – Т. 1. – С. 241. Ср. с. 105 / Базили К.М. Из неизданных записок; То же // Вересаев В. Гоголь в жизни. – Х., 1990. – С. 63; Варнеке Б.В. Гоголь и театр. – Варшава, 1909. – С. 4.
8. Кулжинский И.Г. Воспоминания учителя // Москвитянин. – 1854. – 3 21, кн. 1. Смесь. – С. 6.
9. Глебов С. Воспоминания о Гоголе // Русская старина. – 1910. – №1. – С. 70–71.
10. Гоголь Николай Васильевич. Его жизнь и сочинения. – М., 1910. – С. 24.
11. Шенрок В. Материалы для биографии: В 4 т. – М., 1892–1897. – Т. 1. – С. 241.
12. Лицей кн. Безбородко. – СПб., 1859. – С. 21–22.
13. Шенрок В. Материалы для биографии. – Т. 1. – С. 241.
14. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1. – 1802–1825. – СПб, 1864. – С. 236.
15. Там же. – С. 1600–1602.
16. ОЧОАН, ф. 1104, оп. 1, ед. хр. 99, л.2.
17. Там же, ф. 1104, оп. 1, ед. хр. 20.

Литературная деятельность гимназистов

1. Гимназия высших наук и Лицей кн.Безбородка. – С.365.
2. Глебов С. Воспоминание о Гоголе // Русская старина. – 1910. – №1. – С. 67–68.

3. Там же. – С.68.
4. Шенрок В. Материалы для биографии: В 4 т. – Т. 1. – С. 250.
5. Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородка. – С. 329.
6. Шевляков М. Рассказы о Гоголе и Кукольнике (В.И.Любича-Романовича) // Исторический вестник. – 1882 – Декабрь. – С.695.
7. Гоголь Николай Васильевич. Его жизнь и сочинения. – М., 1910. – С. 21.
8. Пономарев С. Нежинский журнал Н.В.Гоголя // Киевская старина. – 1884. – Т.VIII. – №5. – С.143–146.
9. ОЧОАН, ф. 1104, оп. I, ед. хр. 94.
10. Шенрок В. Материалы для биографии: В 4 т. – Т.2. – С.90-91.
11. Гоголь Николай Васильевич. Его жизнь и сочинения. – С.23.

Развитие литературных способностей гимназистов

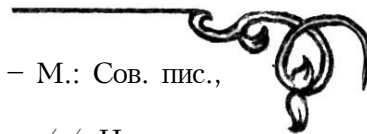
1. ОЧОАН, ф. 1104, оп. 1, ед. хр. 72, л. 11.
2. Там же, ед. хр. 106, л. 5.
3. Супронюк О.К. Литературная среда раннего Гоголя // Известия АН СССР. ОЛЯ. – 1991. – Т. 50. – №1. – С. 62.
4. Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородко. – С. 330.
5. Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе. Конец XVIII – первая треть XIX ст. – Л., 1980.
6. Гребінка Є. Твори: У 3 т. – К.: Наукова думка, 1980–1981. – Т. 3. – С. 507.
7. Там же. – С. 546.
8. Там же. – С. 549.
9. Там же. – С. 552.
10. Там же. – С. 443.
11. Там же. – С. 560.
12. Франко І. Літературно-критичні статті. – К., 1950. – С. 373.
13. Гребінка Є. Твори: У 3 т. – Т. 3. – С. 579.
14. Шевляков М. Рассказы о Гоголе и Кукольнике (В.И.Любича-Романовича) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Год 13. – Декабрь. – 1892. – С. 695.
15. Русские писатели. – М.: Сов. энц., 1989. – 267.
16. Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородко. – С. 403.
17. Там же. – С. 404.
18. Славянские страны и русская литература. – Л., 1973.
19. Лицей князя Безбородко. – СПб., 1859. – С. 20.
20. Шевляков М. Рассказы о Гоголе и Кукольнике. – С. 695.
21. Горохова Р.М. Образ Тассо в русской романтической литературе // От романтизма к реализму: Из истории международных связей русской литературы. – Л., 1978.

22. Кукольник Н.В. Замечания автора “Роксолана” на рецензию в “Библиотеке для чтения” // Северная пчела. – 1835. – 19 июля. – №159.
23. Галинковский Я.А. Корифей, или Ключ литературы. – 1807. – Кн. 10. – С. 84–232.
24. Гребінка Є. Твори: У 3 т. – Т. 3. – С. 579.
25. Пушкін О.С. Статті та матеріали. – К.: АН УРСР, 1938. – С. 21.

Раннее творчество Н.Гоголя нежинского периода

1. Гоголь Николай Васильевич. Его жизнь и сочинения. – С. 28.
2. Коялович А. Детство и юность Гоголя // Московский сборник / Под ред. Сергея Шарапова. – М., 1887. – С. 208.
3. Там само.
4. Шевляков М. Рассказы о Гоголе и Кукольнике (В.И.Любич-Романович). // Исторический вестник. – 1892. – Декабрь. – С. 659.
5. Любич-Романович В.И. Гоголь в Нежинском лицее // Исторический вестник. – 1902. – №2. – С. 695.
6. Иофанов Д. Детские и юношеские годы Н.В.Гоголя. – К., 1951. – С. 158.
7. Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородка. – С. 364.
8. Гоголь в Нежинском лицее (Из воспоминаний В.И.Любича-Романовича) // Исторический вестник. Год 23. – Февраль. – 1902. С. 554.
9. ОЧОАН, фонд 1249, оп. 1, ед. хр. 128, л. 4.
10. Харлампович К. До історії національних меншостей на Україні. Грецька колонія в Ніжені (XVII–XVIII ст.). Нарис V. Ніженські греки і торгівля // Записки історико-філологічного товариства Андрія Білецького. – К., 1999. – Вип. 3. – С. 130.
11. Строжевский Н.К. Нежинские греки. – К., 1863. – С. 19–20.
12. Харлампович К. До історії національних меншостей. ... – С. 128.
13. Долгорукий И.М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда // Чтения в Имп. Обществе истории и древностей рос. при Моск. ун-те. – 1869. – Июль–сентябрь. – Кн. 3. – М., 1869. – II. Материалы отечественные. – С. 312.
14. Исторический вестник. – 1902. – Т. 87, №2. – С. 548.
15. Путешествие в Киев в 1817 году князя Ивана Михайловича Долгорукого // Чтение в Имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1870. – Апрель–июнь. – Кн. 2. – М., 1870. II. Материалы отечественные. – С. 58–60.
16. Хойнацкий А.Ф. Институтская Свято-Александровская церковь в г. Нежине. – Нежин, 1877. – С. 14.
17. [Кулиш П.] Записки. – Т. 1. – С. 65.
18. Коялович А. Детство и юность Гоголя. – С. 246.
19. Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородко. – С. 367.
20. Билгарин Ф. Ганц Кюхельгартен. Идиллия в картинах. Соч. Алова // северная пчела. – 1829. – №87.

21. Машинский С. Гоголь и “дело о вольнодумстве”. – М.: Сов. пис., 1959. – С. 228.

22. Михед П.В. О нежинской литературной школе // Наследие Н.Гоголя и современность. – Нежин, 1988. – Ч. 1. – С. 12.

23. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. – Т. 10. – С. 129; Михед П.В. Писатели нежинской литературной школы в суждениях и оценках В.Г.Белинского // Література та культура Полісся. – Ніжин, 1990. – Вип. 1. – С. 111–112.

Последний год учёбы Н.Гоголя в гимназии. “Дело о вольнодумстве”

1. Кулжинский И.Г. Д.Е.Ясновский // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. – С. 208.

2. Машинский С. Гоголь и “Дело о вольнодумстве”. – М.: Сов. пис., 1959.

3. Кулжинский И.Г. Воспоминания учителя // Москвитянин. – 1854. – Т. 6. – №21. – Отд. 5. – Смесь. 1–16.

Н.Гоголь и “нежинские однокорытники”

1. Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. – СПб., 1881. – С. СХХІХ–СХХХVІ. Самойленко Г.В., Самойленко О.Г. Ніжинська вища школа: Сторінки історії. – Ніжин, 2005; Самойленко Г.В. Нежин – город юности Гоголя. – Нежин, 2002.

2. Супронюк О. Из комментариев к письмам Н.В.Гоголя // Русская литература. – 1989. – №1. – С. 157.

3. Анненков П. Гоголь в воспоминаниях современников. – М.: ГИХЛ, 1952. – С. 247.

4. Там же. – С. 257.

5. Там же. – С. 247.

6. Дневник художника А.Н.Мокрицкого. – М.: Изобр. иск., 1975. – С. 44–45.

7. Анненков П. Н.В.Гоголь в Риме летом 1841 // Гоголь в воспоминаниях современников. – С. 248.

8. Гербель Н.В. Николай Яковлевич Прокопович и отношения его к Гоголю // Современник. – 1858. – №2. – Фехраль. – С. 279.

9. Гоголь в воспоминаниях современников. – С. 257.

10. Шевляков М. Рассказы о Гоголе и Кукольнике (В.И.Любич-Романович) // Исторический вестник. – 1892. – Декабрь. – С. 695.

11. Гоголь в воспитаниях современников. – С. 247.

12. Сочинения и письма Н.В.Гоголя. Изд. П.А.Кулиша. – СПб., 1857. – Т. VI. – С. 302.

13. Гербель Н.В. Николай Яковлевич Прокопович и отношения его к Гоголю. – С. 267.

14. Там же. – С. 290.

15. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.; Л., 1953. – Т. 2. – С. 112.

16. Лицей князя Безбородко. – СПб., 1859. – С. 20.

Самойленко Г.В.

Неженские реминисценции в творчестве Н.Гоголя

1. Оболенский Д.А. О первом издании посмертных сочинений Гоголя // Русская старина. – 1873. – Декабрь. – С. 947. То же. Гоголь в воспоминаниях современников. – М.: Гослитиздат, 1952. – С. 552.
2. Кирилук З.В. “История руссов” – источник незавершенного романа Н.Гоголя о нежинском полковнике – гетмане Острянице // Литература та культура Полісся. Вип. 3. – Ніжин, 1992. – С. 84–85.

Памятники Н.В.Гоголю

1. Гиппиус З. Живые лица: Воспоминания. – Тб., 1991. – С.166.
2. 4 сентября 1881 года в Нежине / Открытие памятника Н.В.Гоголя. – Киев: 1882. – 61 с.
3. Гулак А.Н. Первый памятник Н.В.Гоголю // В мире книг. – 1967. – №2. – С.47; Шевченко В. Пам’ятник М.В.Гоголю в Ніжині // Під прапором Леніна. – 1980. – 13 вересня. – С. 4; Шевченко В. Слова вогнем пекли // Там же. – 1981. – 8 вересня. – С. 3; Шоходько В. Пам’ятник М.В.Гоголю в Ніжині // Під прапором Леніна. – 1969. – 14 червня; Самойленко Г.В., Самойленко С.Г. Образотворче мистецтво та скульптура в Ніжині в XVII–XX ст. Нариси культури. Ч.5. – Ніжин, 1998. – С. 116–120; Костенко І. Пам’ятник М.В.Гоголю у Ніжині // Сіверянський літопис. – 1997. – №3. – С. 142–143.

Мемориальная доска на здании Историко-филологического института

1. Заболотский П. “Великому Нежинцу!” // Известия Историко-филолог. ин-та кн. Безбородко в Нежине. – 1911. – Т. 26. – С. 28–29; Заболотский П.А. Гоголевские юбилейные празднества (1809–1909) в Нежине // Сборник Историко-филолог. общества. – Нежин, 1910–1911. – Т. 7. Отд. 2. – С. 3–17. Отд. изд.: Нежин, 1910. – 17 с.; Речи у памятника Гоголю в Нежине, произнесенные при возложении венков 14 апреля 1909 (П.А.Заболотский, В.Н.Дьяконенко, В. Г.Вербичский, П.Е.Петров). – Нежин, 1909. – 24 с.

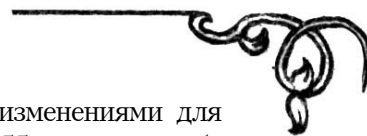
Гоголевская школа

1. Самойленко Г.В., Самойленко О.Г., Самойленко С.Г. Розвиток освіти та науки в Ніжині в XVII–XX ст. – Ніжин, 1996. – С. 40.

Городская общественная библиотека имени Н.В.Гоголя

1. Открытие библиотеки // Черниговская земская газета. – 1917. – №18. – С. 2
2. Там же. – 1918. – №5–6. – С. 7–8.

Музей Н.Гоголя

1. Этот портрет Ф.А.Моллер повторил два раза с изменениями для родителей писателя и для Гимназии высших наук в 1855 г. по просьбе попечителя Нежинской высшей школы Г.А.Кушелева-Безбородко.

2. Описание рукописей библиотеки Историко-филологического института князя Безбородко в г.Нежине. Сост. под редакцией М.Сперанского. – М., 1900. Ныне все эти рукописи хранятся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им.В.Вернадского.

3. Заболотский П.А. Музей имени Гоголя при Историко-филологическом институте кн.Безбородко в Нежине. Год I. – Нежин, 1910. – 9 с.;

То же // Изв. Ист.-филолог. ин-та кн.Безбородко в Нежине. – Нежин, 1911. – Т. 26. – С. 3–9.

Заболотский П.А. Гоголевский музей при Историко-филологическом институте князя Безбородко в Нежине. Вып. 2. 1909–1913 // Сборник Историко-филологического общества. – Нежин, 1912–1913. – Т. 8. Отд. 2. – С. 3–33. Отд. изд.: Нежин, 1912. – 33 с.

4. Васильківський Г.П. Ніжинський державний педагогічний інститут імені М.В.Гоголя. – К., 1970. – 56 с. / Про музей. – С. 30–33; Реп'ях С.П. Літературні музеї Чернігівщини. – К., 1983. – С. 79–86.

5. Самойленко Г.В., Самойленко О.Г. Музей та картинна галерея // Самойленко Г.В., Самойленко О.Г. Ніжинський державний педагогічний університет ім.Миколи Гоголя. – Ніжин, 1999. – С. 271–274.

Имя Н.Гоголя на знамени педагогического вуза

1. Самойленко Г.В., Самойленко О.Г. Ніжинський державний педагогічний університет імені Миколи Гоголя. – Ніжин, 1999. – 278.; Самойленко Г.В., Самойленко О.Г. Ніжинська вища школа: від Гімназії вищих наук до університету. – Ніжин, 2000. – 288 с.

Наследие Н.Гоголя в трудах ученых Нежинской высшей школы

1. Кулжинский И.Г. Воспоминания учителя // Москвитянин. – 1854. – Т.6. Отд. 5. Смесь. – С. 1-16.

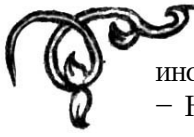
2. Заболотский П. Опыт обзора материалов для биографии Н.В.Гоголя в юношескую пору. – СПб, 1902. – С.7.

3. Лавровский Н.А. К биографии Гоголя. – Киев, 1881. – 19 с.

4. Заболотский П. Гоголь в русской литературе // Гоголевский сборник. – Киев, 1902. – С.607.

5. 4 сентября 1881 года в Нежине: Открытие памятника Н.В.Гоголю. – Киев, 1862.

6. Сребницкий И. Гоголь, как национальный русский поэт-художник: Речь, произнесенная на торжественном акте в Историко-филологическом

институте кн.Безбородко по случаю открытия бюста Н.В.Гоголя в Нежине. – Киев, 1881.

7. Пономарев С.И. Памяти Гоголя; Материалы для библиографии литературы о нем // Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. – 1882. – Т. 7. – С. 1–60. Отд. изд: Киев, 1882. – 60 с.

8. Заболотский П.А. О влияниях, под которыми слагались личности и творчество Н.В.Гоголя // Филологические записки. – 1902. – Т. 2–3. – С. 17 – 38. Отд. изд.: М., 1902. – 22 с.

9. Сперанский М.Н. Гимназия высших наук и нежинский период жизни Н.В.Гоголя. – Киев, 1902. – 30 с.

10. Сперанский М.Н. Один из учителей Н.В.Гоголя: И.Г.Кулжинский. – Нежин, 1906. – 82 с.

11. Данилов В.В. К характеристике И.Г.Кулжинского и его литературной деятельности // Украина. – 1907. – Т. 4. – Октябрь. – С. 20–43.

12. Заболотский П.А. Гоголь и славянство: Речь, произн. на акте 14 апреля 1909 г. в Институте кн. Безбородко // Изв. Ист.-филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине. – 1911. – Т.26. – С. 1–27; Отд. отт.: Нежин, 1911. – 29 с.

13. Стогнут А.С., Кононенко И.К. Новые страницы к “Делу о вольнодумстве” в Нежинской гимназии высших наук // Ученые записки Нежинского пед. ин-та. – 1954. – Т. 4–5. – С. 163–209.

14. Жаркевич Н.М. Юбилею Н.В.Гоголя посвящается // Русский язык и литература в школах УССР. – 1979 – №4. – С. 79–80;

Свербілова Т. Наукова конференція в Ніжині // Радянське літературознавство. – 1979. – №8. – С. 92–94;

Воропаев В.А. Конференція, посвященная 170-летию со дня рождения Н.В.Гоголя // Филологические науки. – 1980. – №1. – С. 92–93.

15. Летопись жизни и творчества Н.Гоголя. Нежинский период (1820–1826) / Сост. Жаркевич Н.М., Кирилук З.В., Якубина Ю.В. Вступ. ст. Михеда П.В. – Нежин: НГПУ, 2002. – 232 с. // Гоголеведческие студии. – Вып. 8.

16. Нариси культури Ніжина. – Ніжин: НДП, 1995–1998.

Ч. 1. Література / Самойленко Г.В. – Ніжин, 1995. – 99 с.

Ч. 2. Театральне та музичне життя XVII–XX ст. / Самойленко Г.В. – Ніжин, 1995. – 165 с.

Ч. 3. Розвиток освіти та науки в Ніжині в XVII–XX ст. / Самойленко Г.В., Самойленко О.Г., Самойленко С.Г. – Ніжин, 1996. – 226 с.

Ч. 4. Забудова міста та архітектурні пам'ятки XVII–XX ст. / Самойленко Г.В., Самойленко С.Г.: Фото Т.Пінчук, О.Климця, В.Кичка, О.Савченка – Ніжин, 1998. – 100 с. + 16с. іл. + 7 додатків.

Ч. 5. Образотворче мистецтво та скульптура в Ніжині в XVII–XX ст. / Самойленко Г.В., Самойленко С.Г. – Ніжин, 1998. – 145 с. + 16 с. іл.

17. Сучасна ніжинська Гоголіана (1979–2000) // Гоголедведческие студии. Вып.6. – Нежин, 2000. – С. 3–45.

18. Самойленко Г.В., Михальский Е.Н. Н.В.Гоголь и литература народов СССР: Библиограф. указ. / Предис. Г.В.Самойленко. – Нежин: НГПИ, 1984. – С.147.

19. Советская библиография. – 1986. – №1. – С. 82–83.

20. Ніжинська Гоголіана (1979–1995). Бібліографічний покажчик. – Ніжин, 1996. – 28 с.

21. Самойленко Г.В. Изучение наследия Н.В.Гоголя в Нежинском институте // Наследие Н.В.Гоголя и современность. – Нежин, 1988. – Ч. 2. – С. 98–99; Самойленко Г.В. Наследие Гоголя в трудах ученых Нежинской высшей школы // Микола Гоголь і світова культура. – К.; Н., 1994. – С. 208 – 217.

22. Самойленко Г.В. Нежинская Гоголиана на современном этапе // Література та культура Полісся. – Вип. 16. – Ніжин, 2002. – С. 182–186; Самойленко Г.В. Украинская гоголиана на рубеже веков (1979–2004) // Література та культура Полісся. – Вип. 24. – Ніжин, 2004. – С. 3–13.

СОДЕРЖАНИЕ

Нежин Гоголевского времени	4
Гимназия высших наук: история ее возникновения и строительства	31
Гимназия высших наук: преподаватели и студенты	48
<i>Учащиеся гимназии</i>	79
<i>Бытовая и учебная жизнь гимназии в Нежинских письмах Н.Гоголя</i>	83
<i>Библиотека гимназии и круг чтения гимназистов</i>	106
Театральные увлечения гимназистов	120
Литературная деятельность гимназистов	130
<i>Развитие литературных способностей гимназистов</i>	136
<i>Раннее творчество Н.Гоголя нежинского периода</i>	155
<i>Историко-бытовая основа повести Н.Гоголя “Нечто о Нежине...”</i>	160
<i>Первые публикации Н.Гоголя</i>	175
Последний год учёбы Н.Гоголя в гимназии. “Дело о вольнолюбстве”	187
Н.Гоголь и “нежинские однокорытники”	205
Нежинские реминисценции в творчестве Н.Гоголя	221
Здесь везде витает дух Гоголя	223
Памятники Н.В.Гоголю	224
Мемориальная доска на здании Историко-филологического института	232
Гоголевская школа	236
Городская общественная библиотека имени Н.В.Гоголя	237
Музей Н.Гоголя	241
Имя Н.Гоголя на знамени педагогического вуза	263
Наследие Н.Гоголя в трудах ученых Нежинской высшей школы	266
Литература	289

Научное издание

Самойленко Григорий Васильевич

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ И НЕЖИН

Ответственный за выпуск – Мельничук А.В.
Технический редактор – Лисенко Н.М.
Компьютерная вёрстка, макетирование – Борщ Е.В.
Дизайн обложки –
Литературный редактор – Лисовец Е.М.
Корректор – Конивненко А.М.

Подписано к печати
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Друк офсетный
Гарнитура Computer Modern. Усл. печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство
Нежинского государственного университета
имени Николая Гоголя.
г.Нежин, ул.Кропивьянского, 2, к. 217.
8(04631) 2-22-37
E-mail: vidavn_ndu@mail.ru

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
суб'єкта видавничої справи ДК №2137 від 29.03.05 р.